

ОСАДА ПСКОВА ПАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

Дневники
походов Батория на Россию
(1580-1581 гг.)

В переводе с польского О. Н. Милевского

Вступительная статья и комментарии
доктора исторических наук
профессора А. А. Михайлова

Биографический очерк Н. Ф. Левина

ПСКОВ
ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ТИПОГРАФИЯ
2005

**Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии
и книгоиздания России»)**

ББК 63.3(2Р31)

О 71

Редакционный совет «Псковской исторической библиотеки»:
*В. А. Аракчеев, А. А. Бологов, С. А. Биговчий, Г. Н. Василевич,
О. К. Волочкова, Н. А. Гаврилов, Е. П. Иванов, Н. М. Калашник,
А. Н. Кирпичников, Н. Ф. Левин, Е. Э. Михайлов, М. М. Медни-
ков, А. А. Михайлов, А. Л. Налепин, В. И. Павлова, А. Г. Строи-
ло, О. В. Федотов, С. В. Ямщиков.*

Издательство благодарит сотрудников Псковской областной науч-
ной библиотеки, древлехранилища Псковского музея-заповедника, Гос-
архива Псковской области и историка А. Ю. Пономарева (г. Москва) за
предоставленные материалы.

Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники похо-
О 71 дов Батория на Россию (1580–1581 гг.) / Вступ. ст. и ком-
мент. д. и. н. проф. А. А. Михайлова; Биогр. очерк Н. Ф.
Левина. – Псков, 2005. – 504 с., ил.

ISBN 5-94542-140-5

Книга посвящена борьбе русского народа с польско-литовскими
войсками короля Стефана Батория в 1580–1581 гг. и осаде Пскова в
1581 г. В нее вошли дневники участников событий, польских воена-
чальников Я. Зборовского и Л. Дзялынского, а также обширный днев-
ник ксендза С. Пиотровского. В этих документах очень ярко отраже-
ны события войны во всем ее многообразии: осады, схватки и по-
вседневная «окопная» жизнь. Авторы дневников приводят также мно-
гочисленные сведения о Псковской земле и ее городах.

Все документы снабжены подробным научным комментарием.
Книга содержит вводную статью о развитии русско-литовских отно-
шений в XIV–XVI вв., статью о переводчике дневников О. Милевс-
ком, карты, иллюстрации, исторический глоссарий. Издание рас-
считано на специалистов-историков, студентов, а также на широкую
читательскую аудиторию.

ББК 63.3(2Р31)

ISBN 5-94542-140-5

© А.А. Михайлов, вступительная статья и
комментарии, 2005

© Н.Ф. Левин, биогр. очерк, 2005

© ГП «Псковская областная типография», 2005

Русь, Литва и Польша: история взаимоотношений и военного дела

Предлагаемая вниманию читателей книга содержит три исторических документа, посвящённых одной из наиболее ярких и драматических страниц в многовековой истории Псковской земли: Ливонской войне и походам польского короля Стефана Батория на Великие Луки и Псков в 1580–1581 гг. Особый интерес этим документам придаёт то, что составлены они участвовавшими в событиях поляками и представляют собой, так сказать, взгляд из враждебного лагеря, взгляд не всегда объективный, но живой, заинтересованный, неравнодушный. О походе на Великие Луки повествуют дневники военачальников Яна Эборовского и Луки Дзялынского, о «Псковской осаде» — дневник королевского секретаря ксендза Станислава Пиотровского. Редакция также сочла резонным включить в книгу те небольшие предисловия и постраничные примечания, которые были составлены к документам их переводчиком О. Милевским ещё в конце XIX в. и сегодня представляют определённый историографический интерес. Кроме того, в неё вошла выдержка из книги польского историка XVI в. Рейнгольда Гейденштейна «Записки о Московской войне», посвящённая генеральному штурму Пскова 8 сентября 1581 г., отрывки из некоторых других документов.

При составлении комментариев к текстам автор стремился сообщить максимально подробные сведения об участниках событий, показать не только их роль в битвах под стенами Великих Лук, Пскова, Опочки или Печорского монастыря, но и последующую судьбу. Следует сразу оговорить, что выполнить данную задачу в полной мере практически невозможно. Только в дневни-

ке С. Пиотровского упомянуто более ста персонажей, в том числе мелкопоместных шляхтичей, священников, чиновников средней руки и др. Тем не менее в тех случаях, когда о ком-либо удалось найти более или менее значительную информацию, она приведена в комментариях. Неоценимым источником здесь послужил многотомный «Польский биографический словарь», который издаётся с 1935 г., но и по сей день далёк от завершения. В комментариях также отражены некоторые расхождения, имеющиеся в описании одних и те же событий у разных авторов. Особенно интересным представляется сравнение оценок польских писателей и сведений, содержащихся в русской «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков».

Бурные события Ливонской войны имели очень долгую и сложную предысторию. В настоящей вводной статье, думается, имеет смысл дать очерк тех запутанных отношений, которые связывали и разделяли Московскую Русь, Польшу и Литву на протяжении более чем трёх столетий. Судьбы Восточной Европы складывались таким образом, что три эти государства вышли на широкую политическую арену практически одновременно. В 1328 г. внук Александра Невского московский князь Иван Данилович Калита добился от монгольского хана Узбека ярлыка на великое княжение Владимирское, дававшего право старшинства среди князей раздробленной Руси. Всеми правдами и неправдами объединял этот честолюбивый князь вокруг своей столицы земли Северо-Восточной Руси, сплачивал вассальные дружины в единое войско, пытался оказывать влияние на Новгород и Псков. Положение последнего в то время было очень непростым. После смерти прославленного князя Довмонта (1299) закрепившиеся в Прибалтике рыцари Ливонского ордена всё чаще и чаще наносили псковичам весьма чувствительные удары. В 1323 г. они пришли к городу на многочисленных кораблях, обстреливали крепость с помощью стенобитных машин, придвигали к стенам осадные башни. Псковичи отправили гонцов за подмогой к московскому князю Юрию Даниловичу (старшему брату Ивана Калиты) и к нов-

городдам, но те никакого содействия не оказали. Выручил город литовский князь Давид, который неожиданно напал на ливонцев и обратил их в бегство.

Подобный эпизод не был случайным. Литва, в отличие от большей части прибалтийских земель, не только отстояла свою независимость в борьбе с немецкими рыцарями, но очень быстро превратилась в сильное и воинственное государство. В 1316 г. на литовский престол вступил князь Гедимин (Гедиминас), необычайно деятельный и энергичный политик. Военной силой и дипломатией он подчинил себе целый ряд земель на Руси. Так, вассалами Гедимины стали минский, лукомский, друцкий и турово-пинский князья, им было окончательно покорено Полоцкое княжество. В 1319 г. литовцы захватили Берестье и Дрогочин, а в 1321 г., по свидетельству С. М. Соловьёва, разгромили на реке Ирпене дружины киевского князя Станислава и его союзников, брянских князей Олега и Льва¹. Одержав победу, Гедимин занял Киев и посадил там своего наместника.

Пытался литовский князь распространить своё влияние и на Новгород. В 1333 г. новгородцы дали сыну Гедимины, Наримунту, в правление Карельскую землю, Ореховец и часть Копорья, но продержался он там всего пять лет. В 1338 г. Наримунт Гедиминович не оказал Новгороду помощи в войне со шведами, после чего договор с ним был расторгнут. И всё же подобный эпизод весьма показателен. Наконец, следует вспомнить, что на Вольни с 1340 г. правил другой сын Гедимины, Любарт.

Вполне понятно, что к землям Северо-Восточной Руси литовские князья также испытывали интерес, и немалый. Стремясь найти союзника, Гедимин в 1320 г. выдал свою дочь Марию за тверского князя Дмитрия Михайловича, по прозвищу Грозные Очи, но тот вскоре был казнён монголами. Тем не менее после разгрома Твери в 1327 г. соединёнными силами Московского княжества и татар брат Дмитрия Александр Михайлович укрылся именно в Литве².

В 1320 г., всего через четыре года после прихода к власти Гедимины и за восемь лет до получения титула великого князя Владимирского Иваном Калитой, брестско-куявский князь Владислав II Локетек короновался в Кракове венцом польских королей. Этот монарх объединил под своей властью большую часть земель Великой и Малой Польши, предпринял ряд попыток подчинить Восточное Поморье, которое захватили рыцари Тевтонского ордена³. Любопытно, что в борьбе с немцами Владислав II активно искал помощи у литовцев и даже женил своего сына Казимира на дочери Гедимины Альдоне. В 1326 г. Литва и Польша начали совместные военные действия против немецких рыцарей. Основной их удар обрушился на Бранденбург⁴. Поход получился очень удачным: союзники дошли до Франкфурта-на-Одере, захватили много добычи. Кстати, литовскими отрядами в союзном войске командовал князь Давыд Городенский, тот самый, который помогал Пскову. 27 сентября 1331 г. поляки и литовцы наголову разгромили рыцарей Тевтонского ордена под деревней Пловце. Тем не менее из-за противодействия сепаратистски настроенной знати Локетек так и не смог отвоевать Поморья. Более того, в 1332 г. Тевтонский орден занял Куявию (она лежит рядом с Хелминской землёй, между Вислой и Нотецем) и Добжинскую землю.

В 1333 г. Владислав Локетек скончался. В 1340 г. под стенами немецкой крепости Баербург был смертельно ранен Гедимин, а в марте 1341 г. умер Иван Калита. Однако дети правителей с большой энергией продолжили дело отцов. Сыновья Ивана Калиты, Семён Гордый (1341—1353) и Иван Красный (1353—1359), пользуясь поддержкой монгольских ханов, подчинили себе почти всю Северо-Восточную Русь. «Симеон, — писал С. М. Соловьёв о первом из братьев, — созывая князей для известных целей своих, напоминал им, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья беспрекословно повиновались старшему»⁵. Впрочем, великий князь явно не надеялся на одну лишь силу слов и жестоко карал непокорных. Так, он совершил военный поход на Новго-

род, когда новгородские бояре вздумали поддерживать жителей Торжка, не заплативших положенной дани. Даже исконные соперники Москвы, тверские князья, смирились перед Семёном Гордым, по крайней мере, внешне: в 1346 г. князь Всеволод Александрович отдал за Семёна свою сестру Марию.

В Литве тем временем всё ярче разгоралась звезда сына Гедимина Ольгерда. По отзыву русского летописца, Ольгерд был очень умён, говорил на разных языках, не пил никаких хмельных напитков и занимался государственными делами дни и ночи напролёт⁶. Поручив борьбу с немецкими рыцарями своему брату Кейстуту, Ольгерд упорно расширял восточные пределы Литовской державы. Он овладел Чернигово-Северской областью и Брянском, полностью подчинил себе Киев и Волынь, пытался оказывать давление на Новгород. Для войны Ольгерду годился буквально любой повод. Так, в 1346 г. он вторгся в новгородские пределы, объявив новгородцам: «Хочу с вами видеться: бранил меня посадник ваш, Евстафий Дворянинец, называл псом». Изложив таким образом «обиды», Ольгерд разорил земли по рекам Шелони и Луге. Новгородцы же собрали вече и убили посадника, которому кричали: «Из-за тебя опустошили нашу волость»⁷.

В отношении Москвы, однако, Ольгерд действовал гораздо осторожнее. С одной стороны, он неоднократно пытался натравить на неё татар, с другой — поддерживал видимость дружбы. Ольгерд даже посватался к свояченице Семёна Гордого, тверской княжне Иулиании. Посоветовавшись с митрополитом, Семён Иванович этот брак разрешил. Особый характер носили и отношения Ольгерда с Псковом. В 1341 г. наш город юридически перешёл под сюзеренитет этого литовского князя, причём непосредственно псковским князем стал его сын Андрей Ольгердович. Последний, однако, в Пскове практически не жил, но держал наместника. Вассальные связи оказались не слишком прочными. Как-то псковичи высказали Андрею Ольгердовичу претензии на его постоянное отсутствие, а тот в ответ явился из Полоцка с войском и разграбил порубежные сёла.

Наступление литовцев на Русь в значительной мере сдерживалось необходимостью бороться с немцами. Рыцари Тевтонского ордена всё чаще переходили Неман и совершали на Литву опустошительные набеги. В 1336 г. они, действуя в союзе с маркграфом Бранденбургским и графом Геннебергским, сожгли литовскую крепость Пунэ, весь гарнизон которой был уничтожен. Последние защитники Пунэ, понимая, что штурм им не отразить, совершили самоубийство. В 1346 г. магистр ордена Генрих фон Арфберг дошёл с войском до Трок и разорил их окрестности, а затем разгромил войска Ольгерда. В 1348 г. литовцы смогли взять реванш и нанести немцам серьёзное поражение в битве на реке Стреве, близ Трок, но натиска это не остановило. В Литовских землях появлялись мощные рыцарские замки — опорные пункты экспансии: Баербург, Марианвердер, Готтесвердер и др. С особым упорством старались рыцари завладеть Жемайтией (Жмудью), дабы соединить владения Тевтонского и Ливонского орденов⁸.

В то время когда тевтонцы воевали с Литвой, ливонские рыцари постоянно тревожили Псковские земли. В 1341 г. они без объявления войны убили псковских послов. Псковичи ответили на это набегом, а затем ответный набег совершили рыцари. С началом военных действий из Пскова в Новгород немедленно отправился гонец за помощью, но, как и в 1323 г., тщетно. Пришлось просить подмоги у Ольгерда. Сначала литовский князь на призыв откликнулся и прибыл в город с большим войском, однако после того как его военачальник Юрий Витовтович потерпел поражение под Изборском, идти в поход отказался, посоветовав псковичам затвориться в городе и готовиться к осаде. К счастью, немцы не смогли взять Изборска и вскоре покинули псковские пределы. Именно тогда Ольгерд предложил Пскову в качестве князя своего сына Андрея, что, впрочем, не помешало ему, уходя, разорить пограничные земли. В 1348 г. немцы вновь жгли псковские сёла, а в 1349 г. появились под Изборском. Находившийся в то время в Пскове Юрий Витовтович лично повёл про-

тив неприятеля войско, но был убит в первой же стычке. Эта неудача, однако, не помешала псковичам в том же году сжечь немецкую крепость Нейгаузен на реке Нарове.

В Польше после смерти Владислава Локетек на престол вступил его сын Казимир, впоследствии получивший титул «Великий». В 1349—1352 гг. этот деятельный монарх смог захватить Галицкую Русь, а в 1366 г. — часть Волыни. Менее удачной была борьба поляков с западными и северными соседями. Тевтонский орден, хотя и согласился на некоторые территориальные уступки, по-прежнему удерживал Поморье. На Силезию ещё в 1335 г. наложил руку король Чехии Ян Люксембург, который за эту цену отказался от претензий на польский престол.

Довольно острый характер приняли в Польше и социальные конфликты. Разработанные в 1347 г. своды законов (Петроковский и Вислицкий статуты) значительно ухудшили положение крестьян, ограничив их право на переход от одного феодала к другому. Крестьянство энергично сопротивлялось растущему гнёту, отвечая на него побегами и восстаниями. Жестокие противоречия раздирали также высшие сословия. Почти все крупные государственные посты и огромные земельные владения были сосредоточены в руках представителей знатных семейств — магнатов (от латинского «magnum» — великий). Магнаты упорно противодействовали любым попыткам короля усилить центральную власть и даже пытались подчинить его своему влиянию. Засилье богачей-«можновладцев» вызывало сильнейшее раздражение шляхты — среднего и мелкого дворянства. Однако, в отличие от многих европейских стран, в Польше рядовое дворянство не стало надёжной опорой королевской власти: выступая против магнатов, шляхта больше заботилась о своих привилегиях, нежели о державе. Большим своеобразием отличалась также позиция горожан. Патрициат крупных городов имел преимущественно немецкое происхождение, жил за счёт транзитной торговли и, следовательно, вполне комфортно чувствовал себя в условиях слабо централизованного государства.

Лишь такой незаурядный властитель, как Казимир III, мог успешно противостоять центробежным тенденциям, однако после его смерти (1370) ситуация в Польше резко ухудшилась. Детей у короля не было, но ещё в 1339 г. он признал наследником племянника Людовика, который с 1342 г. занимал также венгерский престол (как сын короля Венгрии Карла-Роберта Анжуйского и сестры Казимира III Эльжбеты). Людовик, однако, делами Польши интересовался очень мало и фактически передал власть над страной своей матери. В 1374 г. магнаты и шляхта, пользуясь пассивностью короля, добились принятия так называемого «Кошицкого привилея», особого документа, освободившего знать от всех повинностей, кроме военной службы и незначительного земельного налога. Тем самым была заложена юридическая основа для оформления привилегий польских феодалов и ограничения королевских полномочий. Одновременно магнаты жестоко притесняли шляхту. Один из современников, хронист Янко из Чарикова (ок. 1320 — 1387), с горечью писал: «Во время Людовика в польском королевстве не было никакого порядка, никакой справедливости. Королевские старосты и бурграфы позволяли себе постоянно грабить имущество рыцарей (шляхты. — А. М.), а магнаты, которые заботились только о собственных выгодах и выгодах своих родственников, уверяли короля, что в Польше всё так же хорошо и спокойно, как во времена Казимира III»⁹. Интересно, что в Венгрии Людовик, напротив, упорно боролся против своевольной аристократии да и вообще проявил себя как весьма энергичный правитель.

Современником Людовика на Руси был князь Дмитрий Иванович. На московский престол он вступил в 1359 г., когда от «моровой язвы» неожиданно скончался его отец Иван Иванович Красный. В ту пору Дмитрию шёл всего десятый год, и золотоордынские ханы, конечно же, не захотели вручить ярлык на великое княжение ребёнку. Множественное число — «ханы» — здесь отнюдь не случайная оговорка. Дело в том, что основанный некогда Батыем улус Джучи раздирали страшные междоусобицы. Ещё в

1340 г. скончался современник и покровитель Ивана Калиты хан Узбек, снискавший славу необыкновенно хитрого и коварного правителя. Наследник Узбека Тинбек правил всего два года, после чего был убит собственным братом Джанибеком (Чанибеком). Новый хан вёл довольно решительную политику и взимал с Руси огромную дань. Но в 1357 г. Джанибек погиб от руки своего сына Бердибека, которого затем сверг новый претендент на престол Кульпа. Русские летописцы, отмечая гибель отцеубийцы Бердибека, выразительно подчёркивали: «Испил чашу, ею же напоил отца своего и братию свою»¹⁰. Кульпа продержался на троне всего шесть месяцев и пять дней, а затем был убит неким Наврузом, или, как его называли на Руси, Неврусом. Смена ханов происходила столь стремительно, что русские князья, приехавшие в Орду с подарками для Кульпы, вручили их Наврузу.

Однако и на этом «великая замятня» не закончилась. На Золотую Орду напал пришедший из Зауралья хан Хидырь. Он расправился с Наврузом, а заодно и с престарелой вдовой Джанибека Тайдулой, но лишь для того, чтобы погибнуть от руки собственного сына Темир-Ходжи. Понятно, что сцепившиеся в яростной схватке монгольские правители нуждались в сильном вассале, а отнюдь не в младенце. Поэтому ярлык на великое княжение Владимирское получил суздальский князь Дмитрий Константинович. Показательно, однако, что его старший брат Андрей, хотя и имел на ярлык больше прав, но от него отказался. По свидетельству летописцев, он заявил: «Доискиваться ярлыка — потратить только деньги, а потом, когда вырастет законный наследник, Дмитрий Московский, надо будет воевать с ним...»¹¹. Предчувствия старшего брата вполне оправдались. В 1362 г. под давлением московского боярства и митрополита вся Русь Алексея новый хан Амурат передал ярлык юному Дмитрию Ивановичу.

Вскоре после этого золотоордынцам пришлось жестоко заплатить за раздоры. В 1363 г. князь Литвы Ольгерд появился с большим войском на берегах Буга и разгромил в урочище Синие Воды «три орды монгольские», после чего быстро очистил от

татар большую часть Подолии. Завоёванные земли Ольгерд отдал своему брату Кориату.

Сама Золотая Орда тем временем практически раскололась. Выходец из Синей Орды Амурат удерживал в своих руках лишь земли к востоку от Волги: Заяицкие степи, Приаралье, Мангышлак. Пространства по правому берегу формально находились под властью истинного чингизида хана Авдулы, но реально ими правил хитрый и решительный военачальник Мамай. Видимо, именно Мамай, понимавший, как важен престиж власти, уговорил Авдулу послать Дмитрию Ивановичу свой ярлык на княжение. В Москве рассудили, что ссориться с ханом, чьи владения простираются от Волги до Крыма, не стоит, и ярлык от Авдулы приняли. Амурат, конечно, от такого решения пришёл в ярость и даже попытался вновь посадить на великое княжение Дмитрия Суздальского, но неудачно. Стоило московским дружинам подойти к Суздалию, как местные бояре запросили мира. Дмитрий Константинович торжественно от ярлыка отрёкся и был отправлен в Нижний Новгород под опеку более благоразумного брата Андрея.

Все эти события показывают, какой могущественной силой становилась Москва. В Литве отлично осознавали новую ситуацию. Русские земли составляли огромную часть владений Ольгерда, сам он именовался «королём литовцев и русских», так что его схватка с Дмитрием Московским была неизбежной. В 1368 г. литовский князь и тверской князь Михаил Александрович собрали сильное войско, с которым обрушились на Московские земли. В полевом сражении они наголову разгромили высланный Дмитрием сторожевой полк, а затем осадили и саму Москву. Здесь Ольгерда, однако, ожидала большая неожиданность. Незадолго до войны был построен новый кремль, взять который с налёта возможным не представлялось. На долгую осаду у Ольгерда времени не было, так как на западе его государства вновь разгоралась война с немецкими рыцарями. Простояв под Москвой три дня, литовцы отправились в обратный путь. Уходя, они жестоко

грабили русские земли, жгли сёла, угоняли множество народу в полон.

В 1370 г. Ольгерд и его брат Кейстут вновь осадили Москву и вновь не смогли её взять. Тем не менее литовский князь продолжал борьбу с восточным соседом, то оружием, то дипломатией, вплоть до своей кончины в 1377 г. Ещё раньше Ольгерда умер его брат Любарт, который княжил на Волыни и постоянно воевал с поляками. Великим князем Литовским стал старший сын Ольгерда от второго брака (с тверской княжной Иулианией Александровной), Ягайло (Йогайла). Однако прежде чем пользоваться плодами власти, ему пришлось выдержать жестокую борьбу с родственниками. Одним из первых выступил против Ягайло сводный брат Андрей Ольгердович, княживший в Полоцке. Заручившись поддержкой псковичей и своего зятя серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго, он начал войну. В 1379 г. дружины Андрея захватили Трубчевск и Стародуб. Постепенно в борьбу втянулись и другие потомки Гедимины. Ради победы над родственниками Ягайло пошёл на союз с Тевтонским орденом, которому в 1382 г. передал Жемайтию.

Смута в Литве была весьма на руку Московской державе, тем более что отношения с Ордой у неё явно портились. В 1378 г. Мамай, который к тому времени официально провозгласил себя ханом, двинул на Рязанские земли войско своего полководца Бегича. Однако московские полки выступили навстречу татарам и в битве на реке Воже нанесли им суровое поражение. Ещё через два года, в 1380 г., состоялась знаменитая Куликовская битва, в которой Дмитрий Иванович разгромил войска самого Мамаю. За эту победу князь получил почётное прозвище «Донской». Любопытно, что Ягайло в то время был союзником Мамаю, но активного участия в сражении не принял: литовские полки пришли к месту битвы слишком поздно, возможно, преднамеренно. Андрей Ольгердович и его родной брат Дмитрий-Корибут, напротив, сражались на стороне Дмитрия Донского, причём проявили немалую храбрость. После Куликовской битвы Мамай был отстранён

от власти заяицким ханом Тохтамышем, пытался бежать в Крым, но пал от рук убийц.

Новый правитель Орды хорошо понимал, что необходимо как можно быстрее восстановить пошатнувшийся авторитет татарской власти на Руси. В 1382 г. он совершил поход на Москву, обманом взял город и сжёг его. Среди защитников Москвы был убит некий литовский князь Остей, которого летописи называют внуком Ольгерда¹². Дмитрий Донской набег пережил, укрывшись с семьёй в Костроме. По стечению обстоятельств в том же 1382 году погиб литовский князь Кейстут. Его задушили в тюрьме по приказу Ягайло, подозревавшего дядю в намерении захватить власть.

В год «московского погрома» скончался король Польши и Венгрии Людовик. Не имея сыновей, он назначил наследником зятя, маркграфа Бранденбургского Сигизмунда Люксембурга. Однако значительная часть магнатов и шляхты не пожелала присягать королевскому избраннику. Собравшись в Радоме, группа влиятельных вельмож приняла решение о возведении на трон младшей дочери Людовика, Ядвиги, причём жениха ей избрать должны были они сами. В качестве одного из претендентов на руку и сердце юной королевны выступил князь Семовит Мазовецкий. Сигизмунд, однако, не желал уступать трон без боя, и в Польше вспыхнула кровопролитная война. Сама Ядвига явно питала нежные чувства к австрийскому герцогу Вильгельму, вместе с которым росла и воспитывалась, но чувства девушки никого, конечно, не интересовали.

В 1385 г. в Польшу прибыли послы из Литвы, которые предложили в качестве жениха своего князя Ягайло. Польским панам этот вариант замужества королевны показался очень заманчивым. Во-первых, Литва была естественной союзницей в борьбе с Тевтонским орденом. Во-вторых, с объединением Польши и Литвы под властью одного короля должна была закончиться долгая борьба, которую эти державы вели из-за Галичских и Вольнских земель. В-третьих, магнаты полагали, что, лишённый связей при

польском дворе, Ягайло станет послушной игрушкой в их руках. Напрасно Ядвига, которую фактически посадили под домашний арест в Краковском замке, протестовала против решения своих придворных и, по легенде, даже пыталась рубить дверь люков боевым топором. В феврале 1386 г. ей пришлось обвенчаться с Ягайло.

Этот брак имел колоссальное значение для всей Восточной Европы. Между Польшей и Литвой была подписана так называемая «Кревская уния» (по названию селения Крево, в 80 км юго-восточнее Вильнюса), утвердившая объединение двух государств. Ягайло, принявший католичество и польское имя Владислав, стал одновременно королём польским и великим князем литовским.

Вскоре началось массовое крещение в католичество литовцев, многие из которых до сих пор оставались язычниками. Вместе с тем притеснению подвергалось и православное население. «Польское духовенство, польские придворные и чиновники, — писал известный историк С. Ф. Платонов, — появились в Литве и сменили собою русских приближённых князя. Они принесли с собою латинский и польский языки... польские нравы и обычаи взамен русских. Ягайло и его двор не только окатоличились, но и ополячились. Так как народное большинство в старой Литве и вся Русь не хотели отставать от своих прежних привычек и обычаев, то неизбежно возникла вражда культурная и национальная. Вот эта-то вражда и была тяжёлым последствием унии. Население Литвы и Западной Руси не сочувствовало Ягайле...»¹³.

Следует упомянуть также, что неудачливый претендент на польский престол Сигизмунд в 1387 г. стал королём Венгрии, а в 1411 г. — германским императором. В течение долгих лет он вёл политику, противную польским интересам, поддерживая Тевтонский орден. Его бывший конкурент, Семовит Мазовецкий, хотя и взял в жёны сестру Ягайло, до самой своей смерти в 1426 г. уклонялся от присяги королю и тоже поддерживал дружеские отношения с рыцарями.

Возможно, именно союз Литвы и Польши стал причиной того, что в том же 1386 г. смоленский князь Святослав Иванович совершил опустошительный военный набег на Литовские земли. По свидетельству С. М. Соловьёва, смоляне в этом походе вели себя чрезвычайно жестоко и даже бесчестно: «...Захватывали жителей, мучили их нещадно различными казнями, мужчин, женщин и детей: иных, заперши в избах, сжигали, младенцев на кол сажали»¹⁴. Разорив пограничные районы, дружины Святослава Ивановича осадили Мстиславль, но взять город не смогли. Вскоре на подмогу защитникам крепости подоспело большое польско-литовское войско, которое вели два сына Ольгерда: Скиргайло и Корибут. В жестокой битве на реке Вехре они наголову разгромили смолян. Князь Святослав, как пишет С. М. Соловьёв, «был убит одним поляком в дубраве»¹⁵.

В самой Литве тоже нашлось немало противников унии. Их возглавил князь Витовт, сын Кейстута и зять Святослава Смоленского. Ради борьбы с Ягайло Витовт заключил союз с Тевтонским орденом. В 1390 г. тевтонцы двинули на Литву сильное войско, в состав которого входило множество иностранных рыцарей и даже английский граф Дерби, будущий король Геирих IV. Разгромив воевод Ягайло на берегах Вилии, крестоносцы осадили Вильно, взяли нижний замок, но верхних укреплений на холме захватить не сумели. В 1391 г. поход повторился. Теперь в нём участвовали, кроме рыцарей Тевтонского ордена, ливонцы и крупный отряд литовцев, преданных Витовту. Союзники разорили множество поселений, а сам Витовт захватил Гродно. Ягайло-Владиславу не оставалось ничего другого, как попытаться заключить с двоюродным братом мирный договор. В 1392 г. король официально согласился признать Витовта великим князем литовским на правах ленной зависимости от Польши.

Укрепясь в Литве, сын Кейстута принялся активно расширять восточные пределы своих владений. Он подчинил Смоленское княжество и Подолию, из которой изгнал собственного племянника Фёдора Кориатовича, воевал с рязанскими князьями, вме-

шивался в дела Москвы, Твери, Новгорода и Пскова. Так в 1406 г. Витовт, собрав большие силы, вторгся в Псковскую землю и подверг её страшному разорению. Только под Вороначем две большие лодки были нагружены телами убитых литовцами детей. «Такой гадости, — ужасался летописец, — не было с тех пор, как Псков стал»¹⁶. К великой обиде псковичей, новгородцы отказались идти вместе с ними в ответный поход на Литву. Пришлось обратиться за помощью к московскому князю Василию Дмитриевичу, сыну Дмитрия Донского. Василий, несмотря на то что состоял в браке с дочерью Витовта Софьей, начал войну. В 1407 г. литовские отряды захватили город Одоев, а москвичи в ответ сожгли Дмитровец на реке Протве, но обширного характера военные действия не приняли.

Обменявшись ударами, литовский и московский князья сочли за благо начать переговоры и вскоре подписали мир. По его условиям границей между Русью и Литвой стала р. Угра. Кроме того, Василий, по всей видимости, взял с Витовта обещание более не нападать на Псков. Здесь нелишне вспомнить, что ещё в 1398 г. в силу Салинского договора с Ливонским орденом Витовт отказался от сюзеренитета над Псковской землёй. На следующий год псковичи отправили послов к Василию Дмитриевичу и «испросиша себе князя Ивана Всеволодовича, Александра Тверского внука...»¹⁷. С этого времени в Пскове стали править московские наместники. Вассальная зависимость от Великого княжества Литовского, следовательно, сменилась зависимостью от Москвы. Случалось, что неугодных наместников изгоняли, однако новых вновь призывали из Московских земель. Не учитывать этого обстоятельства литовский князь не мог.

Едва Витовт помирился с Василием Московским, вспыхнула война на Западе, между Польшей и Тевтонским орденом. Крестоносцы с озлоблением протестовали против польско-литовской унии, объявляли крещение литовцев фиктивным, требовали от папы римского признания недействительным брака Ядвиги и Ягайло. Они также всячески пытались использовать несогласие среди

польских и литовских князей и панов. В Польше Орден открыто поддерживал князь Ополья Владислав, заключивший союз с Сигизмундом Люксембургом. В 1392 г. он отдал рыцарям под залог Добжинскую землю, которую получил в управление ещё от Людовика Венгерского, и даже выдвинул план раздела польских земель между соседями. Королева Ядвига, стремясь вернуть утраченное, в 1397 г. встретила с великим магистром, но справедливости не добились.

Летом 1409 г. отряды рыцарей захватили несколько пограничных замков (в Добжине, Бобровниках, Злоторые). Владислав-Ягелло объявил в стране «посполитое рушение» (всеобщее ополчение), договорился о совместных действиях с Витовтом и в октябре овладел крепостью Быдгощ. Чтобы остановить войну, в Польшу срочно прибыло посольство короля Чехии Вацлава IV Люксембурга (родного брата Сигизмунда), которое убедило противников заключить перемирие. Однако затем Вацлав, получивший от крестоносцев 60 тысяч флоринов, повёл откровенно враждебную Польше политику. На переговорах в Праге, в феврале 1410 г., он вынес решение, по которому Орден возвращал Ягайло Добжинскую землю лишь в том случае, если получал взамен Жемайтию. Грамоту Вацлава зачитали польским послам по-немецки, что было явным оскорблением. Поляки демонстративно покинули зал заседаний. Вскоре военные действия возобновились.

В июле 1410 г. у деревни Грюнвальд между польско-литовской и орденской армиями произошло генеральное сражение, которое завершилось полным разгромом крестоносцев. В этой большой и кровопролитной битве особенно отличились входившие в состав войск Витовта смоленские полки князя Юрия Мстиславского. В 1411 г. возле Торуня (Польша) был подписан договор, по которому Орден отказался от Жемайтии и Добжинской земли, дал обязательство уплатить большую контрибуцию. Грюнвальдская битва наглядно продемонстрировала растущую силу Польско-Литовского государства.

Оказав Ягайло помощь в войне с немцами, Витовт, тем не менее, продолжал интриговать против кузена, добиваясь привилегий для себя и литовской знати. Позиции князя в Польше были достаточно сильны, ибо его сестра, Данута-Анна, состояла в браке с князем Мазовецким Янушем (братом упомянутого выше Семовита). Мазовия же, признавая верховенство польского короля, пользовалась широкой автономией, и от её позиции зависело очень многое. Здесь, кстати, нельзя не упомянуть ещё об одном эпизоде, достойном приключенческого кинофильма. Другая сестра Витовта, Рингайла, славилась прямо-таки неземной красотой. В неё без памяти влюбился Плоцкий епископ Генрих, младший брат Семовита и Януша Мазовецких. Страсть иерарха, который, кстати, охотно сражался на рыцарских турнирах, разгорелась настолько сильно, что он сложил с себя и сан и вступил с Рингайлой в брак. Однако в 1398 г. Генрих неожиданно умер. В Польше упорно ходили слухи, что коварная красавица отравила мужа. Рингайла стала впоследствии женой молдавского князя, что способствовало превращению Молдавии в вассала Польской короны.

В 1413 г. в местечке Городло (Восточная Польша) между Литвой и Польшей была заключена новая, Городельская уния. По её условиям, для выбора как польского короля, так и великого князя литовского требовалось взаимное согласие феодалов обеих стран. Все подданные Великого княжества Литовского, принявшие католичество, получали такие же привилегии, как люди одних с ними сословий в Польше: литовские князья и бояре приравнивались к магнатам, дружинники — к шляхте. «Таким образом, — писал С. Ф. Платонов, — у Витовта, среди его собственных подданных, были уже не два, а три направления: православно-русское, старо-литовское и новое — католическо-польское»¹⁸. По отношению к Руси Витовт занимал позицию скорее враждебную, чем дружественную, хотя на открытый конфликт, после договора с Москвой, не рещался. По данным С. М. Соловьёва, в 1418 г.

князь Литвы пытался натравить Ливонский орден на Псков, но сам в поход идти не хотел, возможно, потому, что боялся ответных действий московского князя¹⁹.

В 1425 г. скончался Василий I. Своим наследником он назначил малолетнего сына Василия Васильевича, а его опекуном — Витовта. Однако брат покойного князя, Юрий Дмитриевич, правивший богатым Галичским княжеством в верховьях р. Костромы, не признал племянника великим князем. Уговаривать строптивого вассала в Галич отправился сам митрополит Фотий. Юрий встретил пастыря с большим почётом, но одновременно собрал ополчение горожан и крестьян, дабы продемонстрировать мощь своих вооружённых сил. Фотий не испугался. По свидетельству летописца, он сказал Юрию: «Сын князь Юрий! Не видал я никогда столько народу в овечьей шерсти!» Митрополит намекал, что чернь, одетая в сермягу, — ещё не рать.

В 1428 г. Юрий Галичский подписал с Василием Васильевичем договор, по которому уступил племяннику старшинство. Немалую роль здесь явно сыграли позиция митрополита, поддержавшего московского князя, и страх перед грозным Витовтом. Литовский князь тем временем тоже воспользовался малолетством Василия и активизировал действия на Северо-Западе Руси. В 1426 г. он объявил войну Пскову. Надо заметить, что московского наместника в иашем городе в то время не было: в августе 1425 г. «отъехал» из города князь Фёдор Патрикеевич (кстати, потомок Гедимины), а его преемник Александр Фёдорович Ростовский ещё не прибыл. Псковский летописец прямо указывает, что литовцы начали военные действия с ведома Москвы: «А князь великий Василий Васильевич к дедоу своему Витовту и крест целова, что ему не помогати по Новгороде и Пскове»²⁰.

В августе месяце войска Витовта, в составе которых были литовцы, поляки, татары и русские, осадили Опочку. Защитники города не растерялись: они забили острые колья в дно крепостного рва, соорудили через него мост на канатах, а сами спрятались за стенами, так, чтобы крепость казалась пустой. Как только та-

тарская конница вступила на мост, опочане подрубили канаты. Мост вместе с татарами рухнул, и множество воинов погибло на кольях. Ожесточённые стычки происходили также под стенами Воронача и у Котельно. Никаких крупных успехов Витовт не добился и вскоре свернул поход. По рассказу псковского летописца, толчком к такому решению послужила страшная гроза, в которой литовский князь увидел знамение Божие. Московский летописец даёт более прагматическое объяснение: к Витовту приехал посол от Василия II, князь Лыков, который укорял литовцев за разорение Псковских земель и требовал остановить войну. Любопытно, что, когда в следующем 1428 г. Витовт напал на владения Новгорода, он взял с псковичей обещание не помогать соседям.

Воюя с псковичами и новгородцами, Витовт не прекращал борьбы против Владислава-Ягайло. Прежде всего, он пытался использовать неурядицы в семье короля. Дело в том, что ещё в 1399 г., после тяжёлых родов, умерла королева Ядвига. От второго брака с графиней Анной Цельской у Ягайло была только дочь, а третий брак оказался вовсе бесплодным. Только четвёртая жена, София, дочь русского князя Андрея Ольшенского, родила королю двух сыновей: Владислава (в 1424) и Казимира (в 1427). Для Витовта это было сильнейшим ударом: пока Ягайло оставался бездетным, он мог рассчитывать на польский престол, теперь надежды обращались в прах. В 1427 г. Витовт обвинил королеву в неверности супругу. Он надеялся, что за этим последует развод или, ещё лучше, смерть Софии и лишение её детей прав наследования. Нанятые Витовтом люди захватили несколько служанок королевы, которых пытками заставили подтвердить показания князя. Однако София смогла уверить мужа в своей невинности.

Вконец расстроенный Витовт использовал последнее средство: он обратился за помощью к германскому императору Сигизмунду. Этот могущественный монарх, как говорилось выше, объединил под своей рукой не только германские земли, но также Чехию и Венгрию. Однако ситуация в огромной державе явно оставляла

желать лучшего. В 1419 г. в Чехии вспыхнуло восстание гуситов, сторонников проповедника Яна Гуса, казнённого, по воле Сигизмунда, четырьмя годами раньше. Очень быстро мятеж принял большие масштабы. Среди гуситов были как простые поселяне и горожане, так и чешские дворяне, оскорблённые засильем немцев в родных землях. В 1420 г., по просьбе императора, римский папа объявил против гуситов крестовый поход, но чешский народ, поднявшись на защиту родины, дал крестоносцам решительный отпор. Неудачей закончились также походы 1421, 1422, 1425, 1426 гг. Кстати, умеренная часть гуситов явно стремилась к союзу с Литвой и Польшей. В 1421—1422 гг. они даже предлагали чешскую корону Владиславу-Ягайло и Витовту. Последний отправил в Чехию Сигизмунда-Корибута (племянника Ягайло), который принимал деятельное участие в войнах против крестоносцев, но удержаться у власти не смог из-за противодействия радикального крыла мятежников.

В 1427 г. гуситы под командованием Прокопа Великого и Прокопа Малого сами вторглись в Австрию. В этих условиях император Сигизмунд отчаянно нуждался в союзнике. Однако Ягайло вёл по отношению к нему довольно уклончивую политику, преследуя собственные интересы. Витовт решил воспользоваться обстоятельствами и обратился к Сигизмунду с просьбой признать его независимым королём Литвы. Взамен он предлагал императору военную помощь. В 1429 г. Витовт, Ягайло и Сигизмунд съехались для совещания в Луцк. Туда же прибыло множество польских и литовских магнатов, шляхты, духовных лиц. Сигизмунд поддержал претензии Витовта, но перспектива отделения Литвы вызвала решительный протест польских вельмож. Краковский епископ Збигнев Олесницкий и видный военачальник гетман Ян Тарновский обрушились на Витовта с упреками. Дostaлось и Ягайло за его пассивность. Обращаясь к своему королю, поляки кричали: «Разве ты нас затем сюда позвал, чтобы быть свидетелями отделения от Польши таких знатных владений?»²¹ Хитрый Ягайло публично рыдал и клялся, что никогда не помыш-

лял о разрыве унии. Витовт, человек очень скрытный, на этот раз не выдержал. «Пусть так! — заявил он, покидая совет, — а я всё-таки найду средства сделать по-моему!»²² Реализовать угрозу князю, впрочем, не удалось. Ягайло неожиданно покинул Луцк, причём уехал, а точнее бежал, глубокой ночью, ни о чём не предупредив Витовта.

Потерпев дипломатическое фиаско, литовский князь не успокоился. Он рассылаал польским панам богатые подарки, склоняя их на свою сторону, вёл переписку с императором Сигизмундом и римским папой, которому жаловался на клевету со стороны поляков. Понтифик, однако, боялся, что отделение Литвы от Польши ослабит среди литовцев позиции католицизма, и напрямую запретил Витовту принимать королевскую корону. Этого удара честолюбивый князь перенести не смог. В октябре 1430 г. он тяжело заболел и вскоре скончался, достигнув весьма почтенного для того времени возраста — 80 лет.

Смерть Витовта, несмотря на все его враждебные вылазки против Пскова и Новгорода, была для юного Василия II Московского очень опасной. Юрий Дмитриевич Галичский, забыв данную в 1428 г. клятву, открыто заявил о своих претензиях на великокняжеский титул. Уверенности ему придавало то, что великим князем в Литве стал брат Ягайло, Свидригайло Ольгердович, приходившийся галичскому князю свояком. Ситуацию подогревала также мать Василия II, властная Софья Витовтовна. В 1432 г. во время свадьбы московского князя она публично сорвала с сына Юрия Галичского, Василия Юрьевича, драгоценный пояс, принадлежавший некогда Дмитрию Донскому. На Руси вспыхнула жестокая война, которая продолжалась до 1450 г.

О накале страстей и взаимной ненависти ярко свидетельствуют примеры бесчеловечных расправ, которыми запятнали себя обе противоборствующие стороны. Так, Василий II, захватив в плен своего кузена Василия Юрьевича, приказал ослепить его. Однако через некоторое время военное счастье отвернулось от московского князя: в 1446 г. он сам попал в руки противника и тоже был

ослеплен (после этого князь получил прозвище «Тёмный», т. е. слепой). Раздорами умело воспользовался татарский хан Уллу-Мухамед, который был изгнан из Золотой Орды своим братом Кичимом и основал новое Казанское ханство. Он неоднократно совершал на Русь опустошительные набеги, разорял и грабил города. И всё же, в конце концов, война завершилась победой московской династии. Такой исход имел для русского государства очень большое значение: окончательно восторжествовал новый принцип передачи власти «от отца к сыну» вместо старого, чрезвычайно междуособицами способа «от брата к брату». Война продемонстрировала необратимость укрепления великокняжеской власти. Василий Тёмный всё более решительно распоряжался делами всей Руси. Ему подчинялись ростовские, суздальские, нижегородские князья. В 1456 г. московский князь разгромил новгородские войска и в Яжелбицах заключил с Новгородом договор, заметно ограничивший независимость боярской республики.

В Литве кончина Витовта также спровоцировала жестокие распри. Как говорилось выше, первоначально трон великого князя занял Свидригайло Ольгердович. Более чем через четыре века Ф. М. Достоевский даст фамилию «Свидригайлов» одному из наиболее жестоких своих героев, человеку с явно преступными наклонностями. Думается, это не случайно. Даже среди коварных детей Ольгерда Свидригайло отличался особенно вероломным и буйным характером. Вот лишь некоторые эпизоды его биографии. В 1386 г. Свидригайло вместе с Ягайло принял католичество и польское имя Болеслав, но уже через несколько лет начал против брата жестокую борьбу. В 1408 г. он отправился на Русь, где поступил на службу к Василию I и перешёл в православие. Московский князь, приняв беглеца чрезвычайно радушно, пожаловал ему «в кормление» прославленный город Владимир, а также Юрьев Польской, Волок Ламский, Ржев и половину Коломны. Однако Свидригайло надежд нового сюзерена не оправдал: в том же году, во время набега на Русь татарского хана Едигея, он бросил свои города и вновь ушёл в Литву, разграбив по дороге Сер-

пухов. Витовт от появления кузена, конечно, в восторг не пришёл. Вскоре после возвращения на родину Свидригайло был посажен в городе Кременце в тюрьму, где провёл девять лет. Освободили смутьяна по ходатайству князей русского происхождения, видевших в нём, в первую очередь, православного правителя. Свидригайло уехал на Вольнь, а оттуда бежал в Венгрию. В изгнании он страшно бедствовал и, как говорили злые языки, даже нанялся пастухом к какому-то местному богачу. Неудивительно, что, узнав о смерти Витовта, неуёмный авантюрист немедленно появился в Литве.

Уже в 1430 г. Свидригайло развязал настоящую войну с Польшей из-за Подолии, откуда изгнал наместников Ягайло. В ответ король двинул на Литву большое войско и осадил Луцк, но взять его не смог. «Борьба между двумя народностями, из которых одна посягала на права другой, — писал С. М. Соловьёв, — ведена была, как и следовало ожидать, с большим ожесточением: с обеих сторон не было пощады пленникам...»²³. На стороне Ягайло выступил влиятельный князь Сигизмунд Кейстутович. Его дружины разгромили сторонников Свидригайло под Ошмянами (1432) и на реке Свенте (1435). Одновременно совершил несколько набегов на Литовские земли союзник Сигизмунда, золотоордынский хан Айдар (зять Уллу-Мухамеда). Летом 1436 г. от Свидригайло «отложились» Полоцк и Витебск. Однако многие бывшие русские земли, в том числе Смоленск, сохранили верность сыну Ольгерда. Кстати, ведя борьбу против Сигизмунда, Свидригайло выступал под знаменем православия, закрывая и разоряя католические монастыри и костёлы. Это, впрочем, не помешало ему в 1435 г. сжечь на костре православного митрополита Герасима, обвинённого в измене и намерении сдать врагам князя Смоленск. Впрочем, ходили слухи, что Герасим тяготел к унии с католиками.

В разгар войны, в 1434 г., умер Ягайло и на престол вступил его сын Владислав III Варненчик, которому было всего десять лет. Реальная власть перешла в руки особого Королевского сове-

та, но и в этом высшем государственном органе не было единства. Польская знать в то время раскололась на две партии. Первая, во главе которой стоял магнат Мельштынский, выступала за союз с чешскими гуситами и за войну с Германской империей. Вторая, ортодоксально-католическая партия, возглавляемая талантливым дипломатом епископом Збигневом Олесницким, полагала помощь «еретикам» греховной.

В 1439 г. Мельштынский решился на вооружённое выступление против епископа и короля, но потерпел жестокое поражение в битве под Гротниками, на реке Нице. В том же году Владислав получил предложение занять Венгерский престол, освободившийся после смерти короля Альберта II Габсбурга. Так как перспектива объединения Польши и Венгрии представлялась очень заманчивой, молодой монарх поспешно покинул охваченную раздорами родину.

Пока в Польше шла война, польско-католической партии в Литве приходилось надеяться лишь на свои силы. Между тем её ожидал страшный удар: в марте 1440 г. двое братьев, православные князья Иван и Александр Чарторыйские, убили Сигизмунда. Королевским наместником был назначен брат Владислава, Казимир Ягеллончик, но группа литовских вельмож, справедливо полагая, что наместничество как таковое нарушает автономию Литвы, провозгласила его великим князем. Александр Чарторыйский «выехал» на Русь и около 1442 г. получил от Василия II во владение Суздаль. Интересно, что впоследствии он был наместником в Пскове²⁴. Свидригайло между тем и не думал сдаваться. Со своими сторонниками он продолжал сеять смуту и вёл переговоры о союзе с галицкими князьями на Руси.

Между тем Владислав столкнулся в Венгрии с чрезвычайно опасным врагом, имя которому было турки-османы. К счастью для короля, на его сторону встал видный полководец Янош Хуньяди. В 1443 г. польско-венгерское войско форсировало Дунай, вторглось в Сербию и Болгарию, нанесло османам ряд поражений, а затем, в зимнюю стужу, перешло через Балканский хребет,

чтобы прорваться к лежащей за ним Фракийской равнине. На турок эта экспедиция произвела чрезвычайно гнетущее впечатление, и они поспешили заключить перемирие. Польские советники умоляли Владислава закончить войну, но он их доводам не внял, и, как оказалось, напрасно. Уже в ноябре 1444 г. султан Мурад нанёс полякам и венграм сокрушительное поражение под Варной. «Владислава, — пишет историк Османской империи лорд Кинросс, — сбили с лошади, и он принял смерть на поле боя; его голова в шлеме была поднята на копье...»²⁵. Янош Хуньяди в битве уцелел, но вскоре попал в плен к своему давнему недоброжелателю, валашскому господарю Владу Цепешу (Дракуле), и некоторое время провёл в тюрьме.

Так как детей у Владислава не было, польский трон должен был перейти к Казимиру. Однако он предпочитал самовластно править Литвой и в 1446 г. на Петраковском сейме (съезде знати) открыто отказался ехать в Польшу. Только в следующем, 1447 г. Казимир всё же согласился принять польскую корону. Его положение в то время весьма точно охарактеризовал автор статьи в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона: «Как бывший князь литовский он не мог сразу стать врагом Литвы и её самостоятельности, как польский король, он должен был сделаться врагом ея»²⁶. Казимир не стал избирать какого-либо князя Литовского, но сохранил этот титул за собой, восстановив, таким образом, личную унию. В 1452 г. был убит в своём замке смутьян Свидригайло, и в Литве установилось спокойствие, правда, не надолго и весьма относительное. Это было тем более кстати, что в 1454 г. началась новая война между Польшей и Тевтонским орденом. Она продолжалась целых тринадцать лет и завершилась в 1466 г. Торунским договором, по которому рыцари окончательно отказались от Восточного Поморья и передали полякам Хелминскую и Михайловскую земли, Эльблонг и даже бывшую резиденцию магистра — Мальборк.

Русская и польско-литовская смуты первой второй четверти XV в. не просто шли параллельно, но переплетались самым тесным образом. Свидригайло, как говорилось, поддерживал союз с Юрием Галичским, а значит, Василий Тёмный волей или неволей должен был стать союзником Сигизмунда Кейстutowича. В результате этого московский князь вёл жестокую борьбу и с Казимиром Ягеллончиком. В 1445 г. он даже послал на Литву отряды союзных татар, которые дошли до самого Смоленска и захватили много добычи. Казимир в ответ разорил окрестности Калуги, но после сражения с русскими полками под Суходровом отступил. В 1449 г. Василий Тёмный и Казимир Ягеллончик подписали договор, по которому московский князь обязался не принимать у себя сына Сигизмунда, Михаила. Король в ответ обещал не давать убежища потомкам галичских князей и, что ещё важнее, — не вмешиваться в отношения Москвы с Псковом и Новгородом.

Впрочем, соблюдался договор не слишком строго. Василий II всё-таки принял у себя Михаила Сигизмундовича, а Казимир — внука Юрия Галичского, Ивана Шемячича (сына знаменитого Дмитрия Шемяки), которому пожаловал Новгород-Северский. В Литве также оказался внук Дмитрия Донского, князь Иван Андреевич Можайский, который бежал туда в 1454 г. «з женою и з детьми и со всеми своими»²⁷. Так что традиция искать убежища в Литве возникла у оппонентов Московской власти задолго до Андрея Курбского.

В марте 1462 г. скончался на 47 году жизни Василий II Тёмный. Его наследником стал Иван III, правитель, при котором Русское государство вышло на качественно новый уровень развития. Иван Васильевич неоднократно проявлял себя как чрезвычайно дальновидный и искусный политик, умел выжидать и, если нужно, даже отступить, но вместе с тем был способен на быстрые и решительные действия. К началу его правления Московское княжество являлось самым крупным, но не единственным на северо-востоке Руси. Иван Васильевич ситуацию изменил самым корен-

ным образом. В середине — второй половине 60-х годов он окончательно подчинил Ярославское княжество, князья которого давно уже являлись «подручниками» московских правителей. В 1474 г. были ликвидированы остатки независимости Ростовского княжества.

Сложнее складывались отношения с Новгородом, имевшим очень сильные и давние традиции самостоятельности. Часть новгородского боярства во главе с вдовой посадника Исаака Борецкого Марфой любой ценой стремилась не допустить подчинения Москве и искала союза с Литвой. Другие бояре и многие рядовые горожане, напротив, видели в литовцах чужаков и католиков и надеялись на установление хороших отношений с московским князем. В 1470 г. под влиянием «литовской» партии новгородцы пригласили к себе на княжение Миханла Оленьковича, брата правившего в Киеве Семёна Оленьковича. В самом факте призвания выходца из Литовских земель не было ничего особенного, но на этот раз события быстро приняли очень острый характер. Подкупленные Борецкими и Оленьковичем «худые мужики вечники» всячески оскорбляли сторонников Москвы и на вече громко кричали: «Хотим за короля Казимира!» В 1471 г. между королём и Новгородом был подписан договор, по которому новгородцы фактически признавали Казимира своим князем, принимали его наместника, а тот брал обязательство, в случае враждебных действий со стороны Москвы, «всести на конь... против великого князя и боронити Великий Новгород»²⁸.

Ивана III посчитал договор вполне законным поводом к войне. Оправдывая действия князя, московский летописец безапелляционно обвинял новгородцев в склонности к «латинству», называл их «иноязычниками», а самого Ивана сравнивал с Дмитрием Донским. В битве на реке Шелони (июль 1471 г.) новгородские войска потерпели поражение. Казимир никакой помощи не оказал, а Михаил Оленькович не только уехал со своими отрядами из Новгорода, но по дороге разграбил Старую Руссу. В пол-

ном отчаянии сторонники Борецких призывали на помощь Ливонский орден, но рыцари тоже начинать войну не спешили. Псковичи вообще выступили на стороне Московского князя. Хотя лишённый всякой поддержки Новгород был обречён на поражение, Иван III не стал торопить события и ограничился тем, что отправил в город своих наместников.

В 1475 г. московский князь совершил поездку по Новгородской земле в сопровождении большого войска. По дороге следования он в качестве верховного правителя принимал челобитные на новгородских бояр. Этим Иван Васильевич решал сразу две задачи: выступал перед населением как защитник от боярского произвола и ослаблял враждебную группировку аристократии. Многие влиятельные лица подверглись аресту, были отправлены в Москву.

В 1477 г. новгородская независимость получила последний, смертельный удар. Иван III придрался к тому, что новгородские послы в Москве назвали его не «господином», как ранее, а «господарем», то есть так, как обращались подданные к правителю. На вопрос великого князя, «какова хотят государства их отчина их Великий Новгород?» — новгородские власти ответили, что послы превысили свои полномочия. Но было уже поздно. Осенью войска Ивана III двинулись к Новгороду. Вечевые власти не решились на сопротивление и согласились на то, что отныне московский князь будет в Новгородской земле «господарство своё держати». Вече было ликвидировано, вечевой колокол увезён в Москву, вместо посадников городом стали править московские наместники.

Вскоре после победы над своевольным Новгородом Иван Васильевич добился ещё одного крупного успеха. В 1480 г., в результате так называемого «Угорского стояния», было ликвидировано татаро-монгольское иго. Кстати, хан Золотой Орды Ахмат в своей борьбе с Москвой очень рассчитывал на поддержку Казимира, но, как и новгородцы, обещанной помощи не полу-

чил. Этому в немалой степени способствовал союз московского князя с Крымским ханством. Пока войска Ивана III вели бои с ордынцами на реке Угре, крымские татары Менгли-Гирея совершили набег на Подолию.

Покончив с игом, Иван Васильевич мог сосредоточиться на борьбе за русские земли, входившие в состав Литовского государства. Там оставалось немало князей и бояр, сохранявших православие, весьма недовольных усилением в Литве католичества и склонявшихся к союзу с Москвой. К тому же Польшу и Литву по-прежнему разрывали внутренние смуты, а король Казимир IV постоянно втягивал страну во внешние конфликты. В 1454—1466 гг. он вёл утомительную войну с Тевтонским орденом, в 1471—1478 гг. — с Венгрией, из-за того что венгерский король Матиаш Корвин не признал избрания на престол Чехии сына польского монарха, Владислава Ягеллона. Последняя из названных кампаний завершилась Оломоуцким договором, по которому Корвин всё-таки согласился с избранием королевича, но взамен получил Моравию, Силезию и Лужицы. Польше никаких выгод такой исход не принёс, ибо Владислав оказался очень слабым правителем. Любопытно, что Иван Васильевич и Матиаш Корвин вели оживлённую переписку о возможности совместных военных действий против Польши.

В 1481 г. группа литовских князей русского происхождения составила заговор против Казимира IV. Среди заговорщиков были: Фёдор Бельский, Иван Ольшенский и уже знакомый нам Михаил Оленькович, владевший в то время Слуцком. У историков до сих пор нет единого мнения о том, какие цели преследовали эти люди и почему они выступили против монарха. Так, М. К. Любавский считал их защитниками православия и связывал заговор с тем, что Казимир в 1481 г. запретил строить новые православные храмы²⁹. Украинский историк М. С. Грушевский конфессиональный фактор в деятельности заговорщиков отрицал, полагая, что они просто хотели возвести на литовский престол (возможно, при поддержке Москвы) Михаила Оленьковича³⁰. Об

узкодинастическом характере заговора писал также польский историк Ф. Конечный³¹. Наконец, К. В. Базилевич видел в деятельности заговорщиков проявление «сильного движения православного населения в сторону присоединения к Москве»³².

Так или иначе, князья намеревались убить Казимира и его сыновей во время охоты, а королеву взять под стражу. Однако исполнить план не удалось. Кто-то предупредил монарха, и заговорщиков арестовали. Михаил Оленькович и Ольшенский были казнены, а Фёдор Бельский бежал в Москву. Подобные события показывают, как беспокойно было в то время в Литовских землях. Кстати, побег Фёдора Бельского не являлся единичным. В конце XV в. на службу к Ивану III охотно переходили со своими вотчинами многие князья из порубежных земель, ранее служившие «на обе стороны». В 1487 г., например, присягу великому князю принёс Иван Михайлович Воротынский, владения которого включали г. Перемышль. Такой же выбор сделали князья Одоевские и Трубецкие. Понимая, что обширные земли уходят из-под его контроля, Казимир IV потребовал от Ивана III не принимать «переметчиков», но получил отказ.

Между тем принявшие русское подданство владельцы пограничных вотчин совершали дерзкие набеги на земли тех князей, которые сохраняли верность королю. «Литовская» партия отвечала тем же. Так, в конце 1488 г. служившие Казимиру братья Дмитрий и Семён Фёдоровичи Воротынские (дядья упомянутого выше Ивана Михайловича) совершили поход на Медыньские области. В следующем 1489 г. они вместе отразили большое нападение московских воевод на свою вотчину Воротынск, но вскоре после этого Дмитрий перешёл «в службу» к Ивану III и захватил владения брата. В начале 1492 г. на вотчины своих родственников напал служивший русскому государю Иван Васильевич Белевский. Он взял в плен собственного брата Василия и заставил его присягнуть Москве и «...бояр его, и слуг, и чорных людей поимал и к крестному целованью привёл»³³. Так разворачивалась война, которую выдающийся исследователь А. А. Зимин назвал

«странной войной»³⁴. Формально не расторгая мира с королём, Иван III с помощью «украинных князей» распространял свою власть на порубежные земли. Историк К. В. Базилевич сделал в связи с этим очень важное наблюдение. «Иван III, — отмечает он, — последовательно уничтожавший остатки феодально-удельной системы в своей стране, горячо поддерживал её в пограничной литовской территории...»³⁵.

В июне 1492 г. умер король Польши и великий князь Литовский Казимир. После этого Литва и Польша вновь оказались во власти разных правителей. На польский престол вступил старший сын короля Ян-Ольбрахт, а великим князем Литовским стал младший сын — Александр. Уния распалась.

Пользуясь ситуацией, Иван III немедленно начал против Литвы открытую войну. Первым делом он спровоцировал набег крымских татар, которые разорили земли между Киевом и Черниговом. В августе 1492 г. московский воевода князь Фёдор Телепень-Оболенский сжёг города Мценск и Любутск, а Дмитрий и Семён Воротынские (второй брат тоже переметнулся на сторону Москвы) разорили Мосальск. Почти одновременно (в августе — сентябре 1492 г.) отряды воевод Василия Лапина и Андрея Истома захватили город Хлепень. В январе 1493 г. русские заняли без боя Мезецк, сожгли Серепейск и Опаков.

Литовским войскам было очень нелегко бороться одновременно с московским войском и татарами. Поэтому князь Александр счёл за благо начать переговоры о мире. В ноябре 1492 г. в Москву явился его посол Станислав Глебович, который просил остановить войну и предлагал заключить брак между литовским князем и дочерью Ивана Васильевича. Однако военные действия продолжались на протяжении всего 1493 года. Только в январе 1494 г. договор был подписан. Александр признал за Иваном III титул «государь всея Руси» и согласился на переход в подданство к нему князей Новосильских, Одоевских, Воротынских и Белевских с их вотчинами. К Русскому государству отходила также

Вязьма, причём Александр давал обязательство не принимать на службу вяземских князей.

В 1495 г. состоялась свадьба Александра с дочерью Ивана III. Как сообщали потом в Москву русские послы, литовский князь встретил невесту с большим почётом и клятвенно обещал разрешить ей по-прежнему исповедовать православную веру. Даже свадебную церемонию вели два священника: «латинский» и православный. Вскоре, однако, отношения Ивана Васильевича с зятем вновь приняли натянутый характер. Александр не разрешил Елене построить для себя православную церковь, заставлял её носить польское платье и, что самое главное, перестал именовать Московского князя «государем всея Руси». На границе возобновились стычки между подданными двух держав. Одновременно брак принёс ряд трудностей и самому Александру. Многие литовские и польские магнаты-католики открыто осуждали его за женитьбу на православной, а римский папа Александр VI требовал склонить Елену к католицизму.

В конце 1499 г. «к Москве отъехал» из Литовского княжества князь Семён Иванович Бельский. Вопреки договору Иван III принял его на службу, заявив, что православные подвергаются в Литве большим притеснениям. В 1500 г. на русскую службу перешли сразу два северских князя: Семён Можайский и Василий Шемячич: по свидетельству польских хронистов, их «переманил» Семён Бельский. Московское правительство немедленно воспользовалось возможностью занять новые земли. В начале мая 1500 г. большая рать во главе с воеводой Яковом Захарьиным Кошкиным выступила в поход и внезапным ударом захватила Брянск — ключевую крепость на севере Северской земли.

Так началась новая война с Литвой. О стратегическом замысле Ивана III довольно точно рассказывает германский посланник Сигизмунд Герберштейн: «Первый отряд направляет он к югу против Северской области, второй на запад против Торонца и Белой, третий помещает он посередине против Дорогобужа и Смоленска. Кроме того, он сохраняет в запасе часть войска, чтобы

она могла скорее подать помощь тому отряду, против которого будет замечено движение литовцев»³⁶. Эта стратегия «тройного удара» вполне себя оправдала. На юге Яков Захарьин и Иван Репня-Оболенский захватили целый ряд городов. В центре Юрий Захарьин «со товарищи» овладели Дорогобужем, от которого открывалась дорога на Смоленск. Был взят Торопец. Узнав об успехах русских, Александр срочно направил против них войско гетмана Константина Острожского, имевшего репутацию очень храброго и инициативного полководца. Гетман повёл свои силы к Дорогобужу, чтобы разгромить стоявшего там «с малыми людьми» Юрия Захарьина. Но раньше литовцев к русским полкам подоспели резервы во главе с князем Даниилом Щеней. 14 июля 1500 г. состоялась битва на реке Ведроше (в 5 км от Дорогобужа), в которой русские одержали победу. Интересно, что командовавший великокняжескими полками Даниил Щеня использовал весьма хитроумный приём: произведя ложное отступление, он заманил литовцев на правый берег реки, затем приказал разрушить мост и комбинированным ударом с фронта и тыла разгромил противника. Сам Острожский и многие знатные литовцы попали в плен. «Таким образом, — писал Герберштейн, — через одно только сражение и в оди и тот же год владыка Московский достиг того, что великий князь литовский Витольд (Витовт. — А. М.) добился в течение многих лет и с превеликими усилиями...»³⁷.

На стороне Москвы вновь выступили крымские татары, которые разорили и сожгли Хмельник, Кременец, Луцк, несколько городов в польской Галиции. Иван III также хотел подключить к войне против Литвы молдавского господаря Стефана Малого, но тот под разными предлогами уклонялся. Между тем польский король Ян-Ольбрахт, венгерский король Владислав (брат Александра и Ольбрахта), римский папа Александр VI настойчиво уговаривали Ивана III прекратить войну с Литвой и присоединиться к борьбе европейских стран против Турции. Заключить мир просила государя и его дочь Елена, которая в письме к отцу резко

осуждала князей-перебежчиков, а Семёна Бельского называла «Иудой» и «вторым Каином»³⁸.

Ситуация осложнялась тем, что в 1501 г. Ливонский рыцарский орден, заключив союз с Литвой, начал военные действия против Пскова. Иван III немедленно прислал в город две рати, Василия Шуйского и Даниила Пенко, которые разместились на Завеличье и Полонице. 22 августа русские войска выступили в поход, но в сражении на реке Серице (недалеко от Изборска) они были разбиты армией магистра Ордена Плеттенберга. Затем немцы совершили марш в глубь Псковской земли и в ночь с 7 на 8 сентября взяли Остров, где, по данным летописи, убили более четырёх тысяч человек. В конце октября псковичи, московские воины и пришедшие им на помощь касимовские татары также напали на территорию Ордена. В битве у замка Гольмед они нанесли жестокое поражение войскам рижского епископа. Летописец сообщает, что москвичи и татары били бежавших немцев, «как свиней», шестопёрами³⁹.

Кроме Ливонского ордена, на стороне Литвы выступил хан Большой (Заволжской) орды Ших-Ахмат. В 1501—1502 гг. он совершил ряд набегов на принадлежавшие русским Северские города, но вскоре был разбит союзником Москвы, крымским ханом Менгли-Гиреем. Во время войны скончался в Польше король Ян-Ольбрахт (1501). Так как детей у покойного не было, освободившийся престол занял великий князь Литовский Александр. Литва и Польша вновь оказались под властью одного монарха.

Во второй половине 1502 г. ливонские рыцари возобновили набеги на псковское пограничье. В начале сентября они даже предприняли осаду Пскова, однако взять его не смогли. 13 сентября 1502 г. у озера Смолино отступавшие от города рыцари столкнулись с полками Даниила Щени. Битва носила чрезвычайно ожесточённый характер и завершилась победой русских. К этому времени война чрезвычайно истощила силы и Руси, и Литвы. В 1503 г. Иван III и Александр заключили перемирие сроком на шесть лет. По его условиям к Руси отошли девятнадцать городов. Западная

граница Московской державы была отодвинута на линию Дорогобуж — Гомель — Чернигов. Однако Смоленск остался в руках литовцев. Почти одновременно с договором между Иваном III и великим князем литовским был подписан договор между Псковом и Ливонским орденом.

Здесь следует заметить, что внешнеполитическая деятельность русского государя не ограничивалась Литовским направлением. В 1495—1497 гг. он вёл, в союзе с Данией, войну против Швеции. В ходе её русские войска совершили несколько экспедиций в Финляндию, а шведский военачальник Свантон Стуре сжёг недавно построенную крепость Ивангород. Хотя Шведская кампания и не принесла ощутимых результатов, она ясно показывала растущий интерес «московитов» к Прибалтике.

Очень активный характер приняли контакты Руси с Германской империей, которая с конца XV столетия стала именоваться Священной Римской империей Германской нации. На престоле этой державы с 1493 г. находился Максимилиан I Габсбург, весьма энергичный политик. Он вёл постоянные войны против Франции, с которой враждовал из-за итальянских владений, и стремился подчинить своему влиянию Венгрию. Так как на венгерском престоле сидел брат польского короля (Владислав II), Максимилиан очень надеялся на военный союз с Русью, но брать на себя серьёзные обязательства не спешил. Тем не менее между правителями шла интенсивная переписка, до тех пор пока Максимилиан не счёл более выгодным примириться с польскими Ягеллонами.

Наконец, нельзя не отметить, что при Иване III существенно изменилась внутренняя структура самого Русского государства. В 1497 г. был принят Судебник — новый свод законов, который определял (хотя и в общих чертах) компетенцию должностных лиц, права различных категорий населения. Среди прочего был установлен единый для всей страны срок перехода крестьян от одного владельца к другому: неделя до Юрьева дня осеннего (26 ноября) и неделя после. Это, впрочем, было только ограни-

чением прав крестьянства, но ещё не закрепощением. Срок — конец ноября, время, когда уже был собран весь урожай и установлен санный путь, — являлся сравнительно удобным и для крестьян, и для землевладельцев.

Активная внешняя политика требовала укрепления вооружённых сил. Поэтому при Иване III шла интенсивная раздача земельных наделов служилым людям. Феодалов, получивших земли от правительства, «испомещённых» на новых землях, стали называть помещиками, а их владения — поместьями. Верховным собственником поместий по-прежнему считался государь, а помещик выступал в роли покровителя крестьян и должен был «стоять» за землю. Разумеется, если военную службу и бояре, которые, в случае войны, выступали в поход во главе собственных отрядов. Великокняжеская дружина, боярские дружины, дворяне были основой конницы, игравшей в вооружённых силах Руси того времени очень значительную, если не ведущую, роль.

Большую часть пехоты составляли городские ополчения («городовые полки»). Так, в 1470 г. Иван III послал против Казанского ханства, среди прочих сил, «московских сурожан, суконников, купчих людей». В 1480 г. в Пскове для войны с ливонцами было набрано по одному коню и человеку с четырёх сох. «Пошошые» люди набирались также в нашем городе в 1495 г. — для войны со шведами и в 1500 г. — для Литовской войны. Наконец, в войсках государя служили казаки и татары. Побывавший на Руси итальянец А. Кантарини отмечал в своих записках, что на восточных границах государства постоянно стоял татарский отряд в пятьсот всадников, который получал жалованье от великого князя⁴⁰.

Активно развивалась русская артиллерия. В Москве начал действовать Пушечный двор. Известно, что знаменитый строитель Московского кремля Аристотель Фиорованти был также умелым литейщиком и изготовил несколько крупных орудий. В 1488 г. другой выходец из Италии, Павлин Дебосис, отлил боль-

шую пушку, размеры которой удивляли современников. Отправляя своего посла к императору Максимилиану, Иван III специально поручил ему найти «мастера хитрого, который умел бы к городам приступать, да другого мастера, который бы умел из пушек стрелять...». Наряду с артиллерией совершенствовалось также ручное огнестрельное оружие. По всей видимости, в конце XV в. на Руси появляются специальные отряды пехотинцев, вооружённых фитильными ружьями-«пищалами» («пищальники», «огненные стрельцы»).

Видный исследователь истории военного дела А. Н. Кирпичников, анализируя результаты развития русского войска при Иване III, отмечал: «Если в XIV столетии войско состояло из княжеских городских полков... то веком позже армия в значительной степени набиралась за счёт отрядов дворовой челяди и мелких землевладельцев — детей боярских и их воев «из всех городов и изо всех отчин»... Растёт класс военнотружеников, что расширило мобилизационные возможности страны... В лице артиллеристов и «огненных стрельцов» создаются новые для средневековья формирования»⁴¹.

27 октября 1505 г. великий князь Иван Васильевич скончался в возрасте 66 лет и 9 месяцев. Уже современники давали деятельности этого незаурядного правителя самую высокую оценку. Постоянный противник Ивана III, король Казимир IV характеризовал его как «вождя, славного многими победами, обладающего огромной казной», и предостерегал от «легкомысленного» выступления против Русской державы⁴². Польский историк начала XVI в. Матвей Меховский писал об Иване III: «Это был хозяйственный и полезный земле своей государь. Он... своею благоразумною деятельностью подчинил себе и заставил платить дань тех, кому раньше сам её платил. Он завоевал и привёл к покорности разноплеменные и разноязычные земли Азиатской Скифии, широко простирающиеся к востоку и к северу»⁴³. Германский посол Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Москве уже при сыне Ивана III, Василии III, особенно отмечал дипломатические спо-

собности государя: «Лично сам он только раз присутствовал на войне, именно, когда подверглись захвату княжества Новгородское и Тверское; в другое время он обыкновенно никогда не бывал в сражениях и всё же одерживал победу; так что великий Стефан, знаменитый палатин Молдавии, часто вспомнил про него на пирах, говоря, что тот, сидя дома и предаваясь сну, умножает свою державу, а сам он, ежедневно сражаясь, едва в состоянии защитить свои границы...»⁴⁴. Наконец, известный английский писатель XVII в. Джон Мильтон в своём трактате «Московия» указывал, что именно с правления Ивана III Россия стала известна в Европе как сильное и грозное государство. «Иван Васильевич, — писал он, — первый прославил русское имя, до тех пор неизвестное»⁴⁵.

По завещанию Ивана III его преемником на русском престоле стал сын от второго брака (с византийской царевной Софьей Палеолог), Василий. У польского короля и Великого князя Литовского Александра известие о смерти русского государя вызвало настоящий взрыв активности. Он немедленно отправил посла к магистру Ливонского ордена Плеттенбергу, с предложением возобновить военные действия против Москвы, и начал собирать войска. Магистр, однако, посоветовал королю не спешить с войной, так как есть надежда, что против Василия III выступит князь Дмитрий (внук покойного государя, происходивший от его сына от первого брака Ивана Молодого). Расчёты магистра, однако, не оправдались: Дмитрий находился в заключении, и никаких смут на Руси не возникало.

В августе 1506 г. Александр умер, так и не дождавшись начала войны. Теперь шанс воспользоваться неурядицами у соседей получили московские власти. Детей у покойного короля не было. Василий III решил попытаться захватить вакантный престол Литвы и послал вдове покойного короля, своей сестре Елене, грамоту, в которой просил её убедить литовских вельмож избрать его великим князем. Аналогичные предложения были направлены вленскому епископу и влиятельному литовскому магнату Нико-

лаю Радзивиллу. Однако Елена отвечала, что Александр успел назначить преемником своего брата, 39-летнего Сигизмунда (младшего сына Казимира IV).

Новый король и великий князь Литовский полагал, что хорошим началом его царствования была бы успешная война с «московитами». В 1507 г. перемирие было прервано. Сигизмунд отправил послов к Плеттенбергу и в Казанское ханство, уговаривая их совместно ударить на противника. Тем временем ситуация в самой Литве складывалась для Сигизмунда отнюдь не благоприятно.

Во времена покойного Александра одним из наиболее видных литовских вельмож был Михаил Львович Глинский. Блестяще образованный человек, он много путешествовал, бывал в Италии и Испании, жил при дворе императора Максимилиана и отлично знал военное дело. Глинский стяжал громкую славу в войнах с крымскими татарами и получил множество земельных пожалований. Успехи королевского любимца вызывали сильнейшую зависть других магнатов. Апогея их ненависть достигла, когда Александр отдал приверженцу Глинского, Анджею Дрожджу, город Лиду, который отнял у некоего пана Ильинича. Ильинич обратился с жалобой к воеводе виленскому Николаю Радзивиллу, воеводе троцкому Яну Заберезинскому, воеводе полоцкому Станиславу Глебовичу и другим видным лицам. Пань приняла его сторону и не допустила Дрожджа в Лиду. Оскорблённый Глинский принялся настраивать короля против ослушников, причём, по свидетельству современника, говорил ему: «Пока эти пань в Литве, до тех пор не будет покою в Великом княжестве»⁴⁶. Дело дошло до того, что Александр вызвал нескольких литовских вельмож в Брест, чтобы арестовать их. Однако канцлер Альберт Ласский, понимавший, к какой грандиозной смуте могут привести подобные меры, предупредил магнатов, и они в Брест не поехали.

После смерти Александра противники Михаила Глинского решили посчитаться за перенесённые обиды. Они убедили Сигизмунда лишить бывшего фаворита и его родственников значитель-

ной части владений и занимаемых постов. У брата Михаила, князя Ивана Львовича, например, отняли воеводство Киевское и вместо него дали Новогрудекское. Все заверения Глинских в лояльности, жалобы на несправедливость опалы действия не возымели. Истощив доводы, Михаил заявил Сигизмунду: «Ты заставляешь меня покуситься на такое дело, о котором мы оба после горько сожалеть будем»⁴⁷. Он уехал в свою вотчину и начал активную переписку с Василием III и крымским ханом Менгли-Гиреем.

В феврале 1508 г. Глинский решился на открытый мятеж. 2 февраля князь с большим отрядом напал на имение своего недоброжелателя Яна Заберезинского, находившееся недалеко от Гродно, и захватил его. Какой-то турок из свиты Глинского отрубил Заберезинскому голову и поднёс её господину на острие сабли. После этого мятежники предприняли неудачную попытку овладеть Ковенским замком, где содержался хан Большой орды Ших-Ахмат, успевший к тому времени рассориться с литовцами. Потерпев неудачу под Ковно, отряд Михаила Глинского (насчитывавший, если верить польскому историку Мацею Стрыйковскому, около двух тысяч человек) направился к Новогрудку, где иаместником был Иван Глинский. Оттуда князь намеревался двинуться на Вильно, но, узнав, что город готовится к обороне, отказался от этого замысла.

На помощь повстанцам поспешили московские полки во главе с Василием Ивановичем Шемячичем. Однако согласия между союзниками не было. Глинский просил, чтобы Шемячич помог ему овладеть Слуцком. Как говорили недоброжелатели князя, он хотел жениться на княжне Анастасии Слуцкой и тем самым получить право на Киев (Анастасия была вдовой князя из рода Олельковичей). Шемячич предпочёл двигаться на Минск, где и соединился с войсками Глинских. От Минска союзники двинулись к Орше. Туда же подошли с войсками уже знакомый нам Даниил Щеня и Яков Захарьин. Русские войска начали осаду города, но столкнулись с упорным сопротивлением. В начале июля

к Орше приблизилась сильная армия Сигизмунда. Десять дней противники стояли друг напротив друга на берегах Днепра. Продолжать осаду Орши, имея перед собой «королевскую силу», было очень опасно, и русские отвели войска к Вязьме. Ни Минска, ни Орши русским взять не удалось, и только Мозырь без боя открыл им ворота. Литовцы смогли захватить Торопец, но вскоре он был освобождён войсками Даниила Щени.

В конце 1508 г. между Литвой и Русью был заключён мирный договор. Честолюбивые замыслы Сигизмунда I — вернуть владения, утраченные после войны 1500—1503 гг., — провалились, он официально признал присоединение этих земель к Руси. Стремился к прекращению войны и Василий III. Боевые действия показали, что русская армия не способна взять хорошо укреплённые города. Нужно было создавать мощную осадную артиллерию, совершенствовать вооружённые силы в целом. Михаил Глинский по окончании войны вместе со своими сторонниками перешёл на русскую службу.

Обезопасив себя со стороны Литвы, Василий III принялся активно укреплять государство. В 1510 г. Псков был включён в состав Московской державы. События, связанные с «Псковским взятием», подробно изложены в недавно опубликованной монографии В. А. Аракчеева, так что здесь о них речи не пойдёт⁴⁸. Следует лишь заметить, что одним из первых мероприятий московских властей стала высылка наиболее знатных псковичей (бояр и купцов) на восток, в пределы бывшего Великого княжества Владимирского. Позднее такая же акция будет произведена в захваченном Смоленске.

«Вечный мир» 1508 г. продержался лишь четыре года. В 1512 г. началась очередная Русско-литовская война. На этот раз Сигизмунду удалось заключить союз с крымскими ханом Менгли-Гиреем, которому он подарил 15 тысяч червонцев. В мае сыновья хана, Ахмат и Буриаш-Гирей, напали на Русь, но московские воеводы нанесли им сокрушительное поражение. Перепуганный хан писал Василию Ивановичу, что дети пошли в поход без

его приказа. Тем не менее в июле и октябре татары вновь разорили Рязанские земли. То, что татар на Русь натравливает польский король, в Москве узнали очень быстро. К тому же стало известно об аресте королевы Елены (сестры Василия III): её по неизвестным причинам три дня продержали в Трокском замке. Ситуацию подогревал Михаил Глинский, смертельно ненавидевший польского короля и его двор. Честолюбивый князь завёл переписку с магистром Тевтонского ордена, маркграфом бранденбургским Альбрехтом, который желал вернуть утраченные предшественниками земли и тоже готовился к войне против Сигизмунда.

19 декабря 1512 г. Василий III лично выступил в поход на Смоленск. Вместе с ним отправились воеводы Даниил Щеня и И. М. Репня-Оболенский, братья великого князя Юрий и Дмитрий, Михаил Глинский. Экспедиция была подготовлена с большим размахом: один только Псков выставил для неё тысячу пиццальников. Всего же русская армия насчитывала около 60 тыс. чел.

В январе 1513 г. рати Василия III подошли к Смоленску. Осада продолжалась шесть недель, был предпринят и штурм. Как сообщают летописцы, великий князь дал псковским пиццальникам три бочки мёда и три бочки пива, и в полночь они двинулись на крепость вместе с пехотой из других городов. Посошные люди несли «примёт», т. е. деревянные прикрытия для штурмующих. Однако крепостная артиллерия встретила нападавших метким огнём. Штурм был отбит с большими потерями для русских. В конце февраля 1513 г. Василий III приказал снять осаду.

В июле 1513 г. великий князь предпринял второй поход на Смоленск. Русские вновь осадили город и вновь не смогли добиться успеха. Не принесли успеха также осады Витебска и Полоцка. В конце ноября великий князь возвратился в Москву, но уже в феврале 1514 г. «приговорил... что ему итить к Смоленску в третие».

В середине апреля передовые отряды русских под началом

Михаила Глинского уже стояли у города, а в мае началась очередная осада. На этот раз воеводы учли опыт предыдущих походов: в войске Василия III было множество пушек. Действиями русской артиллерии распоряжался некий пушкарь Стефан, который действовал очень успешно. Одно из выпущенных им ядер попало в крепостную пушку и разбило её, ранив много воинов. Другой раз Стефан выстрелил множеством мелких ядер (картечью) в самую гущу защитников крепости. 30 июля 1514 г. Смоленск пал. Некоторые современники, а за ними и историки утверждали, что немалую роль в таком исходе сыграла деятельность М. Глинского, который, по словам хрониста Мацея Стрыйковского, вёл переговоры с «жолнерами и иными смоленскими боярами»⁴⁹. Сигизмунд в послании к брату, венгерскому королю Владиславу, недоумевал, почему крепость, выдержавшая в минувшие годы столь жестокие обстрелы и штурмы, теперь сдалась неприятелю.

Так или иначе, захват Смоленска определил ход дальнейших событий. 7 июля без всякого сопротивления сдался русским войскам Мстиславль, 13 августа мещане Кричева и Дубровны прислали послов к Василию III и принесли ему присягу. Как справедливо отмечал историк Е. И. Кашпровский, «с присоединением к Москве Смоленска днепровская область осталась без прикрытия»⁵⁰.

Вскоре, однако, русские войска постигла неудача. Сигизмунд бросил против них армию одного из лучших своих полководцев, Константина Острожского. 8 сентября 1514 г. он наголову разгромил воевод Ивана Челяднина и Михаила Голицу. По свидетельству московских летописцев, главной причиной поражения стало «несогласие» между военачальниками: первый в бой вступил Голица, а Челядин из зависти его не поддержал, потом литовцы напали на самого Челядина, и тогда Голица ему не помог.

Как только распространилась весть об Оршанском поражении, Мстиславль, Кричев и Дубровна «отступиша к королю». К. Острожский пытался отбить и Смоленск, причём надеялся больше не на силу оружия, а на заговорщиков, которые подбива-

ли горожан открыть королевским войскам ворота. Однако московский наместник Василий Васильевич Шуйский раскрыл заговор и приказал повесить его участников на городской стене. При этом каждый из казнённых был повешен с тем подарком, который он получил от короля: получившего шубу — повесили в шубе, тому, кто получил ковш или кубок, — привязали подарок на шею и так повесили. Не сумев захватить Смоленск, К. Острожский отступил.

После взятия русскими Смоленска и битвы под Оршей война с попеременным успехом продолжалась ещё много лет, до 1522 г. В январе 1515 г. псковский наместник А. В. Сабуров совершил дерзкий набег на Рославль, захватил его и вернулся с большой добычей. В ответ королевские жолнеры во главе с Янушем Свирчевским сожгли Торопец. Летом следующего, 1516 г. войско князя А. Горбатого осадило Витебск, однако вскоре было отозвано из-за начавшегося вторжения татар. Осенью 1517 г. войска К. Острожского напали на Псковские земли. Они предприняли неудачную попытку захватить Опочку, от стен которой были отбиты гарнизоном во главе с наместником Василием Салтыковым-Морозовым. Узнав, что к Опочке спешат московские воеводы, литовцы ушли.

В следующем, 1518 г. московские рати опустошили окрестности Слуцка, Минска, Могилёва, вновь осаждали Витебск, где «острог взяли и посады пожгли и людей многих побили». Центральным эпизодом этого похода стала осада Полоцка, которая вновь обернулась для русских большой неудачей. Тогдашний полоцкий воевода Ольбрахт Гатшольд совершил успешную вылазку и, как сообщает псковская летопись, «в Двине истопиша москвич много».

В 1519 г. на Польшу и Литву обрушилась большая беда: в войну против Сигизмунда вступил Тевтонский орден. До этого, в течение нескольких лет, его магистр, курфюрст бранденбургский Альбрехт ограничивался обещаниями. Дело решила большая сумма денег, которую Василий Иванович направил на содержание ор-

денского войска. Характерно, что Ливонский магистр Плеттенберг к этому союзу отнёсся весьма скептически. «Я к московскому государю живу поближе прусского магистра, — говорил он послу Альбрехта, — и русский обычай знаю: на словах сулят, а на деле не исполняют»⁵¹. Московская армия в 1519 г. разорила окрестности Минска и Могилёва, но не смогла взять ни одного города.

Ещё в 1517 г. Максимилиан начал хлопоты о заключении мира между Василием III и Сигизмундом. При этом он преследовал свои, вполне конкретные цели: император хотел втянуть Россию в войну с Турцией и предотвратить её сближение с Францией, враждебной дому Габсбургов. В Москву отправился талантливый дипломат Сигизмунд Герберштейн, который впоследствии составил интереснейшие «Записки о московитских делах». Однако выполнить своей миссии он не смог: когда Герберштейн уже договорился о приезде в Москву польских послов, К. Острожский начал свой набег на Псковские земли. В 1519 г. Максимилиан умер, и правителем Священной Римской империи был избран его внук, 19-летний Карл Габсбург, являвшийся также королём Испании (с 1516 г.). Новый император получил очень непростое наследство и вскоре был вынужден начать войну с Францией, которая претендовала на часть его обширных владений. В этих условиях империи стало не до посредничества между русским государем и польским королём. Воюющие державы, впрочем, были настолько истощены, что стремились к миру сами. В августе 1522 г. они подписали перемирие сроком на пять лет. Когда в 1527 г. срок соглашения истёк, его продлили до 1533 г. Посредником выступил вновь приехавший в Москву Герберштейн. Заключить «полноценный» мир никак не удавалось, потому что Сигизмунд упорно не желал признавать переход к России Смоленска. Вскоре после подписания второго перемирия Василий женился на княжне Елене Глинской, родной племяннице знаменитого князя Михаила. Через три года, 25 августа 1530 г., она родила первого сына Ивана, будущего царя Ивана Грозного.

Ещё раньше России, в 1521 г., из войны с Польшей вышел Тевтонский орден. Сигизмунд I разрешил Альбрехту Бранденбургскому превратить свои владения в светское государство и стать герцогом прусским, но на правах вассала Польши. Таким образом, возникала возможность объединения в руках одной династии герцогства Прусского и маркграфства Бранденбургского, которые с двух сторон охватывали польские земли на Балтике. Так завязывался ещё один, очень тугой узел противоречий.

В самой Польше рубеж XV—XVI вв. стал временем быстрого расширения привилегий знати. В 1505 г. шляхта добилась издания так называемой «Радомской конституции». Отныне все законы в стране могли приниматься только с согласия Вального (общего) Сейма, особого высшего органа, ограничивавшего власть монарха в интересах феодалов.

Сейм состоял из двух палат. Верхняя именовалась Сенатом и возникла на основе существовавшего ранее Королевского совета. В состав Сената входили высшие должностные лица в государстве (воеводы, каштеляны, советники), многие из которых занимали свои должности пожизненно, а также верхушка духовенства во главе с архиепископом Краковским. Низшая палата называлась Посольской избой и состояла из депутатов, избираемых шляхтой и горожанами от отдельных местностей и городов. Для выбора депутатов шляхта собиралась на свои провинциальные сеймики, где порой пылали нешуточные страсти. Интересно, что распределение сеймиков не вполне соответствовало административному делению страны. Иногда в одном воеводстве созывалось несколько сеймиков, а иногда шляхта нескольких воеводств собиралась на один сеймик. Так, Познанское и Калишское воеводство имело один общий сеймик в Шроде. По своим задачам сеймики бывали предсеймовые, выборные, междусеймовые, отчётные... Открывалась Радомская конституция фразой «Никаких нововведений» (*Nihil novi*), то есть любые её изменения запрещались. Магнатство и шляхта по-прежнему враждовали друг с другом, но

обе части аристократии не желали усиления королевской власти и рьяно оберегали свои привилегии.

В руководстве вооружёнными силами Польши и Литвы большую роль играли гетманы. Само слово «гетман», по данным польских военных историков, было заимствовано в XV в. из Чехии и первоначально могло означать как командующего войсками во время войны, так и начальника городской стражи. При Сигизмунде I сложилась практика назначения постоянного главнокомандующего, который сохранял свои полномочия в мирное время и именовался «гетманом» или «великим гетманом». Первым такую должность занял Ян Тарновский. С 1539 г. король назначал также гетмана польного, являвшегося командиром пограничных войск. Кроме того, имелся «гетман надворный», который руководил войсками, состоявшими при монархе, но эта должность оказалась эфемерной. Литовской армией командовал свой, особый гетман. Гетманы обладали очень широкими полномочиями: они набирали войско, судили солдат и офицеров, разрабатывали планы кампаний, но полностью их права и обязанности были определены гораздо позже описываемого времени, только в 1609 г., в так называемых «Артикулах гетманских».

Основу польского и литовского войска составляло феодальное ополчение. В 1507 г. Вилеиский сейм принял ряд законов о несении шляхтой военной службы. Так, землевладелец, не явившийся во время войны на определённый ему пункт сбора, наказывался денежным штрафом. Если же он и после этого не шёл на службу, то мог подвергнуться смертной казни. Вдовы шляхтичей, владевшие имениями покойных мужей, должны были направлять на службу слуг, а в случае неисполнения этой обязанности лишались земель.

В 1528 г. Виленский сейм чётко регламентировал размеры отрядов, которые формировали шляхтичи разного достатка. Согласно его решению владелец населённого имения от каждых восьми крестьянских дворов выставлял одного воина на «добром коне», в полном вооружении. Год спустя сейм издал подробный устав, по

которому тот, кто имел семьсот «служеб», выставлял сто ратников («пахолков») на конях и с оружием. Владельцы четырёхсот «служеб» снаряжали в поход пятьдесят пахолков, тот же, у кого имелось только восемь «служеб», должен был ехать сам. Совсем бедные шляхтичи, не имевшие крестьян, также призывались в войско сами, но требования к вооружению для них были ниже. В случае необходимости гетман мог также созвать общее ополчение. Тогда жители каждого района страны («повета») собирались под своей «хоругвью». Заметную роль играли в войске иностранные наёмники: немцы, французы, итальянцы и др.

Политический идеал польской знати был высказан ещё в конце XV в. историком Яном Длугошем: «Порядок и свобода в королевстве основываются не на власти короля, но на власти его советников и знатных людей в государстве»⁵². К сожалению, на практике власть «знатных людей» зачастую не приносила ни порядка, ни свободы. Положение крестьян было чрезвычайно тяжёлым. Закон 1543 г. фактически превращал их в крепостных и полностью передавал под юрисдикцию хозяев. Воеводы и наместники из числа магнатов как в Польше, так и в Литве допускали всяческие злоупотребления. В 1528 г., во время пребывания Сигизмунда в Вильно, к нему явилась делегация жителей Витебска, которые жаловались, что воевода Иван Сапега чинит им «кривды и тяшкости», вводит новые поборы, а несогласных сажает на цепь. После долгого следствия Сигизмунд счёл Сапегу виновным и назначил в Витебск нового воеводу — Яна Глебовича. Мздоимец, впрочем, проиграл мало, ибо в том же году стал воеводой подляшским.

Василий III относительно своих подданных пользовался неизменно большей властью, чем его коронованный брат в Польше. Сигизмунд Герберштейн, который в целом относился к Руси с известной симпатией, писал о государе: «Он применяет свою власть к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно и по своей воле жизнью и имуществом всех; из советников, которых он имеет, ни один не пользуется таким значением,

чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они открыто заявляют, что воля государя есть воля Божия и, что ни сделает государь, он сделает по воле Божией». Когда Герберштейн спросил старого боярина, бывшего прежде послом в Испании, зачем он так суетится и унижается во время придворных церемоний, тот многозначительно заметил: «Сигизмунд, у нашего государя иной обычай службы, чем у твоего»³³. Хотя все важнейшие государственные дела Василий III обсуждал с Боярской Думой, он мог весьма резко оборвать неугодного советника. Так, боярину Берсеню Беклемишеву, спорившему с государем о судьбе Смоленска, Василий заявил: «Ступай, смерд, прочь, не надобен ты мне».

Тем не менее именно знатные бояре были главными помощниками великого князя в решении важнейших вопросов государственной жизни. Они не только заседали в Думе, но назначались воеводами, становились волостелями и наместниками в отдельных землях. Наместники в то время обладали очень большими полномочиями, сосредоточивали в своих руках административную, судебную и военную власть. При этом жалованья за службу они не получали, но могли «кормиться» за счёт населения. Приехавшего на «кормление» наместника население встречало «выезжим кормом», а затем, два-три раза в год (на Пасху, Рождество, Петров день), поставляло ему «урочный» (основной) корм в виде самых разных продуктов: хлеба, мяса, рыбы, фуража для лошадей и проч. Кроме того, в пользу наместника поступала часть пошлин с торгов и лавок, судебные пошлины. Общий размер этих повинностей был довольно велик, что обеспечивало существование не только самого наместника, но и его семьи, а также многочисленной челяди. К несчастью, «кормленщики» часто самовольно увеличивали поборы и прямо-таки грабили население. В этом плане русские порядки мало отличались от литовских.

Кроме бояр, большую роль в государственном аппарате Руси играли чиновники-дьяки. Именно они вели текущую работу в центральных учреждениях, среди которых особенно заметное место

занимал Разряд (Разрядный приказ), ведавший личным составом вооружённых сил и поместными окладами. Периодически Разряд проводил особые смотры для дворян. На этих смотрах определялась способность каждого из его участников к воинской службе, размер земельного или денежного жалованья. Внешний вид и вооружение конного дворянского ополчения времён Василия III довольно ярко описал С. Герберштейн: «Обыкновенное оружие у них составляют лук, стрелы, топор и палка, наподобие булавы, которая по-русски называется кистень, по-польски бас-сальк. Саблю употребляют более знатные и более богатые... Хотя они вместе и одновременно держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плеть, однако ловко и без всякого затруднения умеют пользоваться ими. Некоторые из них носят латы, кольчугу, сделанную искусно, как будто из чешуи, и наручи; весьма немногие имеют шлем, заострённый кверху и наподобие пирамиды. Некоторые носят платье, подбитое ватой (тегилай. — А. М.), для защиты от всяких ударов. Употребляют они и копья»⁵⁴.

С. Герберштейн писал также о русской артиллерии, но оценивал её довольно скептически. «Теперь государь, — говорится в «Записках...», — имеет пушечных литейщиков, немцев и итальянцев, которые, кроме пищалей и воинских орудий, льют также железные ядра, какими пользуются и наши государи, но москвиты не умеют и не могут пользоваться этими ядрами в сражении; так как у них всё основано на быстроте...»⁵⁵. Впрочем, как видно из приведённого выше рассказа об осаде Смоленска, при «обложении» городов русская артиллерия могла действовать вполне успешно.

Заметно возросла во времена Василия III роль вооружённой огнестрельным оружием пехоты — «пеших пищальников». Упоминаются в документах также «конные пищальники», но в силу существенных недостатков фитильного замка, в частности довольно сложной процедуры подготовки оружия к выстрелу, широкого распространения в кавалерии огнестрельное оружие ещё не получило.

В таком состоянии находились две противоборствующие державы, когда в начале декабря 1533 г. скончался Василий III. Фактической правительницей Московского государства стала молодая вдова государя, Елена Глинская. Однако на пути к упрочению её власти стояло немало препятствий. Очень опасен был брат Василия III, дмитровский князь Юрий Иванович, который вполне мог начать оспаривать старшинство малолетнего племянника. Елена и её окружение поспешили принять превентивные меры: несчастного Юрия арестовали в Москве сразу после похорон великого князя. Столь же решительно обошлась Елена с собственным дядей, Михаилом Глинским. Этот неукротимый честолюбец, видевший себя то первым вельможей в Литве, то киевским князем, пытался подчинить великую княгиню своему влиянию, но встретил противника в лице её фаворита, молодого князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского. В августе 1534 г. Глинского явно несправедливо обвинили в отравлении Василия III и посадили в тюрьму, где он вскоре умер. Подобная расправа очень испугала многих знатных бояр и князей. В том же году бежали в Литву боярин Иван Васильевич Ляцкий и князь Семён Фёдорович Бельский (племянник С. И. Бельского, из-за которого в 1500 г. началась русско-литовская война). Правительница заподозрила, что побег является частью широкого заговора, и арестовала ещё ряд лиц, среди которых оказалось несколько аристократов «литовского» происхождения: Иван Фёдорович Бельский и Иван Михайлович Воротынский с детьми.

Раздоры в правящих кругах Русского государства вдохновили польского короля Сигизмунда на попытку реванша. Сроки перемирия истекли, и летом 1534 г. гетман литовский Юрий Радзивилл вместе с татарами разорил окрестности Чернигова, Новгорода Северского, Стародуба и Брянска. К началу войны короля активно подталкивал беглец из Москвы, Семён Бельский. Осенью того же 1534 г. киевский воевода Андрей Немирович сжёг Радогощ, но не смог взять Стародуба и Чернигова. Неудачей закончилась также попытка князя Александра Вишневецкого зах-

ватить Смоленск. Русские рати, однако, медлили с ответным ударом: в Москве очень боялись набега крымских татар, которые к тому времени превратились из союзников в жестоких противников. Дело в том, что крымских ханов пугали и раздражали претензии Руси на земли Казанского ханства. В год смерти Василия III хан Саип-Гирей совершил опустошительный набег на Рязанские земли, так что все основания для опасений у Елены были. Только в конце октября 1534 г. русская рать двинулась в Литву. Передовой полк вёл фаворит правительницы Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, большой полк — князя Михаил Горбатый-Суздальский и Никита Оболенский. Из Новгорода, на соединение с ними, двигалось войско под началом князя Бориса Горбатого. Не встречая сопротивления, русские войска вторглись на неприятельскую территорию, разорили множество селений и, не дойдя до Вильно всего шестидесяти вёрст, вернулись назад.

Перед началом и в ходе боевых действий обе стороны активно занимались шпионажем. В упомянутой выше монографии В. А. Аракчеева рассказано о побеге в Литву большого дьяка Родиона, служившего прежде в Пскове, при наместнике Дмитрие Воронцове⁵⁶. Этот «переметчик» не только поступил на службу к неприятелю, но сообщил литовцам подробную информацию о численности и дислокации войск на Северо-Западе Руси. В. А. Аракчеев рассказывает также о некоем таинственном чернце, выполнявшем разведывательное задание полоцкого воеводы Яна Глебовича. Русские, по всей видимости, также имели своих агентов.

В 1535 г. противники вновь обменялись ударами. Королевские войска под началом литовского гетмана Юрия Радзивилла, польского гетмана Яна Тарновского и беглеца из Москвы Семёна Бельского опять напали на Северскую землю. Они без боя взяли Гомель и осадили Стародуб, воевода которого, Фёдор Телепнёв-Оболенский, оказал отчаянное сопротивление. К несчастью для защитников города, литовцы смогли сделать подкоп и взорвали крепостные стены. Множество русских воинов погибло, а Телепнёв-Оболенский попал в плен. Одновременно с литовцами на

Русь напали крымские татары, которые разорили земли по берегам Оки. Русские войска в эту кампанию осаждали Мстиславль, но безуспешно.

Осенью того же 1535 г. псковичи и новгородцы возвели, к югу от Опочки, новую крепость — Себеж. В феврале 1536 г. литовский воевода Андрей Немирович сделал попытку захватить вновь построенный городок, но гарнизон предпринял вылазку и нанёс нападавшим тяжёлое поражение. Почти одновременно с Себежем на Литовском рубеже возникли крепости Заволочье и Велиж.

Отсутствие сколько-нибудь значительных побед подтолкнуло короля Сигизмунда к переговорам. Уже в начале 1536 г. Юрнй Радзивилл направил к Телепневу-Оболенскому своего приближённого, некоего Гайку, который привёз «опасную» грамоту на проезд русских послов к королю. Русские власти, однако, решили, что им направлять послов «неприлично», а нужно, чтобы литовцы сами приехали в Москву. Начались долгие препирательства. В конце концов Сигизмунд пошёл на уступку: в январе 1537 г. ко двору Елены Глинской прибыли полоцкий воевода Ян Глебович «со товарищи». Переговоры начались с отчаянных споров. Литовцы потребовали отдать им Псков и Новгород, затем стали настаивать на передаче Смоленска и на разрушении Велижа и Себежа. Завершилось дело заключением перемирия сроком на пять лет. Гомель вернулся под власть короля, а Себеж и Велиж остались за русскими. В том же 1537 г. Русь заключила договор со Швецией, по которому король Густав Ваза обязался не помогать Литве в войне против русских. Прекращение военных действий понравилось в Литве далеко не всем. Семён Бельский уехал из Литвы к туркам, в Стамбул, и начал всячески натравливать султана и крымских татар на Москву.

Вскоре после окончания войны, в апреле 1538 г., Елена Глинская умерла: ходили слухи, что её отравили. Противники Телепнёва-Оболенского немедленно воспользовались обстоятельством

ми. Уже на седьмой день после кончины правительницы несчастный фаворит был схвачен и посажен в тюрьму, из которой не вышел. Некоторые лица, попавшие при Елене в опалу, напротив, вернулись на политическую арену. Среди таковых особенно выделялся Иван Фёдорович Бельский (брат Семёна Бельского), человек очень честолюбивый. Другим претендентом на власть был Василий Васильевич Шуйский, тот самый, что сурово расправился с заговорщиками в Смоленске в 1514 г. Вскоре между боярскими кланами вспыхнула яростная борьба. Пользуясь малолетством государя, вельможи полностью погрязли в интригах, казнокрадстве и взаимных подлостях. Их беспринципная свара дезорганизовывала всю правительственную деятельность. На глазах юного Ивана приверженцы Шуйских и Бельских отправляли противников в тюрьму или ссылку, избивали и даже убивали. Жестокие зрелища наложили на душу будущего царя неизгладимый отпечаток.

В 1539 г. Василий Шуйский умер при загадочных обстоятельствах и клан возглавил его брат, Иван Васильевич Шуйский. Н. М. Карамзин называл этого боярина «грубым самолюбцем», и не без оснований. Иван Шуйский действительно не знал в борьбе за власть никакого удержу, перед юным государём «величался до нахальства» и даже не считал нужным вставать в его присутствии. В 1540 г., при содействии митрополита Иосафа, Иван Бельский смог временно оттеснить Шуйских от власти. Однако уже в 1542 г. Иван Шуйский вступил в сговор с князьями Кубенскими и устроил настоящий переворот. Ивана Бельского бросили в темницу, митрополита отрешили от должности и отправили в ссылку. В условиях постоянных ссор и интриг в верхних эшелонах власти совершенно дикие формы приняли злоупотребления наместников — кормленщиков. Особенно «прославился» тогда Псковский наместник Андрей Михайлович Шуйский, который, по свидетельству летописца, заставлял ремесленников работать на себя даром, брал чудовищные взятки, приказывал подбрасывать состоятельным горожанам краденые вещи и затем возбуждал против них судеб-

ные дела. Летописец свидетельствует, что жители пригородов предпочитали не ездить в Псков, лишь бы не встретиться с людьми наместника.

Иван IV быстро усвоил нравы и приёмы правления тогдашней политической элиты. Его характер весьма ярко проявился в событиях 1546 г., которые подробно описаны в книге Б. Н. Флори «Иван Грозный»⁵⁷. Тогда правительство распорядилось собрать в районе Коломны новгородских пищальников для отражения возможного набега крымских татар. Однако при сборе войска произошли столкновения богатых «гостей» с рядовыми горожанами, и в результате «не доставили пищальников сорок человек на службу». Те же, кто всё-таки отправились под Коломну, считали себя несправедливо обиженными. В лагере на реке Оке они решили подать челобитную молодому государю, приехавшему «на прохлад... потешиться». Иван просителей не принял, а когда пищальники попытались настаивать, приказал своим дворянам прогнать их силой. Завязалась драка, с обеих сторон были убитые. После этого великий князь поручил своему дьяку Василию Захарову Гнильевскому расследовать причины волнений. В результате следствия обвинению подверглись трое знатных бояр, среди которых был Иван Иванович Кубенский, активный участник заговора 1542 г. Дьяк явно сообщил Ивану IV именно то, что тот хотел услышать. Бояр обвинили в измене и казнили так поспешно, что им даже не прислали исповедников.

В январе 1547 г. Иван IV, достигнув совершеннолетия, официально вступил на престол, приняв новый для Руси титул царя. Вскоре после этого в Москве вспыхнуло восстание, поводом к которому послужили смятые пожары. Как выяснилось впоследствии, бояре Фёдор Скопин-Шуйский и Иван Челяднин распустили слух, что город подожгли с помощью колдовства родственники царя по материнской линии, Глинские. Рассказывали, как царёва бабка, Анна Глинская «з своими детьми (Михаилом и Юрием Васильевичами. — А. М.) волковала: вымала сердца человеческие да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да

кропила»⁵⁸. Восставшие ворвались в Кремль и убили Юрия Васильевича Глинского, а «живот (имущество. — А. М.) князей розграбиша». После этого огромная толпа москвичей явилась в подмосковное село Воробьёво, к молодому царю, и потребовала выдачи Анны и Михаила Глинских. Эта встреча с вооружённым народом произвела на Ивана IV очень сильное впечатление. В речи на Стоглавом соборе, в 1551 г., он признавался: «И от сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моа»⁵⁹. Лишь с большим трудом придворные смогли убедить бунтовщиков, что ненавистных вельмож в царской резиденции нет.

Михаил Глинский, узнав о московских событиях, обратился к излюбленному приёму своих предков: он бежал в Литву. Вместе с ним отправился князь Иван Турунтай-Пронский, который прежде был наместником в Пскове и снискал стойкую неаимчивость горожан чудовищным мздоимством. Во время описанного бунта псковичи пытались подать царю жалобу на наместника, но Иван сурово расправился с челобитчиками. Тем не менее Пронский явно «знал свои вины» и счёл за благо скрыться. По дороге к границе беглецов захватил князь Пётр Шуйский. Решение царя оказалось на редкость кратким: Глинский и Пронский посидели немного под арестом, после чего их отпустили на поруки.

Восстание 1547 г. подтолкнуло Ивана IV к проведению крупных государственных преобразований. Об их содержании и значении для Русского государства подробно рассказано в многочисленных научных исследованиях А. А. Зимина, Р. Г. Скрынникова, И. И. Смирнова, Б. Н. Флори и др. Поэтому в данной статье представляется возможным коснуться только военных аспектов прошедшей реформы. Чтобы лучше понять их смысл, нужно хотя бы кратко охарактеризовать тенденции, присущие европейскому военному искусству того времени в целом.

Весь XVI в. прошёл под знаком бурного развития огнестрельного оружия, как ручного, так и артиллерии. Ручное оружие разделилось тогда на более и менее тяжёлые модели, которые принято называть мушкетами и аркебузами соответственно. Правда,

ещё в начале XX в. выдающийся военный историк Ганс Дельбрюк отмечал: «Не так легко определить, в чём заключается принципиальное различие между аркебузом и мушкетом...»⁶⁰. Действительно, составители документов XVI в. весьма произвольно употребляли военные термины и часто называли одни и те же виды оружия по-разному, а разные — одинаково. Тем не менее принято считать, что мушкет при стрельбе опирали на специальную сошку, которая позволяла увеличить вес и размеры оружия, а значит, сделать его более дальнобойным. Дистанция выстрела из мушкета достигала 200—300 метров. Пуля, весившая обычно 50—60 граммов, была способна пробить любые латы. Воспламенение заряда, однако, происходило по-прежнему с помощью фитильного замка.

Тем не менее именно вооружённая мушкетами пехота стала царить на поле боя, а господству тяжёлой конницы пришёл конец. В этом на собственном, очень печальном опыте убедились французские рыцари в битве при Павии в 1525 г. Испанские аркебузиры маркиза Пескары фактически истребили тяжёлую кавалерию французов. «Бой был чрезвычайно пагубным и плачевным для французских рыцарей, — писал современник, — ибо их осыпали рассеянные кругом испанцы смертоносными свинцовыми пулями, которые посылались не из менее крупных (какими раньше пользовались) ружей, а из более тяжёлых... Они поражали не так, как арбалеты, а часто пронизывали двух воинов или двух коней сразу. Поле вскоре покрылось плачевными кучами поверженных благородных рыцарей и издыхающих коней...»⁶¹. В 1530-е годы в Испании появился патрон, состоявший из бумажной гильзы, в которой помещались пороховой заряд и пуля. Перед заряданием стрелок зубами разрывал гильзу со стороны пороха, отсыпал немного пороха на полку, весь остальной заряд всыпал в ствол, затем туда же опускал пулю с гильзой и прибавал шомполом.

Использование снаряжённого патрона позволило значительно повысить скорострельность мушкета, но всё же подготовка

оружия к выстрелу требовала определённого времени. В интервалах между выстрелами пехотинец-мушкетёр был совершенно незащищен, особенно перед всадником. Для отражения кавалерийских атак применялись воины с длинными пиками («пикинёры»). При этом по мере развития огнестрельного оружия соотношение пикинёров и мушкетёров постоянно менялось в сторону последних. Так, если в первой четверти XVI в. на роту пикинёров обычно приходилось два десятка стрелков, то к исходу века мушкетёры составляли около половины пехоты. Взаимодействие мушкетёров и пикинёров носило довольно сложный характер и требовало от воинов хорошей выучки. Поэтому для формирования крупных пехотных соединений европейские монархи прибегали к услугам профессионалов-наёмников. На рубеже XV—XVI вв. наибольшей славой пользовались швейцарцы, затем на первый план вышли немецкие ландскнехты.

Наем воинов обычно происходил следующим образом. Правительство выделяло определённые средства нескольким высшим командирам, и те приступали к вербовке. На их призыв офицеры ландскнехтов приводили свои отряды, после чего начинался торг. Неслучайно лидер французских гугенотов, адмирал Г. Колиньи, приступая к организации войска, говорил: «Начнём создание этого чудовища с живота»⁶². Социальный состав наёмников отличался большой пестротой. Среди них встречались обедневшие дворяне, сыновья бюргеров или крестьян, просто бродяги или даже преступники. Ни о каком патриотизме здесь, конечно, речи не шло: наёмники сражались за того, кто щедро и регулярно платил жалованье. Вместе с тем они отличались стойкостью и отвагой, ибо не хотели утратить репутации. Ганс Дельбрюк писал о немецких ландскнехтах: «Они уже не представляют индивидуальных воинов, но составляют сомкнутые тактические единицы и уже приучены к тому, чтобы обретать и осознавать свою силу именно в этой сомкнутости, в этой сплочённости. Внешней сплочённости соответствует и внутренняя — новый профессиональный корпоративный дух»⁶³. Внутри наёмных их офицеры поддерживали довольно стро-

гую дисциплину, прибегая иногда к очень жестоким мерам. Обычными мерами воздействия служили побои палками или древком алебарды, широко применялась смертная казнь.

Главный недостаток наёмников заключался в том, что при задержке или неполной выплате жалованья они могли свернуть военные действия, а то и взбунтоваться. Так, в 1516 г., под Миланом, немецкие ландскнехты, служившие в армии императора Максимилиана I, отказались идти в бой из-за того, что им заплатили меньше, чем швейцарцам. По свидетельству хрониста, император обратился к немцам с прочувствованной речью, называл их «своими дорогими, верными, немецкими ландскнехтами», но «...хотя его императорское величество и говорил такие и ещё более прекрасные слова солдатам, всё же они его не послушались»⁶⁴. Как свидетельствует С. Пиотровский, в лагере Стефана Батория под Псковом также постоянно происходили волнения среди наёмников из-за жалованья.

Стремясь заработать на войне как можно больше, наёмные войска жестоко грабили мирное население. «В городе, взятом штурмом, — пишет Дельбрюк, — им (ландскнехтам. — А. М.) всё было дозволено, и все женщины были представлены на их произвол. Кульминационным пунктом было, когда захваченные в плен горожане и крестьяне систематически подвергались пыткам, чтобы заставить их указать предполагаемые скрытые сокровища или чтобы принудить родственников уплатить выкуп. Нередко даже в тех случаях, когда главнокомандующий заключил капитуляцию с осаждённым городом и торжественно обещал неприкосновенность жизни и имущества, солдаты не хотели выпустить из рук добычи, грабили и бесчинствовали в сдавшемся городе...»⁶⁵. Нечто подобное произошло в 1580 г. в Великих Луках, когда, по свидетельству Л. Дзялынского, озверевшие солдаты «...не обращали ни на кого внимания и убивали как старых, так и молодых, женщин и детей».

По окончании войны наёмная армия распускалась и тогда превращалась в страшную угрозу для той страны, за которую только

что сражалась. Безработные наёмники сбивались в отряды и шайки, грабили, воровали, бесчинствовали в городах и сёлах. В 1546 г. Дания, Саксония, Ганивер, Брауншвейг и ещё целый ряд государств даже заключили специальное соглашение о мерах против безработных наёмников. Попытки преодолеть недостатки наёмного войска проявлялись в создании национальных ополчений. Их горячим сторонником был, например, великий итальянский мыслитель Никколо Макиавелли (1469—1527). В своей работе «Возрождение воениного искусства» он восхвалял военную организацию Древнего Рима, в легионах которого служили свободные граждане. Будучи канцлером Флорентийской республики, Макиавелли предпринял практическую попытку создания такого ополчения. Вся страна была разделена на округа, и каждый округ должен был выставить по одной пехотной роте. Ополченцам выдавалось типовое оружие: пика и нагрудный панцирь, а также форменная одежда — белый кафтан и штаны с одной белой и одной красной штаниной. Каждая рота имела своего командира (капитана), назначавшегося из людей с боевым опытом, и своё знамя. В мирное время ополченцы пользовались правом носить оружие и некоторыми юридическими привилегиями, в военное — получали (или должны были получать) жалованье. Реальная жизнь, однако, очень быстро выявила недостатки тосканской милиции Макиавелли. Ополченцы являлись свободными гражданами, а, значит, их нельзя было подвергать жестоким наказаниям, как это делали в военное время с ландскнехтами. Соответственно, не могло у них возникнуть и той дисциплины, которая была основана на страхе перед командиром. С другой стороны, ополченцы не имели присущей наёмникам привычки к войне, их боевого духа, их презрения к ценности жизни, как собственной, так и противника. В 1512 г. милиция, оборонявшая крепость Прато, потерпела сокрушительное поражение от испанской пехоты.

В 1533 г. попытку создания национального ополчения предпринял французский король Франциск I. По его приказу в провинциях были сформированы отряды, которые гордо именовались

«легионами». В каждый легион входило шесть когорт численностью по тысяче человек (800 пикинёров и 200 аркебузирров). Однако и эти войска высоким профессионализмом не отличались. Современник маршал Виельвиль с презрением писал, что новые легионеры — не войны, они «бросили плуг лишь для того, чтобы за 4—5-месячную службу освободиться от налогов...»⁶⁶. В 1543 г. французские ополченцы, которым была поручена защита Люксембурга от наступающих германских войск, фактически разбежались перед лицом неприятеля. Бесспорной «королевой полей» в Европе того времени оставалась пехота наёмников-профессионалов.

Значительные изменения испытывала в XVI в. конница. Суть происходившего очень точно выразил Г. Дельбрюк, назвав одну из глав своего фундаментального исследования «Преобразование рыцарства в кавалерию». Поясняя выдвинутый тезис, он писал: «... В основе рыцарства находится квалифицированный одиночный боец, в основе кавалерии — тактические единицы, составленные из всадников»⁶⁷. Развитие огнестрельного оружия вело к тому, что роль рыцарей, закованных в доспехи и вооружённых холодным оружием, падала. Против больших масс пехоты конница должна была также сражаться большими массами, и от бойцов требовалась теперь в первую очередь согласованность действий.

Очень значительные последствия имело также изобретение пистолета — относительно лёгкого и короткого огнестрельного оружия, позволявшего вести огонь с седла. Само слово «пистолет», по мнению большинства историков, происходит от названия итальянского города Пистойя, в котором жил оружейник Камилло Ветелли, якобы сконструировавший первые пистолеты⁶⁸. Однако в действительности этот вид оружия знали и раньше. Его важным конструктивным элементом был колесцовый замок, изобретённый около 1500 г., возможно, при участии великого Леонардо да Винчи. Этот замок представлял собой довольно сложный механизм. Затравочный порох в нём воспламенялся не фитилём, а искрой, которая высекалась при трении металлического ко-

лѣсика о кусок пирита, зажатый в курке. Вращение колѣсика обеспечивала пружина. Перед выстрелом её сжимали с помощью специального ключа, который устанавливался на выступ на оси колеса. При заводе на $\frac{3}{4}$ оборота шептало — зубчик на спусковом рычаге — заскакивало в специальное углубление внутри колеса и стопорило его. Заведя пружину, стрелок насыпал порох на полку и закрывал её специальной крышкой. При спуске шептало отходило назад и освобождало колесо, которое, под действием пружины, начинало быстро вращаться. Специальный кулачок на оси колеса толкал крышку полки, и она автоматически откидывалась. Одновременно колесо высекало из пирита фонтанчик искр, которые воспламеняли затравку на полке.

По сравнению с фитильным, колесцовый замок значительно облегчал зарядание оружия: отпала необходимость высекать огонь, возиться с тлеющим фитилём, открывать перед выстрелом крышку полки. Неудивительно, что короткий (по сравнению с мушкетом) и более скорострельный пистолет с колесцовым замком стал любимым оружием кавалеристов. Первое широкое применение пистолетов конницей относится к 1544 г., когда в битве при Ранги немецкие всадники успешно атаковали с их помощью французскую пехоту. Немцы двигались глубокими колоннами по 15—20 шеренг, каждая шеренга, подскакав к французам на расстояние выстрела, останавливалась, давала залп из пистолетов и рассыпалась вправо и влево, очищая место для следующей шеренги. Отстрелявшиеся всадники отходили в тыл, заряжали пистолеты, строились в шеренгу и вновь шли вперёд. На французов этот манёвр произвёл такое впечатление, что они вскоре также стали вооружать кавалеристов пистолетами.

С ростом численности пехоты, как уже говорилось, возрастала и численность кавалерийских отрядов. Следствием стало то, что в коннице, наряду с традиционными феодалами-рыцарями, появилось множество наёмников. Особенно славились в своём деле немецкие конники, которых называли «рейтарами» (буквально — «наездниками»). Они носили лёгкие доспехи (обычно один лишь

нагрудник), кожаные куртки и штаны, открытые шлемы. Вооружением рейтаров до середины века служили пика, меч и пистолеты, а затем только меч и пистолеты. Рейтары сыграли большую роль в Шмалькальденской войне (1546—1547), которую вели дворяне-протестанты против германского императора, во Франко-германской войне 1547—1559 гг. и Религиозных войнах во Франции (1562—1589). Характеризуя стойкость рейтаров в битве при Дрё (1562) между католиками и гугенотами, ландграф Гессенский писал: «За плату идут в атаку один раз, за родину — два раза, за религию — три, а под Дрё за французских гугенотов рейтары ходили в атаку четыре раза»⁶⁹.

Излюбленным тактическим приёмом рейтаров был «караколь» (улитка), очень напоминавший то, что немецкие кавалеристы делали при Ранги. При классическом «караколивании», однако, отстрелявшаяся шеренга отходила в одну сторону. Поворот шеренг в результате напоминал спиральные обороты раковины улитки. Чаще всего «караколь» использовался против пеших пикинёров и имел целью создать в их построениях разрывы перед полномасштабным наступлением. Впрочем, в битве при Нанси (1552) немецкие рейтары под началом герцога Альбрехта Алкивиада Бранденбургского успешно использовали пистолеты против тяжёлой конницы французов. Сам предводитель французской кавалерии герцог Омальский был несколько раз ранен пистолетными пулями и, в конце концов, попал в плен.

И всё же тяжёлая кавалерия полностью своего значения не утратила. В первой половине столетия рыцари, пытаясь противостоять силе огнестрельного оружия, заказывали себе всё более тяжёлые доспехи. Именно тогда получили широкое распространение мощные латы из металлических листов, тогда как рыцари времён Александра Невского, вопреки распространённому мнению, носили кольчуги. Особенно высокими качествами отличалась французская тяжёлая кавалерия, воины которой именовались жандармами. Весьма эффективный способ использования жандармерии против рейтаров предложил в 1568 г. маршал Гас-

пар де Со Таванн, участвовавший в Религиозных войнах на стороне католиков. Дело в том, что для повышения плотности огня рейтары строились очень большими колоннами по 1500—2000 чел. Таванн располагал своих жандармов поэскадронно (в каждом эскадроне было 400 чел.) и бросал их атаку. Целью было врезаться в строй рейтаров во время караколирования, посеять среди них панику и смятение. Тем не менее Таванн считал нецелесообразным вооружение всадников пиками и советовал им сражаться мечами.

Сходных взглядов держался соотечественник, младший современник Таванна, гугенот Франсуа де Лану (1531—1591). В своих «Военных речах», опубликованных в Базеле в 1587 г., он отмечал: «Когда они (рейтары. — А. М.) проделывают свою караколе и подставляют фланг в двадцати шагах от неприятеля, чтобы дать залп, захватить назад, зарядить свои пистолеты или достать другие, — тут их не раз бивали... Чтобы опрокинуть отряд, его надо решительно атаковать»⁷⁰. Вместе с тем Де Лану едко высмеивал увлечение французов чрезмерно тяжёлыми доспехами. «Французские дворяне, — писал он, — часто впадают в крайности... Большинство их нагружает себя вместо того, что можно бы назвать латами, целою наковальней... То вооружение, которое носят в настоящее время, так неудобно и тяжело, что у дворянина лет 35-ти под этими латами болят плечи. Раньше мне пришлось видеть, как господин Д'Эгильи и рыцарь Пюигрефье, два почтенных старика, целый день ездили впереди своих рот, одетые с ног до головы в латы, между тем как теперь ни один капитан, даже гораздо более молодой, не захочет, да и не сможет пробыть в таком виде и двух часов». Де Лану также весьма пессимистически оценивал возможности копий в современной ему войне, предпочитая им клинковое оружие.

Наряду с рейтарами и тяжёлой конницей типа жандармерии в некоторых европейских странах активно развивалась лёгкая конница, предназначенная для разведки и рейдов по тылам врага.

Особенную популярность она приобрела в Германской империи, Польше и Венгрии, где сказывалось влияние Турции. В польской армии времён Стефана Батория роль лёгкой кавалерии выполняли казаки и частично шляхетское ополчение. Тяжёлые кавалеристы назывались гусарами, и служили в этих войсках преимущественно представители знатных фамилий. Гусары имели на вооружении пики (против которых решительно ратовали французские теоретики), сабли и, после реформ Батория, пистолеты или карабины. Кроме того, как видно из публикуемых документов, в польской армии находилось много немецких рейтаров.

Заметно совершеннее стали в XVI в. артиллерийские орудия. Мастера-литейщики постоянно экспериментировали с различными комбинациями калибра, длины ствола, толщины ствольных стенок и др. Одновременно предпринимались первые попытки стандартизации артиллерийских орудий. Ещё в первой половине столетия император Карл V приказал принимать на вооружение только пушки семи определённых типов. Его примеру последовали французы. Указами королей Генриха II (1547—1559) и Карла IX (1560—1574) во французской артиллерии было установлено шесть типов артиллерийских орудий: каноны (буквально «пушки»), кулеврины или демиканоны (полупушки), батарды («помеси»), муайены («средние»), фоконы («соколы») и фоконно («соколки»). Впрочем, изыскания продолжались, и к стандартным типам то и дело добавлялись новые. Не случайно такие видные учёные, как итальянский математик Никколо Тарталья и испанец Диего Уффано, предлагали гораздо более развёрнутые классификации орудий. К этому следует добавить, что какой-либо единой системы наименования пушек в Европе не сложилось. Как и в случае с ручным оружием, для обозначения пушек применялась весьма разнообразная и запутанная терминология. Кулеврины, серпентины, василиски, фальконы, картауны, пеликаны, драконы и даже «злые девки» (шарфмеце) — вот далеко не полный перечень терминов, обозначавших артиллерийские орудия.

Относительно грубо можно выявить следующие закономерности. Термин «кулеврина» (от французского «coulevrte» — уж) означал длинноствольное (длина ствола 25—44 калибра) и, следовательно, дальнобойное орудие. Правда, длинноствольные пушки называли также «серпентинами» (от французского «serpent» — змея), шлангами («schlange» — тоже змея, но по-немецки), пасаволантами и иными терминами. Явно иную группу составляли орудия большого калибра с относительно короткими (в сравнении с кулевринами) стволами, стрелявшие тяжёлыми снарядами на небольшое расстояние. Их часто именовали картаунами и бастардами. Термины «фокон» или, в немецком варианте, «фалькон» применялись обычно к небольшим, лёгким орудиям. Наконец, существовали мортиры (от латинского «mortarium» — ступа) — очень короткоствольные орудия, стрелявшие по навесной траектории тяжёлыми снарядами.

Помимо обычных каменных и металлических ядер артиллеристы XVI в. использовали различные зажигательные снаряды. Иногда это были ядра, обмазанные «огненной» смесью, а иногда металлические ядра, раскалённые в особой печи. Последние, судя по дневникам Дзялынского и Зборовского, с большим успехом применяли пушкари Батория при осаде русских крепостей. Использовались также разрывные снаряды, которые тогда называли бомбами и гранатами. Хотя западноевропейские артиллеристы знали их довольно давно, даже в конце XVI — начале XVII в. применение разрывных снарядов было связано с большим риском и часто кончалось плачевно для самих стрелявших. Зато против живой силы противника очень эффективной оказалась картечь. В её роли могли выступать не только металлические пульки, но и простое рубленое железо, куски железного шлака, камни.

Главной сферой применения артиллерии являлась осада крепостей. В полевом бою неповоротливые пушки играли гораздо меньшую роль, чем ручное огнестрельное оружие. Зато на фортификацию они оказали просто огромное влияние. Каменные стены не могли выдержать прямого артиллерийского обстрела и к тому же

плохо подходили для размещения тяжёлых пушек. Поэтому уже в XV в. с внутренней стороны крепостной стены стали сооружать земляную насыпь, повышавшую прочность укреплений и служившую для установки пушек. Следующим шагом стало появление ронделей, изобретение которых приписывается Альбрехту Дюреру (1471—1528)⁷¹. Это были обширные полукруглые постройки, включавшие казематы для солдат и площадки для пушек. Они сильно выступали за стену, что позволяло вести фланкирующий огонь, и должны были заменить прежние крепостные башни.

В начале XVI в. широкое распространение получили бастионы — от итальянского слова «*bastionato*», обозначающего всякую выступающую постройку. Бастионы состояли из земляных валов, облицованных камнем и образующих геометрические фигуры (чаще всего пятиугольник, обращённый вершиной в сторону неприятеля). Артиллерия устанавливалась непосредственно на бастионах, за невысокой насыпью (бруствером).

Европейские фортификаторы очень быстро поняли, что для надёжной обороны крепости артиллерия отдельных бастионов должна поддерживать друг друга. В связи с этим производились постоянные эксперименты с расположением бастионов и их элементов. Крепости стали напоминать в плане сложные многоугольники. Особенного успеха в проектировании укреплений подобного рода достиг немецкий инженер Даниил Спекле (1536—1589), автор книги «Архитектура крепостей».

Другой стороной процесса стало усложнение профиля защитных сооружений. Его цель заключалась в том, чтобы всемерно осложнить осаждающим подход к крепости и особенно установку осадной артиллерии. Перед валом бастиона обычно сооружали глубокий ров, который, чтобы избежать обрушения, отделялся от вала широкой площадкой — бермой. Отлогости рва (ближайший к берме — эскарп, противоположный — контрэскарп) облицовывали камнем, дабы проникшему в ров неприятелю было труднее сделать подкоп. Перед рвом, на некотором расстоянии, возводили пологую насыпь — гласис, а за главным валом ещё одно, более

высокое укрепление — кавальер (от итальянского «cavaliero» — всадник). Сочетание бастионного вала и кавальера позволяло вести по местности ярусный огонь. Гласис служил прикрытием для войск, которые собирались сделать вылазку.

С изменением фортификации изменилась и тактика осады. Старая техника — мантелеты, осадные башни и т. п. — в век огнестрельного оружия оказались совершенно неэффективными. Теперь основную ставку приходилось делать на земляные работы. Избрав наиболее уязвимую, по их мнению, точку обороны, осаждавшие начинали копать по направлению к ней траншеи. Когда траншеи оказывались в пределах досягаемости крепостной артиллерии, перед ними насыпали мощный земляной вал. За этим валом осаждавшие устанавливали пушки, причём на позиции их обычно выводили ночью. Затем, под прикрытием артиллерийского огня, траншеи снова продвигались вперёд — и так до тех пор, пока не представлялась возможность совместной пехотно-артиллерийской операцией одолеть передовые укрепления осаждённых. После этого осадные пушки выдвигались на новые позиции, где их также прикрывали валами, и сосредоточивали огонь на главных укреплениях, пытаясь пробить в них брешь. Для защиты батарей и траншей от вражеского огня кроме насыпей часто применяли туры — плетённые корзины, которые заполнялись землёй, и фашины (вязанки хвороста).

Наряду с артиллерийским обстрелом осаждавшие часто прибегали к подкопам и закладке мин. Защитники крепости противопоставляли миной атаке контрмины, то есть копали встречные подземные ходы и взрывали ходы противника. Активная минная война велась, например, при осаде Падуи (1509) и Ла-Рошели (1543). Использовал их также Иван Грозный при взятии Казани. Как хорошо видно из публикуемых документов, мины активно применяли поляки при осаде Великих Лук и Пскова. Они также в полном соответствии с требованиями военной мысли того времени копали подходные траншеи и строили осадные батареи.

На Руси всё яснее осознавали, что воинские силы страны нуждаются в глубоких преобразованиях. В 1549 г. выходец из православной шляхты Великого княжества Литовского Иван Семёнович Пересветов предложил развёрнутый план реформ. Пересветов несомненно хорошо знал состояние военного дела как в Европе, так и на Востоке. В молодости он, в составе наёмного отряда, сражался на стороне Фердинанда Габсбурга против трансильванского правителя Януша Запольяи, которого поддерживали турки-османы, бывал в Польше, Венгрии, Чехии. В молдавской столице Сучаве Пересветов встретился с выходцем из России Василием Мерцаловым и под влиянием его рассказов решил отправиться в Московское государство. Около 1538—1539 г. он появился на Руси, но здесь карьера честолюбивого шляхтича не заладилась. Испытывая постоянные гонения от всесильных бояр, он проникся стойкой ненавистью к заносчивой и самодовольной аристократии.

Идеальным государством Ивану Пересветову представлялась Османская империя с её сильной центральной властью и мощной армией. Опорой монарха, по его мнению, являются не бояре («богатые богатины»), а дворяне — «воинники», те, «кто готов с честью умереть на игре смертной с недругом». Именно по военным заслугам должны распределяться награды, привилегии и высшие должности. «Ин у царя кто против недруга крепко стоит, — пишет Пересветов, — смертною игрою играет и полки недругов разбивает и царю верно служит, хотя от меньшаго колена, и он его на величество подымает и имя ему велико даёт... А ведомо нету, какова они отца дети»⁷². Вельможи, которые приближаются к царю не по вринским заслугам и не по мудрости, — преступники, и их надо «огнём жежи и иные лютые смерти им давати»⁷³. Пересветов высоко оценивал роль ручного огнестрельного оружия и артиллерии, советовал создавать многочисленную пехоту, вооружённую «пищальми» и спаянную суровой дисциплиной. В научной литературе неоднократно обсуждался вопрос, были ли известны

царю сочинения Пересветова. Не предрешая в данной статье того или иного вывода, следует отметить, что на многие военные проблемы Иван IV и Иван Пересветов смотрели одинаково.

В 1551 г. около тысячи «детей боярских» было «испомещено» вокруг Москвы. Среди них были выходцы из Пскова, Торопца, Великих Лук и других городов. Эта «избранная тысяча» составила своего рода элиту дворянского ополчения⁷⁴. Пять лет спустя правительство приняло «Уложение о службе», которое точно установило воинские обязанности землевладельцев и размеры формируемых ими отрядов. С каждых 100 четвертей «добрые угожей земли» (около 170 га) полагалось выставить одного вооружённого конника. С первых 100 четвертей на службу шёл сам владелец земли, а с последующих — его военные холопы. Тем, кто владел имением менее 100 четвертей или вывел больше воинов, чем полагалось, давали денежную «помогу». Зато тот, кто выставил меньше людей, платил штраф. Строгим наказаниям подвергались «нетчики» — люди, уклонявшиеся от военной службы: у них вполне могли забрать («отписать») поместье. Чтобы выяснить, как дворяне и «дети боярские» выполняют «Уложение», правительство провело несколько смотров. Среди них особенно крупными масштабами отличался смотр, прошедший в июне 1556 г. в Серпухове, во время сбора войск для войны с татарами. В нём принял участие сам царь, который «смотрел свой полк, бояр и княжат и детей боярских, людей их всех, да уведает государь своё войско, хто ему как служит»⁷⁵.

Обычно дворянин начинал службу в 15 лет, когда его заносили в особый список — «десятню». Продолжалась служба пожизненно. Скинуть лямку можно было только благодаря болезни или полной старческой дряхлости. Освобождённым от служебных обязанностей выдавали особую «отставленную грамоту». В целом надо признать, что русский дворянин XVI в. вёл непростую жизнь. Покупка доспеха, оружия, хорошего коня обходилась в весьма крупную сумму и пробивала в семейном бюджете страшные бреши. Выйти на смотр или в поход с «недобрым» снаря-

жением означало подвергнуться карам и наказаниям. Постоянные походы и царские поручения отвлекали от хозяйственных дел: пока помещики воевали в Литве или под Казанью, их земли часто приходили в упадок. Кроме того, война, естественно, грозила рабами, пленом, а то и смертью. С другой стороны, постоянные опасности выковывали стойкие и решительные характеры. Дворяне готовились к военной службе сызмальства, хорошо умели владеть оружием, хотя и не всегда отличались дисциплинированностью.

Вооружение дворян-ополченцев отличалось большим разнообразием. Излюбленным видом холодного оружия являлась сабля. Применялись разнообразные типы древкового оружия, в том числе совни, представлявшие собой широкое, слегка изогнутое лезвие на длинном древке. Пользовались конные дворяне и огнестрельным оружием: пистолетами («пистолями») и карабинами, но широкого распространения «огненный бой» у них не получил. Дело в том, что в описываемое время пистолеты и карабины были на Руси относительно редкими, в основном привозными, и стоили очень дорого. Покупали их только весьма обеспеченные люди, да и те чаще использовали на охоте, чем в бою. Зато многие образцы этого оружия отличались тщательной отделкой и великолепным декором. Металлические части украшались резьбой и гравировкой, ложа — металлическими и роговыми накладками. Тем не менее следует отметить, что «стреляющей кавалерии», чего-либо подобного немецким рейтарам, среди русских воинов не было.

В качестве защитного вооружения бояре и дворяне использовали самые разнообразные доспехи. Как и в Европе, на Руси прослеживается тяга к усилению и утяжелению «брони». Весьма распространённым был, например, бехтерец (от персидского «бехтер» — панцирь), состоявший из узких, коротких стальных полос, располагавшихся вертикальными рядами на груди и спине воина. Часто использовались различные комбинации кольчуги и металлических пластин. Так, например, юшман представлял собой

кольчугу, в которую на груди и спине были вставлены крупные металлические пластины. Вместе с тем очень популярным оставался упомянутый ещё С. Герберштейном тегилай — стёганный, подбитый ватой халат. Кстати, для защиты головы, наряду с различными шлемами, тоже использовались «бумажные шапки» — стёганные колпаки.

Важнейшим нововведением 1550-х годов в области военного дела стало стрелецкое войско. В начале столетия, как говорилось выше, использовались пехотинцы — пицальники, набранные в различных городах. Стрельцы, в отличие от них, несли службу как в военное, так и в мирное время. Они не только участвовали в походах, но составляли гарнизоны городов, выполняли полицейские функции, охраняли и сопровождали ценные грузы. Поступали в стрельцы «охочие вольные люди», за службу им платили жалованье, частично деньгами, частично хлебом. Кроме того, в свободное от службы время стрельцы могли заниматься всякими дополнительными приработками: ремеслом, торговлей и иными промыслами. Жили они вместе с семьями в собственных домах.

Вооружение стрельца состояло из ручной пицали, сабли и бердыша — топора с длинной рукоятью и лезвием в виде полумесяца. Некоторые историки полагают, что часть стрельцов вооружалась также копьями, однако чёткого подтверждения этому не обнаружено. Бердыш, кстати говоря, благодаря длинной рукояти мог быть использован при отражении конницы. Выполнял он также функции сошки.

Стрельцы проходили специальное обучение строю и стрельбе из пицалей. Английский путешественник Антоний Дженкинсон, неоднократно посещавший Россию, описывает стрелковое учение, происходившее в Москве, в декабре 1557 г. Мишенью служил ледяной вал длиной около 200 м и высотой до 2 м. В 50—60 м от мишени были устроены деревянные подмости. На смотр прибыло пятьсот стрельцов, которые шли колонной, по пять воинов в ряд. Они поднялись на подмости, построились в шеренгу и принялись обстреливать вал из пицалей. Стрельба продолжалась до

тех пор, пока мишень не была полностью разрушена. О регулярном обучении стрельцов пишет также иезуит А. Поссевино, побывавший в 1581—1582 гг. в Москве и в лагере С. Батория под Псковом.

Для управления стрельцами был создан особый Стрелецкий приказ. Служившие в нём дьяки ведали приёмом воинов на службу, выплатой им жалованья, снабжением боеприпасами и оружием, разбором проступков и преступлений. Интересно, что во время военных действий часть дьяков отправлялась вместе со стрельцами в поход, выполняя, видимо, административные и интендантские функции.

Численность стрелецких войск быстро возрастала. В 1550 г. был организован первый отряд всего в 3 тысячи воинов, а в конце столетия, по данным английского дипломата Джэйлса Флетчера, в русском войске насчитывалось до 12 тысяч стрельцов, в том числе 5 тысяч московских, 5 тысяч «городовых» (т. е. живших в разных городах, в том числе в Пскове) и 2 тысячи конных («стремянных») стрельцов.

Стрелецкое войско, несомненно, имело некоторые черты регулярной армии: оно сохранялось в мирное время, получало содержание от государства (правда, неполное), имело единообразное вооружение, проходило обучение. Не было ещё совместного (по квартирами или в казармах) размещения военнослужащих, не всегда чётко определялись их права и обязанности — всё это появилось позже. Впрочем, многого о жизни стрельцов мы просто не знаем. В 1682 г., во время восстания в Москве, бунтовщики сожгли Стрелецкий приказ, и его архив погиб. Во всяком случае бесспорно, что для середины XVI столетия учреждение стрельцов было очень прогрессивным явлением.

Значительную военную силу составляли также городские казаки. Иван IV высоко ценил этот вид войск и активно способствовал его развитию. Именно из городских казаков состояли гарнизоны многочисленных пограничных крепостей. За службу

они получали денежное жалование, а иногда и земли. Так, в 1571 г. было принято решение о наделении землями тысячи конных путивльских и рыльских казаков, которым с этого времени полагалось служить «с земли», «без денег». Вспомогательную службу (обозы, фортификационные работы и т. д.) по-прежнему несло ополчение из посадских людей и крестьян — посоха.

Значительно выросла при Иване IV численность служивших в русском войске иностранцев. В Москве было размещено несколько небольших по численности отрядов во главе с капитанами, сформированных по национальному признаку: немцы, датчане, шотландцы и др. Их поселили недалеко от столицы, на Болвановке, и дали некоторые льготы, в том числе право беспощадной торговли. Последним обстоятельством активнее прочих воспользовались немцы. Они принялись за «коммерцию» настолько активно, что митрополит был вынужден пожаловаться царю на дворян, промотавших в немецких лавках и кабаках почти все деньги и не способных из-за этого приобрести коней и хорошее оружие. Некоторые иностранные наёмники участвовали в боевых действиях на границах русского государства. Так, ливонец Георг Фаренсбах, служивший впоследствии в армии С. Батория, участвовал в боях с крымскими татарами на р. Оке.

Наряду с иностранцами, поступавшими на службу добровольно, в войско зачисляли и военнопленных. Английский путешественник Джером Горсей подробно рассказывал о судьбе 85 шотландцев, которые служили в шведской армии и попали в плен к русским. «Над шотландцами, — пишет он, — был поставлен Дженин Лингетт, храбрый и честный человек. Им выдали деньги, платье и каждодневное содержание едой и питьём; они получили также лошадей, сено, овёс, а для вооружения — ружья, мечи и пистолеты»⁷⁶. Только в 1564 г. в Москву вывезли более трёх тысяч пленных из Ливонии. Первоначально их поселили в двух иноземных слободах — Юрьевской и Ругодивской, а затем перевели в Немецкую слободу на р. Яузе. По свидетельству Дж. Горсея, бывшие пленники сыграли большую роль в отражении татарского на-

бега в 1572 г. Англичанин даже утверждает, что они «...принесли гораздо большую помощь против татар, чем двенадцать тысяч русских с их короткими луками и стрелами»⁷⁷. Данное суждение, впрочем, явно выглядит преувеличенным, не говоря уж о том, что русские воины в то время имели на вооружении отнюдь не только луки и стрелы.

Весьма впечатляющих успехов достигла при Иване IV русская артиллерия. Работавшие на московском Пушечном дворе литейщики экспериментировали с различными моделями орудий не меньше, чем западноевропейские мастера. Множество больших и малых пушек изготовили Андрей Чохов, Семён Дубинин, Русин Евсеев, Булгак Новгородов и их менее известные товарищи. Стволы пушек отливались с цапфами и ручками — дельфинами, снабжались удлинённым приливом на казённой части («винградом» или «репеем»), что заметно облегчало перевоз и переноску орудий. В середине столетия на орудиях появилось прицельное приспособление — прорезь и мушка. Хотя большинство орудий того времени заряжалось с дула, предпринимались попытки создания казнозарядных орудий. Таковые могли быть трёх моделей: 1) со специальной вкладной каморой; 2) с запираннем казённой части посредством винта; 3) с запираньем казённой части подвижным клином. Примером последней, самой совершенной модели может служить небольшая пушка, которая по сей день хранится в Санкт-Петербургском Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи. Запирающий механизм у неё состоит из сплошного клина,двигающегося в поперечном горизонтальном направлении. Движение клина производилось вращением рукоятки: на плоскости клина были зубцы, имевшие сцепление с шестернёй, насаженной на один стержень с рукоятью. Известны и такие орудия, у которых клин двигался в вертикальном направлении. Хотя казнозарядные орудия оставались в XVI и даже в последующем XVII в. довольно редким явлением, само их появление свидетельствует о том инапряжённом техническом поиске, который вели средневековые русские мастера.

Немало сил прилагалось для повышения скорострельности орудий. В связи с этим на Руси появились многоствольные орудийные системы, которые назывались «сороками» или «арганками». Известно, что семиствольную сороку взяли в Сибирский поход казаки Ермака Тимофеевича. Андрей Чохов создал ствольную пицаль, защищавшую ворота Китай-города в Москве. Понятно, что многоствольные орудия не могли быть крупнокалиберными. Нередко подобные системы представляли собой собрание даже не пушечных, а ружейных стволов, являясь, таким образом, предшественниками современных пулемётов. Изготавливались на Руси и специальные орудия для стрельбы «дробом» — картечью. Обычно они имели короткий ствол очень большого калибра и могли, следовательно, вести подлинно ураганный огонь на небольшие расстояния. Дробовые орудия часто называли в документах «тюфяками». Другим специфическим видом пицалей являлись «гафуницы» — орудия, имевшие отличную от ствола по диаметру камору.

По своему практическому назначению русская артиллерия XVI в. делилась на городовую, осадную и «полковой наряд», в состав которого входила полевая и собственно полковая артиллерия. Городовая артиллерия состояла на вооружении крепостей и включала пушки разного калибра. Многие города обладали весьма впечатляющим орудийным парком. Не случайно С. Пиотровский с большим уважением отзывался об артиллерии Пскова и отмечал в своём дневнике: «Пушки у них (псковичей. — А. М.) отличные и в достаточном количестве... достанется нашим батареям и насыпям».

Для осад вражеских крепостей применяли орудия крупных и средних калибров. Интересно, что большие пушки имели в то время собственные имена, иногда довольно причудливые. Так, среди творений московских мастеров имелись пицали «Скоропея» (отлита в 1590—1591 гг.), «Аспид» (1590), «Троиал» (1590), «Сви-

ток» (1591) и др. Правда, все перечисленные орудия появились уже после завершения Ливонской войны, но необходимый для их создания опыт был выработан гораздо раньше. В середине столетия в Москве тоже умели изготавливать очень качественные орудия. В 1563 г., например, мастер Богдан отлил пицаль, которая имела ствол длиной два метра и стреляла ядрами весом по шесть гривенок (примерно 2,5 кг). Здесь чётко прослеживается стремление мастера увеличить дистанцию стрельбы путём удлинения ствола. Подобные пушки среднего калибра в большом количестве изготавливали и в западноевропейских странах. Кстати, в дальнейшем именно 6-фунтовые пушки станут наиболее популярными и в Европе, и в России.

Полковую артиллерию составляли лёгкие, подвижные орудия на колёсных лафетах (крепостные пушки часто ставили в «колоды» — бесколёсные станки). Их часто называли «волконейками» или, более крупные, «волконеями», что явно навеяно европейскими терминами «фальконет» и «фалькон». Вообще же артиллерийская терминология на Руси была не менее запутанной, чем в странах Западной Европы. Так, понятие «пицаль» могло применяться и к артиллерийскому орудью, и к ручному оружию. Иногда название пушки отражало какие-то её конструктивные особенности или особенности внешнего облика: «гафуница», «пицаль со вставнем» (казнозарядная, со съёмной камерой), «сорока», «пицаль грановитая» (с гранёным стволом) и др. В других случаях подчёркивалось назначение пушки: «вестовая», «огненная».

Служившие при артиллерийских орудиях пушкари по своему социальному положению напоминали стрельцов. Они также получали от казны жалованье и тоже занимались дополнительными приработками. Как и стрельцам, пушкарям часто давали различные поручения по приёму и доставке боеприпасов. В 1555 г., например, Иван IV направил в Новгород московских пушкарей с «кружалами» (кружало — приспособление для измерения диаметра ядра). Пушкари должны были проследить, чтобы новгородские

кузнецы делали ядра «добрые», круглые и гладкие. Одновременно царь наказывал новгородским дьякам следить за пушкарями, дабы они у кузнецов «посулов и поминок не брали»⁷⁸.

Видимо, пушкари проходили регулярное обучение. Во всяком случае, в Москве периодически проходили смотры, на которых они демонстрировали своё умение. Один из таких смотров подробно описал английский купец А. Дженкинсон. На поле установили два деревянных сруба, наполненных землёй. Перед каждым срубом стояла белая мишень. На огневые позиции было выведено множество орудий разного калибра. В начале смотра стрельцы дали залп из ручных пищалей. Затем открыли огонь малокалиберные орудия, а за ними всё более и более крупные. В итоге прочно сделанные срубы были полностью разрушены.

Руководство артиллерией осуществлял Пушечный приказ. В его ведении находились: изготовление орудий и боеприпасов, рассылка пищалей по городам, служба пушкарей и множество других вопросов. Дьяки Пушечного приказа, так же как дьяки Стрелецкого приказа, участвовали в военных походах. Так, в 1577 г., при вторжении русских войск в Ливонию, с войском следовал, «у наряду», дьяк Андрей Клобуков. В нападении русских войск на захваченную литовцами крепость Кесь, в 1578 г., участвовал другой дьяк «у наряду», Терентий Лихачёв⁷⁹.

Большое внимание уделялось укреплению границ, особенно южной и западной. В царствование Ивана IV было построено или восстановлено множество крепостей, которые образовывали оборонительные линии, защищавшие страну от татарских набегов: Орёл, Новосиль, Данков, Рязск и др. В 1565 г. было завершено возведение Печорской крепости, ставшей мощным узлом обороны на Северо-Западе страны. Совершенствовались также многие старинные крепости, в том числе и Псковская. Правда, типичные для Европы того времени бастионы не получили на Руси широкого распространения. Отечественные мастера по-прежнему возводили каменные стены и башни. Однако теперь их часто дополняли

земляными валами, деревянными срубам, которые заполнялись землёй, дополнительными деревянными башнями.

Определённые изменения происходили в руководстве вооружёнными силами в целом. В 1552 г. по распоряжению Ивана IV была составлена Дворовая тетрадь — полный список государева двора, около четырёх тысяч человек. Именно из Государева двора выходил высший командный состав (воеводы и головы), а также крупные администраторы, дипломаты и т. п. Дворяне в Дворовой тетради были расписаны по тем уездам, где они владели землёй. Тем самым закреплялась организация феодалов в уездные служилые корпорации.

Было упорядочено местничество. Это типичное для Московского государства явление заключалось в том, что при назначении на высшие государственные и военные должности решающее значение имело происхождение служилого человека. Учитывалась при этом не абстрактная знатность, а «службы» предков и родственников. Если некогда один боярин или дворянин был подчинён другому, то и их потомки должны были находиться в том же соотношении. Поэтому чрезвычайно опасным считалось принять «невместное» назначение: создавался плохой прецедент, «порука» роду. Местничество порождало постоянные споры и тяжбы, порой буквально парализовывало деятельность органов власти. Понятно, что при руководстве военным походом местничество могло иметь особо опасные последствия. Зачастую родовитые и совершенно не способные к полководческому делу вельможи категорически отказывались подчиняться опытным, но «худородным» воеводам.

В 1550 г. были ограничены случаи, когда служба считалась совместной и, следовательно, были возможны местнические споры. По указу Ивана IV и приговору Боярской Думы при организации Большого полка (главного войска, выступающего в поход) в него назначался большой воевода, который считался выше первых воевод Передового и Сторожевого полков, а также полков Правой илевой руки. В свою очередь, первые воеводы Сторо-

жевого и Передового полков считались не меньше воеводы полка Правой руки, а воевода полка Правой руки выше воеводы полкалевой руки. В указе особо отмечалось, что если кому-либо, не занимающему должности воеводы, придётся подчиниться начальнику «не по отчеству», то порухи в том нет⁸⁰. Таким образом, во-первых, было ограничено число случаев, когда воеводы отдельных полков могли местничать друг с другом, а во-вторых, уничтожено право молодых людей знатного происхождения местничать с менее родовитыми воеводами.

Тем не менее полностью избавиться от местничества, даже в военной сфере, Иван IV не смог. Так, во время Ливонской войны, в 1579 г., местнические споры начали воеводы войск, направленных под крепость Цесис. Государь приказал им служить «по росписи», но действия это требование не возымело. Тогда Иван IV прислал в полки из Москвы дьяка Андрея Щелкалова и дворянина Даниила Салтыкова, которые фактически отстранили строптивых воевод от командования.

Через шесть лет после ограничения местничества, в 1556 г., были отменены «кормления» наместников. Отныне население должно было платить в казну общегосударственный налог — «кормленичий окуп». Размеры окупа были довольно значительными: для Двииской земли, например, он равнялся двадцати рублям с сохи. Полученные деньги шли на выплату жалованья должностным лицам, а также на «помогу» нуждающимся воинам дворянского ополчения.

В целом следует признать, что при Иване IV вооружённые силы страны сделали заметный шаг вперёд. Это позволило добиться и нескольких внешнеполитических успехов. В 1551 г. началась подготовка к покорению Казанского ханства. Правители этого государства издавна вели враждебную Москве политику. Подвижные татарские отряды разоряли не только пограничные уезды, но и выходили к Владимиру, Костроме и далёкой Вологде. «От Крыма и от Казани, — писал позже Иван IV, — до полуземли пусто бьще»⁸¹. Захваченных «полонянников» татары обраца-

ли в рабство, заставляли трудиться на себя и продавали в Турцию, Среднюю Азию, даже арабам. В 1548—1550 гг. русская армия дважды предпринимала наступление на Казань, но успеха не добилась.

В мае — июне 1551 г. всего за четыре недели у слияния Волги и Свияги (в 30 км западнее Казани) была построена деревянная крепость — Свияжск. Её сооружением руководил талантливый фортификатор дьяк Иван Григорьевич Выродков. Вскоре после основания крепости жившие в её окрестностях «горные черемисы» попросились «под руку» русского царя. Правящая элита Казанского ханства в то время раскололась на два лагеря. Мать умершего в 1549 г. хана Сафа-Гирея Сююн-Бике и её советник Кошак («муж zelo величав и свиреп») ориентировались на союз с крымскими татарами и ратовали за войну с Русью. Однако многие казанские вельможи считали, что следует пойти на уступки русскому царю. В середине августа возобладавшая «партия мира» добилась возведения на ханский престол касимовского царевича Шах-Али, явного ставленника Москвы. Вместе с Шах-Али в Казань прибыли боярин Иван Иванович Хабаров и дьяк Иван Выродков, для «управных дел».

К сожалению, ни московские администраторы, ни Шах-Али особой гибкостью не обладали. Новый правитель немедленно занялся расправами со своими противниками из числа знатных казанцев, особенно с теми, кто был причастен к его изгнанию в 1546 г. Неудивительно, что в ноябре 1551 г. в Москву пришли сообщения о контактах казанских вельмож с Ногайской ордой. Узнал царь и о том, что претензии Руси на Казанские земли вызвали крайне враждебную реакцию у турок-османов. Султан Сулейман I и крымский хан Девлет-Гирей направили послов в Астрахань и Ногайскую орду, призывая их заключить союз для борьбы с русскими. В этих условиях московские дипломаты оказали давление на Шах-Али, который, опасаясь за собственную судьбу, согласился передать власть царскому наместнику. 6 марта 1552 г.

он выехал в Свияжск для встречи с будущим наместником, боярином Семёном Ивановичем Микулинским. Когда об отъезде хана узнали в Казани, там вспыхнуло восстание. Татары напали на русские «сторожи», перебили детей боярских и стрельцов.

В апреле 1552 г. в Москве было принято решение об организации полномасштабного военного похода на Казань. В состав войска вошли стрельцы и дворяне (том числе из многих городов Северо-Запада), многочисленная артиллерия. В самый разгар подготовки экспедиции из Тулы пришло сообщение, что на город напали крымские татары. Против них немедленно двинулись конные рати под началом князя Михаила Ивановича Воротынского, сына выходца из Великого княжества Литовского. Воротынский смог отогнать татар за Оку, причём их отступление очень напоминало паническое бегство: при переправе воины Девлет-Гирея «пушки некоторые и кули потопил, и порох»⁸².

В начале июля русское войско двинулось на Казань. 13 августа оно достигло Свияжска, а 19 августа подступило к стенам ханской столицы. При осаде Казани русские активно использовали тяжёлую артиллерию, обстреливали город «стенобитным боем и верхними пушками огненными», устанавливали палисады и туры. Решающую роль сыграло разрушение крепостных стен с помощью пороховых зарядов. 2 октября, на рассвете, иностранные мастера смогли заложить 48 бочек с порохом в два подкопа и одновременно взорвать их. В образовавшиеся проломы, под прикрытием ружейного и орудийного огня, бросились колонны штурмующих. О том, что произошло дальше, даёт представление запись в Разрядных книгах: «Государевые ратные люди во град Казань овы в полые места влезоша, инии же по лесницам и по прислонам, во граде биюще татар по улицам, мужей и жон по дворам, а иных из ям выволачиваючи и из мизгитей (мечетей. — А. М.) их и из полат, и секуще их без милости и обдираху их до последния ноготы»⁸³.

Казанский хан Ядигир-Магмет попал в плен, вскоре крестил-

ся и как «царь Симеон Касаевич» стал владельцем Звенигорода, активным участником войн России на Западе.

В 1556 г. была покорена Астрахань: хан Дервиш-Али бежал при приближении русских войск. Ещё одно ханство, Ногайское, признало вассальную зависимость от Руси. Завоевание Поволжья значительно повысило авторитет Москвы на Кавказе. Черкесские, кабардинские и дагестанские князья начинают обращаться за помощью к царю, а некоторые даже принимают русское подданство. В Стамбуле и Крыму захват Казани и Астрахани вызвал сильнейшее волнение. Однако султан Сулейман I, прозванный современниками Великолепным, вёл в то время сразу несколько войн и не мог немедленно вмешаться в русские дела. Что же касается крымцев, то им был нанесён ряд очень чувствительных ударов. Ещё весной 1556 г. Иван IV послал на Днепр своего воеводу Ржевского, который соединился с днепровскими казаками и предпринял успешный набег на ханские крепости Очаков и Ислам-Кермен. Эта экспедиция произвела очень сильное впечатление на украинскую шляхту Великого княжества Литовского, издавна воевавшую с татарами. В сентябре того же 1556 г. староста каневский Дмитрий Иванович Вишневецкий направил Ивану IV челобитную с просьбой о приёме на русскую службу. В начале октября Вишневецкий с казаками захватил Ислам-Кермен и вывез оттуда всю артиллерию в свою крепость на Хотицком острове. Весною 1557 г. татары попытались выбить казацкий гарнизон с острова, но безуспешно. Только осенью Д. Вишневецкий вернулся в Канев, а затем уехал на Русь, где получил от Ивана IV город Белев «со всеми волостями и сёлами».

Расправившись с наследниками Золотой Орды, Иван IV обратил своё внимание на Запад. В его планы входило присоединение Прибалтики и получение выхода к Балтийскому морю. Без этого трудно было налаживать торговые и политические связи со странами Западной Европы, развивать экономику страны. О подготовке и ходе Ливонской войны кратко рассказано в предисловии к дневнику С. Пиотровского, составленном О. Милевским.

Поэтому в данной статье представляется целесообразным коснуться в первую очередь тех событий, о которых автор XIX в. умолчал, а также ситуации, сложившейся в европейской политике.

Земли Прибалтики в то время находились в руках Ливонского ордена, Рижского архиепископа, Эзельского епископа и других феодалов. Эстонские и латышские крестьяне были крепостными, отбывали тяжёлую барщину. В городах, крупнейшими из которых являлись Рига, Ревель (Таллин) и Дерпт (Тарту), социальные противоречия тесно переплетались с национальными: городская верхушка состояла в основном из немцев, а среди низов преобладали представители коренного населения. Неудивительно, что латыши и эстонцы регулярно поднимали восстания, которые подавлялись немецкими властями с исключительной жестокостью. Вместе с тем Ливонский орден постепенно слабел и к середине XVI в. представлял собой довольно рыхлое политическое образование. Военные ленники и Ордена, и Рижского епископа превратились в землевладельцев-дворян, получавших основные доходы за счёт продажи хлеба на европейский рынок. Их военные обязанности стали формальностью, а сюзерены не имели никакой возможности принудить вассалов к службе.

Постоянный интерес к землям ослабевшего Ливонского ордена проявляло правительство Польши и Литвы. В 1548 г., вскоре после венчания на царство Ивана IV, скончался польский король Сигизмунд I, который правил страной необычайно долго — целых 42 года (с 1506 г.). Во внешней политике этот монарх неоднократно воевал с Русью и крымскими татарами, пытался вмешиваться в дела Молдавии и Валахии. Довольно сложные отношения сложились у Польши с Тевтонским орденом. Как говорилось выше, тевтонцы даже были некоторое время союзниками Руси в войне против Сигизмунда. В 1525 г. король разрешил магистру Альбрехту Бранденбург-Ансбахскому секуляризировать орденские владения и стать герцогом Прусским на правах вассала

Польши. Впоследствии за бранденбургскими маркграфами было признано право наследования прусского престола в случае прекращения линии Альбрехта.

Во внутренней политике правление Сигизмунда I стало временем дальнейшего расширения прав аристократии и одновременно обострением борьбы между шляхтой и магнатами. Чтобы укрепить свои позиции и поднять престиж, магнаты принимали титулы от германского императора. Знатная литовская фамилия Радзивиллов, например, в 1518 г. получила от Максимилиана I княжеский титул. Недовольная засильем магнатов шляхта порой просто отказывалась от выполнения указов короля. Так, однажды Сигизмунд I начал сбор «посполитого ружения» для похода в Валахию. Под стенами Львова собралось свыше 150 тысяч шляхтичей, которые решили воспользоваться случаем и подали монарху грамоту с перечислением всех обид. После неудачных попыток успокоить дворянство Сигизмунд предпочёл войско распустить. Это событие, получившее насмешливое название «петушиной войны», показывало, насколько шаткими и непрочными были позиции короля в Польше.

Преемником Сигизмунда стал его сын Сигизмунд-Август. С. М. Соловьёв писал об этом монархе: «Мать, королева Бона, воспитала его согласно с своими правилами и целями: она ослабила его душевные силы, держа его постоянно среди женщин, не допуская ни до каких серьёзных занятий. Такое воспитание отразилось и на поведении короля во время правления, и он был прозван король-завтра по привычке откладывать и медлить»⁸⁴. Здесь надо заметить, что упомянутая королева Бона, супруга Сигизмунда I, происходила из знатной итальянской фамилии Сфорца (дочь герцога Миланского Джан-Голеаццо Сфорца) и действительно отличалась непомерным властолюбием. Однако едва ли можно объяснить политическую пассивность Сигизмунда-Августа только чертами его характера. Король, как показывают факты, вполне мог проявить незаурядную энергию, но власть его была ограни-

чена Вальным Сеймом с его вечной борьбой между самовольными магнатами и шляхтой, постоянно недовольной своим положением.

В 1566 г. публицист Станислав Ожеховский с гордостью писал: «В Польше коронный совет — это не что иное, как стена между подданными и королём, которая должна и горячность короля умерить, и от нас, подданных, своеволия не допускать»⁸⁵. Сам Сигизмунд-Август, обращаясь к Сенату, как-то с раздражением сказал: «Сидело их здесь достаточно на этих скамьях, которые покушались на то, чтобы меня оседлать, но не преуспели в этом»⁸⁶. В действительности, вопреки утверждению Сигизмунда-Августа, попытки «оседлать» короля вполне удавались.

Между тем положение Польши и Литвы, как и всей Западной Европы, во второй половине столетия было очень сложным. Людям всех исторических эпох свойственно считать свой исторический период исключительным, самым важным и трудным. В середине XVI в., как и в начале XXI, современникам казалось, что привычное мироздание рушится, что никогда ещё на Земле не происходило ничего подобного. И надо признать, оснований думать так у них было немало. В 1517 г. бывший студент Виттенбергского университета монах Мартин Лютер публично прибил на двери часовни в Виттенберге грамоту с 95 тезисами, направленными против католической церкви. Так начиналось движение протестантизма, зарождалась новая ветвь христианской религии, которая отражала чаяния и интересы крепнущего бюргерства. Тезисы Лютера, по словам современника, имели «воспламеняющее действие, подобное удару молнии в бочку пороха». Разные социальные группы стали вкладывать в них свои требования, увидели в них то, что хотели видеть, и далеко не всегда то, что имел в виду автор. В 1522 г. в Западной Германии мелкопоместные рыцари во главе с Францем фон Зиккингеном подняли мятеж против архиепископа трирского, причём действовали они именно под протестантскими лозунгами. Это выступление, которое не поддержали даже горожане Трира, было легко подавлено, а Зиккинген — убит.

Однако уже в 1524 г. вспыхнуло гораздо более мощное крестьянское восстание, получившее название «Крестьянской войны». Идейным вдохновителем мятежа стал священник из Гарца, Томас Мюнцер. В своих проповедях он пошёл гораздо дальше Лютера и призывал сторонников к «свержению безбожных князей». Лишь с большим трудом немецкие феодалы в 1525 г. смогли подавить восстание. Кстати, во время Крестьянской войны произошли сильные волнения крестьян в землях Ливонского ордена.

Умеренный протестантизм Лютера, в отличие от революционных идей Мюнцера, оказался для многих немецких феодалов очень привлекательным. Они видели в нём символ освобождения от власти германского императора и папы римского, расширения собственных прав. В 1546 г. группа немецких князей-протестантов вместе с имперскими городами заключили в городе Шмалькальдене союз и начали военные действия против императора Карла V. В результате двух войн в 1555 г. император был вынужден подписать в Аугсбурге с князьями мир, по условиям которого признавал за ними полную свободу вероисповедания — католического или лютеранского, по принципу «чья страна, того и вера». На сторону протестантизма перешёл и вассал Польши, Альбрехт Бранденбург-Ансбахский и Прусский. Вскоре после Аугсбургского соглашения Карл V скончался, предварительно сложив с себя императорский титул. Германские земли и императорская корона в 1558 г. перешли к Фердинанду I, а власть над Испанией — к рыцарю-католику Филиппу II.

Постепенно протестантские идеи проникли в Польшу и Литву. Уже в 1520-е годы среди немецкого населения Гданьска и других торговых городов распространилось лютеранство. В середине столетия в шляхетских кругах Малой Польши стал популярен кальвинизм, в отдельных местностях появились цвинглианство и арианство. Шляхта выступала против церковной десятины, требовала секуляризации церковного имущества и введения богослужения на родном языке. Король Сигизмунд I встретил новые идеи крайне враждебно. Он подтвердил право епископов наказывать

«еретиков», издал закон, по которому шляхтич, принявший протестантизм, терял все свои привилегии и само дворянское звание. Иначе пошло дело при Сигизмунде-Августе. Его второй и любимой женой была Барбара Гастольд, урождённая Радзивилл. Двоюродный брат королевы, могущественный литовский магнат воевода виленский Николай Радзивил Чёрный являлся убеждённым протестантом и активно склонял монарха к своей вере. Однако протестанты Польши и Литвы оставались очень разрозненными, а потому так и не смогли одержать решительной победы над католиками. К тому же римский папа Пий V послал в Польшу для «сокрушения ереси» весьма энергичного дипломата и проповедника кардинала Коммендоне, который сумел приобрести при королевском дворе очень большое влияние. В 1550 г. Барбара Гастольд умерла (возможно, была отравлена), что также подорвало позиции протестантов в Польше.

Очень горячий отклик проповедь Лютера нашла в Швеции, причём религиозные идеи здесь тесно переплетались с национальными. Следует иметь в виду, что с 1397 г. Швеция формально находилась под властью датских королей («Кальмарская уния»). Хотя в реальности шведские правители уже с середины XV в. вели совершенно независимую политику, датчане не прекращали попыток подчинить их себе. В 1520 г. датский король Кристиан II казнил группу оппозиционно настроенных шведских дворян и горожан («Стокгольмская кровавая баня»). Ответом стало мощное народное восстание, во главе которого встал энергичный и просвещённый аристократ Густав Васа. В 1523 г. датчане были изгнаны из страны, а Васа избран на шведский престол. Он правил под именем Густава I до 1560 г. и, выступая, как сторонник умеренного лютеранства, провёл в стране церковную реформу. Король захватил все земли, принадлежавшие духовным феодалам (а они по большей части были сторонниками унии с Данией) и подчинил церковь государству.

В Дании к началу XVI в. королевская власть находилась под

полным контролем крупных светских и духовных феодалов, входивших в государственный совет — риксдаг. Члены совета избирали короля, правда, из одной и той же (Ольденбургской) династии. Правивший с 1513 по 1523 гг. Кристиан II попытался вырваться из-под власти датских «магнатов». Опираясь на незнатных дворян и купцов, он повёл против аристократии жестокую борьбу, за что был прозван ими «Злым» или «Тираном». Добиться успеха Кристиан не смог. Лишившись поддержки большинства дворян, растратив военно-финансовые ресурсы в борьбе со Швецией, он был низложен феодалами-заговорщиками и остаток жизни провёл в заключении. После свержения короля разгорелась ожесточённая борьба за престол, в результате которой власть попала в руки герцога Голштинии Фредерика. Последний правил Данией вплоть до своей кончины в 1533 г. После его смерти вновь разразилась война. Претендентами на корону выступили Кристофер Ольденбургский, которого поддержал мощный Ганзейский союз торговых городов, и сын покойного короля Кристиан. В результате нескольких морских и сухопутных сражений голштинская армия Кристиана разгромила сторонников Ольденбурга и Ганзы. Именно после этих событий Ганзейский союз начинает приходить в упадок.

Если беспокойно было в Северной Европе, то в Южной и Западной просто пылали нескончаемые войны. Франция вела неустанную борьбу против Испании и Священной Римской империи Германской нации за влияние на Италию. В 1547 г. (год коронации Ивана IV) французский король Генрих II, пытаясь воспользоваться тем, что силы императора Карла V отвлечены на борьбу с германскими протестантами, заключил союз с принцем Морицем Саксонским и начал военные действия. В 1552 г. французы разгромили имперские войска под Мецем, но уже в следующем году сами потерпели поражение в Италии, под Сиеной. После отречения Карла V Империя фактически с Францией не воевала, но Испания продолжила борьбу. В 1557 г. на её стороне выступила Англия, королева которой Мария Тюдор (дочь короля Генриха

VIII и Екатерины Арагонской) состояла в браке с испанским королём Филиппом II. Уже в следующем, 1558 г. испанская армия, которой командовал граф Эгмонт, и английский флот нанесли французам сокрушительное поражение в битве при Гравелине (Северная Франция). Однако вскоре после этого Мария Тюдор умерла. На английский престол вступила её сводная сестра, 25-летняя Елизавета. Юная королева окружила себя новыми людьми, среди которых был много англичан и даже умеренных протестантов. Сочувствовать радикальным католикам она не могла, хотя бы потому, что римский папа некогда осудил брак её родителей Генриха VIII и красавицы Анны Болейн. Смерть Марии Тюдор, между тем, попыталась использовать в своих интересах Франция. Подписав в 1559 г. Като-Кембрезийский договор с Испанией, она принялась активно поддерживать претензии на английский престол шотландской королевы Марии Стюарт. Любопытно, что впоследствии Елизавета установила довольно активные дипломатические контакты с Иваном Грозным. У русского царя даже возник совершенно фантастический план женитьбы на племяннице королевы, Марии Гастингс. С другой стороны, к Елизавете безуспешно сватался соперник царя, король Швеции Эрик, сын Густава Васы.

Важнейшим фактором европейской политики оставалась турецкая агрессия. В 1520 г. султаном стал Сулейман I Великолепный, который стремился расширить границы своих владений и на Западе, и на Востоке. В 1521 г. турки захватили Белград, в 1526—1543 гг. предприняли целых пять походов против Венгрии, а в 1529 г. даже осаждали Вену. Карлу V и его преемнику Фердинанду I приходилось вести с османами постоянные изматывающие войны. Неудивительно, что они мечтали о привлечении к борьбе против турок Руси. В 1543—1544 гг. Сулейман предпринял очередное нападение на Австрию и принудил императора выплачивать ежегодную дань. В 1551 г. война вспыхнула снова. Австрийцы вторглись в Трансильванию, но были отбиты.

В целом надо признать, что ситуация складывалась для Руси довольно благоприятно. Многим европейским державам в то время было просто не до Ливонских земель. Заметное исключение, однако, составляла Литва. Московские власти, как видно из вышесказанного, постоянно предпринимали попытки овладеть бывшими русскими княжествами, и в Вильно отлично понимали, как опасно для них русское продвижение в Ливонию. Не случайно Сигизмунд II Август, единственный из правителей соседних с Русью стран, категорически отказался признавать царский титул Ивана IV. Виленских политиков крайне привлекала возможность установления собственного контроля над Ригой — портом, через который шёл основной поток товаров из Великого княжества Литовского в страны Западной Европы. В 1556 г., когда власти Ливонского ордена арестовали Рижского архиепископа Вильгельма, явного сторонника союза с Польшей и Литвой, Сигизмунд II Август даже двинул на Ливонию войска. Орден попытался произвести мобилизацию своих вассалов, но подавляющее их большинство на призыв не откликнулось. Магистр Вильгельм Фюрстенберг был вынужден принести Сигизмунду извинения, освободить архиепископа и предоставить литовским купцам свободу торговли в Ливонии. В Москве об этих событиях, конечно, знали и понимали: нужно спешить.

Другим противником России в Прибалтике была Швеция. В 1554—1557 г. она вела с Россией безрезультатную пограничную войну, но из-за противостояния с Данией развернуть широкомасштабные военные действия не смогла.

Поводом для начала войны между Русью и Ливонским орденом послужил вопрос о «юрьевской дани», которую Орден должен платить русским. Рыцари дани долгое время не платили и со временем утратили всякую возможность погасить задолженность. В декабре 1557 г. в Москву прибыло очередное ливонское посольство, которое денег не привезло, а лишь предлагало оговорить срок, к которому Орден мог бы собрать необходимые средства. Иван IV, решив, что дипломаты будут «и вперед лгати»,

двинул в Прибалтику свои войска. Командование армией было поручено «касимовскому царевичу» Шах-Али (бывшему русскому ставленнику в Казани) и Михаилу Глинскому. По дороге к границе они безжалостно грабили русские земли, в том числе и Псковщину, а против ливонцев действовали довольно осторожно. Вероятно, Иван IV ещё видел в этом походе просто демонстрацию силы, хотел оказать на Орден давление.

Весной и летом 1558 г. военные действия приняли более обширный характер. Русские войска заняли всю восточную часть Эстонии, включая Нарву и Дерпт (Тарту). Поход русских в начале 1559 г. закончился разгромом вооружённых сил рижского архиепископа и осадой Риги. При взятии немецких крепостей особенно удачно действовала русская артиллерия. Успехи царских воинов вызвали немалое оживление в Европе. Так, в августе 1558 г. французский протестант Юбер Ланге писал Ж. Кальвину о России, что «если суждено какой-либо державе в Европе расти, то именно этой»⁸⁷. Понимая неизбежность гибели Ордена, новый магистр Готгард Кетлер в августе 1559 г. обратился к польскому королю Сигизмунду II Августу с просьбой принять орденские земли в «клиентеллу и протекцию». В сентябре того же года Эзельский епископ уступил остров Эзель (Сааремаа) датскому королю Фредеркику III, а тот передал его своему брату Магнусу. Ревель (Таллинн) признал над собой власть шведского короля Эрика XIV. Вместо одного Ордена у России оказалось три сильных противника. Это обстоятельство в значительной степени определило ход Ливонской войны в последующие годы.

В 1560 г. произошли серьёзные перемены в русском правительстве. Иван IV порвал со своими соратниками по курсу реформ 1550-х годов (Избранной Радой). Причин тому было много. В частности, один из лидеров Рады, Алексей Адашев, выступал против Ливонской войны, которую считал бесперспективной. Но самыми тяжёлыми являлись внутривосточные разногласия. Царь Иван, будучи человеком огромного властолюбия, стремился к немедленным результатам и уповал в первую очередь на

насилие. Рада проводила серьёзные, глубокие реформы. Вскоре бывшие сподвижники царя подверглись репрессиям. А. Адашев умер в тюрьме, а его брат Данило был казнён. Опасаясь подобной участи, бежал в Литву талантливый полководец князь Андрей Курбский⁸⁸. Падение Избранной Рады послужило прологом к одному из наиболее мрачных периодов отечественной истории — опричнине.

Дела в Ливонии вначале шли неплохо. Дания и Швеция занялись борьбой друг с другом, и Иван IV мог сосредоточиться на войне против Сигизмунда II Августа. Русские войска двинулись в Белоруссию и в феврале 1563 г., после долгой осады, взяли Полоцк. Этот успех, к несчастью, оказался последним. Польский король смог собрать большую армию и в 1564 г. нанёс русским сразу два поражения: в январе у р. Улы, в июле — под Оршей. Иван IV на это среагировал вполне в своём духе: двух «изменников»-бояр убили без суда и следствия, многих постигла опала. В начале следующего 1565 г. начался масштабный опричный террор. В его ходе подверглись разгрому Новгород и Псков, были казнены многие видные полководцы.

Свирепые казни и расправы никак не способствовали укреплению воюющей страны. Между тем в стране противников, напротив, произошло сплочение. В 1569 г. в Люблине между Польшей и Литвой была заключена государственная уния: оба государства объединялись в единую «Речь Посполитую» (республику) во главе с королём, которого совместно выбирали на сейме польские и литовские феодалы. При этом обе части государства — Литва (княжество) и Польша (корона) → сохраняли собственный бюджет, суд и войско.

В неблагоприятную для России сторону изменилась и ситуация в Швеции. С 1560 по 1568 гг. там правил король Эрик XIV (сын Густава I). Некоторыми чертами своей личности этот монарх напоминал Ивана Грозного: один из самых образованных людей тогдашней Швеции, способный математик и автор музыкальных сочинений, он был одновременно жёстким и даже жесто-

ким правителем. Эрик XIV всячески стремился расширить свои владения в Прибалтике и поэтому был врагом для Руси, Литвы и Дании. Однако последняя казалась ему наиболее опасной. В 1563 г. Швеция начала против Дании войну, которая затянулась на семь лет. Во внутренней политике король твёрдой рукой боролся за укрепление центральной власти. Созданный из мелких дворян и чиновников-«плебеев» Королевский суд сурово расправлялся с заносчивыми аристократами. На все предложения польского правительства заключить союз Эрик отвечал решительным отказом. С одной стороны, он претендовал на все владения Ливонского ордена и не собирался делиться ими с Сигизмундом-Августом. С другой — презирал Польскую монархию с её аристократическими традициями. Поляки в этих условиях сделали ставку на брата короля Юхана, герцога Финляндского. В 1562 г. Юхан, тайно от Эрика, вступил в брак с сестрой Сигизмунда-Августа, Екатериной Ягеллонкой. Король, узнав об этом, пришёл в ярость, ввёл войска в Финляндию и арестовал герцога. Он даже вступил в переписку с Иваном Грозным, которому обещал выдать Екатерину в обмен на союз против Польши, а также добровольно снял осаду Нарвы.

Однако самовластная и очень жёсткая политика Эрика давно вызывала раздражение шведской аристократии. В 1567 г. произошёл переворот: короля отстранили от власти, объявили сумасшедшим и посадили под арест в замке Грипсхольм. На престол вступил Юхан Финляндский, который в декабре 1570 г. заключил мирный договор с Данией и вступил в союз с Речью Посполитой. Для Руси это было очень серьёзной дипломатической неудачей.

В довершение беды в 1571 г. на Русь совершили набег крымские и ногайские татары. Опричное войско во главе с самим царём Иваном позорно отступило, не приняв боя. Татары «пожгли» ближайшие московские посады, словно во времена Мамаю или Едигея. От пожара взорвались пороховые погреба в Кремле и «выр-

вало три стены городовых». Командовавший земскими ратями воевода Иван Дмитриевич Бельский укрылся в своих московских палатах, но задохнулся от пожарного дыма. Погибло множество горожан и воинов: трупов было так много, что «Москва река мёртвых не пронесла». В 1572 г. татары вновь пошли в набег, но на этот раз были остановлены и разбиты на Оке князем Михаилом Ивановичем Воротынским⁸⁹.

В том же году скончался бездетный король Сигизмунд-Август. В Польше немедленно вспыхнула яростная борьба между несколькими группировками знати, каждая из которых выдвигала своего кандидата на престол. Протестанты, естественно, хотели видеть королём протестанта или, по крайней мере, веротерпимого человека. Однако их лидеры, воевода сандомирский Пётр Зборовский и воевода краковский Ян Фирлей, испытывали друг к другу сильнейшую личную неприязнь. Католики действовали более согласованно. Кардинал Коммендоне активно убеждал польскую знать отдать трон одному из сыновей императора Максимилиана II и при этом умело сеял вражду в лагере противника. Здесь, впрочем, возникли свои трудности. Многие польские дворяне испытывали давнюю и стойкую ненависть к немцам, боялись, что Габсбурги станут их притеснять, как притесняли в то время чехов.

Наконец, в Литве нашлись даже сторонники передачи короны Ивану Грозному или его сыну Фёдору. В начале 1573 г., по поручению Литовской Рады (совета знати), в Москве побывал видный дипломат Михаил Гарабурда. Он вёл с царём переговоры о призвании на престол, но успеха не добился. Ивану Васильевичу не понравились «вольности» польского и литовского дворянства, и уж вовсе неприемлемым считал он выдвинутое Гарабурдой условие передать Речи Посполитой четыре города — Смоленск, Полоцк, Усвяты и Озерище. Очень показательно, однако, что Иван IV неоднократно намекал на своё желание стать правителем Литвы, отдельно от Польши. Он также настоятельно требовал

не избирать на польский престол француза, так как тот «будет желать добра» турецкому султану. Здесь следует заметить, что Франция действительно поддерживала союз с турками, ибо те враждовали с Германской империей. Русь, в свою очередь, имела с Турцией очень натянутые отношения из-за Казанских и Астраханских земель.

К великому неудовольствию Ивана Грозного, на польский престол вступил именно француз. Пока вожди протестантов боролись друг с другом, а сторонники Габсбургов пытались преодолеть недоверие соотечественников к немцам, талантливый политик Ян Замойский и французский посол Монлюк в 1573 г. убедили Сенат избрать королём Генриха Валуа, принца Анжуйского (брата короля Франции Карла IX, сына знаменитой Екатерины Медичи). Замойский при этом преследовал собственные политические цели и выступал как ревностный защитник «шляхетских привилегий». По его инициативе новый король принял так называемые «Генриковы артикулы», подтвердившие принцип свободной элекции (избрания) короля всей шляхтой Польши и Литвы (через Вальный Сейм). Отныне без согласия Сената монарх не мог объявлять войну и заключать мир, а без согласия всего сейма — созывать «посполитое рушение» (всеобщее ополчение). При короле должна была заседать Сенатская рада (совет). Отказ короля от исполнения этих обязательств освобождал магнатов и шляхту от повиновения ему.

Новая политическая организация страны была чревата постоянными раздорами между группировками знати. Если на Руси Иван Грозный по собственному произволу казнил и миловал подданных, которых сам именовал «холопами», то в Речи Посполитой пылала постоянная борьба кланов и группировок. Не случайно в начале XVII в. один московский боярин говорил шляхтичу С. Маскевичу: «Ваша вольность вам хороша, а наша неволя — нам, ведь ваша вольность... это своеволие, разве мы не знаем того... что у вас сильнейший угнетает более худого...»⁹⁰.

Призванием Генриха были очень недовольны польские протестанты. Они отлично знали, что во время Варфоломеевской ночи «анжуец» лично принимал участие в избивании гугенотов, и боялись репрессий. С другой стороны, сам Валуа мало интересовался делами Речи Посполитой. Его также весьма раздражали те ограничения власти, которые налагались подписанными артикулами. По словам С. М. Соловьёва, Генрих «...жаловался, что поляки из королей хотят низвести его до звания парламентского судьи...». Он даже не удосужился выучить польского языка, «...сидел как немой в Сенате и думал только о том, как бы скорее вырваться из него; целые ночи проводил без сна в пирушках и карточной игре, проводил всё время со своими французами, убегая от поляков»⁹¹.

Любопытен следующий эпизод. Император Максимилиан, который, естественно, был очень недоволен тем, что Речь Посполитая перешла под контроль враждебной ему Франции, направил к Ивану IV своего дипломата Павла Магнуса. Посол передал царю предложение начать совместную борьбу против возведения Генриха на престол и, среди прочего, рассказал о событиях Варфоломеевской ночи. Иван Васильевич немедленно послал в Вену ответ. В нём царь, соглашаясь на союз, сурово осуждал «бесчеловечье» французского короля, который «столько без ума крови пролил». Правитель, развязавший у себя в державе страшный опричный террор, громивший в 1570 г. беззащитный Новгород, теперь лицемерно порицал далёкого французского короля за жестокость. Что ж, политика диктует свои законы!

Впрочем, никакого союза не потребовалось. Генрих Валуа оставался польским королём очень недолго. Уже в июне 1574 г., узнав о смерти своего брата короля Франции Карла IX, он тайно бежал из Кракова во Францию, где и занял освободившийся престол. В Польше вновь установилось бескорольевье и вновь началась борьба различных политических группировок. Одни вельможи выступали за сына императора Максимилиана, эрцгерцога Эрнеста, другие — за кого-нибудь из старинной династии Пястов, третьи — за Ивана Грозного. В ноябре 1575 г. собрался из-

бирательный сейм, на который прибыли послы от различных европейских правителей: императора Максимилиана, шведского короля Юхана III, трансильванского князя Стефана Батория и даже от герцога феррарского Альфонса II. Мнения депутатов разделились: знатные магнаты выступали в основном за императора, а шляхта — за Батория. Дело дошло до того, что обе группировки почти одновременно провозгласили своих избранников королями. Стефан Баторий, однако, действовал гораздо энергичнее. Он быстро прибыл в страну, в мае 1576 г. короновался в Кракове и вступил в брак с сестрой покойного короля Анной Ягеллонкой. Немалую роль сыграло то, что Батория поддержал Ян Замоиский. В борьбе за власть вновь избранный монарх проявил большую решительность и даже жестокость. Так, он осадил и заставил покориться Гданьск, который не желал признавать его королём.

С именем Стефана Батория (27.09.1533 — 12.12.1586), несомненно талантливого полководца и политика, связаны наибольшие успехи Речи Посполитой в Ливонской войне. Поэтому стоит в нескольких словах коснуться его биографии. Новый король Польши происходил из старинного трансильванского рода, в юности служил при дворе Фердинанда, короля Венгерского и Чешского, обучался в Падуанском университете. Политическую и военную карьеру Баторий начал как соратник трансильванского князя Иоанна-Сигизмунда Запольяи, под началом которого в 1551 г. участвовал в войне с австрийцами. В 1571 г., после смерти Запольяи, он занял престол Трансильвании, где, по выражению Н. М. Карамзина, «утвердил тишину, безопасность, терпимость вер»⁹².

Здесь необходимо отметить, что Трансильвания являлась весьма специфическим регионом Юго-Восточной Европы. В буквальном переводе её название означает «Залесье» (имеются в виду леса, покрывающие склоны Карпатских гор). Карпаты окружают Трансильванию с севера, востока и юга, а на западе лежит Венгерская равнина. Ещё в XI в. трансильванские земли были захвачены мадьярами, но всегда пользовались широкой автономией. Польша испытывала к Трансильвании давний и стойкий интерес

как к территории, позволяющей оказывать давление на венгерских королей, а позже и на германских императоров. Так, король Сигизмунд I в 1516 г. вступил в брак с дочерью трансильванского воеводы Стефана, Барборой Запольяи. Альянс, однако, не удался: два года спустя молодая королева умерла. В 1526 г., когда турецкий султан Сулейман I вторгся в Венгрию и разгромил войска короля Лайоша II в битве при Мохаче, фактический правитель Трансильвании Янош Запольяи встал на сторону турок и с их помощью захватил венгерский престол. Против него выступил Фердинанд Габсбург (шурин Лайоша II и будущий император Священной Римской империи германской нации). Пришедшие на помощь своему ставленнику турки потерпели поражение в битве под Веной (1529). В 1533 г. Сулейман и Фердинанд подписали соглашение, по которому Северная и Западная Венгрия отходили к Габсбургам, Южная Венгрия — к Турции, а Трансильвания получала самостоятельность, но должна была выплачивать султану дань. Князем Трансильвании стал Янош Запольяи. В 1538 г. Фердинанд заключил с Запольяи Надудварский договор. Он признавал трансильванского князя королём Венгрии, но сам при этом считался наследником как венгерского, так и трансильванского престола. К этому следует добавить, что Янош Запольяи состоял в браке с сестрой Сигизмунда-Августа, Изабеллой Ягеллонкой, и поэтому пользовался поддержкой Польши. У некоторых трансильванских вельмож имелись многочисленные связи среди польской знати. В 1540 г. Янош Запольяи умер. Группа дворян, нарушив Надудварское соглашение, избрала князем сына Яноша и Изабеллы Ягеллонки, Иоанна-Сигизмунда Запольяи, который правил до марта 1571 г. Всё это время Трансильвания постоянно подвергалась вторжениям борющихся друг с другом турок и австрийцев.

Стефан Баторий, заняв княжеский престол, был вынужден маневрировать между Веной и Стамбулом, поддерживая одновременно постоянные контакты с Речью Посполитой. На Руси

его считали чуть ли не ставленником турок, а потому Иван IV был выбором поляков очень недоволен. Интересно, что в русской «Повести о Печорском монастыре» Баторий даже назван «данником» султана, причём в качестве польского короля, а не трансильванского князя⁹³. В действительности новый правитель Семиградья (так звучало второе название Трансильвании) вовсе не был послушным орудием в руках султана. Жизнь в раздираемом вечными распрями княжестве выработала в нём большую политическую гибкость, дальновидность и прагматизм.

Интересно, что среди конкурентов Батория в борьбе за трансильванский престол оказались лица, сыгравшие затем видную роль в войнах против Руси. Так, его избрание князем оспорил могущественный аристократ Кашпер Бекеш (род. в 1520 г.), который прежде являлся ближайшим советником Изабеллы Ягеллонки и Иоанна-Сигизмунда Запольяи. За плечами этого хитрого и жестокого политика были дипломатическая миссия в Стамбуле, где он пытался натравить султана на австрийцев, контакты с мятежниками в Императорской Венгрии и затем посредничество между Запольяи и императором. Именно связи при императорском дворе использовал Бекеш и в борьбе с Баторием. Он принялся убеждать Максимилиана, что новый князь расторгнет заключённый недавно Шпейерский договор, а потому его надо свергнуть силой оружия. Баторий среагировал стремительно и чётко: в октябре он осадил Бекеша в его замке Фогараш и вынудил его бежать из страны. К. Бекеш, однако, не смирился: он укрылся в Императорской Венгрии, собрал войско и летом 1575 г. вторгся в Трансильванию. 9 июля 1575 г. у Керелле-Сентпала между сторонниками Кашпера Бекеша и Стефана Батория произошло решающее сражение, в котором Баторий смог одержать верх во многом благодаря умелому использованию артиллерии. Бекеш снова бежал в Императорскую Венгрию, но император не принял изгнанника и даже пригрозил ему тюрьмой. Тогда мятежник переехал в Польшу. Там он свёл дружбу с другим неуёмным че-

столюбцем — краковским воеводой Петром Эборовским (о нём речь ещё пойдёт) и даже поселился в его замке Спытковицы.

Когда в Польше началось второе «бескорольевье», Бекеш развернул активную агитацию за избрание на престол императора Максимилиана и против Стефана Батория. Результатом стал разрыв со Эборовскими, которые в ту пору, напротив, поддерживали трансильванского князя. Став королём, Баторий помирился с Бекешем и привлёк его к руководству войсками, направленными против Гданьска. В награду за победу над мятежным городом Бекешу было пожаловано староство ландскоронское и прекрасный каменный дом «Под Баранами» в Кракове, сохранившийся до наших дней. С этого времени Каспар Бекеш из врага Батория превращается в активного сподвижника. Он, в частности, отличился в осаде Полоцка в 1579 г., когда командовал всеми венгерскими отрядами и артиллерией. В том же году Каспар Бекеш скончался. Его родной брат Габриэль также служил Баторию и погиб под стенами Пскова.

Эпизод с семейством Бекешей показывает, что Стефан Баторий умел «качать и миловать», превращать бывших противников в соратников. Многие современники отмечали также образованность Батория. Публицист С. Оржельский писал, что он «так хорошо владел латинским языком, что разве только древние ораторы могли бы с ним сравниться»⁹⁴. Правда, польского языка король так и не освоил, причём, по свидетельству недоброжелательно к нему относившегося Б. Папроцкого, даже и не пытался учить, заявляя, что не желает быть попугаем. Каштелян виленский Я. Глебович отмечал прекрасные познания Батория в военной науке. «Король так сильно мне понравился, — сообщал он в одном из писем, — что мне показалось, будто я давно уже не разговаривал с человеком столь мудрым. Особенно он опытен в военном деле. О чём бы ни начался разговор, он сводил его постоянно на военные вопросы»⁹⁵.

Баторий очень быстро увидел присущие польско-литовской

армии недостатки и приступил к их устранению. По свидетельству современника Анджея Лубенецкого, польская пехота того времени была плохо вооружена и обучена. «Польские пехотинцы, — писал Лубенецкий, — более походили на шутов, нежели на рыцарей. Их одевали в клетчатое платье, сшитое из кусков сукна разных цветов... Оружием пехотинца были: меч и алебарда, очень редко ружьё... Пехотинцы не знали, как делались шанцы или туры»⁹⁶. Стефан Баторий распорядился принимать в пешее войско крестьян и закупать в большом количестве мушкеты. Кроме того, было нанято много венгерской пехоты, отличавшейся высокими боевыми качествами.

Ударную силу польской конницы, как отмечалось выше, составляли шляхтичи-гусары. Подобно французским рыцарям, которых описывал Франсуа Делану, гусары постоянно утяжеляли свои доспехи. «На всадника, — язвительно замечал Лубенецкий, — надевали панцирь, т. е. такое грузное вооружение, в котором несчастного рыцаря можно было свалить с коня не только палкой, но и нагайкой... Это было очень грузно, и при малейшем ветре рыцаря измучивало, а коня ослабляло... Деревянные копыя были такими огромными и тяжёлыми, что каждое весило за два наших копыя»⁹⁷. Баторий предписал гусарам иметь, помимо коллодного оружия, короткие карабины или пистолеты. В употребление вошли более лёгкие доспехи. Активно шёл наём немецких кавалеристов-рейтаров.

Важным нововведением стал также приём на службу днепровских казаков. Ещё во время коронационных торжеств Баторий дал аудиенцию казачьим старостам: Ивану Северному, Фёдору Захвостому, Марку Винницкому и др. В 1578 г. был сформирован казачий полк численностью в 500 чел. под началом Яна Орьшовского, со своим знаменем и канцелярией. Казаки выполняли в армии Батория функции лёгкой кавалерии. Однако, создавая полк, король преследовал не только военные, но и политические цели: он рассчитывал таким образом удержать казаков от не-

санкционированных набегов на Молдавию и крымских татар. Решить данную проблему не удалось. На Днестре осталось множество «невёрстанных» в службу казаков, которые продолжали совершать свои грабительские экспедиции. В этом смысле днепровские казаки мало отличались от донских: и те и другие были поданными весьма ненадёжными.

В первые годы правления Баторий был занят борьбой с внутренними противниками и защитой границ своей державы. В 1576 г. ему, как уже говорилось выше, пришлось вести настоящую войну против непокорного Гданьска. Весной того же года казаки во главе с князем Богданом Ружинским двинулись в поход на крымских татар, сожгли две их крепости — Тягии и Хаслан. В 1577 г. крымские татары совершили несколько ответных набегов на Украинские земли, но были отбиты казаками и войсками брацлавского воеводы Януша Збаражского.

Одновременно вспыхнула смута на Молдавской границе. Молдавия, надо отметить, издавна осознавалась Польшей как зона интересов. Ещё в 1497 г. польский король Ян-Ольбрахт сделал попытку захватить её с помощью вооружённой силы, но потерпел поражение в войне с молдавским князем Стефаном III Великим. В 1511 г. князь Богдан добровольно признал зависимость Молдавии от Турции, во многом именно из-за страха перед польским нападением. Последующие правители страны, Петр Рареш и Стефан Саранча, ориентировались в основном на Стамбул. Зато все недовольные властью господаря привыкли с надеждой взирать на Польшу. Однако «на Польшу» не озячало «иа короля». Если многочисленные претенденты на молдавский престол видели, что официальные власти медлят вмешиваться в борьбу, то обращались за помощью к какому-нибудь самовольному магнату или казакам.

Ещё во времена Сигизмунда-Августа некий авантюрист Иоанн Гераклд, пользуясь помощью магната Албрехта Ласского, пытался захватить в Молдавии власть, но потерпел неудачу. Теперь среди казаков объявился некий Пётр Подкова, который выдавал

себя за сына господаря Стефана Молодого. Собрав отряд численностью около 330 казаков, он двинулся в поход против правившего тогда Молдавией Петра Хромого. Баторий, однако, не хотел ссоры с турками (султан поддерживал Петра Хромого), а потому приказал гетману Миколаю Сенявскому остановить казаков. Хотя сподвижники самозванца и добились некоторых успехов, польские власти арестовали Подкову. В июне 1578 г. в угоду туркам он был обезглавлен во Львове⁹⁸.

Пока в Речи Посполитой длилось бескорольевье, русские войска смогли захватить практически всю Ливонию, за исключением Риги и Ревеля. Вскоре, однако, ситуация изменилась. Речь Посполитая и Швеция действовали теперь как союзники (тем более что Баторий и Юхан III были женаты на сёстрах). 21 октября 1578 г. объединённое шведско-литовское войско нанесло царским полкам тяжёлое поражение в Латвии, под Цесисом, или, как его называли на Руси, «Кесью». Не выдержав удара противника, дворянское ополчение позорно бежало с поля боя. Оставшиеся в русском лагере пехотинцы и пушкарни в течение целого дня успешно отбивали атаки. Когда стемнело, пехота покинула лагерь, а пушкарни, которые не могли увезти с собой тяжёлые осадные пушки, по свидетельству польского хрониста Р. Гейденштейна, повесились на орудийных стволах. Как сообщает в своих записках Джером Горсей, взбешённый царь приказал публично высечь кнутом командовавшего русской армией Ивана Юрьевича Голицына⁹⁹.

26 июня 1579 г. Стефан Баторий, находившийся в Вильно, направил Ивану IV грамоту с официальным объявлением войны. При этом король утверждал, что собирается воевать только с «московским тираном», но не с народом, которому, напротив, хотел бы дать «вольность и свободу прав христианских». Грамоты со сходным текстом были направлены в пограничные крепости. Как справедливо отмечает историк Б. Н. Флоря, «в практике межгосударственных отношений это было нечто небывалое... Сам глава государства открыто призывал чужих подданных к выступлению против собственного монарха. Это, пожалуй, лучше, чем

что-либо другое, говорит о желании и правящих кругов Речи Посполитой нанести Русскому государству решительное поражение, используя для этого все возможные способы»¹⁰⁰.

Поход Батория был нацелен на Полоцк, что застало русских воевод врасплох. Как отмечено в «Разрядных книгах», значительная часть царской армии во главе с воеводой Василием Дмитриевичем Хилковым ушла в поход «за реку Двину». Царь срочно послал к Полоцку новые рати, окольного Бориса Васильевича Шеина и Фёдора Васильевича Шереметева, коим надлежало прибыть в город «одноконечно». Однако Баторий успел «обложить» Полоцк до подхода подкреплений. Гарнизон защищался с исключительным мужеством. Лишь через три недели после начала осады венгерским наёмникам удалось поджечь деревянные стены крепости с помощью факелов. Впрочем, даже после того как пожар охватил большую часть города, русские сопротивлялись целые сутки. Затем один из воевод, Пётр Вольнский, и стрельцы начали переговоры о сдаче. Вольнский, надо заметить, принадлежал к числу людей, обиженных царём, — по словам Р. Гейденштейна, он жаловался, что сидел в тюрьме по доносу другого воеводы, Василия Телятевского. 1 сентября 1579 г. Баторий торжественно въехал в город.

От Полоцка королевские войска двинулись к Соколу и 25 сентября взяли его приступом. Один из воевод, Б. В. Шеин, был убит, другой, Ф. В. Шереметев, попал в плен. Гнев, охвативший Ивана IV при известии о военных поражениях, вновь обрушился на его советников. Как подробно рассказывал польскому военачальнику Филону Кмите его агент, сын боярский Матвей Цедилов, царь обвинил во всех бедах князя Ивана Фёдоровича Мстиславского, причём припомнил ему литовское происхождение. По словам Цедилова, Иван Васильевич самолично бил князя палкой и говорил: «Ты, старый пёс, до сих пор проникнутый литовским духом, ты мне говорил, чтобы я послал тебя с сыновьями в Полоцк для противодействия польскому королю. Ясно мне

(теперь) твоё коварство: ты хотел нарушить присягу и подвернуть крайней опасности моих сыновей»¹⁰¹.

Летом — осенью 1580 г. войска Батория добились новых успехов, взяв Велиж, Великие Луки, Остров. Затем началась осада Пскова, о которой рассказывает С. Пиотровский. Одновременно военные действия против Руси продолжала Швеция. В 1581 г. отряды шведского полководца Понтуса Делагарди (выходца из Франции) захватили Нарву. Ивангородские воеводы попытались оказать помощь нарвскому гарнизону, но посланный ими малочисленный отряд был разбит шведами.

Падение для Пскова означало бы для Руси полный военный разгром. Под стенами города бесспорно стояла превосходная армия, вполне владевшая всеми современными для этой эпохи приёмами ведения войны. У Батория имелись отличная артиллерия, опытные инженеры, возводившие осадные батареи, рейтары из Германии, многочисленные литовские, польские и венгерские воины, наёмники из Франции, Шотландии и других стран. Осаждавшим нельзя было отказать ни в воинском искусстве, ни в мужестве. Тем не менее гарнизон и жители Пскова выдержали тяжёлую пятимесячную осаду и не сдали города противнику. Восхищаясь подвигом псковичей, Н. М. Карамзин писал: «... То истина, что Псков или Шуйский (воевода, руководивший обороной. — А. М.) спас Россию от величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится в нашей истории, доколе мы не утратим любви к Отечеству и своего имени»¹⁰².

Героическая оборона Пскова заставила Батория в 1582 г. заключить с русским правительством перемирие в Яме Запольском. По его условиям Россия утратила все свои приобретения в Ливонии и Белоруссии, но Баторий согласился вернуть Великие Луки и некоторые другие собственно русские города. Характерно, что роль посредника в русско-польских городах пытался играть иезуит Антонио Поссевино. В Европе в то время всё ярче разгоралась борьба между католиками и протестантами. В 1566 г. вспых-

нуло восстание в Нидерландах, причём его участники выступали явно под протестантскими лозунгами. Филипп II бросил на мятежников войска, однако волнения не только не утихли, но и переросли в революцию. Во Франции в 1562 г. началась страшная, кровопролитная эпоха религиозных войн. В августе 1572 г., в ночь св. Варфоломея (с 23 на 24 августа), французские католики устроили массовую резню протестантов-гугенотов. Подобные побоища произошли в Тулузе, Орлеане, Бордо, Труа. Тем не менее гугеноты не сложили оружия и вся страна оказалась охвачена вооружённым противоборством. К этому следует добавить, что продолжалась турецкая агрессия. Обеспокоенный римский папа Пий V основал для борьбы с османами Священную Лигу. Понятно, что сам он и германский император по-прежнему надеялись привлечь к этому союзу и Россию, и без того постоянно воевавшую с вассалами султана, крымскими татарами. Своеобразным авангардом католиков в борьбе с «врагами веры» стал Орден иезуитов, основанный увечным испанским рыцарем Игнатием Лойолой. Истинный сын этой организации, Поссевино сам принимал участие в расправах над французскими гугенотами, а в 1578—1579 гг. жил в Швеции, где убеждал короля Юхана III отказаться от лютеранства и принять католицизм. Россию он также считал потенциальным объектом для проповеди католицизма и в будущем союзником папства. К своей миссии иезуит подготовился весьма хорошо и прочитал почти все доступные ему книги о Московском государстве: Герберштейна, Гваньини, Джовио и др. Правда, реальная роль Поссевино оказалась очень скромной. Мысль папского посланца о приезде на Русь католических миссионеров выглядит просто фантастической, да и в Польше у него нашлось немало врагов среди протестантской и умеренно-католической шляхты. Главным результатом поездки Поссевино стал трактат «Москва», который существенно дополняет сочинения Дзялынського, Зборовского и Пиотровского, а потому использован при составлении многих комментариев¹⁰³.

Анализ событий европейской политики и внутренней ситуации в Речи Посполитой необходим для понимания многих существенных особенностей публикуемых документов. Зборовский, Дзялынський и Пиотровский рассказывают об очень близких событиях, но рассказывают по-разному, в силу различного социального статуса и различных политических убеждений. Предлагаемые вниманию читателей письма гнезненского каштеляна Яна Зборовского к брату, воеводе краковскому Петру Зборовскому, охватывают период с 7 августа по 5 сентября 1580 г. и повествуют о походе войск Батория на Великие Луки. Их автор принадлежал к одной из наиболее знатных и одновременно весьма спокойных фамилий Польши. В начале XVI столетия на всю страну гремело имя воеводы калишского и познанского Мартина Зборовского (1495—1565). В 1514 г. он храбро сражался против русских под Оршей, а в начале 1560-х поддерживал авантюрные претензии Иоанна Гераклида на молдавский престол.

У Матвея Зборовского было восемь сыновей, столь же честолюбивых, как и отец. Адресат публикуемых писем Петр Зборовский в правление Сигизмунда-Августа выступал как лидер польских протестантов, но именно его ссоры с Яном Фирлеем нанесли делу протестантизма в Польше очень серьёзный ущерб. Ян Зборовский также был весьма заметной фигурой: в 1572 г. он стал гетманом надворным, а в 1573 вошёл в состав делегации, направленной во Францию, чтобы пригласить Генриха Валуа на польский престол. Вообще, Зборовские очень активно поддерживали кандидатуру французского принца, ибо слабовольный и пассивный король был для них наиболее желательным. Со своими политическими оппонентами заносчивые магнаты не церемонились. Ещё один из восьми братьев, Самуил Зборовский, во время коронации Генриха Валуа убил Анджея Вапповского, пытавшегося протестовать против возведения «анжуйца» на престол. Он же силой захватил в Галиции земли своей собственной тётки Анны Йордан. За эти и многие другие преступления Самуил Зборовский был подвергнут «баннации», т. е. изгнанию из Польши.

Во время борьбы между сторонниками Батория и Максимилиана Зборовские встали на сторону первых. Автор писем Ян Зборовский активно участвовал в подавлении выступления в Гданьске. Анджей Зборовский с успехом служил в королевской армии, достиг высочайших постов. Однако затем положение изменилось. Честолюбивых магнатов стало очень раздражать явное стремление Стефана Батория к усилению королевской власти. Ещё большую неприязнь, прямо-таки ненависть, вызывал у них «выскочка» Ян Замойский. В 1579 г. неутомимый авантюрист Самуил Зборовский вторгся в Молдавию, желая захватить её престол, но успеха не добился. Раздражённый таким своеволием, Баторий 18 декабря 1579 г. направил старосте требовльскому Притвицу универсал о выдворении Самуила Зборовского из страны. Опальный магнат, однако, смог упросить монарха разрешить ему участвовать, вместе с братьями Анджеем и Яном, в походе на Великие Луки. Он проявил немалое мужество, но никаких наград не получил. Возможно, поэтому под Псков, в 1581 г., Самуил Зборовский, в отличие от брата Анджея, уже не пошёл. Вместо этого он отправился к днепровским казакам, с которыми вновь затеял новую смуту в Молдавии. В конце концов, уже после описываемых событий, Самуил Зборовский поднял против канцлера Замойского открытый мятеж («рокош») и был казнён.

Ян Зборовский был немного посдержаннее Самуила. Тем не менее в его письмах очень заметно просматривается неприязнь к Замойскому. В то же время Ян Зборовский подробно описывает свои попытки наладить хорошие отношения с королём, что было важно для всего опального рода. Он постоянно выставляет напоказ готовность бескорыстно служить Баторию, меланхолично рассуждает о том, что будет терпеливо переносить «разные неудобства, без которых войны не бывает». Собственно военные события Зборовский описывает довольно кратко, но очень точно: в нём чувствуется военачальник, опытный и наблюдательный.

Автор второго дневника («диариуша») о походе на Велиж и

Великие Луки — Лукаш (Лука) Дзялынський — родился около 1556 г. Он был единственным сыном каштеляна брестского Рафала Дзялынського и Катажины Гурки, происходившей из семьи, знаменитой своей приверженностью к протестантизму. С детства Дзялынський воспитывался в духе верности лютеранству, а образование получил в Силезии, под руководством известного педагога-протестанта Себастьяна Дзялковского. В 1572 г., после смерти отца, Лукаш стал старостой бродницким. Во время бескорольвья, вызванного бегством Геириха Валуа, он совместно с Кшиштофом Косткой и Мацеєм Рыхновским активно боролся против избрания на польской престол любого из Габсбургов. В феврале 1576 г., в качестве депутата Грудзянского сеймика, будущий автор дневника голосовал за призвание Стефана Батория, в 1577 г. — участвовал в кампании против Гданьска. В конце 1579 г. он женился на Зофии Замойской, породнившись, таким образом, с всесильным гетманом. Во время похода 1580 г. Л. Дзялынський командовал авангардом польских войск, активно участвовал в осаде Велижа, Великих Лук и Заволочья. В событиях под Псковом он уже не участвовал, но активно выступал за продолжение кампании и боролся на сеймике в Пруссии за выделение дополнительных средств на войну. Лукаш Дзялынський умер совсем молодым (ему было около 26 лет), в конце 1582 г., не оставив потомства.

Дневник Дзялынського охватывает период с 1 августа по 25 ноября 1580 г. и отличается большой подробностью. Автор во всех деталях описывает крупные сражения и мелкие стычки, цитирует документы и даже называет ежедневные пароли, установленные в королевском войске. Он также много рассказывает о повседневном быте воюющей армии: в дневнике нашлось место и для забавного эпизода с цепным медведем, которого венгры приняли за лошадь, и для яркого описания схватки с касимовскими татарами, и для повествования о ссорах между польскими шляхтичами. По вполне понятным причинам Дзялынський уделяет очень много внимания деятельности Яна Замойского. Он чаще всего

называет его не по имени, а «гетманом» и считает чуть ли не главным организатором всех крупных событий. Появляются на страницах дневника Дзялынського и братья Эборовские, причём очень часто, в качестве участников всяческих свар и скандалов. Так, под 12 сентября имеется запись о том, как надворный коронный маршал Анджей Эборовский категорически отказался поставить свой обоз позади обоза литовского маршала Альбрехта Радзивилла. Наконец, очень характерно, что Дзялынський любит подтрунить над литовцами, а в какой-либо неудаче обвинить венгров, но никак не поляков. В целом его дневник является типичным для офицера среднего звена: подробный и довольно приземлённый — чего стоит хотя бы пожелание закончить войну и вернуться домой к Мартинову дню — времени, когда в Польше резали свиной.

Дневник Станислава Пиотровского отличается от произведений Л. Дзялынського и Яна Эборовского так же сильно, как различаются их авторы. Пиотровский родился около 1550 г. в шляхетской семье среднего достатка, осевшей в Кошанском повете (недалеко от Познани). Его отцом был Бартоломей Пиотровский герба «Швинка», а матерью Дорота Рокоссовская. В 1567—1568 гг. юный шляхтич обучался за границей, сперва в Ингольштадте (Бавария), а затем — в Падуанском университете. Вместе с ним науки постигали два брата. По окончании учёбы Станислав Пиотровский поступил на службу в королевскую канцелярию, на должность младшего секретаря, вероятно, по протекции влиятельного и богатого магната Анджея Опалинского. Пиотровский, таким образом, избрал не военную, а бюрократическую и церковную карьеру. В марте 1574 г. он был назначен каноником кафедрального собора в Познани, в 1576 г. — каноником краковским, в 1579 — каноником гнезненским. Все эти назначения, однако, представляли собой лишь своеобразную форму награды, и Пиотровский до конца жизни оставался скорее чиновником, нежели священником. Он даже не мог участвовать в делах капитула гнезненского или познанского, ибо постоянно находился при королевском дворе.

Постепенно Пиотровский приобрёл определённый политический вес. В 1578 г. он во Львове, где был очевидцем казни несчастного Петра Подковы, в 1579—1581 гг. участвовал в походах Стефана Батория на Русь. Известно, что Пиотровский постоянно хлопотал о назначении на государственные посты друзей и клиентов Опалинского, идя иногда на сделки с собственной совестью. Так, будучи ксендзом, он ратовал за назначение калишским подсудком убеждённого протестанта Кшиштофа Маршевского, а перед подканцлером Войцехом Барановским делал вид, что не знает о религиозных воззрениях претендента. Другой формой благодарности покровителю стали письма, в которых Пиотровский старательно информировал Опалинского обо всех политических новостях. Именно из таких писем и составлен «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию».

В начале 1582 г., по окончании осады Пскова, Пиотровский уехал в Ригу, где занимался делами, связанными с роспуском войска. В конце года он был уже в Варшаве и участвовал в заседаниях сейма. В это время королевский секретарь сближается с Яном Замойским. На сеймике в Серадзе Пиотровский столь активно защищал канцлера от нападков каштеляна гнезненского Яна Эборовского, что речь его была прервана негодующими криками «эборовчиков». После смерти Батория он примкнул к сторонникам избрания на престол шведского короля Сигизмунда Васы и продолжал выполнять важные поручения Замойского, являясь, в частности, его посредником в переговорах с А. Опалинским. Наградой стал сан субъдьякона, полученный от краковского епископа в декабре 1589 г. Материальное положение Пиотровского, видимо, тоже было неплохим. Ещё в 1570 г. он купил дом в Кракове, недалеко от Юридической коллегии, а в 1590 г. — второй, расположенный на престижной и богатой Каноничной улице. С. Пиотровский умер 17 апреля 1591 г. и был погребён в костёле св. Михаила, в Краковском замке.

Публикуемые письма («дневник») С. Пиотровского охватывают период с 20 января по 31 декабря 1581 г. Положение, кото-

рое занимал автор в королевской канцелярии, обеспечивало ему доступ к точной деловой информации. Даже влиятельный магнат Ян Зборовский иногда признаётся, что не знает содержание той или иной грамоты. Пиотровский цитирует целые разделы важнейших, а то и секретных документов. При этом он часто демонстрирует наблюдательность и хорошее знание людей, даёт различным персонам меткие характеристики, расцвечивает повествование проблесками юмора и оживляет забавными анекдотами. Конфиденциальность корреспонденции позволяла выражаться совершенно свободно: иногда шутки Пиотровского превращаются в довольно злые насмешки. Так, рассказав о нелепой гибели под стенами Пскова князя Чарторыйского, он восклицает: «Для желяющего — свежая вдовушка!»

Надо заметить, что Станислав Пиотровский, так же как и А. Опалинский, был противником продолжения войны с Русью, а потому он постоянно жалуется в дневнике на тяготы осады, высказывает дурные предчувствия. Не будучи профессиональным военным, он не всегда точен в изображении боевых действий. Зато в дневнике ксендза содержится очень много информации о международной политике, о событиях в Германии, Италии, Испании, Турции, Персии и др. Зборовский и Дзялынский подобных вопросов практически не касались. Наконец, следует иметь в виду, что письма Пиотровского были адресованы его покровителю. В силу этого они содержат множество просьб, как открытых, так и завуалированных. Так, в конце июня 1581 г. Пиотровский, обращаясь к Опалинскому, горько жалуется на то, что мало известен Замойскому («меня мало знают и канцлер тоже»), сожалеет о времени, потерянном «на этой несчастной службе», сетует по поводу отсутствия наград. Подобные рассуждения встречаются и в дальнейшем. Ксендз внимательно следил за многочисленными перемещениями должностных лиц по служебной лестнице, за королевскими пожалованиями и наградами. Его волновали цены на соль, тяжбы о наследстве, имущественные споры с соседями, всё

то, что мало беспокоило Зборовского в силу знатности рода, а Дзялынского — в силу молодости лет.

Дневники Зборовского и Дзялынского были опубликованы на польском языке Игнатием Полковским в 1887 г. в 11-м томе издававшихся Краковской академией «Исторических актов», который назывался «Военные деяния Стефана Батория (Acta historica. T. XI. Sprawy wojenne Krola Stefana Batorego. Krakow. 1887). Дневники, реляции, письма, акты за 1576—1582 гг.». Русский перевод был осуществлён О. Милевским и увидел свет в 1897 г. «Дневник последнего похода» Станислава Пиотровского по-польски издан М. О. Кояловичем в Петербурге в 1867 г. и А. Чучиньским в Кракове в 1894 г. История его перевода на русский язык кратко изложена в предисловии, составленном Милевским при публикации в 1882 г. и приведённом в настоящем издании. Здесь, однако, следует отметить, что, так как предлагаемые читателям переводы выполнены в конце XIX в., они неизбежно содержат некоторые неточности, продиктованные уровнем развития науки. В особенности это касается военно-исторической терминологии. В тех случаях, когда огрехи перевода носят принципиальный характер, они оговариваются в комментариях. Основным источником для толкования средневековой польской терминологии послужила многотомная «Военная энциклопедия» («Encyklopedja Wojskowa»), изданная в 1930-е годы в Варшаве, под редакцией видного исследователя майора Оттона Ласковско-го. Вместе с тем редакция сочла целесообразным сохранить специфические особенности старого перевода, ибо он сам по себе является интереснейшим памятником научной мысли. Сохранены и сделанные переводчиками XIX в. примечания, однако некоторые из них, в свою очередь, потребовали исторического комментария.

При издании дневника Пиотровского Псковское Археологическое общество опубликовало вместе с ним отрывок из большой книги польского историка XVI в. Р. Гейденштейна «Записки о Московской войне», повествующий о генеральном штурме Пскова.

Этот отрывок приведён и в настоящем издании. Однако следует признать, что вся работа Гейденштейна, а отнюдь не один лишь фрагмент представляет большой интерес для истории Ливонской войны в целом и осады Пскова в частности. Поэтому в комментариях сделана попытка сопоставить описание важнейших событий у Гейденштейна и у авторов дневников.

Труд Р. Гейденштейна появился, что называется, по горячим следам. Он был впервые опубликован на латыни в Кракове, в 1584 или в 1585 г. В 1587 г., на конвокационном сейме в Варшаве, противники Яна Замойского, покровительством которого Гейденштейн пользовался, требовали запретить книгу как порочащую честь некоторых вельмож (в том числе Кшиштофа Радзивилла). Тем не менее сочинение Гейденштейна очень быстро приобрело популярность. Уже в 1588 г., в Базеле, вышло его второе издание, а в 1589 г. «Записки» были опубликованы в Кёльне в качестве приложения к работе Мартина Крамера «*Polonia sive de origine gestis Polonorum*». Современник Гейденштейна профессор Ростокского университета и видный писатель Давид Кирхгофф (Хитрей) отмечал, что читал «Записки» с «великим удивлением и пользой для себя, удивляясь политическому смыслу и здравому суждению автора, правильности выражения, ясности, изяществу и чистоте речи».

В России «Записки» Рейнгольда Гейденштейна были впервые изданы в 1841 г. А. В. Старчевским на латыни. В 1587 г. они были опубликованы на польском языке в Петербурге, под редакцией В. Д. Спасовича, а в 1889 г. Археографическая комиссия издала их на русском языке, под редакцией В. Г. Васильевского.

При составлении комментариев использовались данные русской «Повести о приходе литовского короля Стефана великим и гордым воинством на великий и славный богоспасаемый град Псков», которая была написана в 1580-е годы очевидцем событий, иконописцем Василием. К работе привлекались также сведения, полученные из писем С. Батория и Я. Замойского, опубли-

ликованных на польском языке в упомянутом сборнике «Acta historica», сочинений таких современников событий, как А. Шлихтинг, Г. Штаден, Д. Флетчер, из исторических работ В. В. Новодворского, А. А. Зимина, Р. Г. Скрынникова, Б. Н. Флори, С. Б. Веселовского, В. Б. Кобриня и др.¹⁰⁴

После заключения Ям-Запольского перемирия с Речью Посполитой Россия ещё некоторое время продолжала воевать со Швецией. В начале сентября войска Понтуса Делагарди подошли к старинной русской крепости Орешек и осадили её. Однако, несмотря на мощный обстрел и несколько штурмов, Орешек выстоял. В 1583 г. русские и шведские дипломаты подписали на реке Плюссе перемирие сроком на три года. Шведы удержали за собой русские города Копорье, Ям, Ивангород и всё побережье Финского залива, кроме небольшого выхода к Балтийскому морю в устье Невы. Исследователь деятельности Ивана Грозного видный историк Р. Ю. Виппер писал: «Если бы Иван IV умер в 1566 году, в момент своих величайших успехов на Западном фронте, своего приготовления к окончательному завоеванию Ливонии, историческая память присвоила бы ему имя великого завоевателя, создателя крупнейшей в мире державы, подобного Александру Македонскому...»¹⁰⁵.

Однако, как ни банальна эта фраза, история действительно не знает сослагательного наклонения. Ошибки царя в области внешней политики и истощивший страну опричный террор привели к тому, что Ливонская война закончилась для России неудачно: К несчастью, завершение боевых действий не принесло спокойствия ни одной из противоборствующих держав. 18 марта 1584 г. скончался Иван Грозный. На Руси и за рубежом долго циркулировали слухи о насильственной смерти государя. 31 мая на царство венчался царевич Фёдор, болезненный и слабовольный сын царя. Начало его правления ознаменовалось острым соперничеством между различными группировками знати, каждая из которых стремилась занять первые места в окружении монарха. Жертвой при-

дворной борьбы пал, среди прочих, герой обороны Пскова боярин Иван Петрович Шуйский. Наибольшим влиянием при дворе стал пользоваться царский шурин Борис Годунов. Этот ловкий и оборотистый царедворец начал службу в 1567 г. в опричнине в качестве стряпчего. Женившись на дочери Малюты Скуратова, он быстро упрочил своё положение, причём смог сохранить расположение Ивана IV и после отмены опричнины, когда многие его сотоварищи отправились в ссылку или на плаху. В 1575 г. Борис был «дружкой» царя на его свадьбе с Анной Васильчиковой, в 1578 — получил боярский сан. При Фёдоре Годунов стал пользоваться практически неограниченным влиянием, превратился в реального правителя Московского государства.

Стефан Баторий пережил своего коронованного соперника менее чем на три года: он умер 12 декабря 1586 года. Последние годы его правления были непростыми. В 1584 г. влиятельные магнаты Эборовские подняли мятеж, который удалось подавить только с помощью жестоких репрессий. Очень напряжёнными оставались отношения Речи Посполитой со Священной Римской империей и Турцией. Готовился Баторий и к новой схватке с Русью, но планам его не дано было осуществиться.

После смерти Стефана Батория в стране разгорелась ожесточённая борьба за власть. Часть магнатов выступила за избрание на престол эрцгерцога Максимилиана Габсбурга, чему решительно воспротивился канцлер Ян Замойский, который поддерживал кандидатуру шведского принца Сигизмунда Васы (сына короля Юхана III и Екатерины Ягеллонки). Замойский смог сплотить вокруг себя значительную часть шляхты и добился коронации Сигизмунда. В ответ Максимилиан двинул на Речь Посполитую войско, к которому присоединились и его польские сторонники. Многие участники осады Великих Лук и Пскова оказались теперь по разные стороны баррикад. 24 января 1588 г. в сражении под Бычиной Ян Замойский наголову разгромил армию «максимильянистов» и взял в плен самого эрцгерцога.

Королём Речи Посполитой стал Сигизмунд Ваза. Вскоре, однако, выяснилось, что между канцлером и монархом существуют значительные разногласия. Воспитанный в духе приверженности католицизму, Сигизмунд III всячески покровительствовал иезуитам и взял курс на сближение со своими недавними соперниками Габсбургами. Между тем всё более острый характер принимали русско-шведские отношения. Король Юхан III, надеясь на помощь Польши, старался спровоцировать новую войну. В июле 1589 г. шведский отряд напал на Кандалакшскую волость и разорил в ней несколько поселений. Осенью другой отряд вторгся в Кемскую волость. Русское правительство хорошо понимало, что отпор шведам нужно дать раньше, чем в Польше укрепит своё положение Сигизмунд III. В начале 1590 г. царские полки выступили в поход. Так началась новая русско-шведская война, которая продолжалась до 1595 г. и завершилась Тявзинским мирным договором. По его условиям Россия вернула себе Ям, Копорье, Корелу, Ивангород, Орешек, но признала права Шведского королевства на эстляндские земли со всеми городами и замками: Нарвой, Ревелем, Вейсенштейном, Везенбергом, Гапсалем и др. Успешный для России исход кампании был следствием не только собственно военных успехов, но и общего хода политических событий в Европе. Дело в том, что в 1592 умер Юхан III. На шведский престол вступил его брат герцог Карл Зюдерманландский. Однако Сигизмунд не признал его королём и сам выдвинул претензии на корону: честолюбивый правитель мечтал объединить под своей властью Речь Посполитую и Швецию. Вспыхнула ещё одна — Польско-шведская — война. В ней Швеция, напротив, преуспела. Войска Сигизмунда понесли несколько весьма ощутимых поражений, и в 1599 г. шведский риксдаг отрешил его от престола.

В то время пока шли боевые действия, в России произошло трагическое событие, заметно повлиявшее на дальнейшую судьбу страны: 15 мая 1591 г. в Угличе при таинственных обстоятель-

ствах погиб сводный брат царя Фёдора, малолетний царевич Дмитрий. По официальной версии, мальчик сам заколол себя иожом во время приступа «падучей болезни» (эпилепсии), но в народе упорно жила молва, что «невинного младенца» зарезали по приказу Годунова. Династия Рюриковичей осталась без наследника: у Фёдора Ивановича детей не было — его единственная дочь умерла во младенчестве. В 1598 г. последний Рюрикovich скончался, и Земский Собор избрал на престол Бориса Годунова. Этот умный и энергичный правитель активно пытался стабилизировать ситуацию в измученной войнами стране, но добиться успеха не смог. В 1601—1602 гг. почти всю Русь охватил страшный голод, вызванный неурожаями. Голод спровоцировал мятежи и смуты, которыми поспешили воспользоваться как разные авантюристы, так и внешнеполитические противники. В польских владениях на Украине появился самозванец, объявивший, что он царевич Дмитрий, якобы чудом спасшийся от убийц в Угличе. Сигизмунд III не решился открыто поддержать самозванца, но разрешил ему вербовать сторонников среди польской шляхты и магнатов. Осенью 1604 г. Лжедмитрий I с польским отрядом начал свой поход на Москву. Под Добрыничами правительственные войска нанесли авантюристу поражение, но на его сторону встали все недовольные правлением Годунова. На Руси разгоралось страшное Смутное время. В нём приняли участие и многие участники Ливонской войны как с русской, так и с польской стороны.

Жестокой борьбе между Русью, Швецией и Речью Посполитой предстояло продолжаться на протяжении ещё двух столетий. Но даже события Русско-польской войны 1654—1667 гг. или Северной войны 1700—1721 гг. со всем их драматизмом не затмили Ливонской войны. Слова, сказанные краеведом И. И. Василёвым об осаде Пскова в 1581 г., звучат актуально и для многих более поздних событий, и даже для современной истории России: «В трудные минуты, переживаемые народом, ког-

да в нём глубоко сознание своей правоты дела, когда в нём не запятнана общественная совесть и тверда уверенность в святость возложенного на него поручения, тогда в самом же народе открывается источник тех нравственных сил, для которых нет препятствий!»¹⁰⁶.

В заключение автор вводной статьи хотел бы выразить самую глубокую признательность сотрудникам Российской национальной библиотеки, Петербургского института истории Российской Академии наук, а также Котеловой Н.А. за неоценимую помощь в переводе латинских изречений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. II. Т. 3—4. М., 1960. С. 244.

² Первоначально Александр Михайлович бежал во Псков, был принят псковичами, но в связи с угрозой похода Ивана Калиты на город и проклятием митрополита Феогноста «отъехал» из Пскова в Литву. В 1331 вернулся в Псков и оставался здесь до 1337, когда хан Золотой Орды вернул ему тверское княжение. В 1339 казнён в Орде. См.: Ключ Э. Княжество Тверское (1247—1485). Тверь, 1994. С. 25—26 и др. (указ.).

³ Тевтонский орден был приглашён в Польшу в 1226 г. мазовецким князем Конрадом для борьбы с балтским племенем пруссов. Разгромив пруссов, орден основал на их землях мощное государство, находившееся под покровительством Германской империи.

⁴ Государство Браиденбург было создано в 50—70-е годы XII в. на землях полабско-прибалтийских славян, захваченных маркграфом Альбрехтом Медведем.

⁵ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. II. Т. 3—4. М., 1960. С. 248.

⁶ Там же. С. 252.

⁷ Там же. С. 253.

⁸ Ливонский орден был создан в 1237 на основе Ордена меченосцев (организован в Прибалтике в 1202) и части Тевтонского ордена.

Считался частью последнего, но часто вёл совершенно самостоятельную политику.

⁹ Цит. по: Ливанцев К. Е. Сословно-представительная монархия в Польше, её сущность и особенности (2-я половина XIV — конец XV вв.). Л., 1968. С. 14.

¹⁰ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. II. Т. 3—4. М., 1960. С. 263.

¹¹ Там же. С. 264.

¹² Там же. С. 289—290.

¹³ Платонов С. Ф. Краткий курс русской истории. М., 1999. С. 27.

¹⁴ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. II. Т. 3—4. М., 1960. С. 306.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Цит. по: Князя Великого княжества Литовского. СПб., 1901. С. 33.

¹⁷ Пресняков А. Е. Образование Великоорусского государства. М., 1998. С. 233—234; Псковские летописи (ПЛ). Вып. 1. М.-Л., 1941. С. 26.

¹⁸ Платонов С. Ф. Краткий курс русской истории. М., 1999. С. 28.

¹⁹ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. II. Т. 3—4. М., 1960. С. 379.

²⁰ ПЛ. Вып. 2. М.-Л., 1955. С. 42.

²¹ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. II. Т. 3—4. М., 1960. С. 430.

²² Там же.

²³ Там же. С. 435.

²⁴ Краевед Н. Ф. Окулич-Казарин характеризует его следующим образом: «Это был князь умный, деятельный и отважный. Он происходил из дома Гедимина и был православным, как большинство тогдашних Литовских князей» (Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков, 2001. С. 20).

²⁵ Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 102.

²⁶ Энциклопедический словарь. Т. 13. СПб., 1894. С. 929.

²⁷ Полное собрание Русских летописей (ПСРА). Т. 25. М.-Л., 1949. С. 273.

²⁸ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. III. Т. 5—6. М., 1960. С. 15.

²⁹ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 203.

³⁰ Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. IV. Київ—Львів, 1907. С. 268—273.

³¹ Kopieczny F. Litwa a Moskwa w latach 1449—1492. Wilno, 1929. S. 176.

³² Базилиевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952. С. 151—154.

³³ Цит. по: Кром М. М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 79.

³⁴ Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 93.

³⁵ Базилиевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952. С. 296.

³⁶ Герберштейн С. Записки о московских делах // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 45.

³⁷ Там же. С. 46.

³⁸ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. III. Т. 5—6. М., 1960. С. 120.

³⁹ ПЛ. Вып. 1. С. 87.

⁴⁰ Кантарини А. Рассказ о путешествии в Москву в 1476—1477 гг. // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 20.

⁴¹ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976. С. 41.

⁴² Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963. С. 192.

⁴³ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936. С. 26—27.

⁴⁴ Герберштейн С. Записки о московских делах // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 47.

⁴⁵ Толстой Ю. В. Московия Джона Мильтона. М., 1875. С. 19.

⁴⁶ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. III. Т. 5—6. М., 1960. С. 221.

- ⁴⁷ Там же. С. 224.
- ⁴⁸ Аракчеев А. В. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004. С. 94–100.
- ⁴⁹ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 191.
- ⁵⁰ Кашпровский Е. И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507–1522). Нежин, 1899. С. 70.
- ⁵¹ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. III. Т. 5–6. М., 1960. С. 262.
- ⁵² Ливанцев К. Е. Сословно-представительная монархия в Польше, её сущность и особенности (2-я половина XIV – конец XV вв.). Л., 1968. С. 38.
- ⁵³ Герберштейн С. Записки о московских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 133.
- ⁵⁴ Там же. С. 69.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Аракчеев А. В. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004. С. 112–118.
- ⁵⁷ Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 19–22.
- ⁵⁸ Там же. С. 22.
- ⁵⁹ Там же. С. 23.
- ⁶⁰ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. СПб., 1997. С. 38.
- ⁶¹ Там же. С. 39–40.
- ⁶² Там же. С. 45.
- ⁶³ Там же. С. 15.
- ⁶⁴ Там же. С. 47.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. С. 18.
- ⁶⁷ Там же. С. 87.
- ⁶⁸ Есть, впрочем, и другие версии. Г. Дельбрюк выводит термин «пистолет» от чешского «пистала» — трубка. См.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. СПб., 1997. С. 337.
- ⁶⁹ Там же. С. 92.

⁷⁰ Там же. С. 97.

⁷¹ Подробнее см.: Яковлев В. В. История крепостей. СПб., 1995. С. 32–34.

⁷² Цит. по: Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 113.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Правда, разные историки по-разному оценивали эффективность этой меры. И. И. Смирнов считал организацию «тысячи» одним из важнейших достижений правительства Ивана IV. По мнению А. А. Зимина, проект не получил практического осуществления.

⁷⁵ Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 58.

⁷⁶ Горсей Дж. Сокращённый рассказ, или Мемориал путешествий // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 172.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. IV. Т. 7–8. М., 1960. С. 21.

⁷⁹ Савосичев А. Ю. Пером и саблей: приказная бюрократия на войне в последней четверти XVI в. // *Noblesse oblige*: праздничная и повседневная жизнь господствующих слоёв Европы XVI–XX столетий. Орёл, 2003. С. 5–6.

⁸⁰ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. IV. Т. 7–8. М., 1960. С. 15.

⁸¹ Послания Ивана Грозного. М.-Л., 1950. С. 47.

⁸² Каргалов В. В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 234.

⁸³ Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 42.

⁸⁴ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. III. Т. 5–6. М., 1960. С. 611.

⁸⁵ *Orichoviana. Opera inedita et epistulae Stanislai Orzechovski 1554–1566*. Т. 1. Krakov. 1919. S. 624.

⁸⁶ Ливанцев К. Е. Сословно-представительная монархия в Польше, её сущность и особенности (2-я половина XIV – конец XV вв.). Л., 1968. С. 62.

⁸⁷ Дюпон Р. Э., Дюпон Т. Н. Всемирная история войн. Кн. 2. СПб. – М., 1997. С. 315.

⁸⁸ По мнению ряда историков, А. Курбский вступил в контакт с литовскими властями за несколько месяцев до побега. Возможно, он даже передавал информацию о передвижении русских войск литовс-

кому гетману Юрию Радзивиллу. См.: Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1983. С. 90.

⁸⁹ О М. Воротыньском см.: Каргалов В. В. Полководцы X—XVI вв. М., 1989. С. 224—255.

⁹⁰ Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 396.

⁹¹ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. III. Т. 5—6. М., 1960. С. 629.

⁹² Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2002.

⁹³ Повесть о Печёрском монастыре // Летопись Псково-Печёрского монастыря. М., 1993. С. 25.

⁹⁴ Acta historica. T. XI. Sprawy wojenne Krola Stefana Batorego. Krakov. 1887. S. 33.

⁹⁵ Стороженко В. А. Стефан Баторий и днепровские казаки. Исследования, памятники, документы и заметки. Киев, 1904. С. 5.

⁹⁶ Там же. С. 76.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Свидетелем казни Подковы был С. Пиотровский, который отмечал в письме к своему покровителю А. Опалинскому: «Удивительное дело, как вся здешняя чернь сожалеет о нём; печатают о нём книги, песни. Живописцы нарисовали его обезглавленное тело». Цит. по: Стороженко В. А. Стефан Баторий и днепровские казаки. Исследования, памятники, документы и заметки. Киев, 1904. С. 62.

⁹⁹ Горсей Дж. Сокращённый рассказ, или Мемориал путешествий // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 155.

¹⁰⁰ Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 353.

¹⁰¹ Там же. С. 354.

¹⁰² Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2002. С. 753.

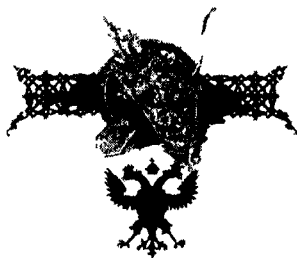
¹⁰³ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 21—76.

¹⁰⁴ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925; Флетчер Д. О государстве Русском. СПб, 1906; Новодворский В. В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570—1582 гг.). СПб., 1904; Зимин А. А. Опричнина

Ивана Грозного. М., 1964; Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1983; Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2003; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963; Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960.

¹⁰⁵ Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М., 1994. С. 33.

¹⁰⁶ Василёв И.И. Воспоминание об осаде Пскова польским королём Стефаном Баторием в 1581 году. Псков, 1881. С. 8–9.

ДНЕВНИКИ
ВТОРОГО ПОХОДА СТЕФАНА БАТОРИЯ

НА РОССИЮ (1580 г.).

(ЯНА ЭБОРОВСКАГО И ЛУКИ ДЭЯЛЫНСКАГО.)

Переводъ съ польскаго

О Р. Милевскаго.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ
1897.

Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россій-
скихъ при Московскомъ Университетѣ.

Предлагаемые здесь в русском переводе польские дневники принадлежат Яну Эборовскому^{1*} и Луке Дзялынскому², участникам второго похода Стефана Батория³ на Россию в 1580 году.

Ян Эборовский, кастелян гнезненский, командовал в кампанию 1580 года отборной частью Баториевой армии; Лука Дзялынский, женатый на сестре гетмана Яна Замојского⁴, начальствовал тогда же авангардом королевских войск (умер в 1583 г.).

Дневники напечатаны Игн. Полковским⁵ в XI томе краковского издания: «Acta historica res gestas Poloniae illustrantia» (1887 г.); весь этот том посвящен царствованию Батория и включает в себе различные, вновь открытые, акты и документы, относящиеся к эпохе с 1576 по 1586 год.

Оба эти дневника вместе с дневником Осады Пскова (1581 г.) Пиотровского⁶ представляют важнейший источник для уяснения событий последнего акта долговременной и упорной борьбы России и Польши за Ливонию.

О. Милевский.

Рига. Август 1896 г.

*Примечания, обозначенные арабскими цифрами, принадлежат А.А. Михайлову. Примечания, обозначенные арабскими цифрами с круглой скобкой, принадлежат О.Н. Милевскому. (Ред.)

ДНЕВНИК ВЗЯТИЯ ЗАМКОВ: Велижа, Усвята, Великих Лук в письмах Яна Зборовского, кастеляна Гнезненского, к Петру Зборовскому, Воеводе Краковскому⁷

Хотя я хорошо понимаю, что вы от всякого другого можете получить верные сведения о происходившем, однако из желания показать, как я рад служить вам и исполняя при этом ваше приказание, сообщаю вашей милости о нижеследующем.

Die 7 Augusti. Канцлер⁸ дал знать, что крепость Велиж⁹ сдалась королю без особенно большого кровопролития. Как скоро осажденные увидели, что наши стали возводить батареи под самой крепостью, они открыли пальбу с укреплений и, как говорят, убили троих из наших; впрочем, лишь только наши начали стрелять, как они сдались¹⁰.

Die 8 Augusti. Король ездил из своего лагеря, в то время находившегося под Суражем¹¹, осматривать Велиж, где и провел ночь. Однако он ночевал не в крепости, а в лагере канцлера, стоявшего еще под крепостью. Король даровал жизнь всем русским и отпустил их на свободу. Он оставил в крепости столько своих, сколько нужно было; канцлеру же приказал идти с войском, в котором было больше 6000, другой стороной и назначил место, где они должны были соединиться.

Die 9 Augusti. Король поздно вернулся в свой лагерь.

Die 10 Augusti. После непродолжительного совещания король приказал мне с находящимися под моим начальством людьми переправиться через Двину по одному мосту; по другому перешел Габор Бекеш¹² с венгерской конницей и Карл Истван¹³ со всей венгерской пехотой. После переправы мы сделали роздых в полми-

ле от реки, дожидаясь переправы короля с остальным войском. 11 августа переправились все войска.

Тут мне следует объяснить вашей милости порядок, в каком идут королевские войска.

Впереди канцлер с несколькими тысячами, о чем уже было сказано. Перед королем на расстоянии нескольких миль идет Пан Вольминский¹⁴, кастелян полоцкий, с легкою пехотою; он постоянно рассылет во все стороны казаков, чтобы добыть языка, но ловят больше людей, ничего не стоящих. Впрочем, это и неудивительно, так как всех годных к войне московский государь или засадил в крепостях для обороны, или взял в военную службу.

За Вольминским следует Криштоф Радзивилл¹⁵, кастелян трокский, гетман польный великого княжества Литовского, со всеми литовскими жолнерами; за ним два вспомогательные отряда, набранные из литовских волонтеров; потом воевода виленский Николай Радзивилл¹⁶ с остальным литовским войском и со всеми панами. В этом отряде также одни только волонтеры. Я со своими ветеранами иду на расстоянии то мили, то полмили, а иногда и вместе, как случится; перед королем идет пан Габор Бекеш с венгерской конницею.

За ним Карл Ишван со всею венгерскою пехотою, затем король со своим двором; впереди короля 300 его отборных красиво одетых стрелков.

Затем следует воевода брацлавский¹⁾, командир всех польских рот, принятых на службу под Полоцком. За ним пан Пржиемский¹⁸ с паном старостою Прасницким. Под начальством Пржиемского состоят также: паны Каспар Дембинский с ротою, Русковский, Калишский хорунжий и Старжеховский, староста Вышегородский. В пехоте все поляки. Ежедневно прибывает по Божьей милости в войско короля и литвы и поляков.

Пришло достоверное известие, что пан Каменецкий²⁾, поль-

¹⁾ Князь Януш Эбаражский¹⁷.

²⁾ Николай Сенявский¹⁹.

ный гетман, уже находится вблизи и скоро будет, хотя у него, говорят, только 300 коней его роты; короля еще догоняют поляки из Руси и из Литвы, числом приблизительно до 2000 людей.

Куда направит войско король, не знаю. Сказать правду, я опечален и грущу, что так далеко идем. И в самом деле, я беспокою короля *per occasionem*²⁰ просьбою, чтобы он пожелал мне и моим солдатам иметь случай выказать всегдашнюю готовность к службе ему и тем поддержать нашу добрую славу. Король отпускает меня, если это только *ludibria traetantantur*²¹, а если это от сердца *perveniet*²², то он не согласен отпустить нас, как *veteranos mililes suos*²³.

Die 12 Augusti. Король прошел берегом реки две мили в сказанном порядке.

Die 13 Augusti. Таким же образом прошли еще две мили берегом реки Усвяты.

Die 14 Augusti. Получены грамоты от московского государя²⁴; копии с них и ответы посылаю вашей милости. В этот день король стоял на том же месте, а меня послал с моим отрядом. Я подвигался вперед в продолжение целой ночи в темноте по очень дурной дороге. Пройдя 4 мили, я стал лагерем на берегу реки Усвяты и дожидался, согласно приказанию, прибытия короля, который и подошел 15 августа. В этот день пан Троцкий¹⁾ осадил со своим войском русскую крепость Усвят²⁵. Хотя еще вчера пан Потоцкий²⁶ с передовым отрядом подошел к крепости с той стороны озера, однако переправилось в этот день едва ли не все литовское войско. Пан воевода виленский²⁾ послал с письмом к осажденным захваченного казаками пленного, извещая их о прибытии самого короля, причем уговаривал сдаться на его милость, так как они не в состоянии дать отпора столь сильному войску. Если же они вынудят короля принять участие во взятии замка, то ни им, ни их детям не будет оказано никакого милосердия. Конечно, они не будут содержать на своем иждивении ни одной души.

¹⁾ Литовский польный гетман Кристоф Радзивилл.

²⁾ Николай Радзивилл.

Из крепости ответили, что у них некому прочесть письмо, так как нет у них никого, кто умел бы разбирать не только написанное по-литовски, но и по-русски. Конечно, они смеялись над нами, не забывая своего старинного московского обычая. Пан Троицкий послал к ним одного старшего казака с увещанием сдаться и прекратить пальбу из пушек. Если они не сдадутся и возьмут в плен хотя бы самых последних из королевского войска, то никто из них не будет оставлен в живых.

Они отвечали, что не могут сдать крепость, не испытав своих сил в борьбе с нами; таким образом, они стали обстреливать в особенности переправу через брод, находящийся между озером под замком и другим озером, которое дальше. До места переправы долетали не только ядра из пушек, но и пули из хорошего мушкета²⁷.

На переправе были убиты из пушки 2 лошади и шляхтич Прокопович из свиты княжны Слуцкой²⁸. Вечером король послал 700 человек венгерской пехоты и столько же поляков, которые насыпали батареи очень близко под самым замком. Все-таки поляки устроили гораздо ближе, чем венгерцы. Заметивши это, венгерцы послали 20 своих к полякам, чтобы те не имели первенства. Русские заметили их только с рассветом, т. е. 16 августа. Они начали стрелять по польским траншеям, однако сделать ничего не могли; те находились так близко к крепости, что со стеновых зубцов попадали в них камнями. Из мушкета подстрелены двое венгерцев в окопах: один, думают, не выживет, другой только ранен в плечо. Русские, заметивши, что наши намерены вести правильную осаду, подали знак, что хотят вступить в переговоры. Несколько после полудня они сдались на следующих условиях. Во-первых, они потребовали, чтобы король даровал им жизнь, чтобы позволил с оружием свободно уйти кто куда пожелает, кто к своему государю, а кто к королю, причем чтобы было позволено каждому взять столько имущества, сколько можно снести на себе. С этим послали к королю, который, чтобы напрасно не терять времени, согласился на все. Русские сдали крепость в целос-

ти; в ней было литых пушек 8, гаковниц 50, пищалей 143, много пороху и ядер. Однако там было не так, как бывает в других крепостях. Причиной этого, как говорили, было то, что они не ожидали похода короля по этим землям. Всех боярских детей было 53, их слуг 50, они имели очень мало лошадей, так как несколько времени тому назад наши конные казаки отняли у них лошадей на пастбище. Стрельцов было всего 345, а простого народа 624. Из всех тех, которые сдались на милость короля, 64 пошли в Литву, все остальные в Москву, кроме крестьян, которые поселились там же, присягнув королю. Воевод король соблаговолил принять под свое покровительство. Однако так как последние не хотели добровольно выйти из замка и их вывели, то король отослал их в Витебск под крепким караулом. В этот день король, выехав на прогулку, смотрел издали на крепость и возвратился в лагерь.

Имена воевод следующие: Михайло Вельяминов²⁹, первый воевода, Иван Коставов¹⁾, второй воевода, Иван Пушечный, голова, т. е. начальник стрельцов, но все же воевода.

Die 17 Augusti. Король остановился над озером, которое тянется от лагеря к замку на 2 мили; он отправился в замок водою; я также находился с королем. Пан виленский от имени литовских панов сдал крепость королю, произнеся при этом длинную речь. Король хвалил усердие панов гетманов и шляхетства великого княжества Литовского: чему, говоря правду, люди удивлялись, а сам король чуть не осмел их; это заметно из его ответа. Ведь трудно показать людям другое, чем то, что все видели. Король ответил следующим образом: он не находит сказать ничего другого, как только благодарить Всемогущего Бога, прося Его благословить начатую войну и споспешествовать успехам до конца, что было бы славно и полезно для Речи Посполитой и для народов королевства; труды же господ папов король принимает с благодарностью.

¹⁾ По Щербатову (История Российская. Т. V, ч. III, стр. 61), фамилия этого воеводы — Иван Кошкаров³⁰.

Die 18 Augusti. Был совет, на котором решали, что необходимо взять Великие Луки и определить путь, каким идти королю. Таким образом, в этот же день послан вперед, как обыкновенно, пан Потоцкий с передовым отрядом и с людьми, которые наводят мосты и исправляют дороги.

Die 19 Augusti. Выступил пан троцкий со своими людьми.

Die 20 Augusti. Выступило в поход все остальное литовское войско.

Die 21 Augusti. Мы с королем двинулись в вышеупомянутом порядке. Пройдя две мили, мы расположились в густом бору, где мало не только травы, но и тощего вереска. Нам придется идти этим бором по крайней мере два дня³¹. Другая дорога была лучше, но только надо было бы наводить много мостов, к тому же она длиннее. Король предпочел идти этою дорогою, так как не желал терять времени, которого и так уже было мало. Только сегодня вытаскивают из воды пушки. Всемогущий Господи Боже, пошли благополучный исход!

В эти дни привели пленных от черкасского старосты, князя Вишневецкого³², и принесли от него письмо. Он пишет, что, взяв своих людей и соединившись с дикими татарами, зашел в глубь московских земель и угнал больше 3000 пленных и больше 10000 скота. Ни одного города не взяли и никакой сдачи не видели. Пленные подтвердили тоже. Они говорили, что причина этого та, что московский князь из предосторожности бережет все свои силы для короля. По их словам, князь очень испугался, когда услышал о наборе королем большого войска, но всего более беспокоило его то обстоятельство, что он не мог довериться своим людям³³. Поэтому он и послал гонца в Чашники³⁴, извещая короля о великих послах, которым наказано было торопиться. Он велел съехаться всему духовенству в свою землю, всем владикам, всем митрополитам, просил у них прощения, признавался в своих грехах, каясь перед Господом Богом, особенно в тех убийствах, которые совершил над своими подданными. Пленные говорили, что он обещался быть добрым ко всем. Бедняжки русские с великими слезами

все ему простили и присягнули в верности, вследствие чего он стал таким надменным, что даже приказано было великим послам воротиться с дороги. Впрочем, они уверяли потом, что князь снова приказал послам спешить к королю, когда узнал через своих лазутчиков о многочисленности королевского войска, которое идет так плотно, как мошки.

Получены также письма из Орши от воеводы смоленского Филона³⁵, который пишет, что его конные и пешие казаки, всего числом 600, ходили далеко в Московскую землю, но нашли мало добычи, потому что все свезено в глубь государства, а людей они не хотели брать; из них тоже ничего не было порядочного, оставались только старые да слабые; все годные были уже взяты в войска или в города для осады. Всюду говорили о больших потерях в московских людях. Из пленных прислал двоих только бояр, которые подтвердили то же. В Ливонии один немецкий ротмистр поразил русских, которые пошли на Кокенгузен³⁶; он прислал к королю одного пленного, который рассказывал об унижении московского князя перед своим народом и о том, что его господин, какой-то князь, был послан московским государем во все ливонские замки для приведения всех русских к присяге в том, что они будут стоять до смерти против короля и его войска. Король приказал черкасскому воеводе производить со своими людьми как можно больше нападений на Московскую землю. С другой стороны, велел Филону с теми людьми, которых у него несколько тысяч, преимущественно волонтеров из князей и шляхты литовской, и с пехотой, нанятой на королевские деньги, разорять Московскую землю и предпринять осаду Невля и Озериц. В Ливонии королевского войска будет служить на жалованье всего около 3000. Гетманом этого войска, или заместником воеводы виленского, пан Дембинский³⁷, которого называют палукской пунею³⁸. Есть и немцы на жалованье королевском. Король писал также курляндскому князю³⁹, чтобы и там общими силами постарались для короля. Значит, и они не будут сидеть без дела. Завтра, должно быть, мы выберемся из этого бора в поле и будем под Лука-

ми не позже 27 августа. Там тоже король не оставит нас без дела. Я многого не знаю, но верно то, что давно уже короли польские не заглядывали в эти страны. Сознаюсь, что если кому, то в особенности мне не хотелось на эту войну и я почти *invitus*⁴⁰ ехал, но теперь благодарю Бога и тех, которые меня уговорили ехать; ибо не жалею, когда терплю разные неудобства, без которых войны не бывает и которых чем дальше, тем будет больше; и потерь, хотя бы меня и не вознаградили за них, буду менее жалеть, чем если бы остался дома. Что же до опасностей, то я давно уже положился в этом на Господа Бога; что Им определено, то не минуло бы меня и дома. Боже, дай только хорошего порядка, который послужит надеждой на облегчение наших трудностей.

Die 21 Augusti. Получены опять грамоты от московского царя, копии с которых я так скоро достать не мог; он увещевает не проливать христианской крови, но дожидаться послов его, обещая, что они предложат мир на хороших условиях.

Die 22 Augusti. Мы расположились в трех милях в бору, у реки Комли.

Die 23 Augusti. Мы стали лагерем в четырех милях у озера Долеца (*Dolze*).

В прошлую ночь виленский воевода доставил четырех пленных из касимовских татар, которые в числе 150 были посланы к нашему войску для добывания языка⁴¹. Их открыли и захватили казаки князя Острожского⁴². При этом был Голубок, начальник 200 казаков с длинными пищалями, на хороших конях. Пленных король велел отдать мне; их подвергали пытке, каждого особо, но все говорили с пытки одно и то же: о большом страхе и о том, что в Великих Луках сосредоточены значительные силы. В замке 500 московских стрельцов и 400 великолуцких, 100 конных казаков, конных детей боярских 100, слуг их и коней 300; затем тверской царь Симеон⁴³ и младший Мстиславский⁴⁴ имеют под собою 20000 войска. Они отступили назад к Холму, по направлению к Москве. Говорили также, что московский князь строго приказал своим воеводам не вступать в бой в открытом поле с

войском нашего короля, не иметь даже ни малейшей стычки и только стараться, как бы исподтишка, забирать людей, тешась над королевским войском. Говорили тоже, что жители сами намерены сжечь весь город Великие Луки, лишь только король окружит его. Они будут защищаться только в крепости, которая снаружи окружена земляною насыпью, обложенной дерном. Когда их спросили, почему до сих пор не видно князя с войском и почему он не пришел на помощь взятым крепостям, а еще приказал отступить, они ответили, что через лазутчиков ему известно о многочисленности королевского войска. Говорили тоже, что три татарина, убежавшие из нашего войска, донесли великому князю, что у короля 106000 вооруженных конных людей, готовых к бою. Вследствие этого большой страх. Московский князь надеется, что с прибытием послов к королю будет мир; он приказал им сделать большие уступки, лишь бы только заключить мир. В этот день канцлер послал с Збигневом-Олесницким пленного, начальника этих 150 татар; зовут его Уляном Износковым⁴⁵; он москвич, боярский сын, живет всегда в Казани и под своею командой имеет несколько тысяч людей. Он говорит, что случайно наткнулся после этого погрома на людей гетмана и что его бросили собственные казаки. Оно так и есть, потому что он только один захвачен. Он ничего нового не говорил, а только все то, что и другие пленные. Он хорошо защищался и сильно изранен.

Die 24 Augusti. Король остался на том же месте, а господа литовцы пошли вперед. Король последует за ними завтра.

У Коптева монастыря, в трех наших милях от Великих Лук, мы все соединились с канцлером. Там король хочет выслушать послов, которые и сегодня могли бы быть в войске, только король приказал приставам иарочно медленно подвигаться с послами, потому что он вследствие тяжести пушек скоро не может выбраться из лесов. Думаю, он очень жалел, что посол ничего не найдет, ни травы, ни мелкого хворосту после нас. Вчера началась большая слякоть, которая, если Бог не отменит, доведет нас до крайности. Ведь можно легко подвергнуться какой угодно опасности,

зайдя так далеко в неприятельскую землю; поэтому всем вам следует молить Господа, чтобы Он, как вначале, так и впредь, споспешествовал королю и его войскам и благословил, имея нас всех в Своем попечении и под Своею святою защитою.

Die 25 Augusti. Сделав три мили пути, король расположился в монастыре, который называют Коптевым. В этот день вместе с панами гетманами он отправился в носилках к крепости, до которой ровно две мили. Король осматривал крепость, взявши с собой пана троцкого, меня, Габора Бекеша и какого-то Барба Дзюрдзея⁴⁶. Мы были так близко от крепости, что можно было попасть в нас не только из пушки, но и из хорошего ружья. Литовские паны, главным образом пан воевода виленский, удерживали, просили короля, но напрасно: на все был один ответ: *Certe, nihil est, domini mei*⁴⁷. В нас стреляли, но по милости Божией безуспешно. Под слугою папа троцкого, выехавшим далеко вперед, убили коня, который и пал на месте. Осмотрев эту сторону крепости, мы повернули к лагерю, и тут на прощанье ядро ударило как раз перед нами, когда мы ехали вместе с королем.

Die 26 Augusti. В течение этого дня мы оставались на том же месте. Король опять с нами в носилках. Перейдя вброд реку, которую зовут Ловатью, он осматривал замок с другой стороны. Он тотчас решил, откуда вести осаду, где поставить лагерь. Один поляк из литовского войска, имени его я еще не знаю, пустил копьем в мост у замка. Я забыл сказать, что вчера русские сожгли весь город, который был гораздо больше, чем Вилена, взятая дважды, а некоторые считают его еще большим.

Die 27 Augusti. Литовское войско остановилось на поле в готовности к бою на том месте, где предполагался лагерь. Король с своею частью армии двигался таким образом: я шел впереди, выстроив весь свой отряд, в котором считалось 2112 коней, в один полк, который называют «отчаянным», пустив вперед пана Темрюка⁴⁸ с его пехотой, пана Претвица⁴⁹, трембовельского старосту, с его людьми, и с ними казацкие разъезды; хотя пан Претвиц и

волонтер, однако сам король просил его находиться под моим знаменем. Мой отряд был не мал и не дурен, нехорошо только, что старые служаки выделялись между другими.

За мною шел венгерский отряд в качестве резерва, за ним воевода брацлавский с теми ротами, которые под его начальством, потом вся венгерская королевская пехота и весь двор. Со всем этим войском король подошел к самой реке Ловати слева от литовского отряда, так что его войско их нисколько не прикрывало; справа от литовцев на другой стороне болота стал пан канцлер со своим войском, число которого, наверно, превышало 6000. Таким образом, все поля были покрыты войсками. Было на что посмотреть русским, и они действительно смотрели, так что все степны были полны народа. А между тем тут еще не было значительной части войска, так как много осталось при орудиях. Об этом будет сказано ниже. Из крепости стреляли только по моему отряду и то немного, хотя мне, как шедшему впереди всех, пришлось очень близко подойти к укреплению. Когда стали палить из пушек, ядра хотя и пролетали над болотом, однако падали близко за моим отрядом. Пахолок Пенионжковой роты, падая с коня, задел копьем мою лошадь, так как мне случилось стоять перед этой ротой. Говорят, что его сбросило ветром от ядра, но я полагаю, что он полетел со страху, потому что я, будучи очень близко от него, не чувствовал никакого ветра, и между тем я со своим полком стоял на этом же месте. Король прислал ко мне, чтобы я стал ближе к лагерю; русские, имея достаточно времени, после этого ни разу не стреляли в меня, за что должен им etc.

Die 28 Augusti. Был совет, как принимать великого московского посла. Решено послать ему навстречу не из радных панов⁵⁰. Назначили пана Мелецкого, старосту брестского, пана Зеновича, подстолия литовского, и пана Агриппу, секретаря; из войска выбрано более 1000 человек, но было гораздо больше, потому что поехали и другие, хотя им и не было приказано. В то же время король поручил своим венгерцам объехать крепость и осмотреть, откуда удобнее начать осадные работы. Борнемисса⁵¹, отделившись

как-то от своих, встретил русских, которые скрывались на месте сгоревшего города; они напали на него, сорвали епанчу, отороченную мехом, стреляли в него, но благодаря Богу не попали⁵². Борнемисса кричал им после, чтобы они хорошенько берегли его шубу, потому что он сам скоро явится за нею в крепость.

Die 29 Augusti. Утром рано пан троцкий привел десять русских, взятых в плен казаками литовского отряда, которые ездили за фуражом. Наших было немного, а русских больше 300; одни из них убиты, другие взяты в плен⁵³. В девять с половиной часов представлялось королю московское посольство⁵⁴. Сами послы целовали руку короля. Сперва они вручили верительную грамоту, затем, по своему обычаю, посол говорил титулы своего государя, причем упомянул Полоцк и всю Ливонскую землю; сказав потом приветствие, он заявил, что его государь хочет быть в братстве и мире с королевским величеством, при том только условии, чтобы ему отдали Полоцк с городами, принадлежащими к Ливонской земле; далее — что он отступается от княжества Курляндского, также как и от Магнусовых замков⁵⁵. Если король это исполнит, то между ним и московским государем будет братская любовь. После этого послы объявили, что не имеют наказа от своего государя править посольство в другом каком-либо месте, кроме как на королевской земле. Они просили, чтобы король вернулся со своими войсками в свою землю, а они то благое дело, с которым приехали от своего государя, там и будут продолжать. Король отвечал через пана троцкого, что их требование несправедливо, что довольно он ждал их в своей земле, но так как они не торопились приехать, то король не хотел из-за них терять ни часу времени. И так пусть они здесь правят свое посольство. Но послы стояли на том, чтобы король вернулся в свои владения. Тогда пан троцкий потребовал, чтобы они или правили посольство, или ехали назад на место своей стоянки. Но они ни за что на это не соглашались. Тогда король приказал приставам отвести их в стан, причем им намекнули, что как ни с чем приехали, так ни с чем и уедут. Король, идя в свой шатер, спрашивал совета, что делать с этими

послами. Постановлено следующее: объявить послам через приставов, чтобы завтра же готовились в дорогу и что их отпускают без всякого ответа. Авось после такой остротки они скорее скажут, с какими предложениями приехали.

Имена послов следующие: князь Иван Васильевич Сицкой⁵⁶, первый посол, второй посол Роман Михайлович Пивов⁵⁷, третий — дьяк Фома Дружина Петелин⁵⁸. С ними немало было государевых дворян, всего около 700 лошадей.

В это время король приказал канцлеру стать лагерем за рекою Ловатью, а Карлу Иствану, оставивши только 300 венгерцев при татарах, со всею своею пехотою идти в лагерь канцлера и, если можно, немедленно ночью окопаться под крепостью. Уже к вечеру венгерцы построили шанцы довольно близко от укреплений. Венгерцы и польская пехота из войска канцлера не хотели дать Карлу Иствану опередить себя и со своей стороны тоже довольно скоро возвели окопы и без всякой потери в людях, что, правду говоря, нелегко было сделать среди бела дня.

Die 30 Augusti. Воевода виленский представил русских пленных, которых захватил какой-то ротмистр Дорогобыж, конный казак, и тем оказал значительную услугу. В полдень того же дня, когда несколько солдат из окопов были посланы за хворостом для плетения туров, оставшиеся не выдержали незначительного натиска неприятеля и бежали из траншей⁵⁹; когда это заметили из крепости, то, пользуясь тем, что дело происходило против самых ворот, русские живо прогнали наших. Было взято одно знамя пещей роты канцлера. Хотя знаменщик защищался и дрался достаточно, но бедняга, напрягая все силы, все-таки был повален на землю. Оторвавши кусок знамени, он волей-неволей должен был выпустить его из рук. Ликующий неприятель поспешно ретировался в замок, хотя ему тоже порядочно досталось. Канцлер очень огорчился и едва не казнил знаменосца, но его спасли, взявши на поруки.

В этот день было совещание относительно того, что москов-

ские послы не только ничего не объясняют, но еще наоборот показывают вид, что, желая уехать, ждут только, чтобы их отпустили. Король порешил отсрочивать их отправление под тем или другим предлогом до тех пор, пока не сдастся крепость. В эту ночь ставили в шанцах туры, насыпанные землею. А так как под крепостью на озере была запруда, то король велел ее прорыть, ибо она могла повредить во время штурма.

Канцлер поручил надзор за этим пану Ключевскому⁶⁰, завихостскому кастеляну, который слишком громко там распоряжался, так что русские на голос начали производить частую ружейную пальбу, и бедняга завихостский был так изранен, что тотчас же на месте и умер.

Die 31 Augusti. Ничего особенного не произошло в наших окопах. Под прикрытием туров наша пехота с полною безопасностью направляла траншеи. С наступлением ночи наши втащили в шанцы пушки, по милости Божией не потеряв ни одного человека.

Die 1 Septembris. Рано на рассвете началась усиленная пальба из наших орудий по крепости. К вечеру с венгерских батарей подожгли замок; когда это известие дошло до послов, они тотчас стали просить приставов замолвить за них словечко у панов рады, чтобы король соблаговолил принять их на аудиенции, так как они хотят исполнить все то, что было им поручено их государем. С наступлением ночи, хотя наши упорно сражались, многие из них поплатились жизнью. Русские потушили огонь, но так как тын был вбит в землю, то он продолжал тлеть.

Die 2 Septembris. Послы опять были у короля. Теперь были допущены к руке короля только дворяне государевы. Сперва первый посол правил посольство, потом второй, а затем третий; каждый из них бормотал довольно долго. Бог видит, что не стоит писать об этом. Все состояло в том, что они очень усердно уговаривали короля щадить христианскую кровь и заключить мир; затем предложили королю дружбу своего властелина. Они прибавили, что их повелитель, ради мира, оставляет королю Полоцк и

замки, которые король взял около Полоцка, и на вечные времена клянется никогда из-за этого не возбуждать войны и не упоминать о них в своих титулах. Если же король не будет этим доволен, они просят позволения продолжать по обычаю переговоры отдельно с членами рады. Пан троцкий ответил именем короля, что касательно восстановления мира можно ясно видеть, что не король виноват в этом кровопролитии, что королю невозможно прекратить войну, начатую за такие несправедливости, которые их государь наделал Речи Посполитой. По благоприятном окончании других дел король не будет отказываться от дружбы с их князем, так как волею Божьею он могущественный и славный король, за которым папа (т. е. св. отец) признает приличный титул, а кесарь, короли христианские и другие монархи пишут его своим братом. А что касается того, что князь уступает ему Полоцк с теми или другими замками, то король удивляется, как могут послы предлагать его величеству такие условия. Ведь, несмотря на все остальное, король своим мечом завоевал Полоцк как собственность, издавна принадлежавшую великому княжеству Литовскому. Он взял его и будет при Божьей помощи и впредь брать, что только когда-нибудь было отнято из его владений. А если их государь хочет жить в мире с королем, то пусть все возвратит. В противном случае, т. е. если он не возвратит, король не перестанет домогаться своего, поэтому пусть государь их остерегается, чтобы вместе с чужим не потерять своего. Он позволяет послам продолжать переговоры об этом с панами рады, напоминая им не терять времени, напрасно торгуясь. Для переговоров назначены панами рады: 1) князь Николай Радзивилл, воевода виленский, 2) Остафий Волович, пан виленский, 3) князь Стефан Эбаражский, воевода троцкий, 4) Ян Кишка⁶¹, староста жмудский, 5) князь Андрей Вишииовский, воевода вольнский, 6) князь Николай Радзивилл, воевода новогрудский и ловчий литовский, 7) Ян Эборовский, гнезненский пан; 8) Фирлей, пан любельский⁶², 9) Ян Глебович, пан минский, подскарбий великого княжества Литовского.

Послы прежде всего просили отвести войска от крепости. Затем, когда это оказалось невозможным, они хотели по крайней мере того, чтобы до завтра была прекращена пальба из орудий. На это им ответили, чтобы они напрасно не тратили времени, так как король не отступится от раз предпринятого им, но чтобы немедленно сказали, с чем приехали. Если будет что-нибудь хорошее, справедливое, тогда только король снимет осаду и возвратится в свои пределы. Они сказали, что их государь отказывается в пользу короля от Курляндской земли и от тех замков, которыми владеет Магнус. Им ответили, чтобы они не сбивали с толку, потому что князь Курляндский есть свободный владетель своей земли, только добровольно подчинился короне польской и великому княжеству Литовскому, и хотя он вассал, но все-таки владетельный князь. А Магнус тоже уступил королю под некоторыми условиями свои замки, которые держит их государь, хотя замки эти принадлежат великому княжеству. Послы спросили, какие именно требования короля. Мы сказали им, что король требует себе Северскую землю, Псков, Новгород, Смоленск и всю Ливонскую землю. При этом так как их государь подал королю повод к войне, то пусть вознаградит его за все военные издержки. Они посмотрели друг на друга, ничего на вышеупомянутое не сказали и просили допустить их к королю с тем, что они раньше предложили, причем они нас перекричали, говоря, что и наши так у них поступали. Трое из нас пошли к королю. Король приказал им ответить, что, не торгуясь, уступает им Псков и Новгород, хотя нет причин на это. После долгих торгов и разных пререканий они уступили Ригу и все замки, лежащие по сю сторону Двины; при этом отказались уступить королю Северскую землю, говоря, что они своего ничего не отдадут. Затем они должны были, не торгуясь, сказать, что предпочитают делать. Несколько часов продолжались эти споры, причем уступлены были с полтора десятка замков с их дворами в Ливонии на другой стороне Двины, а за пленных отдавали Усвят и Велиж. И на это им ответили, что и ливонс-

кие земли, и Усвят и Велиж король держит в своих руках. Затем им предложили объявить все поручения, какне они нмеют от своего государя, потому что мы не пойдём к королю и с ними не будем сндеть на этих сказках. Едва выжали мы из них, что их повелитель уступит еще королю замок Озерице, который и теперь в руках короля. Затем они просили, чтобы мы склонили короля на мир, который их государь хочет заключить с королем на вечные времена: итак, прелестную весть объявили они нам да еще прибавили, что более им не о чем договариваться. Однако оказалось, что они имеют поручение от своего повелителя, что если бы король не удовольствовался их предложениями, то пусть объявит свои, а он пошлет с этим дворянина, с которым может отпустить своего гонца. Они испрашивали позволения самим писать своему государю. Мы пошли все к королю, оставивши их с приставами, потом принесли ответ, что король, желая показать на деле, что не хочет проливать христианской крови, согласен послать к их государю гонца с письмом, выражающим королевскую волю, а им тоже разрешает послать дворянина с письмом, которое они должны показать панам рады; им же, в свою очередь, покажут письмо короля. С этим они и отъехали к своему государю. Под вечер того же дня из венгерских окопов был удачно подожжен замок, и наши выехали посмотреть на пожар. С нашей стороны ротмнстр Дрогобыш пробрался в садик возле замка, чтобы посмотреть на пожар, желая вместе с тем застрелить кого-нибудь из мушкета. В это время выстрелили из пушки и попали в беднягу, так что ядро вырвало у него левую руку вместе с сердцем; его вынесли из садника два моих гайдука, находившиеся там же, и принесли самое ядро ко мне. Его похоронили выше лагеря на горе, к большому прискорбию многих, причём в похоронной процессии за гробом следовало много знатных людей.

Die 3 Septembris. Так как пожар был потушен, то король приказал своим гайдукам попытаться вновь зажечь крепость. Они, бедные, числом до 100 человек, еще во время первого пожара

подбежали к самой насыпи около стен и оттуда уже не отходили; русские не могли стрелять в них из орудий, ибо они вкопались в насыпь. Тогда на них стали лить кипяток и бросали камни, но они все терпели; только ночью доставляли им еду и питье. Им-то и поручил король подложить порох под укрепления.

Die 4 Septembris. Когда король вечером стоял с несколькими из нас недалеко от крепости, то, присматриваясь к ней, сказал: «Вы увидите, что мои пехотинцы вскоре подожгут эту стену». Не прошло и десяти минут, как стена загорелась; огонь был такой сильный, что невозможно было потушить его. По этому случаю всю ночь лошади стояли оседланные. Пан троцкий, пан староста жмудский и я всю ночь стояли с отрядом в несколько сотен по ту сторону крепости, полагая, что русские из замка побегут той дорожкой. Но они и не думали об этом. Наоборот, они так принялись тушить пожар, что ночью, по прошествии трех часов, пламени уже не было видно. Правда, им много помог дождь, который, начавшись с вечера, лил всю ночь. Мы стали уже терять всякую надежду на скорое взятие крепости. Спустя после полуночи солдаты из отряда канцлера тоже вели подкоп под башню и старались давно уже поджечь ее. Тогда огонь повернул вдруг в другую сторону и обхватил дерево. Башня была чуть ли не самая большая, и русские мужественно ее обороняли, но наши мешали им стрельбой тушить ее.

Итак, *die 5 Septembris* утром русские должны были сдаться. Начальники были обмануты вследствие какой-то ошибки; гайдуки начали рубить сдавшихся; произошло большое убийство, причем досталось и невинным⁶³. Это, должно быть, было устроено против тех, которые ушли из Полоцка; пусть Бог рассудит. Теперь король стал советоваться о постройке замка. Об этом много писать, а так как это, по моему мнению, само собою следует за предприятием короля, то и пусть оно окончится благополучно.

КОММЕНТАРИИ

¹ Зборовский Ян, герба «Ястржембец» (ум. 1604/1605), польский магнат. С 1572 — гетман надворный, с 1576 — каштелян гнезненский. Участник военных походов Стефана Батория. О нём см. вводную статью.

² Дзялынский Лукаш, шляхтич, подचाший надворный коронный. О нём см. вводную статью.

³ Баторий Стефан (27.09.1533 — 12.12.1586), король Речи Посполитой (с 1576).

Сын знатного трансильванского вельможи Стефана Б. (ум. в 1535) и его супруги Екатерины Телегди. В возрасте 16 лет поступил на службу к Фердинанду, королю Венгерскому и Чешскому (впоследствии, в 1558—1564, — императору Священной Римской империи Германской нации). Обучался в Падуанском университете. После возвращения на родину служил при дворе Трансильванского князя Иоанна-Сигизмунда Запольяи, участвовал в войне с австрийцами (1551) и попал в плен, где пробыл три года. В 1571, после смерти Запольяи, стал князем Трансильвании. В апреле 1576 избран на престол Речи Посполитой, в мае того же года короновался в Кракове. В 1579—1581 лично руководил военной кампанией против Руси. По признанию большинства современников, являлся выдающимся полководцем и государственным деятелем. См. также вводную статью.

⁴ Замойский Ян (19.03.1542 — 3.06.1605), выдающийся польский государственный деятель, великий канцлер и великий гетман.

Происходил из шляхетского рода, основателем которого считался Фома Лознииский герба «Елита», купивший в начале XV в. поместье Старое Замостье. Сын Станислава З. (1519—1572), сенатора, каштеляна холмского и старосты бельского. В 1560 был отправлен отцом учиться за границу, посещал лекции в Парижском коллеже и Падуанском университете, где его избрали главой польского землячества студентов. В 1563 написал труд «De Senatu Romano» («О римском сенате»). В том же году стал ректором университета, несмотря на сопротивление немецких студентов. Вернувшись на родину, занял должность королевского секретаря. Во время бескоролья 1572 активно выступал за выборность монарха, чем снискал широкую популярность среди шляхты.

В вопросе о кандидате на престол З. являлся убеждённым противником Габсбургов. Некоторое время считал возможным передать корону Ивану Грозному, но затем согласился на призвание Генриха Валуа и даже входил в состав направленной к нему делегации. В 1573 составил т. н. «Генриковы артикулы» — свод законов, утверждавший право всей шляхты участвовать в выборах монарха. После бегства Генриха во Францию (1574) выступал сначала за «Пястов», а затем за Стефана Батория и вскоре стал ближайшим помощником последнего. В 1576 занял должность подканцлера, в 1578 — канцлера. Активно участвовал в заключении договора короля с Гданьском (1577) и переговорах с маркграфом Бранденбургским о предоставлении ему прав на Прусские земли.

З. был активным сторонником войны с Русью, лично участвовал в военных походах и особенно отличился в 1580 при взятии Великих Лук и Велижа. В 1581, будучи назначен великим гетманом, занимался организацией похода на Псков, был одним из руководителей его осады. Во внутренней политике вёл напряжённую борьбу с противниками короля из числа магнатов и особенно с кланом Зборовских. В 1584 арестовал и приказал казнить Самуила Зборовского, в 1585 — расправился с его братом, Кшиштофом. После смерти Батория (1586) поддерживал кандидатуру Сигизмунда Вазы и вновь боролся против «австрийской» партии. После избрания Сигизмунда королём нанёс войскам эрцгерцога Максимилиана сокрушительное поражение под Бычиной (24.01.1588) и взял в плен самого эрцгерцога. Однако впоследствии З. вступил в конфронтацию с самим Сигизмундом III из-за его намерения начать сближение со Священной Римской империей. В 1590-е активно подталкивал короля к войне с Турцией и вмешательству в дела Молдавии и Валахии. В 1595 разгромил под Чечерой турецко-татарское войско, в 1600 — одержал победу над войсками валахского господаря Михала и посадил на престол своего ставленника Симона Могилу. В 1600—1602 руководил польской армией в войне против Швеции из-за Ливонии, но затем сдал командование Ходкевичу и сосредоточился на внутренней политике.

Будучи талантливым государственным деятелем и военачальником, З. много внимания уделял просвещению и развитию польской культуры. В 1580 он основал на месте своего родового поместья Скаковичи город Замостье, а в 1594 учредил в нём Академию. З. покро-

вительствовал учёным и писателям, вёл переписку с видными европейскими философами, отличался большой веротерпимостью. Современники отзывались о нём, как о крупнейшем политике своего времени и чрезвычайно образованном человеке.

⁵ Полковский Игнатий (27.07.1833 — 27.08.1888), польский историк, библиограф, архивист. Писал под псевдонимами: «Стефан Правдицкий», «Князь Томаш Добшевич». «Др. Фр. Рейтович». Родился в фольварке Пяски, в Здунах (Ловицкий повет). В 1851 поступил в Варшавскую духовную семинарию св. Иоанна. В 1855 начал обучение в Варшавской Духовной Академии, которую закончил в 1858 со степенью кандидата теологии. Ещё во время обучения начал публиковать богословские статьи. В 1857 был рукоположен в ксендзы и на следующий год стал викарием в Радзвимице. В 1859 занял место викария в Бжезинах, в 1862 — пробста в Лазнове (Бжезинский повет). В 1863 был избран каноником капитула Ловицкого и пробстом в Глухове. Занимая эти должности, с 1862 фактически пребывал в Варшаве, выполняя обязанности секретаря Варшавской консистории, и сблизился с епископом Зигмунтом Щесным-Фелинским.

Хотя П. не участвовал в восстании 1863—1864, после ссылки епископа Фелинского весной 1864 он, опасаясь репрессий, покинул Царство Польское. Побывал во Франции и Германии, Италии. В 1866 вернулся на родину и поселился в имении Скоржевских Чериеево (Гнезненский повет) и с этого времени стал активно заниматься изучением и изданием исторических документов. С 1877 состоял членом Археологической комиссии Академии наук, где работал в секции польской эпиграфики. В 1880 входил в число организаторов съезда польских историков, посвящённого 400-летию кончины хрониста Яна Длугоша. Скончался и погребён в Кракове.

⁶ Пиотровский Станислав, герба «Швинкв» (ок. 1550 — 17.04.1591), ксендз, автор «Дневника последнего похода Стефана Батория на Россию». См. о нём вводную статью.

⁷ Зборовский Пётр — родной брат автора писем, Яна Зборовского.

⁸ Имеется в виду Ян Замойский.

⁹ Велиж — русская крепость на Западной Двине. Построен в 1536, под руководством торопецких помещиков Д. Осокина, З. И. Чоголова, Д. И. Игнатьева и Н. А. Чихачёва. В начале августа 1580 г. был захвачен поляками. По условиям Ям-Запольского перемирия отошёл

под власть Речи Посполитой. В настоящее время — на территории Смоленской обл. См. также примечание Иг. Полковского к дневнику Л. Дзялынского, с. 179.

¹⁰ Р. Гейденштейн также подчёркивает, что решающую роль при взятии Велижа сыграла польская артиллерия: «Меткость выстрелов наших пушек, как потом узнано было от пленных и по самым поломанным неприятельским орудиям, была замечательна, так что ни одно почти ядро не пропало без того, чтобы не испортить что-нибудь из неприятельских орудий» (Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 119). Он также упоминает об использовании войсками, осаждавшими крепость раскалённых («калённых») ядер. Подробное описание Велижа и его осады содержится также в публикуемом дневнике Л. Дзялынского.

¹¹ Сураж — литовская крепость у впадения р. Каспли в Западную Двину. Построена в 1564—1565 гг. В настоящее время — на территории Белоруссии.

¹² Бекеш Габор (? — 8.09.1581), венгерский военачальник.

Получил воспитание при дворе трансильванского князя Яна-Сигизмунда Запольяи. После смерти князя (1571) поддержал претензии своего старшего брата Кашпера Б. (1520—1579) на трансильванский престол, вступил на этой почве в острый конфликт со Стефаном Баторием, а после избрания последнего князем участвовал в вооружённом мятеже. В 1573 бежал вместе с братом из Трансильвании, в 1575 участвовал в его походе против Батория, затем жил в Польше, где пользовался покровительством краковского воеводы Петра Зборовского. В 1576 примирился с Баторием. Участвовал в подавлении выступления в Гданьске (1577) и походах на Русь 1579—1581. После смерти брата командовал венгерскими отрядами в королевской армии. Погиб под Псковом.

¹³ Иштван (Иштван, Стефан) Карл. Венгерский военачальник. По данным Р. Гейденштейна, в 1580 сменил на посту командующего венгерскими войсками Михаила Вадаши. Впоследствии отличился при осаде Опочки. См.: Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 130, 157, 161.

¹⁴ Вольминский. Участвовал в походе на Полоцк в 1579 г.

¹⁵ Радзивилл Кшиштоф (Христофор) (1547 — 20.11.1603). Представитель старинного литовского княжеского рода. Сын Миколая Р.

Рыжего. В 1572 стал гетманом польным литовским, в 1584 — воеводой виленским, в 1589 — гетманом великим литовским. Активно участвовал в войне против Руси и в 1581 совершил поход в Центральную Россию, дойдя до Ржева и Волги. В 1601 участвовал в войне против шведов, отличился в боевых действиях под Кокенгаузеном (Кукейносом) и при взятии Вендена (Цесиса). Имел репутацию способного, но слишком горячего полководца и заслужил у современников-литовцев прозвище «Перун».

¹⁶ Радзивилл Николай по прозвищу «Рыжий» (1512 — 27.04.1584). Сын польного гетмана литовского Ежи Р. (1480—1541). Двоюродный брат знаменитого лидера польских протестантов Николая Р. Чёрного (1515—1565). Родной брат жены короля Сигизмунда-Августа, Барбары Р. В 1533 стал гетманом литовским и в качестве такового активно участвовал в Ливонской войне. В 1564 нанёс на р. Уле, недалеко от Орши, поражение русским войскам князя П. И. Шуйского. В 1566 назначен канцлером литовским и воеводой виленским. Активно выступал против заключения Люблинской унии (1569), а после смерти короля Сигизмунда-Августа (1572) предпринимал попытки её расторжения и поддерживал в качестве кандидата на престол эрцгерцога Эрнеста (сына императора Максимилиана II).

После бегства Генриха Валуа поддерживал тайные контакты с русским посланником Новосильцевым и вёл с ним безуспешные переговоры о приглашении на Литовский престол Ивана IV с целью разрыва польско-литовской унии. В правление Стефана Батория участвовал в войне против Руси. Оказывал покровительство бежавшему в Литву А. Курбскому. Будучи убеждённым кальвинистом, Р. организовал в Биржае кальвинистское училище, куда пригласил наиболее известных учителей и проповедников из Западной Европы.

¹⁷ Эбаражский Януш (ум. в 1608), князь, воевода брацлавский.

Активно участвовал в обороне южных границ Речи Посполитой. В 1575 и 1577 нанёс крупные поражения крымским татарам. В 1579 отличился при осаде Полоцка и Сокола. 21.09.1580 нанёс крупное поражение войскам В. Д. Хилкова в битве под Торопцем. Во время осады Пскова выполнял обязанности квартирмейстера. Вместе с М. Гарабурдой и А. Радзивиллом входил в состав польского посольства на переговорах в Яме Запольском (1581—1582). В 1596 участвовал в

переговорах с папским посланником Гаэтано о создании антитурецкой лиги. В 1604 отговаривал короля Сигизмунда III от оказания помощи Лжедмитрию I. По словам С. М. Соловьёва, Э. «...никак не мог убедить себя в том, что Дмитрий истинный царевич, и никак не соглашался руководить делом, в правде которого не был убеждён» (Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. IV. Т. 7—8. М., 1960. С. 409). В 1606—1607 активно участвовал в подавлении рокоша Миколая Зебжидовского.

¹⁸ Пржиемский Стаинслав, герба «Равич» (ум. в 1595), депутат сейма, маршалок надворный. Сын Яна П. и Елены Бежглинской, брат видных государственных деятелей Войцеха и Рафала П. (последовательно каштелянов лендзских). Протестант.

С 1566 — ротмистр королевский. Был одним из активных участников Люблинского сейма (1569), где представлял Калишское воеводство и выступал за заключение унии с Литвой. Около 1569 получил от короля имения Личново и Рудно в старостве Гневском, Лопатки и Последно — в старостве Шведком. Наделение П. землями в Королевской Пруссии вызвало протест местного дворянства, которое в 1572 (сразу после смерти Сигизмунда-Августа) силой их отобрало. Земельные споры П. и прусских дворян стали предметом долгого судебного разбирательства. Сам П. в начале 1573 собрал в Домброве, вместе с Станиславом Гуркой, вооружённый отряд, готовился напасть на противников, но был удержан присланными из Варшавы Станиславом Гостомским и Балтазаром Лютомирским. Решением конвокационного сеймика в Серадзе (24.03.1573) П. были возвращены его земли.

После смерти Сигизмунда-Августа П. выступал за избрание на польский престол представителя династии Пястов, но затем согласился с избранием Генриха Валуа. Во время второго бескоролья (после бегства Генриха) пытался выступать посредником между сенаторами и шляхтой, возглавляя делегацию, направленную группой шляхтичей к стороннику императора Миколаю Мелецкому. Добивался отдачи под суд Кшиштофа Граевского за его контакты с русским царём. Оставаясь последовательным сторонником Пястов, П., после коронации С. Батория, всё же признал его королём. В 1578—1579 активно боролся против наследования прусских земель бранденбургской линией Гогенцоллернов. В 1580, в качестве ротмистра, участвовал в по-

ходе на Великие Луки, командовал гусарской ротой численностью в 300 чел. В 1581 состоял маршалком Вального Сейма, выступал за продолжение войны с Русью и вновь участвовал в военных действиях в качестве командира конного полка. 30.08.1581 избран одним из двух военных судей. Во время осады Пскова неоднократно разбирал конфликты между воинами королевской армии.

После смерти Батория поддерживал в качестве кандидата на престол Сигизмунда Васу и участвовал в коронационном сейме (январь 1588). Состоял в близкой дружбе с Анджеем Опалинским (именно он доставил Опалинскому письма С. Пиотровского) и с его помощью добился получения должности маршала надвориного, отобранный королём Сигизмундом III у Анджея Зборовского. В 1592 участвовал в торжественной встрече супруги короля, эрцгерцогини Анны. В 1593, после смерти А. Опалинского, стал маршалком коронным. Своей семьей, видимо, не имел и большую часть обширных владений завещал брату Анджею.

¹⁹ Сенявский Николай (Миколай), герба «Лелива» (ок. 1520 — 1584), гетмай польный, каштелян каменецкий. Сын великого коронного гетмана Николая С. и Катажины Колянки.

Получил воспитание при дворе подканцлера, епископа краковского Петра Томницкого. Военную службу начал в чине ротмистра, в отряде своего отца. В 1544 и 1552 вместе с ротмистром Бернардом Притвицем воевал с белгородскими и очаковскими татарами. В 1559 нанёс татарам крупные поражения под Образовом, Хмельником, Лешинёвом. С 1562 участвовал в Ливонской войне. В августе 1562 вместе со Станиславом Лешиневским (2300 солдат) совершил экспедицию к Невелю, недалеко от которого участвовал в крупном сражении с войсками А. Курбского (19.08.1562). После заключения в 1563 перемирия между Русью и Польшей вернулся на родину. С 1566 активно участвовал в событиях на южных границах Польши и в Молдавии. В 1577 остановил с помощью вооружённой силы набег днепровских казаков, сторонников самозванца Петра Подковы, на Молдавию.

В 1580 участвовал в походе войск Стефана Батория на Русь. Присоединился к королевской армии в Усвятах в августе 1580, а во время осады Великих Лук командовал арьергардом армии и совместно с Анджеем Фирлеем отвечал за транспортировку пушек и боеприпасов. Во время похода короля на Псков, в 1581, воевал на Северщине,

командуя отрядом из 1200 кавалеристов (в т. ч. 200 чел. — его собственная хоругвь), захватил Трубецк и опустошил его окрестности.

Состоял в браке с Ганной Сапежанкой (ум. около 1590), дочерью Михаила Сапеги и вдовой князя Анджея Проиского, но имел только дочерей. Вопреки исторической правде художник Ян Матейко поместил С. на своей картине «Баторий под Псковом» (1571).

²⁰ *Per occasionem* — при случае, okazji (лат.).

²¹ *Ludibria tractantantur* — формальная декларация (лат.).

²² *Perveniet* — исходит (лат.).

²³ *Veteranos milites suos* — солдат-ветеранов (лат.).

²⁴ На протяжении войны Иван Грозный вёл с Баторием очень интенсивную переписку. Большая часть писем царя и ответных королевских посланий опубликованы в «Книге Посольской Метрики Литовской» (Т. 2, М., 1843).

²⁵ Подробное описание взятия Усвят см. в дневнике Л. Дзялынского.

²⁶ В походе 1580 г. принимали участие четыре брата Потоцких, герба «Пилява»: Ян, Анджей, Якуб и Стефан, а также их дядя Станислав. Вероятнее всего, в данном случае речь идёт о третьем по старшинству брате, Якубе П. (ок. 1554 — 1613). Он провёл молодость в Трансильвании при дворе С. Батория и затем был его придворным в Польше. В 1579—1581 служил в полку королевских дворян и, по данным «Польского биографического словаря», «проводил разведку под Великими Луками» (курсив мой. — А. М.). Якуб П. также участвовал в битве у Торонца (20.09.1580). Как и другие представители рода, он был тесно связан с Яном Замојским и активно поддерживал его после смерти Батория, участвовал в битве под Бычиной (24.01.1588). В 1588—1601 почти непрерывно воевал на южных границах Речи Посполитой и в Молдавии.

Не исключено, что Я. Эборовский имел в виду старшего из братьев, Яна (ок. 1552 — 1611). Он обучался в Лейпцигском университете, а на военном поприще отличился уже при осаде Гданьска (1577), во время которой служил под началом Ежи Струся. В 1579 Ян П. набрал отряд гусар (100 чел.) и с ним участвовал в походе на Полоцк. Во время похода 1580 командовал конной ротой (158 гусар), входившей в состав полка Януша Эбаражского. В 1581 участвовал в осаде Пскова, в начале сентября совершил набег на Порхов, чтобы отвлечь нахо-

дившиеся неподалёку русские войска. В феврале 1582 ушёл из-под Пскова на зимние квартиры в Литву, а в начале мая был направлен на Червонную Русь для борьбы с татарами. После смерти Батория голо-совал за избрание на престол Сигизмунда Васы, активно поддержи-вал Замоийского, участвовал в битве под Бычиной.

Когда на Руси началось Смутное время, Ян П. проявил себя как убеждённый сторонник интервенции. В 1609 участвовал в осаде Смо-ленска. В 1610 решительно выступил против Яна Казимирского и Мацея Янковского, защищавших интересы Лжедмитрия II. На сове-те в апреле 1611 поддержал решение послать к Москве войска С. Жол-кевского, но вскоре после этого скончался под Смоленском, пав жерт-вой эпидемии. Состоял в браке с Эльжбетой, дочерью ротмистра Яна Каменецкого и вдовой ротмистра Мацея Влодка. Потомства не имел.

Второй по старшинству брат, Анджей П. (ок. 1553 — 1609), во время походов 1579—1581 служил в роте старшего брата Яна и само-стоятельно крупными операциями не руководил. Младший брат, Сте-фан (1568 — 1631), в то время видных должностей не занимал.

²⁷ Сделанный О. Милевским перевод не точен. В польском тексте использован термин гаковицца — «hakownica» (*Acta historica res gestas Poloniae illustrantia*. Т. XI. Krakow. 1887. S.192.). Под этим термином понимается тяжёлое крепостное ружьё, которое имело на стволе крюк — гак. При стрельбе этот гак упирался в край стены, что гасило отда-чу. Кстати, термин «гаковицца» употреблялся в том же смысле и в русском языке XVI—XVII вв. А. Курбский писал в «Истории о великом князе Московском»: «И к тому у нас вену... н на иеё взношено стрельбы десять дел и пятьдесят гаковициц» (Курбский А. История о великом князе Московском. Т. 1. СПб., 1914. Стб. 193).

²⁸ Слуцкие — старинный литовский род русского происхождения. Управляли Слуцким княжеством, которое вплоть до конца XVI в. пользовалось в составе польско-литовского государства некоторой ав-тономией. См.: Кром М. М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 55, 57, 105, 127.

²⁹ Вельяминов Михаил Иванович. С 1575 был воеводой в Невеле, с 1578 (с Ильина дня) — воеводой в Усвятах. В 1604 — стольник. См.: Разрядная книга. М. 1966. С. 269, 288, 298.

³⁰ Возможно, это Кошкаров Иван Азарьевич, который в 1591 служил стрелецким головой в Астрахани и оттуда, во главе отряда из 500 стрельцов, был направлен на войну со шведами, но участия в боевых действиях не принял. В 1593, в связи с «моровым поветрием», находился в Торжке. См.: Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 178, 179.

³¹ О плохом качестве дороги пишет и Р. Гейденштейн: «Король, направляясь от Усвят к Лукам, вначале снова встретился с такими же неудобными дорогами, с непрерывными и, как мы выше указали, весьма густо заросшими и нарочно перепутанными лесами, при этом ещё с топкой и весьма затруднённой для прохода почвой». При этом, он полагал, что русские специально «развели самые густые леса» (Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 122, 123).

³² Вишневецкий Михаил Александрович (ок. 1529—5.10.1584), польский магнат, староста черкасский и каневский. В 1554 принял участие в войне с турками, в 1557 участвовал в походе польско-литовских войск в Ливонию, затем долгое время защищал южную границу Польши от татар. В 1578 занимался набором днепровских казаков на военную службу, командовал казачьим полком. В 1579, 1580, 1581 совершал набеги на южнорусские земли. В 1581 нанёс поражение русским войскам на р. Судости. Состоял в браке с Елисаветой Юрьевной Зенович, имел трёх сыновей и дочь. Старший сын, Александр, участвовал в походе 1581. Историк казачества В. А. Стороженко писал о В.: «Вся жизнь его была жизнью рыцаря, видевшего в войне единственное достойное поприще деятельности». (Стороженко В. А. Стефан Баторий и днепровские казаки. Исследования, памятники, документы и заметки. Киев, 1904. С. 248).

³³ В одном из писем к С. Баторию Иван IV прямо называл своих воевод изменниками: «...наши изратцы (изменники. — А. М.) Велиж, Усвят и Озерища по твоим жалованным грамотам твоим людям отдали» (Цит. по: Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 360). Царь, таким образом, оставался верен себе и все неудачи объяснял изменой.

³⁴ Часники (Чашники) были избраны местом сбора королевских войск. С. М. Соловьёв отмечал по этому поводу: «Баторий решил дви-

нуться к Великим Лукам, но, чтобы скрыть это от неприятеля, приказал войску собраться под Часниками; место это расположено над рекою Улою таким образом, что находится в равном расстоянии и от Великих Лук и от Смоленска, вследствие чего до последней минуты оставалось неизвестным, к которому из этих городов король направит путь» (Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. III. Т. 5—6. М., 1960. С. 409, 657).

³⁵ Кмита Филон, герба «Хоравче» (ок.1530 — 1587), ротмистр, староста ольшанский, номинальный воевода смоленский. Происходил из семейства Кмитов или Кмищицев, которое обосновалось в воеводстве Кневском. Сын королевского дворянина Симона К. и его первой супруги Татьяны Крошинской. Активно участвовал в Ливонской войне. В 1563 воевал под Черниговом и Стародубом. В январе 1564 прикрывал с юго-востока главные силы литовцев Н. Радзивилла от московских войск, стоявших у Полоцка, и не допустил соединения сил И. Шуйского и князя Оболенского-Серебряного. Летом 1565, имея под началом 1600 конных воинов (в основном набранных за собственный счёт), напал на Северщину, захватил Почеп и с военной добычей вернулся в свой замок Остше под Кневом. За одержанные победы в марте 1566 получил от короля Сигизмунда-Августа именование Чернобыль в воеводстве Кневском и староство Оршанское.

В 1568 К. во главе 4-тысячного отряда совершил набег на Смоленские земли, дошёл до окрестностей Вязьмы и вновь захватил большие трофеи. Во время первого и второго бескоролья регулярно информировал Н. Радзивилла о событиях в России. В 1579 прикрывал главные силы со стороны Смоленска. 18.10.1579 получил титул «воеводы смоленского», несмотря на то что город находился в русских руках. В 1580 во главе 9-тысячного отряда снова вторгся на Смоленщину, однако потерпел тяжёлое поражение в бою с отрядом Ивана Михайловича Бутурлина на Спасских Лугах (в 40 верстах от Смоленска).

После взятия королевской армией Великих Лук был назначен комендантом этой крепости. На рубеже 1580—1581 постоянно совершал набеги на русские территории. Был инициатором двух походов на крепость Холм, из которых второй закончился в январе 1581 её взятием. В феврале — марте 1581 разорил окрестности Новгорода и захва-

тил Старую Руссу. В августе 1581, совместно с М. Гарабурдой и К. Радзивиллом, во главе 7-тысячного конного отряда совершил большой рейд в глубь русской территории (польский поэт Ян Кохаиовский назвал этот рейд «Скачки к Москве»). Отряд К. 25—29 августа действовал в районе Ржева и угрожал непосредственно Ивану Грозному, который находился тогда в Старице, а к середине сентября отошёл к Днепру.

У современников К. имел репутацию чрезвычайно отважного, но заносчивого и гордого человека.

³⁶ Кокенгаузен (Кукейнос, Куконос) — ныне Кокнесе в Латвии. Город на правом берегу Западной Двины. Упоминается ещё в хронике Генриха Латвийского, под 1205. В 1297 был отнят рыцарями Ливонского ордена у рижского архиепископа. В 1577 взят войсками Ивана IV, в 1578 — поляками. По условиям Ям-Запольского перемирия отошёл к Речи Посполитой.

³⁷ Дембинский (Дембиньский) Мацей, герба «Равич» (ум. 8.11.1606), воевода венденский. Происходил из Великопольской ветви рода. Всю свою жизнь провёл на военной службе в Ливонии. Уже в 1566 числился ротмистром ливоиской кавалерии, затем командовал ротой и состоял при Яне Ходкевиче, управлявшем Ливонией. В 1578 взял крепость Пебальг (Бебель) и участвовал во взятии Вендена (Кеси, Цесиса), после чего вместе с Анджеем Сопегой и шведским командующим Юргеном Бойе отразил попытку русских войск отбить крепость. В 1579, в качестве помощника гетмана Литовского в Ливонии, нанёс русским ряд поражений. В 1580 захватил Круцборг (совр. Круспилс) и разорил земли между Дерптом и Псковом. В 1581 исполнял обязанности командующего польскими войсками в Ливонии, взял крепости Линневардт (совр. Лиелварде) и Астерадт (совр. Ашраден). В том же году доставил под Псков Яну Замойскому деньги, необходимые для выплаты жалования войнам. В 1583 получил, за военные заслуги, президентуру Периавскую, а в 1585 — староство Периавское.

Когда в 1600 шведские войска вторглись в Ливонию, Д. успешно отразил их нападение на Цесис, но не смог удержать дисциплину в своих войсках, пошёл у крепости Пебальг поражение и попал в плен. В 1603, по требованию сеймика Краковского, был выменен из плена и получил в награду воеводство Венденское. Состоял в браке с Региной Сапежанкой, дочерью воеводы новгородского.

³⁸ В польском тексте использовано слово «szora» — букв. сарай, навес (Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. T. XI. Krakow. 1887. S. 195). Пуней на Руси называли специальное помещение для хранения зерна.

³⁹ То есть бывшему магистру Ливонского ордена Готтарду Кетлеру.

⁴⁰ Invitus — неохотно, против воли (лат.).

⁴¹ Схватка с татарами подробно описана в дневнике Л. Дзялынского.

⁴² Острожский Константин Константинович (1526 — 13.02.1608), воевода киевский. Происходил из старинного рода, который брал начало от удельных князей Западной Руси. Сын гетмана литовского Константина Ивановича О. (1460—1532) и его супруги Александры Семёновны Слуцкой. Детство провёл в г. Турове, был воспитан в духе преданности православию. В 1569 активно выступал против заключения Люблинской унии. В 1579 совершил поход в Северскую землю, в 1580 направил свои отряды под Великие Луки. Однако в большой степени прославился как просветитель. Покровительствовал печатнику Ивану Фёдорову, дружил с А. Курбским, поддерживал тесные связи с А. Поссевино, вёл полемику с иезуитом П. Скаргой.

⁴³ Имеется в виду Симеон Бекбулатович (Саин-Булат) (ум. в 1616), татарский царевич, правнук хана Золотой Орды Ахмата. С 1558 — на царской службе. Ок. 1570 стал «касимовским царём», получив от Ивана IV владение своего дальнего родственника Ших-Али. В первой половине 1570-х участвовал в боевых действиях, но без особого успеха. В 1573 был крещён и в октябре 1575 женился на дочери боярина Ивана Фёдоровича Мстиславского, Анастасии. В ноябре 1575 — посажен Иваном IV на русский престол. В 1576 — сведён с престола, получил в «великое княжение» Тверь. Историки видят в недолгом (11 месяцев) и формальном царствовании С. попытку Ивана Грозного возродить политику опричнины. В 1578—1581 — вновь сражался в Ливонской войне. В правление Бориса Годунова попал в опалу, был ослеплён, пострижен в монахи и заточён в Кирилло-Белозерский монастырь под именем Стефана. Подробнее см.: Зимин А. А. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович // Из истории Татарии. Вып. IV. Казань, 1970. С. 141—164.

⁴⁴ Мстиславский Фёдор Иванович (ум. в 1622), князь, видный

русский военачальник. Сын активного участника Ливонской войны и войн с татарами Ивана Фёдоровича М. (ум. в 1586). С 1575 — кравчий, с 1577 — боярин. В 1580—1581 участвовал в военных действиях против войск С. Батория, в 1589 и 1592 — против шведов. В 1591 разбил татарское войско хана Казы-Гирея близ Тулы. В 1604 был направлен Борисом Годуновым против Лжедмитрия I и нанёс ему сокрушительное поражение под Добрыничами (21.01.1605), с успехом используя линейную тактику. После вступления Лжедмитрия на престол присягнул ему и даже остался первым боярином в Думе. В правление Василия Шуйского успешно действовал против повстанческой армии И. Болотникова, а после его свержения возглавил боярское правительство («Семибоярщину»), пригласившее на трон польского королевича Владислава. Служил затем и царю Михаилу Фёдоровичу. Умер бездетным.

⁴⁵ Р. Гейденштейн называет его «Уланецким из рода татарских князей», описывает как храброго воина и сообщает, что в плен его взял казак Винцентий (Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 125). Л. Дзялынский имени пленного не называет, именуя просто «татаринном».

⁴⁶ Имеется в виду Барбели (Борбели) Дьёрдь (1543 — 15.12.1603), венгерский военачальник. Участвовал в походах С. Батория 1579—1581, а после его смерти уехал в Трансильванию. В 1595 получил от Сигизмунда Батория титул и должность бана карашебешского, в 1603 стал капитаном дьюлафехерварским. Участвовал в войне между Андреем Баторием и императорским полководцем Бастой.

⁴⁷ Конечно, это ничего, господа мои (лат.).

⁴⁸ Темрюк (Темрюк Пятигорец) — кабардинский князь, находившийся на польской службе.

⁴⁹ Претвиц (Притвиц) Якуб, герба «Вчеле» (1546—1613), воевода подольский. Родился в Подолии. В январе 1561, после смерти отца, Бернарда П., принял староство Трембовльское. В 1564, по рекомендации М. Сенявского, поступил на службу ко двору Альбрехта Прусского. В 1575 стал одним из ротмистров пограничной польской кавалерии, в октябре этого же года участвовал в сражении с татарами под Эбаражем. После избрания на престол Стефана Батория продолжал служить в Подолии, получая ежегодно средства на содержание

100 кавалеристов. Во второй половине 1578 был послан в Венгрию для закупки лошадей и военного снаряжения. В 1579, по поручению С. Батория, охранял Анну Сенявскую, вдову Спытка Йордана, от возможного нападения Самуила Эборовского. В 1580 принимал участие в походе на Великие Луки, командовал отрядом в 200 чел. в составе полка Яна Эборовского. В 1581, во время осады Пскова, со своей гусарской хоругвью совершил набег на Северские земли.

С 1583 вновь служил на южных границах. После смерти Батория поддерживал избрание на польский престол Сигизмунда Васы. В 1590—1591 выплачивал жалованье казакам, принятым на службу. В 1591 стал каштеляном каменецкими. В 1596 участвовал в последней фазе кампании Станислава Жолкевского против повстанцев Семёна Наливайко. Одновременно вёл переговоры с казаками-запорожцами, обещая им помощь в организации аудиенции у короля. В 1595 и 1598, вместе со С. Жолкевским, рассматривал земельные споры между Ядвигой Миншек и городом Львовом. В 1603—1604, как и Жолкевский, активно выступал против поддержки Лжедмитрия I. В 1606 участвовал в походе на татар и перед битвой на Удыче (28.01.1606) помогал Жолкевскому в выборе позиции. Участвовал также в подавлении рокоша Зебжидовского и вместе со Збигневом Оссолинским и Александром Ходкевичем вёл переговоры с мятежниками. Пользовался репутацией знатока пограничной жизни, турецких и татарских обычаев.

⁵⁰ То есть не из числа членов Рады, не из наиболее знатных литовских аристократов.

⁵¹ Борнемисса Янош (ум. 12.09.1594), венгерский военачальник. Сын Григория Б., капитана эгерского. Военную карьеру начал в Венгрии, в 1567, по непонятным причинам уехал в Трансильванию. После избрания С. Батория польским королём отправился вместе с ним в Польшу. Участвовал в походах 1579—1581, командовал артиллерией. После смерти Стефана Батория (1586) активно поддерживал избрание на польский престол Сигизмунда Васы и даже входил в состав отряда, который князь Трансильвании Сигизмунд Баторий направил в Польшу для борьбы со сторонниками императора Максимилиана. Участвовал в битве под Бычиной. В 1594 сыграл большую роль в победе австрийцев над с турками, командуя отрядом, который Сигиз-

мунд Баторий послал императору Рудольфу II. Затем вступил в оппозицию с правителем Траисильвании, был заключён в замок Дьюла, где и скончался.

⁵² Об этом эпизоде сообщает также Р. Гейденштейн, но, по его данным, Борнемисса попал в специально подготовленную засаду не в городе, а на болоте: «Иван Борнемисса, венгерский вождь, отличавшийся необыкновенной храбростью, принужден был спастись бегством, бросивши свою одежду, так как иеприятель наложил на него в толпе руки, а конь его завяз в трясине» (Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 128).

⁵³ По данным Гейденштейна, отрядом фуражиров командовал Дробицкий, а поражение русских объясняется тем, что литовцы напали на них во время сна. Гейденштейн Р. Указ соч. С. 130.

⁵⁴ Приём посольства описан также у Л. Дзялынского.

⁵⁵ То есть от владений датского принца Магнуса. Магнус (28.08.1540 — 18.03.1583), сын короля Христиана III, брат Фредерика II. В 1559 стал курляндским и эзельским епископом. В 1560 с отрядом в 300 воинов высадился на о. Эзель, но вскоре покинул его из-за угрозы нападения шведов. В 1569 начал сближение с Иваном Грозным, который рассчитывал сделать М. правителем марионетчного государства в Ливонии. В 1570 прибыл в Москву и совершил неудачный поход на Ревель. В 1573 вступил в брак с племянницей царя, Марией Владимировной Старицкой, и был назначен правителем Ливонии. В 1578 перешёл на сторону Стефана Батория. См.: Форстен К. В. Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях (1544—1643). Т. 1. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893. С. 550 и далее.

⁵⁶ Сицкий Иваи Васильевич, князь, стольник. В 1577 имел местнический спор с Борисом Годуновым. В 1580 возглавил посольство, направленное Иваном Грозным к Стефану Баторию и вместе с королём проследовал от Великих Лук до Варшавы, ведя постоянные переговоры. В 1598 участвовал в военных действиях против татар. Из-за близости с Фёдором Никитичем Романовым в 1601 по указу Бориса Годунова был сослан в Кожеозёрский монастырь.

⁵⁷ Пивов Ромаи Михайлович, думный дворянин. Впоследствии весной 1581 участвовал в переговорах с А. Поссевино (Поссевино А.

Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 6, 198, 251, 253). В 1591 участвовал в военных действиях против татар.

⁵⁸ Петелин Фома Дружина, дьяк. В 1590 участвовал в войне со шведами. Был направлен для переговоров в осаждённую Нарву, смог договориться о заключении перемирия на год и вместе с Игнатием Петровичем Татищевым принял ключи от Ивангорода. (Разрядная книга. 1475—1598. М., 1966. С. 423—428).

⁵⁹ Р. Гейденштейн пишет об этой вылазке следующее: «Между тем когда некоторые новобранцы из среды их не совсем осторожно стали бродить внизу крепости, то на следующий день москвитяне сделали против них вылазку, и, прежде чем можно было им дать помощь, одним из них убил, других взял в плен; отняв, сверх того, военное королевское знамя, которое слишком медленно нес знаменосец, они вернулись в крепость» (Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 131).

⁶⁰ Ключевский (Клочовский) Пётр, герба «Равнич» (ок. 1541 — 1580), способный военачальник и дипломат, каштелян завиховский. В марте 1554, вместе с братом Николаем, поступил в Гёттингенский университет, но уже в июле того же года уехал в Италию, где обучался в Падуанском университете и сдружился с известным поэтом Яном Кохановским и будущим канцлером Яном Замойским. Находился в Италии до 1564, побывал также во Франции и поддерживал контакты с одним из лидеров гугенотов Гандольфом де Лакруа. В 1565, вернувшись в Польшу, занял должность королевского секретаря. В 1566 участвовал в посольстве к Альбрехту I Мекленбургскому, который добивался наместничества прусского и опеки над малолетним правителем Пруссии Альбрехтом-Фридрихом. В 1568, вместе с Яном Солнковским, был назначен посредником на датско-шведских переговорах в Роскилле, но не смог вовремя добраться до Дании из-за штормов.

После смерти Сигизмунда-Августа К. выступал за избрание на престол императора Максимилиана. Тем не менее он успешно продолжал службу в правление Батория. В 1577 в Эльблонге собирал повозки и пушки для армии, осаждавшей Гданьск. В сентябре того же года стал каштеляном завиховским, а в 1578 получил за заслуги большую пенсию (200 флоринов ежегодно). Во время осады Велижа, вместе с Яном Томашем Дрогоевским, вёл переговоры о сдаче крепости.

Во время осады Великих Лук руководил строительством батарей и был смертельно ранен.

Состоял в браке с Барбарой Нишицкой, которая после его гибели вышла замуж за Ансельма Гостомского, сына воеводы равского. Единственная дочь К. Анна (в замужестве Оборская) за заслуги отца в походе 1580 получила в пожизненное владение староство малогосское.

⁶¹ Кишка Ян, герба «Домброва» (ум. 26.07.1592), каштелян виленский, воевода брестский. Сын воеводы витебского Станислава К. и его супруги Анны Радзивилл. В 1563 по решению матери, ревностной кальвинистки, отправился на обучение в Базель. С 1564 путешествовал по Европе, побывал в Италии, Испании, Франции. По возвращении на родину вступил во владение огромным наследством, которое ему оставил отец (Яну К. принадлежало около 70 городов и городков, более 400 деревень). В 1569 стал кравчим литовским. В 1576 принимал участие в посольстве литовской шляхты к С. Баторию, признавшему его великим князем литовским. В 1579 стал подчашим литовским и старостой жмудским. В 1580 во время похода на Великие Луки выставил собственный отряд численностью в 400 кавалеристов и 120 пехотинцев. В 1587 подписал акт о избрании на польский престол Сигизмунда Васы. Состоял в браке с княгиней Елизаветой Острожской, дочерью князя Константина О., ревностного защитника православия. После смерти супруга она вышла замуж за Кшиштофа Радзивилла «Перуна» и унаследовала всё имущество.

Ян. К. пользовался репутацией очень просвещённого человека, написал несколько сочинений на богословские темы. Во время пребывания в Базеле он поддерживал контакты с известным гуманистом Ц. Курионе и совместно со С. Стажеховским и И. Остророгом участвовал в установлении надгробной плиты философу Кастильоне.

⁶² Фирлей Анджей (ум. в 1585), каштелян люблинский, трибун шляхетский. В 1551 поступил в Кёнигсбергский университет. С 1565 состоял королевским секретарём, но больше занимался военным делом (по выражению современника, Бартоша Папроцкого, «рыцарским хлебом кормился»). В 1563—1564, в качестве королевского ротмистра, активно участвовал в Ливонской войне. За заслуги в 1569 получил староство сандомирское и вскоре стал предводителем шляхты Малой Польши. Во время коронации Генриха Валуа произнёс речь

от имени Посольской Избы, требуя от короля соблюдать принципы религиозной терпимости. В дальнейшем твёрдо защищал интересы польских кальвинистов.

⁶³ Р. Гейденштейн обвиняет в резне венгров: «Венгры пришли в ярость, ворвались в крепость и перебили здесь всех без разбора; они говорили, что должно наконец наказать неприятеля за его жестокость и свирепость и кровью его смыть раны стольких сотоварищей и многих других людей, замученных на весьма жестоких и мучительных истязаниях...» (Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 140). Л. Дзялынский утверждает, что резню начали венгры, а поляки потом присоединились.

ДНЕВНИК ОСАДЫ И ВЗЯТИЯ Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1 августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким *)

... На месте стоянки мы ждали дальнейших распоряжений гетмана¹. Утром, по поручению Мровецкого, наблюдавшего за работами по устройству дороги, я поехал к гетману с донесением, что дорога проложена на протяжении трех миль, и испрашивал его приказаний; гетман велел нам пройти эти три мили и затем ожидать его. Поэтому тотчас после обеда мы двинулись в поход и, сделав три мили, остановились у села Верховья. Стянув туда войска, я строжайше запретил громкие разговоры, стрельбу, а также приказал не пропускать никого ни за переднюю, ни за заднюю линию караулов. За ужином были у меня все ротмистры отряда вместе с товарищами. Я распорядился также поставить надежную стражу, главным образом из пехоты, выдвинул вперед пикеты и разослал в разные стороны для разведок пеших казаков. В этот вечер приказано протрубить пароль: «Господи Боже, веди нас!»

1 августа. Согласно сделанному распоряжению мы ожидали прибытия самого гетмана. Он приехал за час до полудня и, приказав подать лошадь, сейчас же отправился осматривать дорогу и узнать насчет переправы. Осмотрев последнюю, он приказал как можно поспешнее прокладывать дорогу, наводить мосты и затем ожидать его распоряжений. В этот день у меня были на обеде:

*) Начала дневника недостает.

п. Влодек, п. Оржеховский², Ланцкоронский³ и п. Рембовский⁴. После обеда, потребовав меня к себе, гетман приказал мне вечером с передовым отрядом немедленно выступить в поход и ожидать его на условленном месте. Затем он прислал мне со своим слугою для объявления войскам универсал следующего содержания:

«Я, Ян Замойский и пр., приказываю, чтобы завтра во время похода, от объявления пароля до самого прибытия к крепости, никто не смел ни стрелять из ружья, ни бить в литавры, ни трубить, ни кричать, ни звать кого-либо под опасением быть посаженным на кол. Завтра на походе от места ночлега до прибытия к крепости и под самую крепость наблюдать тишину тоже под угрозой смертной казни, ибо необходимо, чтобы мы как можно тише подступили к крепости. На этом и на другом ночлеге не будет сигналов ни для вставания, ни для седлания, ни для посадки на лошадей: вместо этого для вставания я велю зажечь над своим шатром один факел, для седлания — два и, чтобы садиться на лошадей, если будет еще темно, три, а если будет светло, велю выставить красный флаг на древке. Об этом нужно сообщить всем пахолкам, с тем чтобы они знали сигналы. Возы должны двигаться не иначе как в установленном порядке и в случае приказа немедленно останавливаться так, как будет каждому назначено, причем друг другу уступать и не ссориться».

В этот день паролем было: «Господь наш защитник».

2 августа. Встав с рассветом, мы выступили в поход и, пройдя 4 мили, расположились у села Студяны; в тот же день у нас была большая работа: прокладывали дорогу, которая оказалась почти непроходимой. Однако, помогая друг другу, мы настолько ее поправили, что войска прошли благополучно.

В этот день гетман приказал быть наготове, двинуться, лишь только затрубят, вследствие чего всю ночь мы держали лошадей оседланными и сами не спали.

3 августа. Уже довольно поздно затрубили у гетмана, давая сигнал седлать лошадей; гетман собрал всех нас у себя и объявил,

чтобы после второго сигнала мы садились на коней, причем позволял взять с собою только по одной телеге, а продовольствия на одну ночь, остальной же обоз должен подойти только завтра. Затем опубликованы артикулы^{*)}.

После объявления артикул гетман приказал нам подкрепиться пищею и снаряжаться в поход как можно поспешнее. Когда мы уже садились на лошадей, витебский казак Никита, подкравшись к крепости с той стороны Двины, захватил боярина, ехавшего из города в свою деревню⁶. Пленный приведен к гетману, который велел его пытаться. С пытки пленный показал, что в крепости еще не знают о нашем приближении, хотя уверены, что мы придем, но не знают, что сегодня. После этого дан был сигнал садиться: гетман, оставив свою конницу, поручил мне роты, названные ниже, а также и почти всю свою пехоту, сам же с несколькими только пахолками пошел со своим полком. Шли мы в таком порядке: впереди Свержевский и Демко с казаками, потом 1200 человек пехоты, князь Рожинский⁷, рейтары Фаренсбаха⁸, потом гетман; за ним значительный отряд молодых дворян, которые имели только по одному служителю. Затем мой отряд с ротой Конецпольского⁹, в арьергарде рота Уровецкого. Я сам ехал впереди с казаками, имея при себе три запасные лошади; при мне находились: сын холмского воеводы Ласота, Хельмицкий, Лукомский, Гарпиш и человек с пятнадцать конных стрелков и пахолков. Выехав в поле, мы нашли десятка полтора конных венгерцев и королевской пехоты человек 500. На этом месте гетман устроил совещание; слезли с лошадей, и у всех спрашивали, что делать: пустить ли конницу на схватку с неприятелем или сделать врасплох нападение на крепость, так как, по показаниям пленных, совсем нас не ожидают. Одни, вместе с венгерцами, советовали не давать знать о себе, а выжидать ночи, когда и сделать нападение на крепость с огнем и приметом; другие предлагали атаковать тотчас, пользуясь тем, что нашего присутствия и не подозревают; они говорили, что если ра-

^{*)} В польском тексте дневника находятся 38 артикулов, или правил, касающихся порядка движения армии, лагерной службы и т. п.⁵

зом с нескольких сторон сделать приступ, то русские, растерявшись, не будут знать, с которой стороны защищаться. Рго final гетман решил так: во имя Божие послать одних с топорами на берег Двины за хворостом, которого нельзя иначе так скоро приготовить, а со стороны Двины крепость наиболее слаба; других отправить прямо к посаду, где мост и ворота, чтобы воспользоваться тем: когда народ побежит спасаться в крепость, тогда на его плечах можно будет ворваться в укрепление; между тем отправить несколько всадников под крепость вызывать неприятеля на схватку, а с четвертой стороны должно показаться войско, так что, когда осажденные обратятся на иаездников, войско, и в особенности пехота, пойдет на приступ. После этого мы сели на лошадей, а гетман поехал отдавать приказание пехотным капитанам готовиться к приступу. Между тем русские, заметив нас, выстрелили из одного орудия и затем подожгли посад. Когда с нашей стороны увидали, что нельзя идти по назначенной прежде диспозиции, пехота с криком бросилась под крепость, а за нею и конница; пехота побежала по направлению к мосту, а из конницы одни бросились в горевший посад, а другие гарцевали, вызывая неприятеля из крепости. Так как мы все были заняты гарцеванием, гетман, опасаясь, чтобы русские не сделали вылазки, причем иашим, смешавшимся во время гарцев, трудно было бы дать подкрепление, приказал мне съехать с гарца, выстроить роты Конецпольского и Уровецкого и быть наготове для резерва, что я и исполнил. В это время четверо пеших солдат пританислись за палисадом вблизи самой крепости и стреляли в замок. Фаренсбах с рейтарами атаковал крепостной мост; тут один русский выстрелил в лошадь его рейтара и, когда лошадь упала, хотел уже захватить его в плен, но тот, поспешно поднявшись с земли, застрелил русского из мушкета. Между тем из крепости шла частая и сильная пальба, но, благодаря Богу, никому не повредила. В это время бросились вперед пятеро из наших пехотинцев и залегли под самым деревянным палисадом. Около сумерек гетман приказал нам становиться на разных местах, но все-таки так, чтобы образовать потом лагерь;

наш отряд находился под сильным огнем из крепости, ибо нам пришлось идти в голове колонны; впрочем, по милости Божией, никому не причинило вреда, кроме того только, что под товарищем из роты пана Ландкоронского убило лошадь, а у пана Влодка прострелили в двух местах знамя. Венгерская конница и пан Уровецкий с ротою расположились над Двиною по другую сторону крепости, где сгорел посад. Теперь только мы стали на неприятельской земле, так как от Велижа до границы королевства всего три московских версты, что составляет несколько более нашей полмили. От ночлега мы отошли на две мили; ночью наши стали насыпать батареи, хотя с этой стороны замок сильно укреплен. Пароль был: «Господь Бог с нами».

4 августа. В полдень этого числа начали ставить лагерь, чем занимался Рембовский; когда это было сделано, гетман приказал бить в литавры для сбора ротмистров. Он сделал им наставление, какие принимать меры предосторожности; велел, чтобы они держали на коновязи всех лошадей, как верховых, так и обозных, на половину оседланными, так как, по показанию пленных, должны прибыть 20000 русских на подмогу крепости. Запрещено ездить на фуражировку. В этот день гетман послал к осажденным письмо, чтобы сдавались добровольно, обещая покровительство тем, которые пожелают остаться под властью короля, а которые захотят уйти, тех отпустить на свободу. Письмо отвозил к осажденным Шляхта, витебский казак; на требование ответа они сказали, что письмо гетмана должны сперва послать к великому князю, а затем как князь прикажет, так они и сделают. В этот день черный отряд венгерцев¹⁾ начать копать шанцы. Пароль был: «Господь Бог с нами — наша сила».

¹⁾ Об этом отряде Гейденштейн говорит следующее: «Войска, набранные Замойским в Венгрии, составляли особый отряд, вверенный Фоме Дрогоевскому, близкому родственнику гетмана; все эти войска имели убранство, одежду и оружие, отличные от других, ибо все было темного траурного цвета в знак двойной печали их полководца, который лишился жены своей Христины Радзивиловой и единственной от нее своей дочери. Гейденштейна — Записки о Московской войне; русский перевод, стр. 109.

5 августа. Гетман ездил осматривать, как легче добыть крепость и где поставить батареи: его сопровождало много знающих свое дело людей. В этот день прибыла тысяча королевской пехоты, принявшая участие в устройстве шанцев, а под вечер вытащили на берег орудия, которые были привезены Двиною на стругах: гайдуки втащили их на себе в окопы. В этот же день 500 казаков окопались за Двиною; им дали одну тележку змеевиков (кулеврин¹⁰), а другую с мушкетами¹¹, и они открыли стрельбу по крепости. В этот день гетман послал Бурне, венгерскому гетману, 400 талеров выдать тому венгерцу, который подождет стены крепости, и польским пешим ротмистрам объявил, что тому из пехотинцев, который зажжет крепость, он обещает выпросить у короля двенадцать сох земли. Паролем было: «Господь Бог — наше счастье».

6 августа. Лишь только рассвело, как открыли огонь по крепости с венгерских батарей, находившихся под начальством Борнемиссы: у него были два орудия (для разбивания валов, dwa burzace dziaka)¹² и одно осадное — картаун. Утром русские вступили с нашими в переговоры, которые вел Дрогоевский, староста пржемысльский, и пан Ключевский, каштелян завихойский; но так как и во время переговоров из крепости продолжали стрелять, то наши тоже не оставались в долгу, и из этих переговоров ничего не вышло. В десятом часу открыли огонь с польских батарей, где начальником был Уровецкий, имевший у себя два орудия, из которых одно было картаун и немало мушкетов (ручных пицалей). Вскоре после этого начали пальбу также и из третьих окопов, где распоряжался Трембидский, у которого были пицали, картауны и немало мушкетов. Почти в десять часов русские возобновили переговоры, прося дать им сроку два часа, чтобы с нашей стороны на это время прекратили огонь, а они, посоветовавшись между собою, решат, сдаваться или нет. Гетман изъявил на это согласие и через того же казака Шляхту послал осажденным карманные часы, чтобы они по истечении двух часов объявили свое решение. Когда прошли два часа, осажденные отослали Шляхту назад с ответом,

что сегодня никак не могут сговориться друг с другом и просят перемирия до завтра. Шляхта нашел гетмана спящим, и его только в час разбудили. Проснувшись, он приказал опять открыть огонь, так как было очевидно, что осажденные хотят только выиграть время.

Приехал вестовой от Борнемиссы с известием, что русские снова просят начать переговоры; гетман тотчас послал Пржиемского и Завиховского, которые, однако, ничего больше не добились, как перемирия до утра. Тогда гетман без всяких рассуждений велел продолжать канонаду; в три часа пополудни начали стрелять калеными ядрами, от которых крепость уже три раза загоралась, но русские, мужественно защищаясь, успевали гасить огонь. Затем с батареей пана Уровецкого стали стрелять такими же ядрами и зажгли одну башню, которая не горела пламенем, а только тлела, так что осажденные не могли потушить ее. После солнечного заката выстрелами из окопов Уровецкого зажгли мост; наши, видя, что начало удачно, в числе приблизительно 50 человек, бросились к укреплениям с факелами и другими зажигательными снарядами. Увидев это, русские стали просить, ради самого Бога, не жечь крепости, обещая сдаться. Когда об этом доложили гетману, он велел прекратить стрельбу и послал к осажденным пана Завиховского спросить, сдаются они или нет. Те, которые решили уже сдаться, просили только о том, чтобы их с женами и детьми оставили в живых; когда Завиховский, обещал им это, они изъявили готовность тотчас сдаться. После этого гетман для верности отдал приказание, чтобы сам воевода с частью знатнейших дворян вышел из крепости и явился в лагерь. Ровно в 3 часа ночи все ротмистры и все товарищество собрались в палатке гетмана в качестве его свиты; вокруг палатки горело много литых свечей. Когда явились русские, то все они стали кланяться гетману и целовать ему руки. Затем староста пржемысльский сказал гетману: «Так как воля и приказание ваши были таковы, чтобы мы ехали к русским для переговоров, то мы исполнили это и привели сюда тех, которые сдались на милость и немилость его королевского вели-

чества, но мы обещали им, что вы соизволите ходатайствовать за них перед его величеством королем, чтобы он даровал им самим, их женам и детям жизнь, и если они останутся здесь, тогда его королевское величество примет их под свое покровительство, и кто захочет из них, тому можно будет перейти к великому князю».

Каицлер, обратившись к русским, сказал: «Удивляюсь, что вы презрели милость, которую я объявил вам от имени его величества короля моего государя; вы не хотели сдаться на моих условиях, как ни выгодны они были для вас; несмотря на это, я, благодаря Господа Бога за дарованную мне победу, обнадеживаю вас, что буду ходатайствовать перед его величеством королем о даровании вам жизни и об оказании вам милости». После этого приказано было отвести их в палатку и приставить стражу. Пароль был: «Господь Бог посылает счастье до конца».

7 августа. Рано утром по барабанному бою собрались ротмистры, которые, прежде всего через пана Дрогоевского, старосту пржемысльского, поздравили гетмана с победой и взятием крепости. Гетман благодарил, заявляя каждому в отдельности, что его особенное желание — свидетельствовать перед королем о нашем мужестве и старании. Потом гетман объявил, что, выбрав доверенных лиц как из поляков и венгров, так и из немцев, он отправил их принять крепость и сделать опись всему, что там будет найдено. Он намерен поступить таким образом: пушки, порох, снаряды принадлежат его королевскому величеству; церковная утварь пойдет на костел, который будет здесь выстроен; другие вещи, которые найдут там, будут розданы пехоте; если же в чем окажется избыток, что будет видно из списка, тогда получит и коинница. К этому он прибавил, что нужно выбрать из своей среды и послать известных лиц, которые дали бы королю отчет обо всем, что происходило при осаде и взятии этой крепости; затем отвели бы знатнейших русских и от имени всех просили бы короля даровать им жизнь; кроме того, доложили о нашем общем мужестве при взятии этой крепости. Все согласилось на это и

выбрали из своей среды: п. надворного подчашего, п. Струся из конных ротмистров, из пеших п. Серного, из венгров Петра Кендия, а из немцев Кетлера, племянника курляндского герцога. Затем все просили за Хробского, чтобы гетман даровал ему жизнь и освободил его из оков. Его выпустили *sub ea conditione*, что он, если где встретится какая крепость, пойдет впереди всех на штурм, а до того времени будет считаться отпущенным на честное слово.

После этого была обедня; пели *Te Deum laudamus*¹³. Депутаты отправились принимать замок: всех людей, которые находились в крепости, на барках спустили вниз по Двине, потом их высадили на расстоянии пяти- или шестисот шагов от замка, окружив валом, а Выбрановскому с двумястами пеших приказано стеречь их.

Описание замка Велижа¹⁾

Замок Велиж лежит на высокой горе, довольно покатой к стороне Двины; с восточной стороны крепости, где был посад, идет большой ров, устроенный *naturaliter*, а не *arte*, похожий на глубокий овраг, обложенный со стороны замка поперек толстыми круглыми бревнами; с этой стороны замка, у подошвы горы, течет речка под названием Сораж, на ней плотина, которая в состоянии задержать воду, когда нужно; за рвом возвышалась стена в три сруба, наполненная землею; стена также обложена землею, а в стене 2 башни. С южной стороны палисад из толстых бревен, а за ним березовый частокол, вышиною в пояс человека, затем уже глубокий ров, обложенный деревянными балками. Потом тянулась стена в три сруба, наполненная землею, сверху прочно обложенная толстым дерном. В этой стене 3 башни, две на углах и одна посредине, и по три пушки, как на башнях, так и на стенах. С

¹⁾ Город Велиж, на р. Двине, принадлежавший витебскому воеводству, взят русскими при Иоанне IV в 1536. Сдался полякам 7 августа 1580 г. В 1655 году со всем витебским воеводством занят войсками царя Алексея Михайловича, возвращен Польше по андрусовскому договору 1667 г. и снова поступил во владение России в 1772 году. Прим. Иг. Подковского.

запада высокий вал, на который трудно взойти, и стена, также в 3 сруба, наполненная землею, в стене башня, со всех сторон обложенная глиною. На этой башне также 3 пушки. С севера течет у самой стены река Двина; вдоль реки тоже тянется стена в 3 сруба с одною башнею и тремя пушками.

Осада происходила таким образом: на востоке, где был посад, находились окопы Борнемиссы, который обстреливал ворота угловой башни; между востоком и югом расположился Трембницкий, стрелявший по угловой башне; с юго-запада Уровецкий, действовавший против третьей угловой башни. На севере за Двиною стоял Остромецкий с украинскими казаками...¹⁾

В замке было 200 боярских детей, 400 стрельцов, простых ратников 1000, пушек 14, 4 большие переносные пушки, гаковниц 80, пороху и ядер немало; весьма много ржи, пшеницы, ячменя, овса, гречихи и меду. После обеда гетман поехал осматривать стан, где помещены были пленные русские; там он приказал выбрать 6 знатнейших и послать их вместе с вышеозначенными к королю. Сядясь на струги, пленные просили гетмана, чтобы им было позволено проститься со своими; на что тот и согласился. Они, уезжая, кланялись друг другу, целовали землю и навзрыд плакали. Между ними был один по имени Микула, человек красивый, приятный, статный и молодой. Он был дворянином у великого князя и имел под своим начальством 200 стрельцов. Прощаясь с матерью, трижды поклонился он ей в землю, потом, обливаясь слезами, с громкими рыданиями целовал ее. Простившись с матерью, он отпоясал саблю и отдал ее сыну. Когда мы спросили, зачем он отдает саблю, он сказал: «К чему мне эта сабля? Вчера я не сумел оборониться ею, так мне не стать и носить ее». Когда наши утешали его и уговаривали не плакать, он говорил: «Я плачу не потому, чтобы боялся смерти, а потому, что совершил великий грех, ставши перед государем клятвопреступником, чего мне никогда не следовало делать. Я боюсь только за

¹⁾ Тут в рукописи перерыв.

свою душу. Ваш Осцик¹⁴ получил достойное наказание за свою измену, так как тело его изошло кровью, а душа пошла в ад; телом я жив, а с душой Бог весть что будет». Смотри и слушая это, многие и из наших прослезились. Пароль был: «Хвала Господу Богу».

8 августа. Утром гетман ездил осматривать место для постройки моста, по которому должны были переправляться войска, шедшие к Великим Лукам. Ударили в барабан, чтобы созвать ротмистров. Когда те сошлись, гетман сообщил им, что король приедет осматривать крепость, и приказал нам лично выехать навстречу королю, взявши с собою по одному пахолку. Он приказал также соблюдать порядок, чтобы люди не расходились, не кричали, не стреляли. Запретил пьянствовать в палатках и приказал всем стоять перед палатками, а когда король будет проезжать через лагерь, распустить флаги у древка копий. Скоро после обеда ударили в барабаны, чтобы садиться и ехать встречать короля.

Отъехавши полмили от лагеря и встретившись с королем, гетман произнес по-латыни довольно длинную речь, вручая королю крепость и желая ему во всем счастья и поручая его вниманию свою службу. При этом он выставял также и наше мужество, бдительность, усердие и воздержность во всем; просил, чтобы король на все это обратил внимание и чтобы каждому оказал свою милость сообразно его заслугам при первом представившемся случае.

Король сперва благодарил канцлера, а потом нас, обещая каждому свои милости. После этого король прямо отправился к крепости и объехал ее кругом. Он осмотрел также окопы, в которых стояла вся пехота точно в таком порядке, как была поставлена тогда, когда брали замок. Это было сделано с тем, чтобы король видел, где кто стоял. Когда он ехал назад в замок, пехота производила пальбу, а когда он вступил в лагерь, то трубили перед палаткой каждого ротмистра. Король поместился в шатре гетмана и там ночевал. Гетман угощал ужином короля и всех приехавших с ним панов и знатнейших дворян. После ужина получены письма

от Филона, смоленского воеводы, с донесением, что московские послы, которые, верно, будут через неделю, едут к королю. Затем было тайное совещание. Пароль дан: «Господи Боже, помоги помазаннику нашему».

9 августа. Проснувшись, король рано уехал в крепость и, осмотрев ее в подробностях, сказал: «Мне она нравится так же, как и полоцкая; укрепления те же, как и в Полоцке». Затем, сев на лошадь, он поехал назад в Сураж¹⁾. Мы провожали его с полторы мили за замок и после с гетманом возвратились в лагерь. В тот же день гетман ездил в табор, где были русские. Там он приказал стать отдельно боярским детям, отдельно стрельцам, отдельно прочим людям и объявил, что тем, которые перейдут на нашу сторону, именем короля будет возвращено имущество, отнятое у них прежде, как в деревне, так и в городе. Кроме того, он обещал каждому в отдельности дать документ для получения своих вещей; изъявивших же желание идти назад на родину обещал отпустить. Разделив их таким образом, тех, которые остались под королем, он послал в крепость на жительство; хотевших воротиться на родину приказал отпустить, дав им для безопасности 150 казаков, которые должны были провожать их шесть миль. Тех, которые шли в Москву, было больше, чем оставшихся у короля. Русские, отправлявшиеся в дорогу, предлагали нашим своих детей, как мужчины, так и женщины, и даже боярские дети. Немало их было разобрано нашими. Русские оттого раздавали детей, что дорога предстояла дальняя, а идти они не могли бы, везти же их было не на чем, всю добычу разделили между пехотою, кроме овса, который роздан коннице. В этот же день Уровецкий занят был постройкою моста на Двине. Пароль: «Господи Боже, веди дальше».

10 августа. Я послал домой Соколовского с письмами. В этот же день я взял у канцлера *ad rationem*¹⁵ 3000 золотых. Я ими

¹⁾ Сураж на Двине на половине дороги между Велижем и Витебском.

заплатил слугам и всем другим за вторую четверть года, которая началась 3 июля и истекает decima nona Septembris¹⁶. Паролем было: «Боже, Твои обильны дары».

11 августа. С рассветом сели мы на лошадей и ехали до урочища в лесу, которое зовут Усвяч, отстоящее на две мили от взятого нами Велижа, оставив в нем двух пехотных ротмистров с их ротами: Сварацкого и Гойского. Вся пехота моего отряда занята была иаведением моста. Я приказал протрубить пароль.

12 августа. Перед самым закатом солнца гетман приказал мне, не мешкая, переправляться с отрядом через Двину, что я и исполнил, лишь только зашло солнце; а через гору, которая возвышалась у спуска с моста, повозки с тяжестями могли переехать только на следующей день и то в течение нескольких часов. Целую ночь мы не спали, держа лошадей наготове. Паролем было: «Господи Боже, во имя Твое вперед».

13 августа. Встав рано и отъехав с места ночлега три мили, мы дошли до селения, имя которому было Чермость. В тот же день король прислал гетману копию с письма, которое писал к нему московский государь, и копию с посланного ему ответа¹⁾. Паролем было: «Господи, Ты Сам будь вождем».

14 августа. Встав рано, мы прибыли к селению, которое называется Нараинский город, от места ночлега на 2 мили. В этот день я получил письмо от тещи. Весь день мы шли полями, где трудно достать какое-либо продовольствие. Однако и там поля небольшие, хотя мы уже прошли пустыри, которые тянутся сейчас за Минском. За этим полем мы должны пройти восемь миль пустырями. Пароль был: «Господи помилуй».

15 августа. Встав рано, в сильную непогоду, мы достигли урочища Боброедова. От ночлега оно отстоит на 2 мили. Мы шли по скверным от частых и испорченных мостов дорогам, так что нам самим приходилось наводить мосты для проезда обоза. В этот же день упала подо мною лошадь, споткнувшись на мосту, но благо-

¹⁾ Оба документа находятся в рукописи, но здесь опущены.

даря Бога я не ушибся; это случилось и не со мною одним. Я приказал протрубить пароль: «Господи Боже, помоги».

16 августа. По причине худых дорог мы сделали роздых, поджидая гетмана с войском, занимаясь в то же время наведением мостов. В этот день были посланы все люди моего полка на фуражировку, а для их безопасности дано им 100 лошадей. В этот же день лишь только приехал гетман и подошли войска, как приказано бить в барабан для сбора ротмистров. Когда они собрались, гетман объявил им следующее постановление, которое приказал опубликовать на письме с приложением своей печати. Во-первых, чтобы никто без гетманского разрешения не посылал людей под страхом жестокого наказания на фуражировку и для разведки; чтобы никто не смел меняться постами и чтобы во время похода одна повозка не объезжала другой. Каждый день должно посылать кухню вперед и на сто лошадей три воза съестных припасов для лучшего продовольствия войска. Для охраны обоза гетман будет давать конвой. В этот же день гетман послал меня объявить в моем отряде следующий универсал: «Ян Замойский, канцлер коронный, бельский, книшинский etc. староста, приказываю тем, которые будут находиться на аванпостах, останавливать всякого, кто поедет или пойдет мимо передовых караулов, и тотчас отправлять ко мне. Кто этого не исполнит, сам будет наказан. Дано в лагере под Боброедовом». В этот же день разъезды дали знать, что показались люди, вследствие чего, встав с полночи и оседлав коней, мы стояли наготове до рассвета, но ничего не произошло. Я велел объявить пароль: «Господи Боже, помилуй».

17 августа. Так как мосты, которых было много, еще не успели, то мы и не трогались с места до обеда, а потом шли до речки, которую называют Полонной, и остановились в бору между двумя болотами, сделав в этот день 2 мили. В этот же день мы перешли велижскую границу и вошли в великолуцкие пределы. В авангарде шел Выбрановский с 200 пеших гайдуков; не вида никакой опасности, он прошел за место, назначенное для нашей сто-

янки у моста, который ему поручено было навести. Пехоту он оставил рубить лес для настилки моста, а сам с одним только поручиком отправился осматривать другие мосты на расстоянии приблизительно четверти мили от своих людей. Там он наткнулся на троих татар, которые выскочили на него с криком. Выбрановский и поручик схватились за ружья. Татары, заметив это, бросились назад и начали скликать своих. Выбрановский, видя, что дело нешуточное и что их очень много, поскакал назад, приказав поручику, у которого лошадь была похуже, ехать впереди, сам же хотел отвлечь внимание татар, пока тот уедет. Но так как татары пустились почти вслед за ними и уже их нагоняли, то поручик, видя, что не может уехать на своей лошади, соскочил с нее и побежал в лес. Из татар одни погнались за Выбрановским, а другие трое бросились за поручиком; они схватились за сабли, а он, вбежав в лес, выстрелил в них из мушкета; после этого они, бросив того, все погнались за Выбрановским, который навел татар прямо на свой отряд и, прискакав, крикнул своим, чтобы скорее стреляли; наших случилось тут только 8 человек, которые лежали; все другие рубили лес для моста, вот почему наши не могли достать так скоро огня для фитилей, а татары уже ворвались. Несколько наших выскочили с топорами, копьями, саблями, вооружившись чем кто мог на скорую руку. В это время один татарин кинулся впереди других с саблей на Выбрановского, но случившийся тут пехотинец пустил в него топором и угодил в висок, так что татарин свалился с коня; тогда солдат копьем проколол его насквозь, так что тот тут же и умер. Другие татары вмиг подхватили его труп на лошадь; наши стали колотить татар обухами, другие успели уже взяться за ружья. Увидев это, татары отступили, продолжая стрелять; убитого двое взяли с собою и, положив его поперек коня, ускакали так поспешно, что растеряли стрелы и шапки и оставили один лук. Между тем прибежал поручик, прокравшийся лесом; таким образом, татары ускакали, не сделав никакого вреда, даже не ранив никого из наших, а между тем потеряли одного из своих. Наша конница, двигаясь медленно, находилась от этого места на

расстоянии полутора миль. Гонец от Выбрановского сперва прибыл к казакам с вестью, что его господин бьется с татарами. Казаки поскакали тотчас, а мне дали знать, чтоб я с гусарами тоже спешил на помощь. Сомневаясь, по рассказам посланного, чтобы это было близко, мы, погоняя коней, проскакали с милю галопом, как вдруг появился трубач с вестью, что татары уже скрылись; тогда мы снова пошли обыкновенным шагом. Прибыв на место схватки, я отправил гетману донесение о случившемся, послал лук и 8 татарских стрел и велел узнать, что он прикажет дальше делать, преследовать татар или нет. Узнав о происшедшем, гетман поспешил в наш стан на нескольких лошадях, приказал отвести себя на то место, где происходила стычка, что мы и сделали. Тщательно осмотрев это место, он отозвал в сторону нас, ротмистров, конных и пеших, как бывших в моем отряде, так и приехавших вместе с ним, и произнес нам речь, причем благодарил Господа Бога, что врагу не удался его замысел нанести нашим вред, а вместо этого пришлось потерять своих; однако он не похвалил Выбрановского за то, что тот так далеко отлучился от своего отряда, не поставив стражу, и поехал один вперед; гетман поставил на вид, что если бы навел он татар на заранее приготовленную засаду, тогда не уйти бы ни одному из них, и чтоб в другой раз не смели этого делать. Затем он предложил на выбор, что лучше: послать ли вслед за татарами отряд легкой конницы и пехоты или ожидать их нападения, спокойно оставаясь на месте, и велел выбрать одно из двух. Одни предлагали послать за неприятелем погоню, а казаки говорили, чтобы послать пеших пограничных солдат, которые могли бы навести их на лагерь, но на расстоянии голоса, чтобы в случае нужды подать помощь. Другие, которых была большая часть, решили, что не следует посылать вслед за ними, потому что, судя по богатой одежде и хорошим лошадям, нападавшие были люди отборные; отсюда можно заключить, что вблизи находится большая сила; к тому же по дороге мосты часты и притом плохие, так что нужно опасаться, как бы, встретившись с большим числом и

желая податься к своим, не потерпеть поражения во время переправы; а главное, кто хочет употребить хитрость, должен хорошо знать местность и иметь хороших проводников; для нас же, несведущих в этом, лучше оставить это в покое. Гетман, выслушав мнения, решил не посылать погони и приказал нам через каждые полмили устраивать засады, чтобы мы таким образом могли поживиться, затем уехал в свой лагерь. Нападавших татар было всего 57 лошадей. В схватке с татарами лошадь Выбрановского перескочила и пронесла его через такой мост, что трудно поверить, чтобы лошадь при этом не споткнулась без вреда, и, если бы на бревнях не осталось следов, мы никогда бы этому не поверили, потому что поистине совершилось невероятное дело. В этот день с ротмистром моего полка я набрал порядочную стражу, которая должна с этого времени караулить; казаков 35 лошадей, для пикета гусаров 100, пехоты 100. Я приказал протрубить пароль: «Защити нас, Боже».

18 августа. В этот день мы отдыхали на том же самом месте, из-за очень плохих мостов, которых в этот день успели навести только два. Тогда же мы устроили засаду, в расстоянии ровно одной мили от места постройки мостов, поместив по обеим сторонам дороги Выбрановского с 200 пеших. Чтобы скрыть следы, они шли в засаду не дорогою, а подле дороги по траве, а за ним, на расстоянии полчетверти мили, поместили в резерве Серного с сотнею пехоты; но Выбрановский успел захватить только 2 русских простых мужиков. В полдень мы переменили засаду, на место Выбрановского поместили Трембецкого с 200 пехоты. Я приказал протрубить пароль: «Господи Боже, сохрани нас от всего худого».

19 августа. С рассветом я послал Сверчевского с 300 пехоты засесть в засаду, но так как не было подходящего места, то он оставил это. Мы сами днем отправились в поход и остановились в лесу, пройдя полторы мили. В этот день мы прокладывали очень длинные гати по мху. Я приказал протрубить пароль: «Господи Боже, отпусти нам наши прегрешения».

20 августа. До зари я послал вперед Сверхевского, с 20 всадниками, добыть языка, но ничего не получил, так как ничего и не было и он никого не видал. Я сам с зарею тронулся и остановился на урочище, которое называется Слепшево, в расстоянии 2 миль. В этот день на том месте получено известие, что королю сдался замок Усвят; в него не стреляли и не копали шанцев¹⁷, потому что как только осажденные увидели все наше войско, то сообразили, что сопротивление бесполезно, и тотчас сдались на предложенных им условиях; впрочем, несколько важных людей с литовской стороны были убиты. Чернь и всех других людей, которые не хотели остаться, король отпустил; воевода с первыми боярами, присягнув, остался при короле. Этот замок сдался 16 августа. В этот день был следующий пароль: «Хвала Господу Богу за все».

21 августа. С рассветом мы поднялись и дошли до места, называемого Северским, пройдя в этот день две мили; находясь на расстоянии только 8 миль от Великих Лук, мы сошли с большой дороги влево, оставляя самую дорогу королю, так как он приказал гетману соединиться с ним еще перед Великими Луками. Там же гетманом получено известие, что идет 30000 русских, чтобы вступить с нами в битву; а так как он, в уверенности, что их наверно столько, полагал, что король не может ускорить свой марш, то порешил, ставши лагерем, пробыть тут 3 дня в ожидании прихода русских, рассчитывая, что на это время будет достаточно разного продовольствия; но потом он переменял решение и приказал нам очень рано выступить в поход. Пароль был: «Господи Боже, спаси».

22 августа. Рано, с рассветом, мы дошли до селения Любая, пройдя 3 мили. В этот день казак Викентий взял в плен важного татарина, имевшего под своею командою 300 лошадей. Захватил он его следующим образом: татары заметили казаков, а казаки татар; казаки, видя, что силы не равны, стали поспешно отступать к лесу; когда они были уже почти у опушки леса, татары гикнули на них, после чего те начали стрелять из мушкетов; лошадь этого татарина, испугавшись пальбы, понесла и сбросила его с себя, а

казаки подбежали к нему и, несмотря на сопротивление, ранивши его, схватили и отнесли к гетману. В этой стычке никто из наших и из татар не погиб, только этот их начальник попал в плен. Спытки он между прочим показал, что великий князь не велел татарам ни сидеть в засадах, ни вступать в битву, но поручил им всюду отступать перед королем, а между тем всячески тревожить его войско. Пленный прибавил также, что царь не прочь принять сражение, но сперва хочет ослабить наше войско. В этот день пришло известие, что литовцы намерены прежде всех сделать набег на Великие Луки. Гетман очень боялся, чтобы литовцы его не опередили, и потому он поспешил отправить к королю письмо с жалобой на свое несчастье и просил позволить ему самому сделать нападение, а он *interea temporis*¹⁸ хочет, бросив тяжести, идти днем и ночью, чтобы литовцы его не опередили; вот почему он приказал мне идти днем и ночью с моим отрядом и постараться вместе с литовцами сделать нападение, а если представится возможность, то и опередить их. Я не отказывался, но охотно обещал, просил только побольше войска, имению 3000, на том основании, что в случае надобности мне не пришлось бы по дальности расстояния рассчитывать на его помощь, а так как в крепости людей немало, то, пожалуй, придется вступить в битву, которую во всяком случае следует выиграть, ибо, если мы сделаем натиск, то они отступят, но, воспользовавшись остановкою, легко могут, хотя и в небольшом числе, сделать вылазку, против которой мы, не имея подкрепления, едва ли будем в состоянии удержаться; что же важнее всего, когда мы будем меряться силами на гарце, нельзя избежать того, чтобы как мы, так и они не добыли бы языка: а узнавши от него, что нужно, они с превосходными силами дали бы сражение, которое мы не могли бы выиграть; отступать же к Литве было бы великим срамом и позором. Выслушав это, гетман прибавил мне войска, и я с большим старанием стал готовиться к выступлению. Но вскоре получено письмо от короля, чтобы гетман не беспокоился, потому что его никто не опередит, что у него еще времени достаточно, кроме того, он может не спешить и

не мучить войска и лошадей, ибо, совершая путь медленно, он нисколько не опоздает; вследствие этого гетман не велел мне спешно выступать в поход. Пароль был: «Господи Боже, благослови нас».

23 августа. Поднявшись рано поутру, мы шли до места, которое называется Рахново, и прошли в этот день одну милю. Пароль был: «Доведи».

24 августа. Вместе с рассветом мы выступили и остановились на равнине над рекой Защитой, сделав полторы мили. Пароль был: «Дай ведро, Господи».

25 августа. Около полуночи мы выступили и остановились в поле среди кустарников, отойдя с места ночлега на две с половиною мили. В этот же день мы заняли место невдалеке от литовского лагеря по правую руку. Король также остановился за ними на расстоянии мили. Сегодня получено известие, что московские послы едут к королю; приказано ехать им навстречу и провести их так, чтобы показать им все войска, следовавшие за королем вместе с артиллерией, а именно: отряды Сенявского, каштеляна каменецкого, польного гетмана и пана Фирлея, каштеляна люблинского. В этот же самый день русские сами сожгли дотла весь посад у Великих Лук, оставив только крепость. Этот пожар мы хорошо видели, потому что находились от Великих Лук всего в двух милях. В этот же день король в сопровождении только 20 человек ездил на рекогносцировку крепости и был так близко от нее, что в него могли бы попасть из короткого ружья, но выстрелов не было. В это время один пахолок из роты пана Минского, поляк небольшого роста, вскочив на лошадь, так сильно пустил копьем в мостовые ворота крепости, что железо осталось в дереве. Король не похвалил его за это, говоря, что подъезжать к крепости, когда никто из нее не показывается, не есть дело настоящего воина, а отчаянного смельчака, что тот для него настоящий солдат, который идет на врага один на один и под выстрелами возьмет его в плен; вот тут-то и можно узнать мужество, потому что человек подвергается двойной опасности — огню из крепости и борьбе с

тем, кого он захочет захватить. Пароль был: «Буди, Господи, милостив».

26 августа. В этот день мы сделали роздых в ожидании обо-за и для того, чтобы дать время стянуться войскам; гетману же король велел отправляться к крепости, объехать ее и осмотреть, откуда всего удобнее вести осаду, так как сам король не мог быть там. Гетман за два часа до рассвета послал ко мне, чтобы я пригото-вился ехать с ним, потом сам явился за мною; с ним я и отпра-вился, взяв с собою Хелмицкого с Лукомским и стрелков. Когда уже стало рассветать, гетман выехал с этими людьми в таком по-рядке: впереди следовал Сверчевский с 20 конными казаками, за ним Дымко с 50 казаками, Фаренбек с 30, Розражевский с 30 рейтарами, Вайер¹⁹, Костка, имея при себе по несколько слуг; из роты Уровецкого всего 40 всадников, за ними стрелки. Сам гет-ман ехал за мной, подचाший Зебржидовский²⁰ с сотней всадников шел за гетманом в резерве, на случай если бы дошло до схватки. Гайдуки шли по правой стороне гетмана, а после казаки и Бирута с 30 людьми — по левой. В таком порядке мы шли целых 2 мили, пока не увидели крепости: тогда гетман послал Уровецкого, Роз-ражевского и Байера поискать где-нибудь брода через реку Ло-вать, чтобы переехать на ту сторону и оттуда осмотреть укрепле-ние, и дал им с собою 20 всадников. Те отправились, а гетман следовал за ними медленно; с ними впереди ехал Лукомский. Они никак не могли найти брода и искали его так долго, что гетману надоело ждать, пока его уведомят, и он пошел за ними по той дороге, по которой они вели лошадей, но попал в такие болота, что трудно рассказать, и, промокший, должен был вернуться по дру-гой, торопецкой дороге; будучи уже недалеко от крепости, он оста-вил нас за горой, которая служила прикрытием от крепостных выстрелов, а сам поехал осматривать крепость. Между тем по-сланные вперед нашли брод и перебрались через реку; заметив их, русские выехали навстречу на 300 лошадях, довольно хорошо вооруженные; увидев это, наши переправились обратно и через Лукомского известили гетмана, что брод найден. Когда Лукомс-

кий с этою вестью ехал к гетману, то, желая быть впереди других, попал в болото с выступившей водой; полагая, что это брод, он пустился смело вперед, но лошадь под ним вследствие глубины пошла вплавь; видя, что уже поздно поворачивать, он опустил поводья и, плывя таким образом, попал на троих из роты Дымки, которые стояли на карауле у этого болота; заметив его и полагая, что это русский, они схватились за луки, а он, приняв их за татар, хотел выстрелить из мушкета; те, прицелившись в него, начали кричать, спрашивая, кто он? Дав ответ и узнав своих, Лукомский выехал благополучно, хотя и натерпелся немало страху. После этого он явился к гетману и доложил ему насчет брода; тогда гетман тотчас двинулся в путь и, придя к реке, поставил нас под защиту горы, а сам поехал к крепости осматривать ее с другой стороны. Заметив его, русские спустились с крепости и стали подкрадываться к нему; это увидел Фаренсбах со своими рейтарами и кинулся на русских, но те, лишь только рейтары начали стрелять, отступили к замку, потеряв одного убитым. Между тем гетман переправился через реку вброд, поставив роты в некотором отдалении от места схватки; охотникам он позволил подъехать к замку на гарце, а сам, пока мы гарцевали, с некоторыми подъехал близко к замку, высматривая место для копания шанцев. Выехать к нам на стычку никто не осмеливался, только часто стреляли по нам, больше всего из пищалей. Передо мной самим во время гарца на локоть от меня слуге Дымке прострелили бедро, и в меня чуть не угодила пуля. У товарища пана подчашего Зебржидовского ядром убило лошадь. Затем, иагарцевавшись, переправились через реку с другой стороны крепости и, объехав ее почти вокруг, направились обратно к своему лагерю. В этот день Борнемисса, любимец короля, венгерский гетман, с несколькими десятками конных венгров подъехал к замку и, отделившись как-то от своих, наехал на русских; заметив их, он поскакал назад, а те за ним; вдруг его лошадь начала приставать; он успел соскочить с лошади и побежал, но неприятель был уже так близко, что сорвал с него меховую накидку; к счастью, подоспели другие венгры, которые и

дали ему лошадь; русским так и не удалось его настичь. Пароль был: «Господь Бог покарает».

27 августа. За два часа до рассвета я выступил со своим отрядом и шел к замку по линии первой стражи, а приблизившись к полю, откуда видна была крепость, остановился и расставил людей так, чтобы они в боевом порядке подходили к крепости. Выстроив казаков в два ряда, я пустил их вперед; всех черных гайдуков, которых было 3 хоругви, соединил в одну колонну, причем знаменщики шли вместе с ними; в другую колонну построил голубых гайдуков, которых было два знамени, вместе со знаменщиками; третью колонну составил я из гусар в пять рядов с двумя распущенными знаменами. В таком порядке направились мы к крепости, трубя и с барабанным боем; казаки впереди, мы за ними, пехота составляла правое крыло, а мы левое; так мы шли до самого замка и остановились на горе, чтобы нас могли видеть из замка. Затем, когда стал подходить литовский обоз, мы оставили гору и дошли до того места, где должен был расположиться наш лагерь. Стояли мы на горе, ожидая, пока подойдет остальное войско; в нас стреляли из крепости, но ядра не долетали. Перед самым полуднем пришло литовское войско, и когда оно заняло поле, то литовские гетманы разместили его тремя большими колоннами с несколькими вспомогательными отрядами, по сторонам поставив пехоту отдельно; в таком порядке ожидали прибытия короля. К вечеру король с войсками подошел к крепости с другой стороны и велел выстроить конницу полумесяцем: левым крылом командовал Ян Зборовский, правым воевода Брацлавский; за этим отрядом помещены были еще три больших резерва, а венгерская пехота шла в боевом порядке в одной колонне. Таким образом, пехота шла по левую руку от крепости, конница по правую, а между пехотой и конницей ехал сам король; с ним несколько сот человек, все богато вооруженные, имея за собой по одному пажу; короля окружали спешившиеся кавалеристы с секирами; за королем шли три красиво одетые пажы; один нес копье со шляпою, украшенною перьями, другой только копье, а третий булаву; за ними вели

12 заводных лошадей, почти по-королевски убранных; король, очевидно, ехал открыто, чтобы показаться русским. Затем с третьей стороны подошел и канцлер со своим корпусом и выстроил его в несколько полков, а пехоту поставил в один отряд, растянутый на большое расстояние по 30 человек в ряд. Пехота пошла по левой стороне, а конница по правой; а когда пришлось спуститься с горы, то, чтобы войско казалось многочисленное и больше, отряд шел за отрядом. Потом все войска остановились в виду крепости, а король делал им смотр; после этого войска пошли к своему лагерю с барабанным боем и музыкою. Было на что посмотреть, ибо каждая часть войска была выстроена по-своему и казалась очень красивой, так что русские могли хорошо все видеть. Королевский отряд расположился поодаль от крепости и стал не лагерем, а полками. Литва остановилась при короле. Все-таки лагерь казался громадным вследствие большого количества палаток, так что, стоя на горе, едва можно было все окинуть взором. Канцлер с войском стал лагерем по правую сторону короля, сейчас за речкою. В этот день мы ушли с места ночлега на 2 мили. Пароль был: «Господь Бог милостивый».

28 августа. В этот день мы никуда не трогались со своего места, траншей не копали, пехота не подходила к замку, а все это оттого, что мы ожидали московского посла. В этот день я получил письмо от тещи. Пароль был: «Господь Бог милосерд».

29 августа. В два часа ударили в литавры для сбора ротмистров у гетмана. Им было объявлено, что после обеда мы вместе с тяжестями двинемся на ту сторону, с которой хотят вести осадные работы; приказано также, чтобы часть ротмистров ехала к королю для пополнения его свиты, когда будут принимать московских послов, а часть пусть останется в лагере на случай тревоги. Было еще приказано ротмистрам разделиться между собой на полки, чтобы полками посылать на фуражировку, на случай если придется при этом вступить в бой. В тот же день литовцы привели к королю 10 русских пленных боярских детей и донесли, что их раз-

бито 2000 в шести милях от лагеря. Встретились они с ними таким образом: с литовской стороны послано было 200 человек конницы для фуражировки; эти всадники выслали вперед разъезд, который и наткнулся на неприятеля и тотчас же вступил с ним в бой. На шум схватки наши бросились к своим на помощь и подняли крик. Русские поскакали назад и навели наших на свой отряд, который расположился на отдых и снимал уже с коней седла. Наши, увидев, что те не наготове, ударили на них и тотчас обратили в бегство; бежавших били и преследовали больше миль, пока не застигла ночь. Полагали, что на поле битвы осталось более 300 трупов; в реке Ловати потонуло их тоже немало, а 10 взято в плен. Из наших один был убит, а 20 ранено. Эти русские подошли к нашему войску для разведки. Их было 2000, а наших только 214. В этот день приехали московские послы, и король велел им править посольство. Навстречу послам король отправил старосту бржезского с отрядом в 100 лошадей; король выслушал их publice²¹ с членами своего совета при присутствии множества людей, стоявших в шатре и около шатра; перед шатром же королевским выстроена была вся пехота шпалерами. Послы, приехав, приблизились к королю, сняли свои шапки, ударили челом, коснувшись до земли руками, потом осенили себя крестным знаменем. Затем выступил п. Тродкий и сказал: «Наияснейший и всемилостивейший король! Послы великого князя московского просят, чтобы им было позволено поцеловать руку вашего королевского величества». Затем послам приказано приветствовать короля: каждый, взяв руку его королевского величества, бил ему челом; когда послы уже кончили свои приветствия, приблизились дворяне московские, желая поклониться королю, но их не допустили, так как послы не исполнили еще своего поручения. Затем послам приказано излагать дело. Они отдали «credens», который читал Война, подканцлер литовский. По прочтении грамоты послам приказано продолжать, и они сказали: «Великий князь послал нас к тебе править посольство и приказал править его перед тобою в Вильне; итак, распорядись вернуться в Вильну и уведи войска твои

с земли нашего государя; тогда мы в твоей земле будем править посольство». После этого король созвал раду к себе, а послов посадили на лавки; п. Троцкий, подканцлер литовский, ответил послаам от имени королевского величества, что невозможно королю вернуться отсюда. «Если же имеете к королю какое другое дело, — продолжал он, — то изложите его, не теряя времени». Послы ответили, что имеют и другое дело, но излагать его тут не станут, разве только в Вильне. Его королевское величество приказал ответить на это послаам, что в последней грамоте князь московский писал, что посылает послов и просит дать им пропуск. «Мы им и дали, чтобы они здесь исполнили поручение». Они ответили, что не имеют другого повеления от своего государя, как только исполнить это посольство в Вильне и что не смеют решиться ни на что другое. Тогда его королевское величество приказал ответить: «Как вы ни с чем приехали, так ни с чем и уедете, а теперь идите в отведенные для вас палатки». Послы после этого удалились. Послов было трое²², они были одеты в парчовые кафтаны, воротники у платья были вышиты очень красивым жемчугом, ермолки и шапки тоже шитые жемчугом; знатных лиц, одетых в парчу, было с ними до 20, но немало было всякого сброда; всего на всех было пятьсот лошадей; убранство лошадей было так себе, но лошаденки плохие, и не было ни одной порядочной.

В этот же день мы двинулись по другую сторону крепости, перешли вброд реку Ловать, но по причине трудной переправы лагеря не укрепляли, а стали по полкам; в этот же день пехота отправилась в окопы: с одной стороны полки, над которыми был начальником Уровецкий, с другой венгры, под начальством Борнемиссы, и тотчас там же в окопах начали плести туры. В этот день пушки шли за его королевским величеством: всего было 30 осадных, и их сопровождала 1000 конницы и 2000 пехоты. Пароль был: «Отверзи нам, Господи».

30 августа. Спустия час после восхода солнца начали распо-

лагаться лагерем около крепости, которая так близко, что можно стрелять из мушкетов, а из пушек переносит далеко; впрочем, стрельба нисколько не вредила, потому что находившийся перед лагерем холм служил защитой. В этот же день мне доставили письмо от тещи. Ударили в барабаны для сбора ротмистров к гетману; когда они собрались, гетман приказал, чтобы никто не смел трогать из лагеря телег под опасением строгого наказания; в этот же день усердно копали траншеи и плели корзины; перед полднем русские делали вылазку в окопы, которые охранял хорунжий пана Замойского с 200 пехоты, получавший жалованье от канцлера; при виде неприятеля он бежал со всеми своими воинами, а русские, овладев знаменем, захватили двух гайдуков, двух ранили и ушли назад без потерь, они могли бы захватить и более пленных, но тут подоспел другой отряд пехоты, так что они отступили под крепостные выстрелы и наши ничего не могли им сделать. Гетман приказал арестовать начальника и заковать его, а пехоту вывел из окопов и поместил туда другой отряд. Пароль был: «Обрадуй нас, Господи».

31 августа. Прошлой ночью в три часа убит из мушкета Ключевский, кастелян завиховский, староста малогоский, находившийся в окопах. Напоминая гайдукам, чтобы старательнее работали, он успел сказать только несколько слов и умер, простреленный в бедро²³. В этот день я получил письмо от тещи. В этот же день окончили делать окопы и приготовили их совершенно, плели туры и насыпали их землей, доставили 18 осадных орудий в лагерь канцлера, а потом вечером отвезли их в окопы. Пароль был: «Благослови, Господи, труды наши».

1 сентября. В этот день с рассветом открыли огонь из орудий, как с венгерских, так и с польских батарей; гетман велел объявить, что тот, кто возьмется зажечь крепость, пусть запишется у гетмана; если зажжет замок иностранец, то ему гетман обещал дать 400 талеров, если же поляк и притом шляхтич, то будет щедро одарен; если же не шляхтич, то обещаны ему шляхетство и ценные подарки.

В этот же день московские послы просили короля об аудиенции. Будучи допущены к королю, они говорили только о том, чтоб его королевское величество отдал им Полоцк и другие захваченные города и что только тогда они будут договариваться о перемирии. Король приказал послам удалиться.

В этот же день гетман, собрав ротмистров, сообщил им, что через лазутчиков он получил известие, что к осажденным идет помощь; он приказал каждому быть настороже, копать вокруг лагерей рвы, расстоянием от телег в 6 локтей, шириною в 3 локтя, а снизу и сверху 2 локтя, глубиною в рост человека, и этот ров каждый должен будет копать на своем участке. Сегодня же убит выстрелом из пушки мой пушкарь в то время, когда клал в пушку каленое ядро; он тотчас умер. Пароль был: «Боже, сохрани своих».

2 сентября. Утром рано с первых же выстрелов венгерцы зажгли одну башню, которая стала не гореть, а тлеть. В полдень ее потушили, несмотря на то что наши не переставали постоянно стрелять по ней. В тот же день некто Окуровский доставил мне письмо от жены. После обеда венгерцы снова зажгли укрепления, но они не горели, а только тлели. В этот же день убили двух ротмистров, одного конного литовского молодца, который начальствовал над 200 конных у польного литовского гетмана, другого пехотного, имевшего под командою 200 пеших солдат, по имени Грузинский. У нас в этот день как убитых, так и раненых было около 200. Пароль был: «Господь Бог — счастье наше».

3 сентября. Наконец крепость стала тлеть со стороны венгерских окопов. Пожар усиленно тушили, но потушить не могли, так как наши постоянно стреляли туда из пушек, ружей и гаковниц; венгерцы среди белого дня переправились по воде к горевшей башне, подкопались под дерн, которым были обложены укрепления, чтобы подложить порох. Они отдирали дерн, чтобы удобнее было гореть примету с разным горючим материалом. Когда эти охотники подходили к крепости, неприятель открыл сильный огонь; а когда начали подкапываться, то на них бросали камни и остро-

конечные колья и лили кипяток. Таким образом убили 12 человек, а часть ранили; однако венгерцы, несмотря на это, мужественно продолжали делать подкоп в стене. В этот же день московские послы просили короля, чтобы он поручил своим панам договариваться с ними о мире. Король послал пана Тродского, подканцлера литовского, и п. Войну, подскарбия. Поговорив с ними довольно долго, рго finali московские послы порешили, что они желают учинить вечный мир с королем и что те замки, которыми овладел король, и также те, которые у него были в Ливонии, он может спокойно удержать за собою; потом чтобы король отдал им Невель и Озерище за пленных, которых ему возвратят. На это король не хотел согласиться, желая получить всю Ливонию и другие земли, которые издавна принадлежали великому княжеству литовскому. Послы, видя, что дело не идет согласно их желаниям, просили наконец короля, чтобы он позволил им отправить гонца с королевскими условиями к их государю и вместе с тем спросить, как он прикажет им поступить дальше. Король согласился на это, однако ea conditione²⁴, чтобы гонец возвратился назад через 12 дней. Вместе с ним король послал своего гонца, незнатного литвина²⁵, сообщить московскому князю, чтобы он, не пускаясь в проволочки, дал directe своим послам наказ, что именно они должны уступить королю и таким образом заключить мир. В этот же день гетман приказал пустить стрелу с письмом в крепость, в котором требовал сдачи, обещая королевскую милость. Неприятель ничего не хотел ответить, только из крепости страшно ругали короля, канцлера и всех других, называя короля и гетмана сыновьями негодных матерей, вралями, а на голос наших, которые требовали ответа, стреляли из ружей и пушек. Того же дня был убит один из королевской свиты, начальствовавший над 200 пеших; того же дня Борнемисса послал 200 венгерцев на помощь тем, которые подкапывались под башню, для того чтобы они помогли им скорее копать. Увидев это, русские подумали, что идут уже на приступ, и, подняв громкий крик в крепости, открыли огонь. Мы же, находясь в лагере, услышав этот крик, подумали, что неприятель

тель сделал вылазку, и потому тотчас сели на лошадей. В этот же день я заплатил стрелкам за вторую четверть года. Пароль был: «Господь Бог окончит».

4 сентября. Утром ударили в барабан для сбора ротмистров. Когда они собрались, гетман объявил, чтобы они готовы были или идти на приступ или отражать вылазку, так как от перехваченных пленных узнали, что неприятель, если не будет в состоянии защищаться, сделает вылазку для того, чтобы пробиться и уйти к своим. При этом он приказал ротмистрам объявить в лагере своим пахолкам, что тот из них, кто пожелает идти на приступ, должен быть в доспехах с копьем и что король обещает такому большие награды. Он объявил также, что те охотники, которые заявят свое желание, не тотчас пойдут на приступ, а будут стоять в строю для того, чтобы в случае нужды подать помощь пехоте, назначенной для штурма. Между тем укрепления, зажженные венгерскими орудиями, продолжали гореть. Венгерцы, желая усилить пожар, подложили под дерн порох. Лишь только порох вспыхнул, как этим взрывом отбросило дерн со стены и вся стена загоралась сильным пламенем. Однако русские с обеих сторон работали так, что не допустили огню разгораться²⁶, несмотря на то что наши убивали их во множестве. Однако к ночи башня почти вся сгорела. Пустить войска на приступ гетман не решился, так как, хотя пролом образовался широкий, но штурмовать было опасно, ибо крепость стояла на высокой горе, а вокруг нее тянулся глубокий ров, через который нельзя было перейти без большой потери в людях²⁷. Того же дня оба гонца, как московский, так и королевский, отправились к царю: они были свидетелями, как горела крепость, зажженная с венгерских окопов, потому что им приходилось ехать мимо. Того же дня гетман приказал пустить стрелу в замок с письмами, уговаривая сдаться. Наши кричали им, чтобы что-нибудь написали в ответ, но они не хотели отвечать и продолжали молчать. Вечером гетман приказал, чтобы те из охотников, которые пожелают зажечь замок, постарались подкопаться, как венгерцы, и подложили бы огонь под самое основание

крепости. Охотников нашлось 40 человек; взявши смолистые факелы и другие горючие материалы, они направились к башне, в которой были ворота: одни начали подкапываться в насыпи, а другие с факелами лезли на гору, чтобы поджечь стены. Они не обращали внимания на выстрелы, которые со стороны неприятеля не переставали. В числе охотников находился знаменосец Замоиского, потерявший несколько дней тому назад свое знамя; он, желая возвратить себе доброе имя, вскочил на зубцы и там же на стене, убив одного русского, сбросил его вниз; он бился с неприятелем до тех пор, пока не был подстрелен в руку и ногу. Только тогда он слез и, оставшись живым, удалился в окопы. Остался же жив потому, что был неопасно ранен. Те, которые подрывали насыпь, попали на отверстие в стене, служившее прежде для стрельбы. Через это отверстие осажденные пиками начали мешать нашим делать подкоп и убили одного из наших²⁸. Однако наши, не обращая внимания на это, не переставали копать и через отверстие отняли у русских 5 копий и 20 воловьих шкур, которыми те хотели остановить пожар. Нашим все-таки удалось зажечь, только горело нехорошо, и дым тремя столбами поднимался вверх до наступления ночи. В этот день Самуил Зборовский просил короля снять с него опалу и позволить жить в Польше²⁹. На это король приказал передать ему, что этого он никоим образом сделать не может, но, если Зборовский хочет получить то, чего просит, то пусть при взятии крепости совершит какой-нибудь подвиг. Зборовский согласился идти на штурм впереди всех и ждал в окопах только приказания. При нем находилось несколько знатных и около сотни товарищей из шляхты, которые тоже приготавливались к приступу. Фаренсбах домогался у гетмана позволения принять участие в штурме и просил, чтобы ему было позволено штурмовать другую сторону, а не ту, на которую поведет приступ Зборовский, имевший целью смыть с себя бесчестие и воротиться в Польшу; он же желает идти для того, чтобы увеличить свою славу. Гетман, впрочем, его не пустил. Пароль был: «Господь Бог приготовил».

5 сентября. Почти в полночь показался сильный огонь со стороны окопов, затем стал усиливаться, распространяясь все более и более. Когда таким образом пожар длился уже два часа, у гетмана ударили тревогу, и было приказано войску стоять в лагере наготове, коннице в строю, а ротам пана Чеховского, г. придворного подчашего, п. Жолкевского³⁰, п. Уровецкого идти к самым окопам, причем и я также следовал со своим отрядом. С другой стороны крепости подошел король со своим и литовским войском и расположился у самой реки в боевом порядке. Между тем огонь стал распространяться, занимая все большее и большее пространство. Наши, для того чтобы русские не могли потушить пожар, большими кусками бросали в огонь серу и смолу. Когда до рассвета оставался только час и огонь захватил половину крепости, русские начали кричать со стены: «Город уже ваш, ради Бога не стреляйте». Услышав об этом, гетман приказал объявить им, что если они желают сдать замок, то должны выслать к нему всех воевод, а сами пусть гасят пожар. Осажденные выслали несколько человек, но не воевод. Когда гетман это заметил, он отослал их назад и требовал, чтобы непременно явились воеводы; если же они сейчас не выйдут, то он сделает приступ к городу и всех перебьет. После этого вышли 5 воевод¹⁾, которых гетман велел привести к себе, а прочим приказал охранять крепость. Пехоте как венгерской, так и польской он велел оставаться в строю и запретил кому бы то ни было отлучаться от хоругвей. Вскоре приехал король к тому месту, где находился канцлер. К нему обратился с речью канцлер, благодаря Господа Бога за эту победу и прося, чтобы король оказал свою милость тем, которые были под его начальством. Король сперва благодарил Бога за победу, канцлера за его усердие, обещал всячески наградить тех людей, которые были под его начальством. Затем король приказал, чтобы п. кан-

¹⁾ Воеводами были: князь Ф. И. Лыков³¹, князь М. Ф. Кашин³², Юрий Ив. Оксаков³³, В. И. Пушкин-Бобрищев, В. И. Измайлов³⁴ (Щерб., История, т. V, ч. III., стр. 62).

цлер никого не пускал в крепость, а распорядился тушить пожар. Сам он поехал в поле. Канцлер велел русским очистить крепость; 50 гайдуков отправились выносить порох и пушки. Простого народа и других вышло из города 500, и каждый со своею иконою; у них отобрали оружие и лошадей. Вслед за этим 50 гайдуков пошли в крепость за порохом и пушками. Увидев это, толпа обозной челяди, которая собралась по другую сторону крепости в королевском лагере, полагая, что гайдуки идут в крепость для грабежа и для добычи, в ослеплении полезли вверх на стены и, проникнув в крепость, начали истреблять и рубить неприятеля. Услышав крики, бросилась в крепость и вся пехота; тогда все капитаны, ротмистры и сам гетман старались удержать их, но все усилия их были напрасны. Наши учинили позорное и великое убийство, желая отомстить за своих павших товарищей. Они не обращали ни на кого внимания и убивали как старых, так и молодых, женщин и детей. Начальники, не будучи в состоянии удерживать их, отъезжали прочь, а имевшие сострадательное сердце не допускали убивать тех, которых наша кавалерия захватила в плен, в особенности женщин и детей. Все заняты были убийствами и грабежом, так что никто не тушил пожар. Огонь охватил всю крепость, и спастись более было нечего. Когда огонь дошел до пороха, то наших погибло разом 200 человек; 36 пушек сгорело и несколько сот гаковниц, несколько тысяч ружей и других ценных вещей; денег, серебра и шуб весьма много, так что нашим мало досталось, кроме разве платья и денег, взятых с убитых. Приехавши в лагерь, гетман приказал ударить в барабан, чтобы сходились к нему ротмистры с товарищами; когда они явились, гетман, принесши благодарение сперва Господу Богу, благодарил потом всех за то, что исполнили свой долг, постарались о том, что свойственно хорошим мужам и воинам, обещал милости и награды от короля, а они поздравляли гетмана с победой, затем пропели *Te Deum*, а после слушали обедню. После обедни гетман объявил нам, что, по показаниям пленных, по всей вероятности, придет вспомогательное

войско на выручку, а потому постоянно нужно быть наготове и настороже. Пароль был: «Хвала Богу».

6 сентября. Днем канцлер приехал к королю; здесь происходил совет, на котором рассуждали о том: возобновить ли крепость или нет; во-вторых: идти ли дальше или послать войска; в-третьих: зимовать ли здесь или вернуться в Польшу. Порешили так: выбрав место поудобнее, строить крепость и не уходить, пока она не будет готова. Самому королю дальше не идти и не посылать войска, разве только, когда в Холм придут большие орудия из Москвы, чтобы или овладеть ими, или сжечь вместе с замком; пробыть здесь еще три недели, а потом, оставив жолнеров, королю с волонтерами возвратиться в Польшу. В этот же день король ездил осматривать место для постройки крепости, но не нашел лучшего, чем старое; да и другие советовали его королевскому величеству строить на старом месте, приводя ту причину, что если бы король вздумал ставить замок не здесь, то впоследствии московский царь может воспользоваться старым местом и укрепить его. Итак, решено восстановить крепость на прежнем месте. В этот же день барабанным боем создали ротмистров, которым гетман и объявил, что намерен уже снимать лагерь и что поэтому нужно собрать лошадей, телеги и слуг, в случае если они посланы на фуражировку. Я говорил с канцлером, чтобы он испросил для меня у короля позволение ехать домой и, ссылаясь на необходимость, просил его ходатайствовать за меня перед королем, чтобы последний обратил внимание на мои заслуги; но finaliter ничего не успел у него, а отложил до завтра. Пароль был: «Да будет вечная слава Господу Богу».

7 сентября. Около полудня гетман приказал первый раз ударить в барабан, чтобы готовялись к выступлению; его черные жолнеры пришли к нему, требуя денег и рго finalі объявили, что если им не дадут деньги, то они не желают продолжать поход, а хотят отправиться в Польшу; гетман всячески убеждал их, но они отказывались от всего; впрочем, полагая, что они не станут упорствовать, гетман приказал другой раз ударить в барабан, чтобы

седлали лошадей; тогда все остальные начали готовиться, но первые и не думали, так что канцлер в этот день не тронулся с места. В этот же день пришли грамоты к его королевскому величеству от князя московского; в них выражалось удивление, что король, приняв его послов и выслушав посольство, осаждают крепости и занимает его землю, а потому убеждает короля поступать, как пристойно христианину, и быть готовым на взаимное согласие и на мир. Король ничего не ответил на это. Канцлер чрез Уровецкого всячески убеждал меня, чтобы я не хлопотал о возвращении домой, обещая, что тут уже будем недолго, обещая также, что король намерен вознаградить меня за мои издержки и утраты, и сам говорил со мною о расположении и о королевских милостях ко мне и обещал награды. Тогда я согласился проводить короля до Витебска, *no ea conditione*³⁵, что в день св. Мартина³⁶ я должен быть дома. В этот же день мы вынесли из лагеря с большими почестями тело покойного Завихотского, которого повезли на родину. Пароль был: «Велика милость Господня».

8 сентября. Около часа до восхода солнца ударили в барабан у гетмана, чтобы готовиться к походу. Однако черные жолнеры требовали деньги, а гетман всячески убеждал их подождать немного, обещая заплатить, лишь бы они шли с остальными; но те стояли на своем. Затем он приказал ударить в барабан второй и третий раз, и мы тронулись, а черные остались на том же месте; их ротмистры со своими свитами следовали за канцлером (в отдалении); и мы расположились у реки не лагерем, но там, где кому было приказано, отойдя на одну милю от крепости. В этот же день под вечер гетман приказал созвать ротмистров и перед ними сильно обвинял тех, которые остались и не хотели идти, доказывая, что им не пристало это, и угрожая, что это будет им не на радость; тех же, которые ехали, благодарил и обещал им награду. Затем приказал ротмистрам переписать *de nomine* оставшихся; когда ротмистры исполнили приказание, гетман велел, чтобы каждый съездил и взял слово со своих товарищей на следующий день явиться к нему. Так как ротмистры не согласились на это, то

гетман заметил: «Вы обязаны сделать это, и, если не сделаете, я пошлю за ними гайдуков». Слова эти сильно рассердили ротмистров, которые сказали гетману: «Мы не для того вывели людей из дому, чтобы их хватали гайдуки; найдите другой способ приглашения, а мы идем к ним и с ними решаемся разделить счастье и горе, потому что нам не годится покинуть их в беде». Затем они отправились назад в свои роты, оставив у нас телеги и свиту. Лозунг был: «Господь Бог карает злых».

Die 9 Septembris. Темрюка Пятигорца, имевшего сотню казаков, король послал добывать языка. Темрюк в расстоянии четырех миль от нашего войска встретил неприятеля и завязал с ним битву, но так как тех было много, то должен был отступить с казаками; неприятель преследовал его полмили, но он не потерял ни одного из своих, а языка все-таки привел. В этот день я послал письмо к теще со слугою пана Влодковского.

В тот же день король велел объявить по всему войску, что всякому, кто захочет работать в крепости над устройством вала, будут платить по три гроша в день, кроме жалованья. В тот же день рано утром приехали «черные» в наш лагерь по совету тех ротмистров, которых канцлер бранил суровыми словами; они рассказали канцлеру обо всем, что у них случилось, и просили простить им их глупость; за них просили все. В тот же день расположились лагерем в двухстах шагах от места стоянки на расстоянии порядочной мили от замка по направлению к Торопцу. Лозунг был: «Господь Бог щедр».

Die 10 Septembris. Утром приказано было профосу ездить с трубачом по лагерю и объявлять, чтобы никто не смел ни около лагеря, ни в самом лагере убивать скот или заниматься какою-либо грязною работою, а кого поймают, тот будет строго наказан. В тот же день барабанным боем оповестили ротмистров собираться к гетману. Гетман увещевал их и просил от имени короля работать над сооружением крепости вместе с другими, говоря, что король со своими жолнерами взялся строить одну часть замка; дру-

гую часть взяли на себя литовские паны, третью венгерцы, а четвертую король предложил людям канцлера. На это жолнеры отвечали, что они не обязаны это делать, да и не могут, хотя бы и хотели, потому что у них нет лишних слуг; а те, которые есть, должны или заботиться о продовольствии, или ходить за лошадьми, так что у них совершенно некому работать, сами же они не умеют.

Ничего почти не добившись, канцлер, однако, не переставал их упрашивать. Жолнеры обещали дать окончательный ответ завтра. В тот же день король близ Суража поставил сильный кордон, чтобы никого не пропускать в Литву без дозволения, так как из литовского лагеря многие волонтеры стали разъезжаться, да и сами литовские папы не прочь были тайком отослать немало людей из своей свиты. В тот же день я послал домой своего стрелка Собанского с письмом. Пароль был: «Господь Бог милостив».

Die 11 Septembris. Утром канцлеру дали знать, что недалеко от лагеря находится большое войско, которое, по всем признакам, намеревается атаковать нас. Вследствие этого приказано всем быть наготове и поставлена сильная стража, а Сверчевского с тридцатью всадниками послали разведать и донести, что заметит. Вернувшись, Сверчевский донес, что, отъехав на несколько миль от лагеря, он ничего не заметил, а в стороне в шести милях видели только около трехсот лошадей. Пароль был: «Призри на нас, Господи Боже».

Die 12 Septembris. Тотчас с наступлением утра поставили лагерь короля в расстоянии стадии от нашего, сейчас за рекой в полтора милях от первого лагеря. Литва же полками расположилась перед королевским лагерем. В этот день, когда устраивали лагерь, коронный надворный маршал Андрей Эборовский хотел, чтобы его возы стали впереди возов литовского маршала Альбрехта Радзивилла. Об этом он долго спорил с обозными, которые устраивали лагерь. Те отослали их к королю, чтобы тот решил, чьи возы ставить впереди. Когда дело дошло до короля, польский

маршал напоминал о своем преимуществе перед литовским, говоря, что в унии есть условие, что если нет великого маршала в Литве, то его место заступает польский надворный. Король на это ответил, что по случаю его позднего приезда немало дел, даже некоторых иностранных, поручено было литовскому маршалу. Итак, *pro hac vice* пусть имеет преимущество пан маршал литовский. На это Зборовский ответил: «Дело идет не об имени, но о моем сане, о чести государственной и о моих преемниках, чтобы они не подумали, будто я допустил умаление своего сана. Потому *solemniter protestor*, чтобы потом иметь основание опереться на этот протест. Прошу, чтобы этот протест не сочтен был противным вашей королевской милости, чтобы он был занесен в книгу и копия с него была мне выдана за печатью».

Вследствие этого маршал Зборовский не стоял в лагере, но отдельно вместе со своим братом Самуилом Зборовским. Пароль был: «Господь Бог дарует победу».

13 сентября. Утром король присутствовал в совете, где шла речь о том, кого оставить в крепости. Но еще не *conclusum*³⁷; однако, чтобы больше было охотников, назначено тем жолнерам, которые захотят там остаться, по 20 золотых на коня. Пароль был: «Заботься о нас, Господи, и вперед».

14 сентября. Князь Януш Острожский³⁸ послал за провизией 80 конных казаков. Из них 40 всадников осталось у возов, другие 40 пошли дальше на поиски провианта. Они наткнулись на 50 татарских наездников, передовых неприятельского отряда. Наши, построившись в ряды, бросились на них и потеснили их назад. Татары, отступая, навели наших на большое войско, размещенное на 3 части. Вмиг все бросились на наших спереди и с боков, видя, что борьба не равна, наши поскакали назад, но им трудно было уйти. Затем, видя, что нет спасения, они, прискакав к нескольким деревням, соскочили с коней и стали мужественно отстреливаться из длинных ружей. Ушли только трое и то раненые, а из других 6 были взяты в плен, 6 убиты. Вскоре на то же войско наткнулся отряд из 40 венгерских всадников, которые также были

разбиты татарами, но несколько из них уцелело. В этот день король приказал всем ротмистрам съехаться к нему на поле. Когда они собрались, король убеждал их быть внимательными к своим обязанностям, потому что он сам, как говорил, видел собственными глазами, что караульная служба в большом беспорядке: на передовых постах спят, снимают с себя броню, коней распускают; между тем стража не должна быть таковой, от нее все зависит; итак, необходимо, чтобы за этим строго смотрели господа ротмистры. Во-вторых, чтобы возов из обозов не брать, потому что некоторые, положив поклажу только на подставки, самые повозки отсылают назад. Поэтому, если еще где-нибудь произойдет что-либо подобное, то за это будет строжайше взыскано: пусть узнают, что король умеет жаловать добрых и наказывать дурных; кроме того, король приказал запретить пахолкам, которые пасут лошадей за обозом, кричать ночью, а тот, которого застанут гайдуки, пусть не пеняет на себя. Пароль был: «Спаси нас, Господи».

15 сентября. Король постановил, что для большей безопасности тех, которые отправляются на фуражировку за несколько миль от армии, должны следовать по очереди за ротмистрами по 1000 всадников. В этот день я был очень болен сперва лихорадкой, а потом горячкой, к тому же имел еще сильный понос. Пароль был: «Господи Боже, буде нашим вождем».

16 сентября. Король послал Филипповского³⁹ с несколькими стами польских всадников, также венгерца Барбидзярского⁴⁰ с несколькими сотнями венгерцев, прибавив к ним 500 гайдуков, разузнать о том войске, которое разгромило казаков князя Януша; однако, если они заметят его, им не велено ничего предпринимать без особого распоряжения. Пароль был: «Господь Бог благословляет».

17 сентября. Начали насыпать туры в замке Великолуцком, до окончания починки которого осталось уже немного. В тот же день пришло королевское письмо, что едет великий татарский посол, который уже находится по эту сторону Вилены. Итак, советовались о том, где выслушать посла, и решено послать ему на-

встречу, чтобы он воротился в Вильно и там ожидал короля, где и будет аудиенция. В этот день король пожаловал пану канцлеру Межирецкое староство и Гарволинское поместье с несколькими деревнями, которое прежде принадлежало староству Стенжицкому. Пароль был: «Соверши Господи Боже».

18 сентября. Филиповский, оставивший свой полк за четы-ре мили, один приехал к королю за подкреплением, говоря, что он встретил московские разьезды, на которые и ударил, и что они тотчас обратились в бегство, но никого нельзя было захватить, только один передался к нам и рассказывал, что русских 4000; король дал ему 2000 людей и велел идти за русскими до самого замка Торопца, а там вступить с ними в сражение. Из нашего лагеря канцлер послал с ним надворного подчасшего с 50 всадниками, пана Конецпольского с 50 всадниками, пана Жолкевского с 50, Фаренсбаха со 100 конными рейтарами. В этот же день король послал своих коморников в Польшу с универсалами. Пароль в этот день был: «Господь Бог укажет нам путь»¹⁾.

19 сентября. Пришло донесение королю от Филона, старосты оршанского, воеводы смоленского, который разбил под Смоленском 8000 русских таким образом: надеясь на помощь со стороны короля, он направился к небольшой крепости, находящейся в нескольких милях за Смоленском, и там думал соединиться с королевскими людьми. У него было не больше 700 человек конницы, составленной из шляхты, живущей около Орши, а пехоты и казаков 1000, орудий 2 и гаковниц 12 на колесах. Когда он подступил с этим отрядом под Смоленский замок, на него сделали вылазку несколько сот стрельцов, но он их разбил и преследовал до самого крепостного моста. После этого он отошел назад на 1 1/2 мили от крепости и там стал лагерем. Русские в тот же день, желая отомстить за поражение, в числе 4000 человек конницы и 3000 пеших, сделали вылазку; заметив это, Филон тотчас пост-

¹⁾ Тут автор поместил в своем дневнике артикулы умершего гетмана Тарновского о порядках военной службы; в русском переводе они опущены, так как близкого отношения к содержанию дневника не имеют.

роил свой отряд и ожидал неприятеля. Когда русские приблизились, он, не долго мешкая, тотчас вступил с ними в битву, не обращая внимания на их многочисленность. Сражение продолжалось от вечера до 2 часов ночи, русские поражены были наголову, взято в плен было много важных людей, с его стороны потерь было мало, да и то больше простых, зато много раненых. Так как люди были очень утомлены и изранены, то он пошел назад к Орше, а находясь уже от Смоленска на расстоянии 10 миль, будучи уже во владениях государя, расположился у какой-то реки на ночлег: вдруг напало на него 25000 русских и татар, которые тотчас зашли в тыл, с флангов и спереди. Увидев, что число людей не равно и притом много раненых и усталых, он начал отступать, а они преследовали его, нанося большой урон, так что он находился в худом и тяжелом положении, живых пленных приказал убить и уже не избег бы вражеских рук, но две роты, одна Струсова, другая Вильковского, следовавшая за армией короля, узнав, что король взял Великие Луки, и видя, что они уже опоздали, и притом зная, что воевода смоленский сразится наверно с русскими, пошли за ним и почти что столкнулись с нашими, отступавшими перед русскими. Тогда они тотчас выстроились в боевой порядок и ожидали, пока русские покажутся из лесу; увидев их, они атаковали и прогнали их, так что те должны были прекратить преследовать. В этой последней битве наших пало около 700 и русские захватили троих из знатного дворянства, две пушки и 12 гаковниц. В знак первой победы воевода смоленский послал к королю русское знамя и прекрасные позолоченные доспехи кизильбашские, снятые с главного воеводы, убитого в сражении. В этот же день король получил донесение из Невля, что русские, сделав вылазку, ударили на литовские окопы и нанесли поражение литовской пехоте, взяв знамя без всякого урона. Приехавший в наше войско из поморской земли Першка уведомил меня, что во многих местах Пруссии сильная смертность и что будто бы Рокош, его жена и 2 дочери померли от заразы и что Рыхновская заразилась. Пароль был: «Да благословит Господь Бог».

20 сентября. В этот день Уровецкий начал строить в крепости стену таких размеров, чтобы вместить весь лагерь канцлеров. Пароль был: «Обрадует нас сам Господь Бог».

21 сентября. Пришло донесение королю, что воевода брацлавский разбил русских под Торопцем, но не сказано, каким образом и в каком количестве. Пароль был: «Где укажет Господь Бог».

22 сентября. Утром, когда паны съехались к королю, прибыли от воеводы брацлавского и от людей, бывших под Торопцем: Филипповский, староста нурский, Оссолинский⁴¹, староста Кричевский, и Фаренсбах; будучи допущен к королю, Филипповский делал доклад о происшедшем. Прежде всего заявивши от лица воеводы брацлавского и всего рыцарства о чувствах преданности и верноподданничества королю, он сказал, что счастьем его королевского величества и благодаря старанию воеводы брацлавского и храбрости всего войска неприятель, расположившийся лагерем под Торопцем, разбит следующим образом: в понедельник, т. е. 19 сентября, воевода брацлавский и его авангард, стрелки Собоцкого⁴², выступив против неприятеля по направлению к Торопцу, наткнулись на русские передовые посты и разбили их; русские, зная, что сзади за ними находится мост, по которому им нужно было бежать, незаметно подрубили его и, поместив на другой стороне моста стрельцов с длинными ружьями, сами стали переезжать этот мост. Как только наши всадники начали их достигать, они разом бросились в рассыпную, а наши, преследуя их, въехали на мост, который и подломился под ними; стрельцы из засады начали стрелять и убили нескольких наших. Наши, увидев коварство русских, настигли их за мостом, причем нескольких убили, а одного захватили; это происходило в 6 милях от Торопца. У этого моста расположился воевода брацлавский⁴³ с людьми; когда у пленного спрашивали о числе войска, он ответил, что их теперь до 40 тысяч, так как прибыла подмога из Смоленска и из Холма. Тогда воевода брацлавский советовался с ротмистрами, что делать; одни настаивали на том, чтобы вернуться, другие предлагали здесь окопаться и между тем послать к королю за советом

и помощью; третьи советовали все-таки идти вперед во имя Господне, стараться добыть языка и разведать, будут ли силы неприятеля соответствовать нашим, дать сражение, а если их и обратят в бегство, то, не имея тяжестей и других impedimenta, легко могут уйти. Затем на следующий день, во вторник, воевода брацлавский разослал во все стороны добывать языка, а сам медленно двигался с войском, выслав вперед несколько сот конных панов, дворян и товарищей с аркебузами, Самуила Эборовского, Фаренсбаха и Собоцкого. Идя скорым маршем, они встретились с нашими, высланными для языков; у них уже было 9 достаточно хороших пленных, от которых и узнали, что русских всего 10.000, что они уже знают о нашем отряде и выслали всех своих вперед, так что их набралось около 2.000, почти самых отборных людей великого князя московского; они идут с намерением атаковать наших, так как им дали знать, что только 400 наших вышло из лагеря. Наши, находившиеся впереди, узнав об этом от пленных, вскачь пустились за неприятелем, чтобы последний не ушел, а к воеводе брацлавскому послали просить, чтобы он следовал за ними и имел наготове помощь; после чего ровно в 4 часа они наткнулись на русский авангард, который стоял в боевом порядке: сами русские в одном строе по правую сторону, а татары в другом по левую. Наши, увидев, что силы не равны, остановились, ожидая, пока подойдет остальное войско на помощь; затем русские и наци выехали гарцевать, но ни с той, ни с другой стороны не пал никто. Но русские, увидев, что наши очень наступают, начали как будто немного отходить; тогда Карват Глух из роты Язловецкого, желая добыть языка, вынесся вперед с копьем, думая выбить кого-либо из рядов, но горячий конь занес его в самую середину русских. Видя, что спасения нет, он соскочил с коня и переломил об одного копые, затем выхватил саблю и убил нескольких; но потом русские, окружив его, изрубили в мелкие куски. Заметив, что наши ожидают помощи, они отступили за болото за мельницу, поместив стрельцов на мельнице, наши два раза пытались их преследо-

вать, но каждый раз были отражаемы. Между тем начало подходить наше войско, и тогда наши пустили на стрельцов тяжелую конницу, конница подстрелила 7 человек; когда же стало выходить из-за горы все войско, то русские, видя, что уже дело не шуточное, обратились в бегство, и наши преследовали их, причем должны были переходить болото. Пока наши переправлялись, неприятель успел уйти на четверть мили, так как бежал по дороге, а татары в другую сторону в болота; затем на целые 2 мили одни преследовали русских, другие татар, но их пало не много, так как наступила ночь, а наши лошади были измучены, идя 6 миль галопом, и при этом преследовании совсем теряли силы. Во время погони, когда русские столпились на реке Торопчанке, их нагнали только 5 человек: Марк Собеский⁴⁴, Самуил Эборовский, Подоловский, Иван Белжецкий⁴⁵, Станислав Жолкевский и, подняв крик, убили до 70 русских; а били они их, как скот, так как последние не сопротивлялись. Язловецкий, староста снятинский, во время преследования сшиб татарина с лошади, и, когда хотел уже рассечь его саблей, она у него выпала; тогда татарин, хватив его за плечо, уже намеревался убить, как ротмистр Стадницкий и Жолкевский спасли его, умертвив татарина. В этом преследовании русских и татар убито вместе около 300, взято в плен 24, почти все люди знатных, между ними 2 самых знатных: одии главный воевода, начальствовавший над большою армией, любимец московского государя⁴⁶ и его советник по имени Дементий⁴⁷, от него король узнал о всех секретах, другой Нащокин, который приезжал послом к королю в Вильну и сошелся с Осциком⁴⁸; от последнего король узнал, кто совещался с Осциком, чему и был очень рад. В это же время совершенно поделом досталось одному гайдуку венгерцу. Еще уцелело несколько изб от пожара при осаде крепости Торопца, когда сами русские за два дня перед тем сожгли ее. Венгерец, ища добычи, забрался один в темный амбар и нашел там большого медведя, которого водили на цепи; думая, что это лошадь, он хотел его вывести; вдруг медведь подмял его под себя и

начал ломать, а тот кричать; наши, думая, что там русские бьют кого-либо, кинулись на помощь и убили медведя. В этот же день ударили в барабан для сбора ротмистров; когда они сошлись, гетман объявил, чтобы мы были готовы двинуться и идти на помощь в Невель или в воскресенье после обеда, или в понедельник утром. Своим черным жолнерам он сказал: тот, кто пожелает остаться здесь на зиму и служить, пусть объявит; тот, кому необходимо уехать домой и кто не может служить, пусть также заявит; что он желает, переговорив с королем, удовлетворить каждого по его желанию. Пароль был: «Хвала Господу Богу».

23 сентября. Воевода брацлавский прибыл с войском в лагерь, сдал пленных королю и представил тех, которые отличились в сражении. В этот же день мы готовились к походу и отозвали назад фуражиров. Пароль был: «Облегчи нас, Господи Боже».

24 сентября. Утром разбиралось следующее дело князя Пронского⁴⁹ со Старжеховским⁵⁰, старостой вышгородским. Давно перед этим они поссорились: Старжеховский, находясь однажды во Львове, худо отзывался о князе в присутствии его слуг и посторонних, а именно называл его... сыном и приказал передать это князю; так как вскоре после этого они оба отправлялись в войско короля, то князь Пронский по краткости времени не мог начать дела. Теперь, когда они встретились, князь созвал своих родных, между которыми находился и я, так как его мать была за моим родным дядей. Когда мы сошлись по этому делу, оказалось, что тут много было панов и все литовские. Князь просил посоветовать, как ему поступить; все, сколько их ни было, согласились идти в палатку обидчика и спросить его, признает ли он свою вину. Составив вопросные пункты, поручили Хлебовичу, кастеляну минскому, прочесть их. Мы отправились к Старжеховскому, который лежал больной в палатке, и, когда пришли туда, выступил п. минский, спрашивая его по бумаге о следующем: «Господин Старжеховский! Родственник наш князь Пронский послал нас к тебе спросить от его имени, что мы теперь и делаем: готов ли

ты подтвердить те бранные слова, которые произнесены тобою во Львове при многочисленном собрании?» Старжеховский отвечал: «Не знаю, какие это слова, скажите мне их». Пан минский возразил: всякий порядочный человек должен помнить свои слова, когда какие произносил, особенно же слова колкие, относящиеся к почтенному человеку. Старжеховский быстро ответил: «Не раз бывал я, и не раз случалось мне говорить во Львове, но всех своих слов я не могу помнить, если же вы мне их припомните, то я от сказанного не отрекусь». На это Ян Эборовсий сказал: «Здесь в войске находятся те, перед которыми пан изволил говорить, и, если понадобится, они лично засвидетельствуют это». Старжеховский ответил: «Хотел бы услышать». Тогда приказали позвать тех, при которых он произносил брань; явилось несколько человек, и вперед выступил слуга князя Пронского. Указав на него, Ян Эборовсий сказал: «Вот тот, который слышал от вашей милости». Старжеховский возразил на это: «Когда кто ругается, его не благодарят, но отвечают ему тем же. Я наверно знаю, что Пронский не ответил мне, но послал 50 конных и 6 человек шляхты, чтобы схватить меня. Потом в присутствии некоторых говорил, что этого Старжеховского — злодея, пьяницу, преступника — сгноит в тюрьме. Зная это, я, увидев его слуг в Лемберге⁵¹, сказал им: мне хорошо известны затеи вашего князя относительно моей особы, а также и то, как он поносил меня в присутствии честных людей. Если он это сделал, то сделал, как сын...» Ему ответили, что этого довольно и что они передадут князю то, что слышали. После этого разговора паны совещались, как поступить, и решили, если он будет стоять на своем, послать ему conditionaliter. Они послали ему вызов через нескольких литовских панов. Но Старжеховский лично не взял вызова, а поручил прочесть его тем же панам. Они читали: «Старжеховский! Если ты утверждаешь то же самое, что говорил во Львове в присутствии многих, а именно, что я сын... то ты на меня и на мою честную мать лжешь, как собака. И ни ты, ни кто-либо другой не будет в состоянии доказать твоих слов; а кто будет говорить так, тот врет, как собака и

бездельник». Выслушав это, Старжеховский сказал: «И он сам врет, и вы все врете, когда говорите, что я бездельник». На это ему заметили: «Ты бездельник, потому что задеваешь нас, честных людей, с которыми у тебя нет никакого дела, ибо каждый имеет своего приятеля, который ему и служит». Таким образом кончилось это дело, но все утверждали, что король держит сторону Пронского. Ожидали, что будет *duellum*⁵². Мы знаем, что она и состоялась бы, если бы король согласился на это.

25 сентября. В этот день я готовился идти с передовым отрядом к Невлю. Уже мы сняли палатки, запрягли повозки и оседлали лошадей, но гетман не отдавал еще приказания к выступлению. Пароль был: «Когда Господь Бог захочет».

26 сентября. Утром тотчас после обедни король поехал в крепость наблюсти за тем, чтобы работы шли скорее. В крепости он пробыл целый день, там обедал и только к ночи приехал в лагерь. В этот же день пришло известие из великой Польши, что п. Мендижецкий или его татары, держа сторону Петра Хойнецкого, убили пана Калисского и ксендза Хойнинского. Этим король и другие были очень огорчены, а *vulgus*⁵³ говорил, что лютеране уже начинают бить папистов.

27 сентября. Утром король поехал в крепость смотреть за работами, там обедал и только к ночи вернулся в лагерь. В этот день канцлер делал полюбовное соглашение между паном Каменецким, польным гетманом, и п. Филипповским. Женильба не состоялась, так как п. Каменецкий, обиженный Филипповским, объявил, что *finaliter* он за него своей дочери не выдает. Приказал протрубить пароль: «День св. Станислава».

28 сентября. Я написал п. Мендижецкому, какие *gynoges*⁵⁴ ходят про него при королевском дворе. Тогда же я написал письма домой и послал их с королевскими коморниками, которые сеймовые постановления передают панам Рады. В этот день ударили в барабан для сбора ротмистров: при них гетман отдал приказание, чтобы я еще сегодня после обеда отправлялся со своим отрядом, а

другим ротмистрам приказано быть наготове, чтобы завтра с рассветом выступить в поход. Гетман также напоминал, чтобы войска шли в порядке, чтобы у всех роты были в полном составе, так как их будет смотреть сам король. Но и в этот день мне не пришлось отправиться со своими войсками, так как у ротмистров роты не были в сборе: многие солдаты поехали за провиантом. Таким образом, в этот день ночью опять собрали ротмистров. Гетман объявил им, что рота старосты Ленчицкого должна идти вперед на то место, куда ходила рота Чеховского до его отъезда домой. Пароль был: «Господи Боже, веди дальше».

29 сентября. В полночь я со своим отрядом выступил к Невелю и остановился близ озера в Дубровне в полутора милях от места стоянки гетмана. От лагеря я прошел 5 миль. Я приказал протрубить пароль: «Господи Боже, помогай нам до конца».

30 сентября. Часа за три до рассвета, когда я уже приказал второй раз ударить в барабан, приехал ко мне слуга с запиской от гетмана, в которой тот уведомлял, что Невель сдался⁵⁵, и приказывал, чтобы я остановился и не шел дальше, но ждал его дальнейших распоряжений. Я тотчас объявил это ротмистрам и позволил им разослать людей за провиантом, но с тем, чтобы они возвратились все к вечеру. Невель сдался по недостатку пороха, и притом в крепости узнали, что большое войско идет на помощь осаждающим. Невель сдался, однако, с тем условием, что жителям позволено будет взять все личное и тем, кто захочет, можно будет возвратиться в Москву. Они со своей стороны обещали сдать весь порох, ружья и все пушки. Когда русские выходили из крепости со своим имуществом, то воевода полоцкий приказал задержать их, чтобы прежде взять в замке пушки, как было постановлено. Войдя в крепость, воевода нашел, что не все передано; так как русские не сдержали своего слова, то он приказал гайдукам отобрать у них все, оставив каждому только по рубашке: с тем их и отпустили. Большая часть осталась под властью короля, другие ушли; воевода послал сдавшихся к королю. В этот

день за 3 часа до заката солнца снова приезжал ко мне слуга с запиской от гетмана, который писал, чтобы я тотчас же отправился назад со своим отрядом и еще сегодня был бы под Великими Луками, так как король приказал идти на крепость Заволочье. Я немедленно послал ротмистрам сказать, чтобы они готовились выступить. Те, у которых роты были неполные, так как солдаты поехали за провиантом, никоим образом не могли отправиться в тот же день. Поэтому я приказал, чтобы они выступали через 4 часа ночью, а сам на иноходце поскакал во весь опор к гетману донести, что мои войска так скоро прибыть не могут, чтобы он подождал, пока мы не пройдем милю от него. Подъехав к месту стоянки гетмана, я узнал, что гетман позволил всякому, кто захочет, отослать назад повозки и все impedimenta⁵⁶. Поэтому я, как и другие, отослал домой 2 заводские лошади, 2 воза с разной кладью, 2 повозки, запряженные волами; некоторые из слуг также отправили несколько лошадей. После этого я послал Гарньша, Святославского, Полковского, 2 стрелков. Пароль был: «Будем постоянно благодарить Господа Бога».

1 октября. Ночью в течение нескольких часов мой отряд шел, как было назначено. Мы прошли Великие Луки и ровно с рассветом остановились у церкви св. Ильи, которая отстояла от Великих Лук на 2 мили. От места, где мы ночевали, мы прошли в этот день 5 миль. Я приказал протрубить пароль: «Всемогущ Господь Бог».

2 октября. С рассветом мы отправились прямо к селу Александровскому и прошли 5 миль. В этот день гетман осматривал роты, чтобы увидеть, полно ли число солдат в моем отряде. Потом он дал мне еще роты п. Раздражевского, старосты Ленчицкого и князя Рожинского и велел непременно с понедельника на вторник, еще перед рассветом, быть у Заволочья и постараться занять посады, если только они не сожжены, и вообще не допускать их уничтожения; если же их сожгли, то в таком случае поставить на псковской дороге роту старосты Ленчицкого и роту п. Дымки. Мне было приказано также достать языка, а самому поместиться на невельской дороге и задерживать тех, которые, бу-

дучи отправлены из Невеля, захотят идти к крепости и отсылать их к гетману. Я приказал протрубить пароль: «Господи Боже, дай конец».

3 октября. Мы выступили утром, отдыхали в одном селе и должны были собирать также провиант, так как в бору, где нам пришлось ночевать, не было ничего, даже корму для лошадей. Таким образом, мы прошли от места, где ночевали, 2 мили. Потом, когда уже собрались все повозки, мы отправились и расположились в лесу у реки, пройдя от места отдыха 2 мили. В этот день отряд Дымко привел пленного, который вышел из замка после обеда. Он рассказал нам, что посад и мост уже сожжены. Кроме того, он сообщил, что наверно появятся с 200 казаков, так как из крепости заметили огни, которые мы раскладывали; полагая, что это фуражиры, они намеревались сделать вылазку, чтобы захватить их. Узнав об этом, я приказал ротмистрам съехаться ко мне. С ними я советовался, как поступать дальше и каким образом разбить казаков. Мы порешили отправиться в 4 часа ночи и подойти к самой крепости поджидать казаков, а повозок не трогать, пока не настанет день. Я приказал протрубить пароль: «Во имя Божие пойдем».

4 октября. Почти в полночь, когда уже было время выступать, я дал сигнал трубить, чтобы приготовиться к походу. Потом, сев на лошадей, мы отправились под крепость. В темноте мы блудили по лесу до самого рассвета и достигли замка только тогда, когда уже был день. В этот день мы прошли от места ночлега 2 мили. Подойдя к крепости, я оставил на псковской дороге пана Розрожевского, Ленчицкого, старосту, и п. Дымка, а сам со своим полком стал на невельской дороге, пехоту же оставил у повозок. К полудню, заметив, что лошади были измучены, я созвал к себе ротмистров и по их совету приказал казакам объехать кругом замка. Для надзора за казаками я отправил 80 гусар, начальство над которыми было поручено ротмистру Сверчевскому. Казаки скоро объехали замок кругом и снова возвратились к нам. Тогда я приказал старосте Ленчицкому, вместе с п. Дымкою, ос-

таться и расположиться по той стороне замка, к которой мы пришли, идя от Великих Лук. Разделив свой полк на три отряда и велел ударить в барабан и затрубить, я отправился на другую сторону замка и там стал лагерем. В этот день, почти вечером, гетман только с десятком коней приехал к нам под замок, высматривая место для окопов и лагеря. Затем он проехал на 2 мили к своему войску. Во время этой рекогносцировки постоянно стреляли из замка. Я приказал протрубить пароль: «Господи Боже, сделай, чтобы это продолжалось недолго».

5 октября. В час дня я отправился со своим полком навстречу гетману. Когда мы с ним съехались, он приказал, разделив роты на отряды, идти каждой роте в боевом порядке одна за другой, сам же хотел стать по другую сторону замка. Казаков гетман послал гарцевать у замка; они, гарцуя, подняли сильный крик. В этот день гетман велел устраивать лагерь, но так как для этого не было удобного места, потому что местность была гориста и одним пришлось бы стоять на горах, а другим в лощинах, то гетман, узнав об этом, изменил план и позволил каждому стоять там, где кто расположился, но с тем чтобы держаться вместе и не отдаляться друг от друга. В этот день он послал в замок грамоту, в которой увещевал их сдаться. Неприятель грамоты не захотел принять и страшно нас ругал. Пароль был: «Господи Боже, помоги»⁵⁷.

6 октября. Часа в четыре гетман приказал ударить в барабаны для сбора ротмистров: он просил их помочь возить хворост для плетения тур и дерево для постройки моста. На это все охотно согласились и приказали своим солдатам возить хворост; затем в тот же день начали плести корзины и строить мост, по которому нужно было идти на приступ. Пароль был: «Господь Бог поможет».

7 октября. С большим рвением все без исключения возили и работали в этот день так, что корзины и мост были готовы. Пароль был: «Господь Бог держит это в своей власти».

8 октября. В этот день перед полуднем привезли пушки, сна-

ряды и порох; подошла также пехота. В этот день начали копать траншеи. Пароль был: «Господь Бог обрадует нас».

9 октября. Лишь только начало рассветать, как открыли пальбу по крепости из осадных орудий, которых было 8. В этот же день объявлено через трубача, что тот, кто захочет идти на приступ с приметом, чтобы зажечь замок, должен быть наготове за 2 часа до рассвета и должен находиться в окопах. Тому, кто подожжет замок, гетман обещал дать 400 золотых. Пароль был: «Господи помилуй».

10 октября. В этот день, лишь только начало светать, гетман приказал навести мост на озере, чтобы по нему идти с горючим материалом для зажжения крепости. Долго работали, пока не удалось навести его, и когда уже хотели отправиться по нему, как тут только заметили, что он слишком короток. Тех, которые строил мост, погибло около 80 человек. В этот день пал п. Разражевский, староста Леичиций, пораженный пулею из ружья в самый лоб, в то время когда делал смотр в окопах охотникам, изъявившим готовность идти на приступ. Его все очень жалели. В этот день гетман приказал роте Выбрановского оттянуть мост с того места, где он стоял, для того чтобы поправить его. Когда тащили его на канате и на мосту было только двое, которые отпихивались от берега, как вдруг канат лопнул и мост с 2 гайдуками сильным напором ветра унесло на самую середину озера. Увидев это, русские начали выносить лодки из замка и спускать их в озеро, чтобы захватить мост; в каждой лодке было по 3 человека. Тогда гетман приказал ударить в барабан тревогу. Затем одни из наших сели в лодки, чтобы плыть на помощь, другие верхом скакали вокруг озера, тоже желая помочь, так как с другой стороны выстрелы пробивали мост. С обеих сторон шла усиленная пальба: наши стреляли по тем, которые хотели захватить мост, а неприятель по тем, кто плыл на выручку его. Вдруг один челн вынесся вперед и причалил к самому плоту: сидевшие в нем уже хотели выходить на плот, как двое пехотинцев, бывших на мосту, приняли их так, что потопили челн вместе с неприятелем. Когда наши собрались в

большом числе к мосту, то русские ушли в крепость, забрав с собою свои лодки. Мы, захватив мост, притянули его к берегу и исправили. Пароль был: «Господь Бог спасет нас».

11 октября. Утром на самом рассвете гетман приказал отвя-
зывать мост, а для того чтобы людям, которые потянут его к сваям и
станут привязывать к колеям, не вредила стрельба из крепости,
велел сделать большие мешки, набить их простыми коврами и
повысить по обеим сторонам плота. На этом плоту находился
п. Уровецкий, ротмистр и пехота, которые и привязали мост; при
этом Уровецкий поставил сваю с большою опасностью для жизни.
Окончив эту работу, он возвратился в траншеи. Потом гет-
ман двинул на приступ венгерцев, как велено было королем, с тем
чтобы, когда крепость будет взята, передать ее венгерцу п. Зиб-
жику. По этой причине венгерцы непременно хотели сами брать
ее и не соглашались взять с собою кого-либо из поляков. Когда
по приказанию гетмана венгерцы шли на приступ и когда их было
уже около 300 на той стороне моста, вдруг с двух сторон из кре-
постных ворот вышло несколько десятков русских. Увидев их,
венгерцы бросились бежать. Заметив это, гетман приказал
польской пехоте спешить им на помощь; обе стороны столкнулись
на мосту. Венгерцы ни за что не хотели идти на русских, иаши
тоже не могли пройти сквозь венгерцев к неприятелю, и от такой
давки мост разломался пополам. Наших в этот день погибло не-
мало, в особенности дворян венгерцев, числом 50, которые спе-
шились, чтобы идти на приступ, 150 гайдуков, раненых же было
весьма много. Русских также погибло около 30. Как только мост
разломался, гетман приказал притянуть его к берегу, и в этот день
больше ничего не предпринимали и не стреляли. В этот день со-
звали ротмистров. С ними гетман совещался, как поступать даль-
ше; после долгих рассуждений было решено донести королю о
случившемся и спросить его, как он прикажет действовать. На-
шлись такие, которые советовали отступить, однако большая часть
была того мнения, что хотя непогода и холод защищают этот за-
мок, но они лучше желают, сойдя с лошадей, идти на приступ и

умереть, чем уйти с позором и доставить тем торжество неприятелю. Гетман, не мешкая, послал к королю просить приказания, донося вместе с тем о рвении солдат. Пароль был: «Господи, помилуй».

12 октября. Тотчас после утреннего богослужения ударили в барабан для сбора ротмистров. Когда они сошлись, то гетман спрашивал совета, каким образом кончить *obsidionem*⁵⁸. Было решено построить 2 моста, готовить лодки и боты, чтобы разом со всех сторон сделать приступ; все жолнеры изъявили готовность идти на приступ. При этом гетман просил помочь возить дерево для моста и собирать боты и челноки; на это все жолнеры изъявили полную готовность. В этот день начали исправлять разломанный мост и строить другой. Пароль был: «Господь Бог недолго задержит нас здесь».

13 октября. Ударили в барабан для сбора ротмистров: гетман сообщил им, что желание и воля короля такова, чтобы осада продолжалась, и объявил, что король посылает большие вспомогательные войска: пехоту и кавалерию. В этот день я получил письмо от тещи. Пароль был: «Господь Бог защитит».

14 октября. Все, как ротмистры, так и товарищи, с большим рвением возили дерево для моста. В этот день ударили в барабан для сбора ротмистров. Гетман сообщил им, что, по словам пленного, в крепости большая тревога и много таких, которые хотят сдаться, только их удерживают воеводы. Он увещевал жолнеров терпеливо переносить такие сильные холода, непогоду и бедствия и, ободряя их, просил с твердостью довести до конца начатое дело, и обещал при этом большие награды от короля. Пароль был: «Господи Боже, спаси нас».

15 октября. В этот день мы все занимались изготовлением ладей и собирали их с разных мест и с самых дальних озер. Каждый ротмистр доставил их несколько. Пароль был: «Господь Бог нас не покинет».

16 октября. Пришла помощь от короля, состоящая из нескольких тысяч человек. Прибывшая пехота тотчас расположи-

лась за траншеями, а конницу, разделив на две части, гетман поставил по обеим сторонам крепости и озера, так что наши войска окружили ее со всех четырех сторон. Пароль был: «Господь Бог не позволит издеваться над нами».

17 октября. Начали копать две траншеи и устраивать батареи, так чтобы обстреливать крепость с 3 сторон. Пароль был: «Будет хорошо».

18 октября. Утром тотчас после богослужения ударили в барабан для сбора ротмистров. Когда они сошлись, гетман сперва объяснил им, каким образом он намерен вести приступ и пробовать захватить замок. Прежде всего, будут два плота: один для венгерцев, другой для поляков; в случае если найдутся охотники из кавалерии идти на приступ, они пойдут впереди. Над ними он назначил начальником ротмистра Николая Уровецкого. Пользуясь плотом, они должны занять место с другой стороны крепости и ждать, когда русские сделают вылазку на тех, которые пойдут на стены с горючим материалом; тогда они должны вступить в бой. Кроме того, с других 3 сторон поплывут к крепости лодки, которых было около 60, для того чтобы в момент вылазки выйти с трех сторон из лодок и ударить на неприятеля. Гетман хочет поступить так для того, чтобы с одной стороны вести приступ на плотах, с других трех сторон на лодках, и тогда *orignatio* крепости будет со всех четырех сторон. При этом гетман обещал от имени короля большие награды тем, которые выкажут мужество; тому же, кто первый подожжет стены, он обещал дать имение с тремя деревнями, часть Книшинского староства, кроме того, от короля пожизненное владение. В этот день трубач, проезжая по лагерю, протрубил, чтобы желающие идти на приступ заявили куда следует для внесения их имен в списки. Пароль был: «Еще Господь Бог нас не забыл».

19 октября. Было совещание ротмистров, и после долгих споров решили в течение двух дней перед приступом стрелять непрерывно по крепости для того, чтобы попытаться зажечь стены, вместе с тем утомить людей в замке так, чтобы во время штурма

напасть уже на обессиленных; также решили копать четвертые шанцы и поместить против ворот гаковницы, для того чтобы расстроить ряды, если бы осажденные вздумали сделать вылазку. В этот же день записывались желающие идти на штурм, причем вызвалось на приступ много ротмистров и почти вся шляхта и я тоже с ними. За это гетман благодарил нас и обещал представить королю о нашем рвении, однако сказал, что знатнейших лиц он не желает пустить на приступ. Пароль был: «Бог даст скорее конец».

20 октября. Было совещание ротмистров. Там же именем короля гетман потребовал декларации от тех ротмистров, которые желают служить в течение зимы, и от тех, которые не пожелают. В этот день уже после совещания пришло известие, что замок Озерице добровольно сдался королю⁵⁹. Переговоры вел воевода виленский. В этот же день положили различного горючего материала в лодку и, поджегши ее, пустили по ветру на сторожевую башню; но зажечь ее не могли, так как лодка не подплыла к башне. Пароль был: «Господь Бог воззрит на нас».

21 октября. Сделан смотр охотникам, которые вызвались идти на приступ. Пароль был: «Помоги нам, Боже».

Die 22 октября. С наступлением дня снова открыли пальбу по крепости, но зажечь ее не могли, так как осажденные разрушили две стены, оставивши только одну, чтобы ядра не проникали в дерево⁶⁰. В этот же день, в полдень, было совещание ротмистров, которым гетман приказал иметь всех в сборе, даже выехавших за провиантом, так как получено достоверное известие, что идет войско на помощь осажденным. Гетман посылал на рекогносцировку казацкие роты, но они ничего не открыли. В этот же день гетман отправил в крепость к воеводам королевское письмо с приглашением сдаться; но воеводы не хотели брать грамоты, сказав: «Пускай король посылает письма в свои города, а не к нам, потому что мы короля не знаем и его не слушаем». В этот же день вечером происходило собрание ротмистров: гетман убеждал всех принести покаяние перед Господом Богом, молить Его о победе и предлагал

собраться завтра к обедне в шатре, а после обедни назначил быть штурму. Пароль был: «Сотвори, Господи Боже».

Die 23 октября. Как только стало рассветать, ударили в барабан, давая сигнал собираться в гетманский шатер: здесь была отслужена обедня, говорена проповедь; многие из тех, которые не вызвались идти на приступ, причастились Св. Тайн. Пока шла обедня, гетман приказал притянуть плот к тому месту, где ему назначено было стоять. Когда пехота исполняла эту работу, из крепости производили усиленную стрельбу, но из наших убили только одного и двоих ранили. По окончании богослужения гетман стал перед шатром и, взяв список заявивших желание идти на приступ, вызывал каждого по имени и приказывал отходить в сторону. Затем держал к ним речь, благодаря их за рвение и за то, что не жалеют живота своего для вящей своей славы; он просил их стоять твердо и стараться приобрести от потомства бессмертие, а от короля великую награду. После этого, поставив во главе их Николая Уровецкого, приказал слушать его приказание, затем в сильном волнении и со слезами благословил всех и каждому давал руку. Вызвавшиеся на приступ чрез Уровецкого обещали действовать так, как требует от них честь, благодарили за напутствие и при этом просили прощения как у гетмана, так и у всех прочих, и если кто-либо из них когда-нибудь кого прогневал, у того просили отпустить им вину; затем все вместе стали взаимно прощаться и подавать друг другу руки, отчего и поднялся сильный плачь. Наконец гетман приказал им идти в траншеи и ничего не начинать, пока он сам не приедет. В траншеях вся пехота, как польская, так и венгерская, уже стояла наготове, в боевом порядке, только ждали гетмана, который почему-то замедлил; были приготовлены шесты, факелы и другие материалы для примета. Когда все было готово, гетман приказал подать сигнал, чтобы войско садилось на лошадей, и сам, сев на лошадь, направился к окопам; русские узнали гетмана по его шляпе с перьями, которую возили за ним на копье, и заметили, что назначенные на приступ вступают в траншеи и подходят к плоту; тогда начали кричать из крепос-

ти, чтобы не стреляли и что хотят начать переговоры. Гетман прекратил пальбу и велел спросить: что им нужно? Ему отвечали: «Хотим королевской грамоты и, прочитавши ее, скажем: сдадимся или нет».

Спустя немного времени, по прочтении королевского письма, они потребовали заложников, предлагая со своей стороны послать несколько человек для переговоров. Тогда гетман отправил к ним пана старосту перемышльского Уровецкого и одного из королевских придворных; а из крепости выслали шестерых, которые предложили гетману следующие условия капитуляции: во-первых, чтобы их отпустили невредимыми вместе с женами и детьми на родину; во-вторых, чтобы им позволили взять с собою имущество и собственное их оружие, а казенное они оставляют, как-то: пушки, мушкеты, пищаля, порох, ядра и провиант. Для большей верности они требовали от гетмана присяги. Гетман на все согласился, только не разрешил им оставить при себе огнестрельное оружие; затем он присягнул исполнить, что обещал, а они присягали сдать крепость, после чего один из шестерых отправился назад к своим. Узнав от него о происшедшем, русские выслали к канцлеру семерых из высших начальников, а также и пеших заложников и велели сказать, что воеводы не хотят сдаваться; пусть гетман пошлет за ними и прикажет взять их силою. Гетман отправил за воеводами несколько десятков человек и при этом велел объявить осажденным, чтобы до завтра не выходили из замка, так как теперь небезопасно; велел им сказать также, что находящихся в его руках двадцать русских он оставляет на ночь у себя в залог исполнения обещанной капитуляции. Взяв этих русских к себе в шатер, он, в ожидании прибытия пленных воевод, посадил их и, беседуя с ними, угощал их мальвазией, белым хлебом и другими лакомствами. Между тем привели воевод¹⁾; гетман поздоровался с ними, а потом объявил, что так как они не хотели сдаться

¹⁾ Это были: Василий Сабуров⁶¹, Иван Степанович Злобин⁶², Василий Непецкий «да для вылазки» Богдан Кафтырев. (Цербат. Ист. т. V, ч. III, стр. 72).

добровольно, как другие это сделали, то он считает их военнопленными и потому они не могут пользоваться свободой, как другие.

Их отвели в один шатер, а сам гетман со всеми жолнерами направился в другой. Пели *Te Deum* и стреляли из пушек и из ружей. Потом все жолнеры, согласно обычаю, через старосту перемышльского приносили гетману поздравления с победою, за что гетман устно всех благодарил. После этих церемоний он объявил солдатам, что к королю с донесением пошлет п. Дрогоевского. А так как существует обычай, чтобы было послано еще и другое лицо из знатных поздравить короля с победою и со сдачею крепости и рассказать ему весь ход осады, то пусть они сами выберут для этого кого-либо из своей среды. Выбор всех пал на меня, и мне приказано выехать как можно раньше. Потом гетман пригласил всех ротмистров к себе на ужин, причем было приказано и русским начальникам разделить трапезу у гетмана. Пароль был: «Буди благословен Господь Бог вовеки».

Die 24 октября. Встав рано, я получил инструкции относительно моего посольства и письма к его королевскому величеству; тогда, попрощавшись со всеми, Я пустился в путь на родину. Дорога оказалась дурная вследствие переправ через длинные гати и мосты; несмотря на это, мы прошли две мили и остановились в лесу около озера, причем я назначил очередь между своими людьми для караула, а именно велел четверым человекам вместе с слугами и четверым егерям сторожить целую ночь.

Die 25 октября. Поднявшись рано утром, я отправился в путь, но по причине худой переправы прошел всего четыре мили.

Die 26 октября. Вследствие худой дороги мы сделали всего две мили.

Die 27 октября. Прошел три мили.

Die 28 октября. Расчищая дорогу в лесу, я сделал пять миль; в этот же день я переправлялся через р. Дриссу, причем затонула коляска и подмокли все вещи и нужные бумаги.

Die 29 октября. Я прибыл в Полоцк; здесь по причине бо-

лезни людей из моей свиты я не нанял помещения, но, осмотрев крепость и запасшись некоторыми предметами, поспешно переправился через Двину и расположился по сю сторону реки в лесу, сделав шесть миль пути.

Die 30 октября. Ночевал за самым Вороицом в поле, пройдя пять миль. В этот день мы проезжали мимо массы разного оружия, которое солдаты побросали вследствие худой дороги и измученных лошадей.

Die 31 октября. В этот день я остановился в Зелонкове, имени Корсака; здесь я поместился на гумне по причине болезни, сделав шесть миль. Слугам я приказал следовать медленно с подводами и возами, а сам поехал налегке вперед, взяв с собою егерей и пахолков.

1 ноября. В этот день я в Любокиме и, начиная с этого места, стал останавливаться в жилых домах; сделали семь миль.

2 ноября. На ночь поспели в Вичемницы, пройдя девять миль.

3 ноября. Проходили Озерово, сделав четыре мили. В этот день между моими людьми появилась какая-то эпидемия, так что переболели.

4 ноября. Прошли шесть миль до Михалискова.

Die 5 ноября. От войска отошли шесть миль. В этот день у меня умер егерь Ивек.

Die 6 ноября. Пройдя четыре мили, я прибыл в Вильну. Во время приезда в Вильну я заболел и чувствовал себя очень дурно, так что уже сомневался в выздоровлении; здесь же в Вильне я застал своего слугу, который привез известие, что дома все здоровы.

Die 7 ноября. Я лежал больной в Вильне.

Die 8 ноября. В Вильне же в этот день умер мой егерь Клобуцкий.

Die 9 ноября. Этот день я отдыхал в Вильне; умер Ян Музычек. В этот день прибыли в Вильну слуги, которых я оставил за Воронцом: они приехали больные, а один пахолк Подциельского умер на дороге.

Die 10 ноября. В Вильне же вечером я представлялся коро-

лю, исполнил данное мне поручение и затем получил отпуск от его величества.

Die 11 ноября. После обеда выехали из Вильны, оставив там много больных; ночевали в корчме Павловского, пройдя шесть миль.

Die 12 ноября. Поднявшись рано, я поспел на привал в Урань, а на ночь в Меречье, проехав восемь миль. Здесь я настиг тех слуг, которых отправил домой перед своим отъездом из Великих Лук, но из стреманных и других умерло восемь человек; я распорядился, чтобы мои люди подождали других, ехавших за мною, и затем вместе отправлялись бы домой.

Die 13 ноября. На привал поспел в Рокницы; здесь слуга Менджизецкого вручил мне письма своего господина и из моего дома. На ночь я был в Озе, пройдя восемь миль.

Die 14 ноября. На ночь останавливался в жидовской корчме, проехавши семь миль.

Die 15 ноября. Ночевал в Книшине, сделал 8 миль.

Die 16 ноября. Ночевал в Визне, проехавши 6 миль.

Die 17 ноября. Проехал Остроменку, сделал 8 миль.

Die 18 ноября. Проехал Черницы, сделал 8 миль.

Die 19 ноября. Ночевал в Люцбарке, проехав 9 миль. В этот день мы свиделись с женою.

Die 20 ноября — 23 Нои. Отдыхали в Люцбарке.

Die 24 ноября. Ночевали в Горзне, проехав две мили.

Die 25 ноября. Ночевали в Броднице, сделал две мили.

Во время этой поездки, по милости Божией, для меня лично все было хорошо, только умерло из моих людей 18, из более значительных никто, лошадей пало 8, да и то обозных и простых.

*Soli coeli, solis et Soli, solique Satori laus in aeternum*⁶³.

КОММЕНТАРИИ

¹ Имеется в виду Ян Замойский.

² Оржеховский (Ожеховский) Яков — польский военачальник. В 1581 участвовал в походе на Псков. Упоминается в дневнике С. Пиотровского.

³ Ланцкоронский Николай, герба «Задора» (ум. в 1597), ротмистр коронный, подкоморий подольский. Сын Иеронима О., старосты скальского. Юные годы провёл при дворе Сигизмунда-Августа и в 1570 стал дворянином покоевым. Участвовал в походах 1579—1581, командуя гусарской ротой из 200 чел. В 1580 находился в войске Яна Замойского, в 1581 — в полку Станислава Тарновского, каштеляна радомского. По окончании Ливонской войны служил в Подолии. После смерти Стефана Батория (1586) выступал за избрание на польский престол Сигизмунда Васы. В 1595 стал подкоморием подольским и участвовал в походе Яна Замойского против турок, отличился в сражении под Чечорой. В августе 1596 участвовал в заседаниях королевской комиссии по созданию антитурецкой лиги. Хотя ещё в 1590 сеймик галицкий просил правительство наградить Л. за военные заслуги землями, никаких пожалований он не получил. Владел богатыми наследственными имениями в воеводстве Краковском. Состоял в браке с Анной Журавинской. Имел дочь Зофию и сына Станислава (1587—1617), каштеляна галицкого и воеводу подольского.

⁴ Рембовский, польский военачальник и военный инженер. Участвовал также в походе на Полоцк в 1579. С. Пиотровский очень сожалел об его отсутствии под Псковом.

⁵ См.: *Acta historica res gestas Poloniae illustrantia*. Т. X. Krakov. 1887. S. 205—208.

⁶ Р. Гейдеиштейн пишет, что казацкие атаманы Никита и Бирула «захватили по дороге знатного московского человека, Кудрявого, вышедшего из крепости с двумя провожатыми, из которых один был убит казаками, а другой успел спастись» (Гейдеиштейн Р. *Записки о Московской войне (1572—1582)*. СПб., 1882. С. 19).

⁷ Не вполне ясно, о каком из Рожинских (Ружинских) идёт речь. Возможно, Ружинский Евстафий Иванович (ум. в 1587). Интересно, что большинство представителей этого рода, имевшего русское происхождение, сохраняли верность православию, что нисколько им не мешало активно участвовать в войнах против России.

⁸ Фарейсбах Георг (1551 — 19.05.1602), военачальник-наёмник. Родился в Эстонии, в семье дворянина, ленника Ливонского ордена. С 11 лет изучал военное дело в Швеции, Франции, Голландии, Германии. В 1570 попал в русский плен и поступил на службу к Ивану IV. В 1572, командуя отрядом немецких наёмников, активно участвовал в

отражении набега крымских татар. В том же году, во время похода в Ливонию, бежал от русских и вскоре обосновался при дворе датского короля Фредерика II. Во время борьбы между Стефаном Баторием и Гданьском (1576—1577) был направлен в этот город и некоторое время командовал его вооружёнными силами. Летом 1579 от имени датского короля участвовал в посольстве к Баторию, а затем поступил к нему на службу. В 1580 во главе рейтаров отличился при осаде Велижа и Великих Лук, в бою под Торопцем. В 1581 активно участвовал в осаде Пскова, руководил военной экспедицией, направленной Баторием под Печорский монастырь. По окончании Ливонской войны пытался выступать в качестве посредника между Речью Посполитой и Данией в споре из-за города Пильтен, но успеха не добился. В 1583 официально принял подданство Речи Посполитой, был назначен президентом (с 1598 — воеводой) венденским, получил от короля большие земельные владения. После смерти Батория выступал за избрание на польский престол Сигизмунда Васы, активно поддерживал Яна Замойского. Участвовал в битве под Бычиной (24.01.1588), в которой Замойский нанёс сокрушительное поражение сторонникам эрцгерцога Максимилиана Габсбурга. В 1598—1601 Ф. участвовал в войне против Швеции и занимал должность главнокомандующего польскими войсками в Ливонии. Одержал победы над войсками Карла Зюдерманландского (будущего короля Карла IX) в сражениях под Стегборгом (18.09.1598) и Каркусом (29.10.1600). Успехи эти, однако, не изменили общего хода войны, которая складывалась для Речи Посполитой неудачно. 16.05.1601 Ф. был смертельно ранен во время штурма Феллина. Замойский лично сложил на его смерть «Эпитафию». По отзывам современников, Ф. был инициативным, храбрым и умелым военачальником, но до конца жизни так и не научился говорить по-польски, что очень затрудняло ему командование. Состоял в браке с Софией фон дер Рэке ду дер Фиркс.

⁹ Коицеппольский Александр, герба «Побуг» (ум. в 1609), ротмистр гусарский. Был сыном Станислава Пшедбора, каштеляна серадзского. В юном возрасте прибыл ко двору князя Константина Острожского. Первый боевой опыт получил в столкновениях с татарами. В 1579 с ротой гусар поступил на службу к Стефану Баторию и уча-

ствовал в походе на Полоцк. В 1580 находился в составе отряда Яна Замойского, принимал участие в осаде Велижа и Великих Лук, а затем, в составе войска Яна Эбаражского — в сражении под Торпцем. В 1581 участвовал в осаде Пскова и особенно отличился при отражении вылазки осаждённых 7.12.1581. За военные заслуги в 1580 получил от короля ежегодную пенсию в размере 200 золотых (с 1582 — 300 золотых). В 1582—1586 нёс пограничную службу во главе кавалерийской роты. После смерти Батория поддерживал Яна Замойского. В 1587 участвовал в обороне Кракова от войск эрцгерцога Максимилиана, а в 1588 — в битве под Бычиной. В 1595 получил от Сигизмунда III староство жарновецкое, а в 1597 — каштелянство серадзское. Участвовал в походе Я. Замойского в Ливонию против шведов в 1601—1602, командовал гусарской ротой и снарядил на свои средства пехотную роту (200 чел.), находившуюся под командованием Яроша Гаёвского. В 1606 был назначен воеводой серадзским. Во время рокоша Николая Зебжидовского сначала занимал неопределённую позицию, но затем встал на сторону короля. Активно выступал за оказание помощи Лжедмитрию I и за вторжение в Россию. Состоял в браке с Анной Срочицкой, единственной дочерью коменданта крепости Каменец, Стаислава Срочицкого, благодаря чему приобрёл множество владений в Подолии.

¹⁰ В тексте буквально «smigovnic» — смиговниц (См.: *Acta historica res gestas Poloniae illustrantia*. Т. X . Krakov. 1887. S.21.).

¹¹ Речь опять идёт не о мушкетах, а о гаковницах. См.: *Acta historica res gestas Poloniae illustrantia*. Т. X . Krakov. 1887. S.21).

¹² Очевидно, что в издании О. Милевского — опечатка. В польском тексте напечатано «dwa burzące dziala», а не «dziaka» (см.: *Acta historica res gestas Poloniae illustrantia*. Т. X . Krakov. 1887. S.22.). Интересно, что на Руси XVI в. термин «дело» тоже использовался для обозначения пушки. См., например: Курбский А. История о великом князе Московском. Т. 1. СПб., 1913. Стб. 174.

¹³ «Тебя, Господи, хвалим» — известная католическая молитва.

¹⁴ Осцик Григорий, польский шляхтич. После бегства из Польши Генриха Валуа (1574) активно выступал за избрание на престол Речи

Посполитой русского царя Ивана Грозного, поддерживал контакты с боярином Иваном Нащокинным. Был обвинён подчашим Анджеем Зебжидовским в намерении убить Стефана Батория и казнён. См.: Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1572—1582). СПб., 1882. С. 103—105.

¹⁵ Ad rationem — на довольствие (лат.).

¹⁶ 19 сентября.

¹⁷ Р. Гейденштейн описывает взятие Усвят иначе: «Юрий Соколинский вместе с литовцами начал, по приказу Виленского воеводы, вести шанцы (курсив мой. — А. М.) по направлению к крепости. Когда же к нему присоединились и венгерцы, то в одну ночь, благодаря удивительному старанию их, проведён был ров близко к воротам на расстояние полёта стрелы, так что на противоположной башне, вследствие непрерывной ружейной пальбы, уже нельзя было держаться...» (Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1572—1582). СПб., 1882. С. 123—124).

¹⁸ Interia temporis — учитывая время (лат.).

¹⁹ Вайер (Вейер) Эрнест, полковник. В 1579 по поручению короля Стефана Батория занимался вербовкой наёмников в Германии, участвовал в осаде Сокола (1579) и Великих Лук (1580).

²⁰ Зебжидовский Анджей, королевский подचाший. Участвовал в судебном процессе против Г. Осцика. См. выше.

²¹ Publice — публично (лат.).

²² Как говорилось выше, это были: князь Иван Сицкий, думный дворянин Ромаи Пивов и дьяк Дружина Петелии.

²³ Р. Гейденштейн пишет по этому поводу: «Как человек, любивший военное дело, он (Ключевский. — А. М.) лично отправился к шанцам под частыми выстрелами из пушек, которые непрерывно направлялись из крепости на занятых работою, и погиб, поражённый пулей» (Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1572—1582). СПб., 1882. С. 131). О биографии Ключевского см. также комментарии к дневнику Эборовского. С. 168.

²⁴ При условии.

²⁵ По данным Р. Гейденштейна, это был Григорий Лозовицкий (Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 132).

²⁶ По свидетельству Р. Гейденштейна, защитники крепости тушили огонь «мокрыми кожами и всевозможными другими способами»

(Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 138). Интересно, что сырыми воловьими кожами тушили огонь и стороиники И. Болотникова в 1606 г., обороняя от царских войск Коломенское. См.: Хмыров М. Д. Артиллерия и артиллеристы в допетровской Руси // Артиллерийский журнал. № 9. 1865. С. 513—514.

²⁷ Р. Гейденштейн также описывает укрепления Великих Лук, как весьма мощные: «Крепость стоит на большом холме, окружённом почти со всех сторон озером, которое в свою очередь окаймляется отовсюду весьма глубоким рвом» (Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 126).

²⁸ Р. Гейденштейн описывает эту схватку сходным образом: «Через это окно москвитяне отгоняли наших ружьями, а наши бросали через него зажжённые дрова, и когда москвитяне начали наконец действовать через окно копьями, то наши стали хватать и вырывать их (Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 138).

²⁹ Как говорилось выше, Самуил Зборовский был приговорён к изгнанию за убийство шляхтича Вапловского.

³⁰ Жолкевский Станислав (1547 — 7.10.1620), видный военный и политический деятель. Родился в Турынце, близ Львова. В 1577 участвовал в войне с Гданьском, в 1579—1581 в походах С. Батория на Русь. В 1590 стал каштеляном львовским. В 1596 руководил подавлением восстания Г. Лободы и С. Наливайко на Украине. В 1601—1602 сражался против шведов, в 1607, во время рокоша Николая Зебжидовского, нанёс мятежникам несколько суровых поражений. Активно участвовал в событиях Смутного времени на Руси. Выступал против оказания помощи Ажедмитрию I, которого считал авантюристом, но с 1609 участвовал во вторжении польских войск на Русь. В 1610 разгромил войска Василия Шуйского под Клушином и руководил польскими войсками, занявшими Москву по приглашению «семибоярщины». С 1611 защищал от татарских набегов Подолию, В 1613 был назначен великим коронным гетманом. В 1614, с началом польско-турецкой войны, принимал активное участие в боевых действиях на территории Молдавии. В сентябре 1620 разбил турецкую армию под Яссами, но затем потерпел сокрушительное поражение в битве под Цукорой. По одним данным, погиб при отступлении польских войск, по другим — был взят в плен и замучен турками.

³¹ Лыков-Оболенский Фёдор Иванович, князь. Упоминается в «разрядах» в 1549 и 1555 на свадьбах князя Владимира Андреевича

Старицкого. С 1578 был наместником и воеводой в Невеле, с 1580 — в Великих Луках. По даниым Р. Гейденштейна, в Великих Луках был наделён «главной властью» (Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 128). См. также: Кобрин В. П. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. М., 1995. С. 121.

³² Кашин Михаил Фёдорович (ум. 21.08.1611), боярин. Племянник Юрия Ивановича К., казнённого по приказу Ивана Грозного в 1565. Упоминается в «Разрядных книгах» 1575—1576. В 1592 и 1594 был наместником в Пскове. Состоял в браке с Ариной Нагой. Скончался в монашестве, под именем Мисаила. См.: Петров П. Н. История родов русского дворянства. Т. 1. СПб., 1886. С. 35.

³³ Правильно — Аксаков Юрий Иванович.

³⁴ Измайлов Василий Петрович, стольник. В 1571 был воеводой в Данкове, в 1585 — наместником в Шацке. Его сын, окольный Артемий Петрович И., был казнён в 1634, вместе с М. В. Шеиным, после неудачного похода под Смоленск.

³⁵ При условии.

³⁶ День Св. Мартина Турского — 11 ноября. В этот день в странах Западной Европы обычно резали свиней и домашнюю птицу и устраивали застолье.

³⁷ Не решено.

³⁸ Острожский Януш Константинович (1554—1620), сын Константина Острожского.

³⁹ Филипповский Иероним, герба «Побог». Служил С. Баторию, когда тот ещё правил Траисильванией. Участвовал в походе на Полоцк в 1579.

⁴⁰ Имеется ввиду Дьёрдь Барбели. О нём см. примечания к дневнику П. Зборовского. Стр. 165.

⁴¹ Оссолинский Ян Збигнев, герба «Топор» (3.09.1555 — 1623). Сын каштеляна сандомирского Иеронима О. и его супруги Катаржины Зборовской. В 1570 отправился на учёбу в Страсбург, из которого, в 1572, перебрался в Гейдельберг, а оттуда, в 1573, — в Париж. В 1576 поступил в Падуаинский университет, но вскоре, получив известие о смерти отца, вернулся на родину. В 1577 участвовал в войне с Гданьском и был назначен королевским секретарём. С 1578 вошёл в число лиц, близких к Яну Замойскому, присутствовал на его свадьбе с Кристиной Радзивилл. В 1579 отличился при осаде Полоцка и входил в

состав посольства, направленного Стефаном Баторием к Георгу Фридриху Анспахскому. В 1580 участвовал также в осаде Великих Лук, в 1581 — в осаде Пскова. После смерти Батория (1586) встал на сторону Зборовских и выступал за избрание на польский престол эрцгерцога Максимилиана. После разгрома сторонником Габсбургов под Бычиной уехал в своё имение под Сандомиром. Вскоре примирился с Сигизмундом III и в 1593 стал подкоморием сандомирским. Неоднократно избирался сандомирской шляхтой делегатом на сейм (по собственному утверждению, участвовал в 11 сеймах), в 1601 стал маршалком сейма, а в 1603 — сенатором. В том же 1603 был назначен каштеляном жарновским, в 1605 — воеводой подляским. Во время рокоша Н. Зебжидовского О. оставался на стороне короля, но уговаривал монарха не наказывать мятежников слишком строго. В 1609 выступил против организации похода на Русь, а в 1611 упрекал Сигизмунда III за то, что он всё-таки начал войну без «общественного на то согласия». В 1616 на сейме ратовал за скорейшее прекращение войны и обвинял С. Жолкевского в военных неудачах Речи Посполитой в России. С 1618 постепенно отошёл от политических дел. Состоял в браке четыре раза: с Ядвигой Сененской, Анной Фирлей, Катаржиной Косинской и Катаржиной Варшевицкой. Имел многочисленное потомство и обширные владения в разных частях Речи Посполитой.

⁴² Собоцкий Станислав, герба «Короб» (ум. в 1589), ротмистр, командор познанских иоаннитов. Происходил из небогатого шляхетского рода, осевшего в Калишском воеводстве, получил фамилию от деревни Сobotка Велька. Получил домашнее образование и, по свидетельству современника, знал латинский, итальянский и немецкий языки, математику, геометрию, «а также воинские науки, необходимые мужчине». В молодости путешествовал по Европе. В 1577 участвовал в посольстве каштеляна Галицкого Яна Сененского, которое Стефан Баторий направил в Константинополь, а на обратном пути из Турции доставил королю известие о нападении на Молдавию казаков Ивана Подковы. В 1580 участвовал в походе на Великие Луки, командуя отрядом рейтаров численностью в 150 чел. В составе войска Януша Збаражского отличился в битве под Торопцем (21.09.1580). В 1581 принимал участие в осаде Пскова, во время которой неоднократно проявлял незаурядное мужество. В марте 1582 занимался вербовкой новобранцев в Риге. Затем отправился со своей ротой в Подолию,

но вскоре покинул родину и уехал в Нидерланды, где вместе с Балтазаром Баторием сражался на стороне испанцев. В 1585 был послан от испанского главнокомандующего Александра Фарнезе к С. Баторию с просьбой о прекращении торговли с Нидерландами. После смерти Батория (1586) встал на сторону Яна Замойского, но особенно тесные контакты поддерживал с А. Опалинским. Выступал за избрание на престол шведского принца Сигизмунда Васы и даже участвовал в польском посольстве в Стокгольм. Ещё в 1585 С. вступил в Мальтийский рыцарский орден. В марте 1586 занял должность командора познанских иоаннитов, освободившуюся после того, как прежний командор Адам Чарнковский вступил в брак. В мае того же года торжественно принял титул командора в присутствии воеводы калишского Петра Потолицкого. Однако Чарнковский продолжал претендовать на место командора, что привело к долгому разбирательству. Лишь в 1588, после вмешательства короля, капитул кафедрального собора в Познани утвердил С. в должности. Жизнь С. оборвалась трагически: в начале 1605 он был убит подсудком калишским Яном Маршевским. Погребён в кафедральном соборе Познани, в крипте часовни св. Иоанна Крестителя.

⁴³ То есть Яном Збаражским.

⁴⁴ Собеский Марек, герба «Янина» (1549/1550 — 1605), хоружный надворный коронный. Старший сын Яна С. и Катаржины Гдешинской. Обучался в кальвинистской школе в Быхове. В 1576 при содействии Яна Замойского поступил ко двору С. Батория, в число конных дворян. Быстро прославился отвагой и большой физической силой. В 1577 участвовал в войне с Гданьском, командуя собственным отрядом. Отличился в битве под Торопцем и в осаде Великих Лук. Участвовал в 1581 в осаде Пскова, во время которой стал доверенным лицом Яна Замойского. После смерти Батория выступал за избрание на престол кого-либо из Пястов, но затем присоединился к сторонникам Сигизмунда Васы. Участвовал в обороне Кракова от войск эрцгерцога Максимилиана и в битве под Бычиной. Охранял пленных эрцгерцога и воеводу познанского Станислава Гурку. В 1590, вместе с Яном Замойским, участвовал в военных действиях против татар. В 1590-е неоднократно являлся депутатом сейма, играл большую роль в жизни люблинского воеводства. В 1598 стал воеводой люблинским. В 1600 во главе собственного отряда участвовал в походе Я. Замойс-

кого в Молдавию, чтобы помочь Иеремашу Могиле против господаря Михаила Храброго. Состоял в браке дважды: с Ядвигой Снопковской (ум. в 1597) и с Катаржиной Тенгинской, имел многочисленное потомство.

⁴⁵ Белзецкий (Белжецкий) Ян, герба «Ястржембец» (ум. в 1598), шляхтич. Поступил на службу к С. Баторию, когда тот ещё правил Трансильванией. В 1575 участвовал в открытии генеральных судов Русского воеводства. В 1577 занимался разделом родовых владений в Русском воеводстве, получил половину имений Руда, Монастеж и Уличко, а также полностью Жепнёв и Древляны. Отличился в сражении под Торопцем (21.09.1580) и при взятии крепости Сокол. В 1581 исполнял должность пристава при посольстве царя Ивана IV. Состоял в браке с Зофией Стшижувной, жительницей Галича. При дворе Батория также служили два старших брата Яна Б., Бартоломей и Анджей.

⁴⁶ Вероятно, имеется в виду воевода Григорий Афанасьевич Нащокин. См.: Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 210.

⁴⁷ Черемсинов Дементий Иванович, думный дворянин. По данным Б. Н. Флори, был направлен царём к войскам В. Д. Хилкова, чтобы заставить воеводу действовать решительнее (Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 359). О пленении Черемсинова сообщает также Р. Гейденштейн.

⁴⁸ О контактах Нащокина и Г. Осцика см. выше.

⁴⁹ Пронский (Прунский) Александр Фридерик, герба «Св. Ежи» (ок. 1550 — ок. 1595), князь, видный политический деятель. Сын воеводы киевского Фридерика П. и его супруги Теодоры Пшебуховской. Рано потерял отца и получил воспитание с помощью отчима Михаила Дзялынского, подкомория хелминского. В молодости жил при дворе французского короля Карла IX. В 1573 входил в состав польского посольства к Генриху Валуа, принцу Анжуйскому. В это время сблизился с семейством Эборовских, один из которых, Ян, староста одоляновский, состоял в браке с сестрой П., Эльжбетой. После бегства Генриха Валуа из Польши поддерживал избрание на престол Стефа-

на Батория. В июле 1576 стал хорунжим литовским. В 1580 участвовал в походе на Великие Луки и был назначен, в декабре, старостой лудским. Во время осады Пскова, в 1581, имел личную охрану из 50 чел. Был направлен навстречу едущему в королевский лагерь иезуиту А. Поссевино. В 1583 присутствовал на свадьбе Яна Замойского с Гризельдой Баторий. В том же году разбирал споры между архимандритом Жидычинского монастыря Теофаном и православным владыкой лудским Яном Борзобогатым-Красинским, который силой захватил этот монастырь. Сам П. также нередко прибегал к насилию: он захватил именно Василя Краинского, разрушил замок Ляцков-Струмиловских, а место, на котором он стоял, приказал разровнять и засеять. После смерти Батория (1586) П. активно поддерживал Эборовских и выступал за избрание на престол представителя династии Габсбургов. Участвовал, вместе с Яном Эборовским, в посольстве к эрцгерцогу Максимилиану, агитировал за него шляхту Литвы. Во время битвы под Бычиной (24.01.1588) находился при особе эрцгерцога. После поражения сторонников Максимилиана был приговорён к изгнанию, в связи с чем просил заступничества у Анджея Опалинского, но тщетно. Эмигрировал в Чехию и поселился в Праге, уговаривал Максимилиана продолжить борьбу за польский престол. После возвращения в Польшу с 1590 развернул активную борьбу против Яна Замойского, но два года спустя резко изменил политическую ориентацию. На сейме 1592 высказался за лишение Габсбургов прав на престол Речи Посполитой. По отзывам современников, П. был хорошо образован, владел латинским, французским и итальянским языками и обладал большой физической силой. Будучи приверженцем кальвинизма, он активно пропагандировал это религиозное учение в Польше. Состоял в браке с Теодорой, дочерью польного литовского гетмана Романа Сангушки, которая после его смерти вышла замуж за воеводу брестско-куявского Анджея Лещинского.

⁵⁰ Старжеховский Войцех, староста вышеградский. В 1579, видимо, участвовал в осаде Полоцка.

⁵¹ Лемберг — Львов.

⁵² Поединок.

⁵³ A vulgus — попросту (лат.).

⁵⁴ Rumores — слухи (лат.).

⁵⁵ Невель был взят поляками 29 сентября 1580 г.

⁵⁶ Impedimenta — войсковой обоз (лат.).

⁵⁷ Подробное описание осады Заволочья также см.: Гейдеиштейн Р. Указ. соч. С. 150—161.

⁵⁸ Obsidionem — осада (лат.).

⁵⁹ Озерище сдалось 12 октября 1581.

⁶⁰ По свидетельству Гейдеиштейна, защитники крепости не просто сломали стену, но сделали за ней земляную насыпь. В результате: «...ядра (калёные. — А. М.), быстро проходя через тонкую стену, оставались в насыпи и там собой потухали» (Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 160).

⁶¹ Сабуров Василий Юрьевич. В 1563—1564 был воеводой в Ржеве Пустой и Заволочье, в 1567 — в Себеже, с 1576 — вновь в Ржеве и Заволочье. По свидетельству поляков, отличался большим мужеством. Вследствие полученных ран умер в польском плену.

⁶² Злобин Иван Степанович. По данным 1575, был воеводой в Великих Луках. См.: Разрядная книга. М., 1966. С. 289, 298.

⁶³ Отрывок католической молитвы — «Только небесам, только Богу Единому — слава во веки веков».

ДЖЕВНИКЪ

ПОСЛѢДНЯГО ПОХОДА СТЕФАНА БАТОРІЯ НА РОССІЮ,

(ОСАДА ПСКОВА).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

Дѣйствиельнаго Члена Псковскаго Археологическаго Общества.

О. Н. Милосеваго.

СЪ ДВУМЯ РИСУНКАМИ.

ИЗДАНІЕ ПСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ПСКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1862.

Перепечатано съ разрѣшенія Губернскаго Начальства изъ „Псковскихъ
губернскихъ вѣдомостей.“

Предисловие О. Милевского

Предлагаемый вниманию публики «Дневник осады Пскова Стефаном Баторием» есть перевод с польского языка первой части весьма ценного и любопытного издания, сделанного в 1869 году профессором Кояловичем^{1*} по поручению академии наук под заглавием: «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию и дипломатическая переписка того времени». Как дневник, так и все документы, писанные на языках польском и латинском, взяты г. Кояловичем из рукописного сборника, принесенного в дар Императорской публичной библиотеке от сенатора Цеймерна² и заключающего в себе различные памятники, которые имеют отношение к польской истории. Этим сборником пользовался, по всей вероятности, известный Гейденштейн³, служивший при Стефане Батории в королевской канцелярии и оставивший подробное описание войн этого короля с Россией в сочинении «*De bello Moscovitico commentariorum libri VI*»⁴.

Дневник последнего похода Батория и осады Пскова с июля 1581 по 1582 год был веден, как можно заключить по разным указаниям, одним из секретарей королевской канцелярии ксендзом Станиславом Пиотровским по поручению коронного маршала Андрея Опалинского⁵. Пиотровский посылал своему патрону не только письма с дневником, но и копии с различных документов. Всех писем 8; они озаглавлены: «Письма к маршалу королевства от одного из его друзей при дворе».

*Примечания, обозначенные арабскими цифрами, принадлежат А.А. Михайлову. Примечания, обозначенные звездочкой с круглой скобкой, принадлежат О.Н. Милевскому. (Ред.)

Дневник Пиотровского, писанный по-польски со вставками латинских слов и выражений, представляет, подобно другим старинным польским памятникам, большие трудности для перевода.

«Подлинная рукопись, — говорит г. Коялович, — наполнена многочисленными ошибками и пропусками, особенно в письмах на латинском языке». Ошибки в рукописи не все принадлежат переписчикам. Большая часть напечатанных писем писаны наскооро, в палатках, среди неудобств лагерной жизни, зимой.

На русском языке в первый раз появилась та часть дневника, которая относится собственно к осаде Острова и Пскова. В 1876 и 1877 годах в Псковских губернских ведомостях напечатан перевод г. Гуляева, оказавшего этим большую услугу местной публике, которая могла ознакомиться с новым любопытным источником для истории Пскова.

Так как в переводе г. Гуляева пропущено все, что не имеет непосредственного отношения к военным действиям под Псковом (даже, напр., эпизод о Голковском), а также осталась не переведенной первая часть дневника, за исключением нескольких страниц, то возникла мысль издать полный перевод дневника без всяких пропусков. При передаче текста по-русски обращено внимание, во-первых, на то, чтобы перевод был как можно ближе к подлиннику, ввиду того что это издание назначается, собственно, не для легкого чтения; во-вторых, переведены все латинские слова и целые фразы, попадающиеся в дневнике, так как для специалиста латинские фразы не представляют особенной важности, не знакомых же с латинским языком они могут только затруднять при чтении.

Для объяснения военных действий приложены план местности Пскова вместе с планом крепости и вид Пскова времен Батория, снятый с одной старинной иконы, современной осаде. Как планы, так и вид Пскова приготовлены для этой книги известным знатоком псковской старины И. И. Василёвым⁶, который вообще принимал в издании настоящего труда самое живое и деятельное участие.

Нет надобности говорить о значении, какое этот памятник имеет вообще для русской истории и в особенности для истории достопамятной осады Пскова. Писанный очевидцем дневник в живых сценах изображает весь ход осады, знакомит с характеристическими чертами польского военного быта и служит лучшим пояснением и вместе подтверждением верности фактов, сообщаемых современным осаде русским сказанием «Повесть о приходе литовского короля Стефана на великий и славный град Псков»⁷.

Дневник Пиотровского, помимо общего исторического интереса, важен еще тем, что снимает с памяти Грозного обвинение, так красноречиво высказанное Карамзиным, который винит Иоанна в трусости в том, что он, имея 300 000 войска, не двинулся на выручку Пскова⁸. Читая дневник, переживая с автором день за днем все время кампании 1581 года, ясно понимаешь, что царь не мог и думать о том, чтобы дать Баторию битву под Псковом, хотя до него и доходили слухи об отчаянном положении неприятельской армии: в польском лагере нисколько не боялись появления русских, зная очень хорошо, что нестройной московской рати не устоять в открытом поле против превосходно вооруженных и отлично дисциплинированных войск Батория. Польские гусары, закованные с ног до головы в железо, польская пехота в кольчугах, венгерцы, немцы, шотландцы, ливонские волонтеры — все это были отборные отряды, далеко опередившие русских в военном искусстве.

Чтобы облегчить чтение дневника, необходимо изложить вкратце события, предшествовавшие третьему походу Батория на Россию.

Богатая гаванями, промышленными городами и крепкими замками, но слабая по своему политическому строю, Ливония не могла долго пользоваться самостоятельностью: рано или поздно она должна была сделаться добычей могущественных соседей — России, Польши или Швеции, которым приморское положение этой страны, господствовавшей над торговыми путями к Балтийскому

морю, могло доставить неисчислимые выгоды. В особенности Россия нуждалась в ливонских портах для сношений с западом Европы, к чему русские государи стали усиленно стремиться со времен Иоанна III⁹. Решение ливонского вопроса в благоприятном для России смысле стало, таким образом, одной из главнейших задач русской политики, и Иоанну Грозному принадлежит заслуга первой серьезной попытки присоединить Прибалтийский край к Московскому государству.

Рассчитывая на слабость Польши в правление Сигизмунда-Августа¹⁰, царь, раздраженный происками ливонцев, не пропуская в Россию ни людей для военной службы, ни оружия¹¹, начал в 1558 г. войну с орденом взятием Нарвы, а потом и Дерпта¹², причем в завоеванных областях немедленно было введено русское управление. Последовавший затем разгром орденских земель произвел тотчас свое действие в политически разрозненной Ливонии: Эзельский епископ первый продал свой остров и г. Пильтен (в Курляндии) брату датского короля принцу Магнусу, а ревальцы поспешили присягнуть Эрику, королю шведскому¹³, так что магистр ордена Кетлер¹⁴, оставшийся один без союзников, не мог и думать о том, чтобы отстоять свои владения: он обратился к Польше, и в 1561 году подписано было с королем Сигизмундом-Августом условие, по которому нынешняя Лифляндия поступала под власть Польши с сохранением самоуправления городов и привилегий рыцарства, а Курляндия становилась отдельным герцогством в ленной зависимости от Польши. Вследствие этого договора дела приняли оборот вполне неблагоприятный для видов Иоанна, так как из-за Ливонии приходилось вступать в борьбу с Швецией и Польшей.

В начале счастье благоприятствовало русским. В 1563 г. царь овладел Полоцком¹⁵, который по своему положению на Западной Двине считался ключом не только Ливонии, но и Литвы. Эти успехи русского оружия вызвали со стороны Польши предложения, на первый взгляд казавшиеся выгодными для России: король готов был уступить Дерпт и Полоцк с тем только, чтобы

Лифляндия с Ригой оставались за Польшей. Однако же на земском соборе, которому предложено было рассмотреть польские предложения, все выборные высказались в том смысле, что зависимость Ливонии от Польши принесет неминуемый вред русским интересам и что ни в каком случае не следует уступать королю завоеванные ливонские города. Таким образом, война за Ливонию должна была возобновиться по-прежнему. В это время возникла мысль о кандидатуре Иоанна или его сына на польско-литовский престол в случае смерти Сигизмунда-Августа, у которого не было наследников мужского пола; впрочем, царь мало придавал значения льстивым предложениям, которые шли из Литвы, и составил план образовать из земель, завоеванных в Ливонии, вассальное от России владение по примеру Курляндии. Принц Магнус¹⁶ получил приглашение прибыть в Москву, согласился принять титул ливонского короля и обещал жениться на царской племяннице¹⁷.

Между тем в 1572 г. умер Сигизмунд-Август. Два года тянулось дело об избрании ему преемника, причем в полной силе высказалось нерасположение литовской аристократии к полякам: многие из литовских панов, с целью отделить Литву от Польши, готовы были выбрать в короли Иоанна или его сына, о чем уже вел переговоры литовский «писарь» Гарабурда¹⁸, но царь колебался, а между тем французский принц Генрих Валуа¹⁹ взошел на польский престол; по удалении его из Польши одна партия провозгласила королем немецкого императора²⁰, а другая, во главе которой стоял Ян Замойский, избрала Стефана Батория, трансильванского воеводу. Баторий поспешил предупредить соперника и в 1576 г. короновался в Кракове, женившись потом на сестре Сигизмунда-Августа Анне.

В Батории и в его главном помощнике Яне Замойском Иоанн встретил противников, которые сумели не только лишить царя всех плодов прежних счастливых походов в Ливонию и Литву, но и поставили Россию в самое критическое положение.

Стефан Баторий (род. 1533, ум. 1586 г.) из старинной венгерской фамилии²¹, сын венгерского воеводы, в 1571 г. избран был князем, или воеводой, Трансильвании, которая тогда была в зависимости от Турции; при избрании своем в польские короли Баторий дал, между прочим, обязательство привести свое войско и обратно отвоевать от московского царя все, что было захвачено русскими в Литве и Ливонии. Впрочем, новый король не тотчас выступил против России, а медлил, желая выиграть время, необходимое для военных приготовлений, тем более что пришлось заняться осадой Данцига, жители которого не хотели признавать Батория королем.

В то самое время, когда в Польше решался вопрос о замещении королевского престола, русское войско овладело в Ливонии Перновом, Гельметом, Эрмесом, Руэном, Пуркелем, а в Эстонии завоевало Гапсаль с его округом²². В январе 1577 года целая армия (50 тысяч) появилась под Ревелем.

Неудачный исход осады²³ этого города дал другое направление огромным силам, собранным в Эстонии: царь лично направился на Ливонию, которой тогда управлял Ходкевич²⁴. Московское войско завоевало Мариенгаузен, Люцен, Режицу, Динабург, Крейцбург, Лаудон, Зесвеген, Берзон, Кальценау, Кокенгаузен, Шваненбург, Тирзен, Пебалгу, Эрлаа, Вольмар, Роннебург, Трикатен, Смильтен²⁵ и наконец Венден²⁶, так что вся нынешняя Лифляндия, за исключением рижского округа, находилась во власти русских. Подозревая Магнуса в желании перебраться на сторону Польши, царь сурово обошелся с титулованным королем ливонским и взял с него новую присягу в верности; но лишь только русская армия выступила обратно к Пскову, как Магнус в начале 1578 г. прервал всякие связи с царем и удалился вместе с женою Марьей Владимировной в курляндский город Пильтен²⁷. Между тем русские потерпели сильное поражение: двадцатитысячная рать, осадившая Венден, захваченный врасплох немцами, была разбита наголову соединенными силами шведов и поляков, успевших заключить союз против Иоанна.

Чтобы обезопасить свои ливонские владения от шведов, царь снова летом 1579 г. решил овладеть Ревелем, для осады которого уже начали доставлять во Псков тяжелые орудия; но Баторий расстроил все планы царя.

На Варшавском сейме (февр. 1578 г.) положено было вести наступательную войну с Москвою: царь получил известие об этом от своих послов, ездивших к Баторию, Карпова и Головина, которые нашли царя в Новгороде летом 1579 г. За ними прибыл и гонец от короля с объявлением войны²⁸.

План Батория состоял в том, чтобы, овладев Полоцком, который по своему положению на Двине был ключом к Ливонии и Литве, углубиться во внутренние области Московского государства, отрезать, таким образом, русских от Ливонии и затем занять окончательно последнюю, очистив ее земли от русских гарнизонов. Несмотря на противодействие многих дворян, которые вообще опасались продолжительных войн, дававших возможность королям усилить свое значение, Баторий получил средства на ведение войны и таким образом мог постепенно приводить свой план в исполнение. Одни только литовские паны до самого конца войны с Иоанном не могли отрешиться от своей подозрительности к королю и от нерасположения к полякам, что в особенности обнаружилось при сборах к третьему походу и во время псковской осады, как это видно из дневника Пиотровского.

В августе 1579 г. пал Полоцк, находившийся 16 лет во власти русских²⁹, за ним Сокол³⁰ и другие крепости (Красный, Ницардо и др.). Получив известие о потере Полоцка и Сокола, царь отступил с главными силами внутрь страны и сделал попытку к мирным переговорам. В июне 1580 г. отправились к королю Сицкий и Пивов. Но Баторий и не думал о мире; он получил подмогу из Трансильвании от брата³¹, набрал пехоту из польских крестьян (*drabi*), которые лучше наемных годились для перенесения трудностей военного времени: в королевских имениях, которые были весьма значительны, из 20 крестьян брали одного в пехоту. Для русских положение дел было очень серьезно: неизвестно было,

откуда последует удар: приходилось растягивать войско, одни полки посылать к Новгороду, другие к Пскову, к Смоленску и к Динабургу; кроме того, необходимо было оберегать южную границу от татар, а северную от шведов³².

Король Стефан направился в Чашники — городок на Уле, где сходились дороги из Великих Лук и Смоленска, с целью ввести русских в заблуждение относительно направления, какое должен был принять его поход. Одни советовали королю идти к Смоленску, другие к Пскову, немногие, и в числе их сам король, имели в виду крепость Великие Луки, имевшую тогда важное стратегическое значение; владея этим городом, можно было с одной армией удерживать неприятеля от покушений со стороны Пскова на Ливонию и со стороны Смоленска на Литву. Для самих русских Великие Луки служили опорным пунктом, откуда обыкновенно рассылались отряды для военных действий с немцами и поляками. В Чашниках король делал смотр армии, подробно описанный Гейденштейном³³. Войска получили приказание проходить на другой берег реки по узкому мосту, а король занял место у самого входа на мост, так что ни один солдат не мог ускользнуть от его опытного взгляда. Сперва проходила польская конница, отличившаяся под Данцигом и Полоцком; всадники, кони, вооружение были безукоризненны; затем следовали вновь набранные войска, и между ними целый отряд пеших и конных, выставленный на собственные средства Замойского. В коннице можно было различить роты тяжелой кавалерии — гусаров, закованных с ног до головы в железо³⁴, и казаков — легко вооруженных³⁵. Пехота состояла большей частью из венгерцев, которые получали большую плату, отличались нарядом от других солдат и из уважения к канцлеру Замойскому, потерявшему незадолго перед этим жену и дочь, носили черные кафтаны. Немецкими стрелками командовал Георг Фаренсбах³⁶, находившийся прежде в русской службе, а теперь продавший свои услуги королю. Из Чашников сам король направился к Витебску, а Замойский после невероятных трудностей пробрался через леса и болота к Велижу, важной русской

крепости на Двине, и овладел ею благодаря отличному действию артиллерии. За Велижем взят был Усвят; везде в этой местности (нынешняя Витебская губерния) поляки встречали непроходимые чащи лесов, которыми русские рассчитывали затруднить подступ к своим границам. «Великий князь, — говорится в дневнике, — хотел загородиться от нас этими лесами, но мы порядком порасчистили их». Не встречая нигде сопротивления, король соединился с Замойским под Великими Луками и начал осаду города. В польский лагерь под Луки прибыли и Сицкий с Пивовым, предлагая за Полоцк Курляндию и 24 замка в Ливонии, но получили в ответ, что король требует не только всей Ливонии, но и уступки Великих Лук, Смоленска, Пскова и Новгорода. 5 сентября крепость сдалась: Баторий велел итальянскому инженеру³⁷ укрепить ее снова и оставил в ней сильный гарнизон. После Лук сдались Невель³⁸, Озерище³⁹, а потом и крепкое Заволочье, взятое лично Замойским⁴⁰; зимою этого же года польские летучие отряды захватили Холм⁴¹ и сожгли Старую Руссу⁴².

Военные неудачи побудили царя подумать о мире. Будучи без союзников, вынужденный в одно и то же время защищаться против шведов, турок и ногайцев, Иоанн решился искать посредничества Папы⁴³, который своим влиянием мог принять участие в примирении России с Польшей. С этой целью 25 августа 1580 г. поехал в Рим Истома Шевригин⁴⁴ в сопровождении Федора Поплера⁴⁵ (о пребывании их в Риме см. дневник под 23 февраля).

Русскому послу было поручено предложить папе Григорию XIII соединение с христианскими государями против неверных, чем подавалась папе надежда дать ход католической пропаганде в России; кроме того, посол мог обещать свободный проезд итальянским купцам через Россию в Персию, что для римского двора составляло вопрос весьма важный, так как с купцами обыкновенно отправлялись католические миссионеры. Предложения Иоанна были приняты Папой, и в конце мая 1581 года назначен был для примирения Иоанна с Баторием, а также и для попытки положить

начало католицизму в России искусный в деле совращения иезуит Антоний Поссевин (род. 1534 г. в Мантуе, умер в 1611 г.)⁴⁶. О действиях Поссевина и об отношениях его к полякам находим любопытные сведения в дневнике.

Между тем Баторий, выполнив одну из главных задач кампании, т. е. овладев Великими Луками, отправился в Варшаву хлопотать о продолжении военного налога на два года, с тем чтобы начать новый поход. За ним последовали русские послы, которым было поручено договариваться о мире.

От герцога прусского⁴⁷, курфирстов Саксонского⁴⁸ и Бранденбургского⁴⁹ король занял значительные суммы денег.

С русской же стороны были приняты меры, в особенности для обороны Пскова, в котором царь приказал собрать огромные запасы оружия и провианта. По польским известиям в этом городе было: конницы около 7000, пехоты с теми из жителей, которые могли помогать войскам, около 50000 и столько же городского населения.

Переговорами, которые вели в Варшаве в феврале 1581 г. князь Сицкий и думный дворянин Роман Пивов, начинается дневник Пиотровского. Так как король отверг русские предложения, то послы уехали назад, а королевский гонец Держек⁵⁰ отправился в Москву с охранной грамотой для новых послов и с требованием от имени Батория всей Ливонии, Велижа, Усвята, Озерица и уплаты 400000 червонных золотых за уступку России Великих Лук, Заволочья, Ржева и Холма.

1 июля 1581 г. король прибыл в Дисну, а затем в Полоцк. Как медленно собирались войска, какие затруднения уже в то время встречал король с Замойским в происках литовских панов и как многие в польском лагере усиленно желали мира, лучше всего видно из слов автора дневника, который сам до последней минуты твердо верил в близость мира, боясь трудностей нового похода. Все эти надежды не сбылись: царь, убедившийся в том, что Баторий решил воевать во что бы то ни стало, прислал с Держком извест-

ную грамоту, наполненную укоризнами и резкими выходками лично против короля⁵¹.

Баторий не остался в долгу: его канцлер сочинил и отправил к Иоанну обширное письмо, которое по резкости и грубости выражений далеко превзошло грамоту Иоанна.

Польская армия на этот раз двинулась на Псков. Не вдаваясь в подробности этого третьего похода Батория на Россию и последовавших за неудачной осадой Пскова переговоров в Запольском Яме, упомянем только, что царь не рискнул еще раз видеть у себя дома такого врага, как Баторий, и заключил известное тяжкое для России перемирие, уничтожившее плоды двадцатилетних усилий и жертвований: все русские завоевания в Ливонии были отданы полякам (1582 г.).

В дополнение к этому краткому очерку событий московской войны считаем не лишним сказать несколько слов о лице, под начальством которого служил Пиотровский и которого имя попадает на каждой странице дневника: мы разумеем гетмана Замойского.

Ян Замойский, староста бельзский, владевший по наследству имением Замосьц (теперь Замостье в Люблинской губернии), молодость свою провел не среди одного порохового дыма, как он сам выразился, а в школах Франции и Италии, получив там то утонченное классическое образование, которым он так славился между современниками. Талантливый от природы, Замойский скоро завоевал себе почетную известность не только в своем отечестве, где за ним рано установилась репутация отличного администратора и юриста, но и в западной Европе. Популярность его среди поляков была необыкновенна: он своим красноречием на сеймах мог обворожить толпу шляхты, а своею бескорыстной справедливостью и неподкупной строгостью и вместе осторожностью был идолом в глазах солдат. Но гордый и самоуверенный Замойский имел много и врагов, в особенности среди придворных, которым было не по душе его влияние на короля. Мелкая шляхта смот-

рела на Замойского как на истинного своего представителя, и ни один из магнатов не пользовался таким расположением дворянства, как Замойский; на дворце его в Замосце была надпись: «Польша — звезда шляхетства и свободы».

В Европе Замойского считали врагом иезуитов и, следовательно, поборником свободы совести, называли его «новым Демосфеном, героем дел военных и мирных, жрецом Феба и Марса». Падуанская академия избрала его своим ректором.

Военные таланты Замойского выказались в полном блеске, когда он после Мелецкого⁵² назначен был коронным гетманом и в этом звании главнокомандующего оказал Польше огромные заслуги как в войне с Россией, так и с Швецией. После смерти Батория Замойский отклонил от себя избрание в короли и предоставил корону Сигизмунду III.

ДНЕВНИК

последнего похода

Стефана Батория на Россию

20 января

Приехал новый московский гонец.

21 января

Московский гонец имел аудиенцию, во время которой казался очень встревоженным и рассеянным, так что забыл даже перечислить все титулы своего государя. Кроме передачи письма от великого князя, он не имел другого поручения, и, когда ему велели целовать руку короля, он торопился сойти с ковра, боясь стоптать его.

1 февраля

Московские послы были сегодня у короля; но так как королю вместе с сенаторами долго пришлось ждать их приезда, то тем временем коронный маршал вручил от имени короля коронное подскарбство п. Яну Дольскому, который был кастеляном холмским, а Серадское кастелянство Христофорскому, который был прежде велюнским кастеляном. Потом явились московские послы; они провели ночь в деревне Бродне, в расстоянии одной мили от Варшавы, где при них находился приставом пан Белзецкий⁵³, королевский дворянин. Когда должен был происходить въезд их в столицу, а их было трое, то навстречу им выехали за Вислу по поручению п. коронного маршала П. Ричарский, варшавский кастелян, п. Радиминский, ливский староста, и п. Иероним Гастомский, подкоморий Равский. Послов этих имена: Сицкий, Попов и дьяк Суцов.

Встретив их, п. Варшавский сказал: «Король, его величество,

послал нас встретить вас и привести пред лицо Его Величества». Каждый из послов помещался на особых санках, запряженных в одну лошадь, которую вел в поводу слуга, сидевший на другой лошади. Перед ними ехало несколько десятков конных дворян; русских также было человек 350, между ними пятеро придворных великого князя, все пестро одетые и в золотных шапках. Когда они всходили на лестницу, навстречу им вышли кастеляны Жарновский и Сухачевский и повели в залу, у дверей которой принял их пан виленский с маршалским жезлом, как чиновник в. к. литовского с п. маршалом коронным, и проводили их к королю его величеству; когда послы дошли до скамей чинов королевства, то остановились, и тут п. маршал, стукнув своим жезлом, провозгласил: «Послы господаря великого князя московского бьют челом вашему королевскому величеству». Когда те поклонились, приказано было восьми лицам подойти к королевской руке: 3 посла и 5 придворным, и они здоровались с королем. Затем послы разместились на лавке, поставленной между скамьями господ чинов, а п. виленский объявил им от короля, что, как писал великий князь к королю его величеству, чтобы король, переговорив с гонцом, который только что приехал, допустил их к себе и что они имеют поручение от своего государя договариваться о мире, то Его Королевское Величество, согласно желанию великого князя, назначает для переговоров членов своего совета, которые должны совещаться с ними в особо назначенном для этого месте. Затем послы, ударивши опять челом, были отведены паном виленским и коронным маршалом только до дверей, а кастеляны ввели их в другое помещение, находящееся против той залы. Потом когда явились туда члены совета, все остальные русские отведены были по распоряжению пана маршала в посольскую палату ожидать конца переговоров.

Назначенные для переговоров члены совета были следующие: пан виленский, пан маршал коронный, канцлер коронный и воеводы: Серадзкий, Лепчицкий, Подольский, Люблинский, Бельский и Равский. Запершись с послами в зале, пан виленский стал

говорить, чтобы они, не тратя даром слов, объявили что-нибудь положительное. Те отвечали: «Великий князь, государь наш, предлагал уже вашему королю некоторые условия мира; предложите и вы что-нибудь именем королевским». Им сказали, что в последнем письме великий князь пишет, что они приедут с новыми предложениями, и просили их объявить; послы ответили, что имеют полномочие вести новые переговоры и уничтожить условия, предложенные под Невелем, которые были следующие: «Король из того, что недавно отнял у великого князя, а именно: Полоцк, Велиж, Сушу и Озерище, оставляет себе, а все прочее возвращает; кроме того, великий князь отдаст Кокенгузен с несколькими лифляндскими замками». На это паны сказали: «Вы это уже предлагали и тогда же получили в ответ, что король не может довольствоваться этим; вам нет никакой прибыли терять время на такие пустые речи; вы должны знать и то, что наш король теперь не может довольствоваться условиями, какне предлагали ему под Невелем, так как он после того понес большие издержки, которые нужно покрыть на ваш счет, тем более что единственной причиной затрат был ваш государь и чем дальше будут затягиваться переговоры, тем дороже будет для вас». После этой речи сенаторов московские послы *tergiversabantur*, не желая ни предлагать, ни сказать чего-нибудь нового, требовали только, чтобы члены совета предложили что-либо с своей стороны, ссылаясь на то, что свои условия они объявили. Тогда пан виленский от имени членов Рады сказал, что, сколько им известно, король желает мира и тишины с великим князем; если бы последний захотел уступить всю Лифляндию, которая прежде принадлежала короне Польской, то сговориться о другом было бы легче и можно было бы заключить мир без всякого труда. На это русские ответили, что дело об уступке всей Ливонии столь трудное, что они и подумать о том не смеют; но от имени великого князя они к прежде уступленному прибавляют замок Волмар. Тогда им отвечали, что сенаторы весьма удивляются, как послы тратят время на пустые слова, зная то, как великий князь целые обширные провинции одним разом поотни-

мал от короля или от великого княжества Литовского, а послы как бы на смех уступают по одному маленькому замку. «Потому, — говорили им, — скажите лучше разом, какое ваше поручение и как скорее заключить мир». Русские снова уперлись на том, чтобы сенаторы предложили какие-либо условия от имени короля, так как свои они предъявили; «а если вы не хотите довольствоваться нашим предложением, то скажите что-нибудь с своей стороны». Паны радные, видя их упорство, решили донести королю, какого труда стоит им разговор с послами. С этим пошли к королю пан виленский, пан воевода подольский и пан канцлер. Возвратившись, они сказали, что королю кажется смешным, каким образом государь их посылает гонца с письмом возвестить, что будут предложены новые мирные условия, а они тут к излишней трате времени объявляют старые и давно уже отвергнутые условия с прибавкою одного только замка. «Король приказал вам сказать, чтобы вы без замедления сообщили, на чем именно можно помириться; если же вы ничего не имеете, то отправить вас назад очень легко, и вы скоро будете отпущены ни с чем». Когда же послы и после этого остались при своем, то их проводили обратно к выходу те же первые паны кастеляны; затем отвезли их за Вислу те, которые привели, а пристав их, пан Бельзецкий, ехал с ними до стоянки в Бродне.

13 февраля

По желанию московских послов, которые обещали предложить лучшие условия мира, назначена новая аудиенция, и сегодня, в ожидании их прибытия, король велел сделать у себя заседание совета и тут же предложил рассудить о делах королевы; затем, когда послы прибыли, то по обычаю были введены в замок теми же, которые высланы были им навстречу, п. Жарновским и Сохачевским, а до дверей провожали паны маршалы. Когда послы предстали перед королем, пан маршал коронный доложил о них; они ударили челом, потом сели и лишь только заняли места

на скамье, как пан виленский, в качестве канцлера в. к. литовского, сказал, обращаясь к ним: «Слово короля»; они немедленно встали и стоя слушали речь пана виленского следующего содержания:

«Так как вы желали, чтобы король еще раз допустил вас к себе узнать о ваших предложениях, то король соизволяет, чтобы вы пошли с членами совета в другое отделение и там предложили свои условия». Поклонившись, они пошли в другую залу. Туда же собрались и паны сенаторы, которым московские послы заявили, что к прежнему добавляют еще три замка: Режицу, Люцен^{*)}, Мариенгаузен. Им ответили, что это инапрасные слова и трата времени, и сказали, чтобы не затягивали переговоров; послы предложили вторично уступить королю все замки, которые в Ливонии взяты великим князем в царствование короля, кроме тех, которые они прежде предлагали, а король из того, что взял у русских в прошлом году, может оставить за собою только Усвят и Озерище, все же прочее возвратил бы великому князю. Так как это условие не могло быть выгодно для Речи Посполитой, то оно было отвергнуто, и таким образом, не сделавши ничего, послы уехали, будучи отведены теми же панами, которые приехали с ними.

Того же дня пан Филон⁵⁴, смоленский воевода, прислал письмо из Великих Лук, писанное к нему панами ротмистрами и рыцарством короля, посланным в неприятельскую землю.

16 февраля

Вследствие того что было решено дать московским послам прощальную аудиенцию, король велел допустить их к себе; но так как прежде нужно было отправить гонца, который 20 января отдал письмо королю, то он и был введен к королю паном Глазговским. Когда гонец откланивался, будучи представлен п. маршалом, то пан виленский сказал ему от имени короля, что как он

^{*)} Lukc.

приехал от своего государя с письмом к королю, то и король дает письмо к его государю. Всю эту речь пана виленского гонец слушал стоя и не садился все время, затем приступил к целованию королевской руки, принял письмо из рук пана виленского, поклонился и был проводим до дверей паном придворным маршалом, на квартиру же отведен паном Глазговским.

При прощальной аудиенции, данной послам тем же порядком, который соблюдался при других приемах, пан Виленский держал к ним речь от имени короля; потом велел подойти к целованию королевской руки, подал им речь на письме и, кроме того, письмо к великому князю в ответ на грамоты, с которыми послы прибыли к королю. Но послы ничего не хотели принять, ответили только, что благодарят за отпуск и просят о дозволении еще раз переговорить с членами совета. Получив это дозволение, они надбавили к прежде уступленным замкам совсем неизвестные нам два маленькие замка, Сальч⁵⁵ и Перкель⁵⁶, клянясь, что делают это без приказания своего государя, но что ответственность берут на себя, так как государь, по всей вероятности, согласится на это. При этом условии московские послы остались в собрании доктора Буцеллы (где они все время совещались с панами Рады), а члены совета пошли доложить об условиях королю; но так как последние были смешны, то король велел объявить послам, чтобы непременно шли к целованию королевской руки. Когда кастеляны Жарновский и Сохачевский явились за ними, то послы медлили исполнить приказание; однако их убедили идти к королю и просить, чтобы он назначил к ним для переговоров пана Воловича. Король согласился; вскоре Волович доложил, что послы просят перемирия на $1/2$ года или на другой определенный срок, с условием, чтобы оба государя владели тем, чем теперь владеют, а между тем великие послы должны съехаться для переговоров о мире. Так как и эти предложения показались королю и членам нелепыми, то послам велели явиться в последний раз, что они и сделали; целовали королевскую руку 3 посла и 5 придворных, но отпуска и письма от пана виленского брать не хотели, требуя спис-

ка переговоров, который они вели в эти дни с панами Рады, чтобы показать своему государю за печатью короля. Когда им обещали это, они все трое заявили, что согласны принять список на своей квартире, что затем и было исполнено. Отпущены они были с обычными церемониями.

Ксендз епископ Плоцкий пишет из Рима пану Маршалу

Известия из Рима.

23 февраля

Сюда приехал посол, а по-нашему гонец, к папе с небольшой свитой⁵⁷. Так как о приезде его писал император, который рекомендовал его всем дворам, то постарались принять его с большой учтивостью, о чем я уведомил, кого следовало. Повели посла не во дворец, как это делалось с другими московскими послами, бывшими перед этим в царствование нескольких пап, а поручили его принять коменданту крепости св. Ангела, папскому родственнику, с тем чтобы тот устроил все к обоюдному удовольствию. Комендант послал от себя нескольких лиц с экипажами за гонцом, который остановился на большой дороге недалеко от Рима. Въехали в Рим почти ночью и прямо направились в помещение коменданта. Приема большого не было, только комендант посетил гонца по приезде.

26 февраля

Гонец имел аудиенцию у папы, причем присутствовал только комендант крепости; кажется, много труда стоило уговорить гонца поцеловать папскую ногу и на коленях править посольство. Исполнив требуемое, он говорил недолго, зато вручил большое и длинное письмо. Когда перевели письмо и папа ознакомился с его содержанием, то передал его кардиналам Фарнезе⁵⁸, де-Комо и Мандручи⁵⁹, которые затем давали папе отчет, что заключается в письме, как оно им кажется и что они думают о его содержании.

По-видимому, содержание письма было такое, что московский князь давно имел намерение объявить государям свое желание, чтобы не только между ним и государями, но и между подданными их было доброе согласие и мир и чтобы можно было его людям в папские владения ходить для торговли; того же, говорят, он желал и от венецианцев, затем он предлагает свои услуги для блага христианства против неверных, т. е. против турок и им подручных; но, чтобы лучше достигнуть этого, просит папу вмешаться в его распрю с королем и учинить добрый мир.

Посол получил бы отпуск перед Пасхою, но его задержали, более для того, чтобы он мог посмотреть на церемонию и богослужение в такие великие праздники и мог бы сообщить дома обо всем как своему государю, так и другим.

18 марта

Португальский посол представил папе обediенцию от имени короля Филиппа⁶⁰ как короля португальского, причем присутствовал московский посол.

27 марта

В понедельник, на второй день Пасхи, московский гонец был отпущен папою и уехал, получив хорошие подарки. Папа дал ему, как кажется, *agnus Dei*⁶¹ в прекрасной оправе — одного золота 300 скуди, 600 скуди, цепь в 400 скуди, а товарищу его из Ливонии цепь из 200 скуди и денег 400 скуди. Князю московскому послал много реликвий в дорогих ковчежцах, между которыми и часть Животворящего Креста. Так люди говорят, сам я при этом не был. Вместе с гонцом послал отца Поссевина, иезуита, с несколькими другими иезуитами, вызнать намерения московского князя. Если князь захочет присоединиться к Римской церкви или если Поссевин будет в состоянии склонить его к этому, то он должен стараться выхлопотать дозволение построить костелы в Москве, в которых все церемонии, обедни и проповедание слова Бо-

жьего могли бы быть отправляемы, как и в Риме; если бы он не мог ничего добиться, то чтобы немедленно уехал, и тогда у папы будут основательные причины не иметь никакого дела с московским князем и не стараться исполнять его просьбы. Все они вместе поехали на папский счет в Венецию. Из Венеции Поссевин, по всей вероятности, прежде всего поедет к Эрцгерцогу Штирии Карлу, а большую розу, освященную папою, передаст Эрцгерцогине.

Затем он должен прямо отправиться к королю польскому дать отчет в посольстве от папы, выпросить для московского гонца опасную грамоту для свободного проезда через Польшу и вместе с ним ехать в Москву.

30 марта

Папа сделал перемещение нунциев: в Польшу назначил почтенного Альберта, епископа масского, который в последние годы был нунцием в Венеции; в Испанию Теверна, епископа Лоди, во Францию Каstellу, епископа равенского, в Венецию Кампеччио, а к императору Санта-Крузе.

Испанцы каждый день ожидают галеру, на которой должен возвратиться кардинал Риариус⁶², папский легат, и граф Оливарес, назначенный сюда посланником от испанского короля. Должен приехать также и герцог Медина-Сидония⁶³, которого король назначил губернатором Милана, и герцог Оссунья, который будет вице-королем в Неаполе. Итальянские солдаты должны также возвратиться из Испании, и, говорят, король хочет послать их в Фландрию, так как нидерландцы позволяют держать только иностранных солдат, а испанцев не хотят, так что вследствие этого король хочет послать итальянцев и немцев. Об императоре пишут, что он поедет в Испанию, хотя император еще не выздоровел: он теперь очень болен и слаб. Из Венеции подтверждается, что персидский шах опять победил турок, взял Ирфис и Хаж и идет далее в его землю⁶⁴. Турок, т. е. султан⁶⁵, болен, не имеет

людей, и повиноваться ему никто не хочет, он велел Беглербею греческому и янычарскому аге идти на помощь, но ни один из них не хотел, под предлогом что они могут выступить в поход только с самим султаном. Денег у них нет, хотя и говорили о больших драгоценностях; голод страшный и большая нужда.

Пишут также из Венеции, что из Франции прибыл какой то сын молдавского воеводы, которого турки хотят посадить на Молдаванское воеводство по протекции французского короля; с ним немало французов; едут в Константинополь, чтоб оттуда прямо везти его в Молдавию. Они грозят нам (Польше), говоря, что обижены, но, вероятно, одумаются или кто-нибудь образумит их.

*Письма к маршалу коронному от одного из друзей его
при дворе*

Нового ничего, кроме того, что с помощью Божьей нашим, которые остались на границе, посчастливилось в делах с русскими. 31 марта привели к королю в Белосток 4 русских от Филона, смоленского воеводы, с верным известием, что город Руссу, лежащую в крепком месте между двумя сплавными реками на расстоянии 36 миль от Лук, наши взяли без малейшего сопротивления⁶⁶, так что даже свободно въехали на рынок, разграбили его и сожгли и, оставаясь там 3 недели, набрали множество добычи и разорили до основания^{*)}. Это известие было весьма неприятно великому князю, так как он получал оттуда большие доходы. Там были соляные копи^{**)}, которые теперь сделаны негодными к употреблению; испорчены также все барки больших размеров, стоявшие на якоре.

В Мстибов принесено известие от великого князя, что он посылает королю гонца, а за ним великого посла с важным делом, для чего король завтра едет в Вильно, где и хочет выслушать посла; но мы не надеемся, чтобы этот посол предложил что-либо в пользу перемирия. Из Мстибова 9 апреля 1581 года.

^{*)} Пропуск в рукописи.

^{**) Т. е. варницы в нынешней Старой Руссе.}

Около 20 июня 1581 года

Московские послы, как и прежде, издеваются над нами; я еще из Варшавы писал Вашей Милости о том, что они сделали. Были они потом несколько раз у короля, просили перемирия на 10 лет, а после на 3, но им ответили, что они не получат его даже и на 3 часа. С нашей стороны предложены следующие условия: отдать все лифляндские замки с артиллерией, как они теперь стоят не опустошенные войной; заплатить за военные издержки 300 000 червонных золотых; далее, чтобы сам князь приехал на границу и там договорился бы с королем о вечном мире. Это были важнейшие условия, и с ними послали русского гонца, с которым король отправил пана Держка; мы ожидаем его обратно через неделю, так как велели ему быть по возможности скорее. Бельский⁶⁷ советует королю не доверять Иоанну, хотя бы он даже уступал всю Ливонию; он как змея в траве; нужно, чтобы сам король ехал принять земли и чтобы сам князь поклялся. Бельский сообщил также, что князь разослал шпионов, которых немало в Литве и которым наказано причинять всевозможный вред, как только король поедет. На этой неделе нескольких из них казнили: на пытке они сознались, что хотели, после отъезда короля, поджечь Вильно, а затем искать случая убить самого короля; они сказали также, что князь послал их 15 человек, ubi sunt ceteri aliquando, non poterint, тех, коих казнили, выдал Бельский. О том, что случится с нами в дороге, я буду извещать Вашу Милость при всяком случае.

Татарский посол вчера имел аудиенцию и жаловался на казаков, которые чинят татарам какой-то вред. Дан ответ сегодня при отпуске, что это делалось не по повелению короля. Послу велели ехать в Черкасы, где он найдет королевского чиновника, который должен расследовать, насколько виноваты казаки. Племянник королевский Балтазар Баторий приехал из Венгрии и, говорят, поедет с нами на войну. Король уже выехал из Вильны в дорогу, а мы за ним; уже на ногах звенят шпоры, и дай Бог, чтобы мы возвратились к Вам с победою, с триумфом и в добром здравье.

Сегодня пред самым отъездом ксендз Раздрашевский присягал на Куявское епископство.

Наш пан Собоцкий⁶⁸ представил королю 150 кавалеристов, в красных плащах, и белых шапках по-русски; хотя они вооружены ручницами, но не думаю, чтобы имели преимущество пред нами.

Посылаю Вам описание Лифляндии, составленное для короля.

*Письмо от одного из придворных друзей к пану
коронному маршалу*

Я приехал в Вильно 12 июня и там нашел короля в трауре, очень опечаленного по случаю смерти брата его, воеводы трансильванского⁶⁹; перед моим приездом, в пятницу, привез ему это известие его племянник Балтазар Баторий из Венгрии, не сын покойного, а сын третьего брата, который давно уже умер, родной брат того, который учится в Полтовске⁷⁰. Панихида по умершему совершена 16 июня в Тумском костеле, без особенной торжественности, по случаю сборов в дорогу; а как отправлялась эта панихида, я пишу Вашей Милости в отдельном письме. Положение дел в Трансильванской земле таково, что венгры выбрали воеводою восьмилетнего сына покойного⁷¹ и отдали ему хоругвь; однако говорят, что власть его не прочна со стороны Турции, и если б не Персидская война, то Трансильвании пришлось бы плохо. Баторий, который приехал сюда, еще молодой человек двадцати лет, не большой политик; тот, который в Полтовске, более ловок. Паны устраивают банкеты и делают ему подарки. О нашей соли еще ничего не говорили с королем; я известил п. надворного подскарбия, что делают с тою солью, которая лежит в складах: он уже приехал в Вильну и оттуда послано прошение и приглашение в суд. Не знаю, что будет после: вижу, что король теперь думает о чем-то другом. Подскарбий представил, что мы не могли заплатить квартового сбора вследствие трудностей и недостатков, и до-

бавил, что скоро заплатим остальные. Король, кажется, не гневался, а что будет дальше, не знаю. Прошу Вашу Милость почаще напоминать Граиевскому в Варшаве, пусть он торопится собирать деньги, чтобы мы могли по возможности скорее покончить с солью.

Подскарбий говорил королю, что, желая уплатить долг, мы продаем и закладываем деревни, но король на это не сказал ни слова. Прошу Вашу Милость написать Филиповскому, что если мы не заплатим своей доли к Фомину дню, то пусть он остается на месте и ждет еще, так как Граиевский, как я уже извещал из Варшавы, может заплатить за соль только через год к Иванову дню. Я писал также В. М. из Варшавы чрез пана Рамбинского о всех варшавских и краковских делах относительно соли и был бы рад получить какой-либо ответ. Теперь известий мало: ждут из Москвы Держка и гонца от великого князя, и если последний уступит Нарву, то, вероятно, будет мир. Здесь мы уже расписываем и рассчитываем, как поступить с Ливониею. Списки всех ливонских замков, один — в каком состоянии находились они прежде и другой — в каком виде они теперь и кто ими владеет, посылаю Вашей Милости.

Если московский князь уступит все, чем теперь владеет, то это будет немалое приобретение для короны: одна Нарва, говорят, дает 70 000 рублей дохода.

Сегодня король с Божьей помощью отправляется из Вильны в дорогу. Сделавши две мили, он остановится на ночь прямо по дороге к Полоцку. В дороге будет останавливаться ради жолнеров, чтобы заставить их скорее стягиваться. С ними большие хлопоты: они ни за что не хотят двинуться в поход, пока не заплатят всего, что им должны, а у нас таких денег нет. Им должны 300000; между тем полного квартового сбора не привезли и 90000. Послы из Анспраха привезли 50000 талеров и взяли в залог драгоценности; кроме того, Анспрах подарил 3000 флоринов. От Бранденбургского курфирста Бурах привез 50000. Гневаются на сборщиков податей за то, что лениво собирают деньги.

Войска в этом году будет более, чем в последние два года, и мы надеемся, что с Божьею помощью война кончится в свое время и мы возвратимся с триумфом домой. Вильна полна жолнерами, как бы кто набил ее: большая дороговизна; в окрестностях города небезопасно, так как в горах грабит пехота. Маршрут дороги и ночлегов посылаю Вашей Милости. Исполняя приказание Вашей Милости, я по-прежнему буду писать, если только буду в состоянии угодить Вам и если вынесу трудности дороги. О том, что происходило при дворе в мое отсутствие, сообщить трудно, так как не от кого узнать: все секретари разъехались и теперь только собираются; я сам только что приехал. Меня мало знают, и канцлер также; вижу, что надо опять служить. Раздумываю, что делать; однако еще пойду на 3-ю войну. Благодарю также Вашу Милость, что Вы, как пишете, не забыли меня в письме своем к канцлеру и содействовали тому, что в этой перемене вспомнили и обо мне. Я помню только одно и вижу теперь, что тяну кота с большим ущербом для себя. А как я уже один раз попался, то пойду еще раз на войну и буду немым лицом в комедии.

Трудно противиться велению Господа Бога, которому угодно так устроить мою судьбу: только то причиняет мне беспокойство, что я много времени потерял на этой несчастной службе; другое — что люди думают, будто я плохо исполнял свое дело, не получивши никакой награды. Вакансии будут замещены таким образом. Если король сегодня не отправится в дорогу, то недолго придется ждать, если Куявское епископство отдадут ксендзу Раздрашевскому, а тот передаст Плоцкое пробощство и приписанные к нему имения Куявского епископства, которые дают 4 или 5000 золотых доходу ксендзу подканцлеру. Кроме этого, ксендз — номинат Гнезненский будет еще полгода епископом Куявским. Большая секретария назначена ксендзу Барановскому, а ксендз Гозлицкий с Суликовским гневаются на весь свет, что о них забыли. После сандомирского воеводы не слышно, чтобы кто просил Мальборка: говорят, что это слишком недоступно. Никто не смеет приступить; но все соглашаются, чтобы никому не давать, а

оставить за собой, как и Гродно. Я не вижу, чтобы кто-либо оплакивал покойного; другие кричат в один голос, что он много ущерба причинил королю и Речи Посполитой: ведь Мальбор давал 40000 дохода, а он из них платил очень мало. Пан Эборовский, маршал, уже три дня как приехал налегке; говорят, что хочет идти на войну с королем и непременно служить в канцелярии и проч.

Нашего питомца и его здоровье я поручаю Господу Богу и благодарю Вашу Милость, что Вы так печетесь о нем; часто и я оплакиваю его здоровье и боюсь, чтобы он не остался хромым навсегда; дай Бог, чтобы Бергам помог ему. Относительно условий о Самотуле я согласен на все, чтобы ни постановили Вы и другие опекуны и пан подкаморник, лишь бы эти Самотулы нам не мешали; то только утешает меня, что дело ведется с добрым человеком подкаморным.

Не знаю, почему п. подстароста так мало заботится. Приветственную речь Скарги⁷² по случаю водворения виленских иезуитов в Полоцке и Великих Луках еще до моего приезда в Вильну Барановский взял от Скарги и должен послать Вам. Пан канцлер останется в Вильне неделю после отъезда короля. Мы ждем назначения на место познанского судьи; как только принесут указ, я буду стараться, чтобы пан подстароста был участником этого дела. Коронным подскарбием король не очень доволен, и я вижу, что и придворные не совсем жалуют его. Из Вильны 20 июня 1581 г.

Кувявское епископство пан маршал Эборовский сдал только теперь, когда король должен был садиться на лошадь, ксендзу Раздрашевскому, а другие бенефиции, о которых я писал в письме, еще задержаны; но Плоцкое пробощство, вероятно, возьмет у п. подканцлера.

Письма от одного придворного к пану маршалу

Все, что будет происходить в этом году на войне, о чем я буду в состоянии узнать или о чем могу догадываться, буду записывать день за днем, как Вы приказывали. Об одном прошу Вас,

чтобы письма мои не попадали в чужие руки; если они будут не полны или не будут заключать в себе таких известий, каких бы Вы желали, то пусть это не уменьшит Вашего ко мне расположения, так как я не великий секретарь, который должен все знать. Знаю, что это стыдно для меня, но что же делать, если так угодно судьбе.

Из Вильны я писал Вашей Милости обо всем, что там происходило при мне до самого королевского отъезда. Пан канцлер и я оставались при нем почти целую неделю. В Дисну приехал король 1 июля, находясь все время безостановочно в пути, проезжая по хорошей дороге и в хорошую погоду, не так как за два года перед этим. Мы с паном канцлером приехали за ним сегодня, т. е. 3 июля. Канцлер был очень доволен, что приехал раньше епископа виленского, который вчера торопил нас в дорогу, а сам приехал сегодня вместе с нами в Дисну, два часа спустя после канцлера, на пяти колясках с несколькими слугами. Поссевин также приехал с канцлером и от самой Вильны находился в нашем обществе; он едет с двумя иезуитами.

Как только Держек приедет из Москвы и привезет известие об условиях московского князя, Поссевин тотчас отправится туда договариваться о мире и, говорят, даже попытается обратиться князя в латинство. Вот будет чудо, если ему удастся обратиться его!

Во все время дороги из Вильны мы отправляли богослужение с Поссевиным; канцлер каждый день, прежде чем садиться в повозку, слушал богослужение, а в праздник, когда он раньше обеда не отправлялся в дорогу, каждый служил свою обедню, также и два капеллана канцлерские, которых он везет с собою из Кракова, затем ксендз вильегорский, коллегият краковский, говорил проповедь. Так-то мы были набожны! Затем во время обеда происходили диспуты: сам пан предлагал вопросы, а пан Накельский тоже заводил ученые споры, только ему недоставало аргументов.

Он искренно предан пану канцлеру и хочет иметь при его особе свой конвой.

Догнал нас также в дороге пан староста Перемышльский: писали к нему на Русь, чтобы скорее приезжал; он должен ехать с посольством в Турцию по делам королевского племянника нового трансильванского воеводы и прежде заедет к нему в Трансильванскую землю. Отпускают его без всякой торжественности; не могу знать наверное, по каким делам едет, но думаю, что он будет просить утверждения на этом воеводстве, и полагаю, что, быть может, легко состоится мир с московским князем, ибо так как дела племянника не очень хороши, то нужно сперва здесь уладить, чтобы там было успешнее. А этот второй племянник у короля в почете, заседает на скамье, а когда являются паны Рады, то канцлер дает ему место пред собою. Венгры все служат в его отряде, составляя его конвой. Впрочем, заметно, что король оказывает более расположения тому, который в Полтовске.

Из Вильны ехал с нами также сын покойного сандомирского воеводы. Он в качестве волонтера, ведет с собою 50 конных, которых отец обещал прислать еще при жизни, вероятно, по убеждению п. канцлера. Хочет получить Липенку и села, прилегающие к ней, чего ему и желают, так как покойный отец его употребил на постройки большие деньги; без Липенок пришлось бы ему худо, так как отцовское наследство небольшое, а долгов много. Конопцкий также приехал хлопотать о Тозеве или Пучке; канцлер обещал, что мешать не будет, но все назначения откладывают до окончания войны. Вейер также старается получить что-нибудь для себя, хотя у него и без того довольно; его послали в Ригу для приема 2000 шотландцев, которых морем везет Фаренсбек (Фаренсбах. — А. М.).

Пан воевода Познанский прислал Павловского хлопотать по делу, не объясняя, впрочем, по какому. Писал и ко мне, но Павловский еще не имеет отпуска, и говорит, что если ему не дадут привилегии, а лишь ответ на письмо, то он будет ждать Пржиемского и, верно, получит какое-либо новое поручение. Если в этом деле не примет участия сам канцлер, то я сомневаюсь, чтобы король сам по себе обратил на него внимание. Павловский говорит,

что если теперь иам ничего не дадут, то до самой смерти ничего не будет просить.

После покойного воеводы остались в Пруссии какие-то пастбища, которые стоят около 400 флоринов: о них старается доктор Гизиус; кроме того, озеро, которое приносит доходу несколько сот золотых; его-то и просит коморник Павловский.

Хотыниччи, две деревни, которые остались по смерти воеводы, отданы старосте Пржемьшльскому, с доходом в 100 золотых: они были назначены ему еще на сейме по смерти его двоюродного брата. Один только покойный требовал этого имения по праву, а теперь там уже устроился п. староста. Об Огорках (две деревни на Подгорце, оставшиеся после Зебржидовского — конюшего королевы), спорят Филиповский с Белзецким; доходу 800 золотых.

Мы узнали здесь, что русские с татарами сожгли Оршу и около 2000 деревень около Могилева, Шклова и в других местностях, забрав в плен много людей и причинив много убытку; это было после перемирия, которое заключили здесь московские послы 4 июня.

Король очень беспокоится и послал в эти края гонцов узнать наверное о всем случившемся, а также и о том, где теперь жители; послал также в Марково к московским послам с представлением, что перемирие нарушено, грозя и проч.; но послы наверное отговорятся тем, что в то время, когда сделано нападение, в Москве еще не было получено известия о перемирии. Король рад бы скорее двинуться отсюда к границе, чтобы не оставаться в бездействии, пока время и погода благоприятствуют, но не имеет войска. Пехота только теперь подходит; из Польши в униатские области направляются одни конные роты, а новые еще неизвестно где; старые же, которым недавно в Вильне выдана часть жалованья, вместо того чтобы выступать в поход, занимаются приготовлениями, к тому же между ними распространился слух, что будет мир; вот причина, почему они так лениво снаряжаются; к ним посылают

объяснить, чтобы не рассчитывали на слухи о мире, так как на этот счет ничего нет верного; напротив, после недавних набегов мир, скорее, не состоится; но те говорят, что все это придумывают для того только, чтобы их скорее созвать.

Насчет мира верного ничего нет, но я подозреваю, что есть что-то такое, о чем знают только король с канцлером; последний про все громко говорит, не отрицая надежды на мир; мы ожидаем Держка, который привезет что-нибудь верное; а хотя бы он приехал с известием о мире, все-таки нам придется с войском отправиться занимать Ливонию, иначе мы не могли бы требовать многого; хорошо, если бы позволили замять вопрос о Нарве, так как нам это уже надоело.

4 июля

Ксендз — епископ виленский — был у короля; а перед ним пан Трокский и брат маршал надворный. Король принял его довольно учтиво, стоя слушал его приветствие и стоя отвечал. Если Ливония будет в наших руках, вместе с рижским архиепископством и другими епископствами, то король будет там устраивать, как слышно, все вновь; боюсь, чтобы епископ не вздумал там чего основать; у него с паном канцлером не вижу таких хороших отношений, какие были прежде; епископ, видно, поддерживает свой авторитет, а наш не хочет уступить.

Залесский, старый его слуга, говорил мне: «Для нас нужно, чтоб Ваши господа были ласковы с нами». А почему же, говорю, зять может быть к нам не расположен? «Есть, — отвечал он, — итальянская пословица: *Gia fu il tempo che berta filana*»⁷³. Видно, что пока жива сестра, он будет к нам ласковее. Теперь же, когда мы были у воеводы подольского, он говорил и советовал, для блага нашего, служить верно канцлеру; мы так и будем делать, но будете ли Вы об этом заботиться, не знаю. Возвращаясь из Италии, ксендз епископ поехал прямо к воеводе на Русь и жил там немало времени: не знаю, как об этом судить.

Кзаки под замком Ницарды поймали какого-то Невенг-

ловского из Лукова (люблинского) с женою и с людьми; он хотел перебежать в Москву и передаться русским; сегодня привели его сюда. Говорят, что он человек бойкий, что служил перед этим 5 лет у старика Жолкевского, у Бонара⁷⁴ и других; женился он недавно в Полоцке на женщине дурного поведения; служитель его — беглый слуга Борнемиссы; при нем нашли речь, которую он хотел произнести перед русскими. Говорят, он будет посажен на кол; свое преступление он приписывает наваждению дьявола. Верно, получил бы у московского князя хорошее место, потому что очень речист и ловок.

5 ИЮЛЯ

Король ежедневно с восходом солнца охотится на зайцев, канцлер же целый день не выходит из дому; запершись, он все время пишет инструкцию старосте Пржемысльскому, который едет в Турцию. По его словам, король намерен послать отсюда отряд в Себеж и в Опочку, но это сомнительно, потому что из того, о чем они говорят громко, никогда ничего не выходит; люди понимают, что король, собравшись с силами, изберет для нападения одно место, а эти слухи распускают для того, чтобы ввести в заблуждение неприятеля.

6 ИЮЛЯ

Вчера русские из Себежа у нашего замка Дриссы, который отсюда в 6 милях, напали на лошадей Вибрановского и Любовецкого, пехотных ротмистров, во время паствы; взяли лошадей немало, а также несколько людей. Наши погнались за ними, но не вдруг, поймали только двух русских, которых сюда и привели, но это мужики: они говорят, что русских в Себеже 400. Если мы отсюда уйдем и не возьмем Себежа, то тут бывать русским. Жаль, что известие об опустошениях, произведенных русскими около Могилева и Шклова, подтвердилось. Русские напали на весьма заселенную страну; сожгли около 2000 деревень, взяли много шляхты, женщин и погнали их за Днепр, а сами поплыли за ними.

Недалеко были роты Казановского и пана Трокского, но эти роты не смели вступить в бой, ибо русских вместе с татарами было около 20000. Русские отлично вознаградили себя за вред, причиненный нами прежде. Король очень сердит, что это случилось, и желает поскорее отомстить, но что же делать, когда войска собираются так медленно.

Изменник Невенгловский обращен иезуитами в католическую веру, так как он схизматик; он просит, чтоб ему отрубили голову.

7 июля

Королевский отъезд состоится через неделю, считая со вторника; трудно предпринять что-либо, когда нет жолнеров; а между тем теперь самое время для похода; погода и дороги хороши; мы вадумаем тогда воевать, когда начнутся дожди и холода.

Пан староста Пржемысльский переписывал своею рукою отпуск в Турцию с копии пана канцлера, писанной собственноручно; ни один писарь и никто из секретарей не видел его: должно быть, что-нибудь таинственное и пр.

8 июля

Довольно хлопот, что не являются ротмистры: сегодня водою отправляют к Заволочью часть пушек; при них велено идти 500 пешим.

9 июля

Поссевин проповедовал в присутствии короля о «Сеятеле»; он весьма кстати напомнил королю, чтобы русских пленных, взятых в последнюю войну, велено было наставить в католической вере; но я сомневаюсь, чтобы они согласились⁷⁵. Соколоник возвратился из Вильны в Краков: бедняга очень утомился; проповедуя в Вильне на кафедре, он упал в обморок, и мне кажется, что он скоро умрет. В настоящее время обыкновенным проповедником при короле Латерна.

Сегодня приехал пан маршал Эборовский и спрашивал меня о Вашей Милости, не имею ли я какого письма: приехал также и пан Радзивилл, старый маршал литовский⁷⁶, так что здесь теперь 3 маршала. Радзивилл по-прежнему не слышит. После королевской обедни мы пошли к другой обедне и на проповедь в помещение пана канцлера; там присутствовал также ксендз епископ виленский и маршал. У короля перед обедом было секретное заседание совета; всем до одного велели выйти: не знаю, что там происходило; вероятно, говорили про войну. У пана канцлера были на обеде воевода виленский с п. Трокским и так подпили, что наш пан спал целый день и не вставал с кровати до самой ночи.

10 июля

Из Украины получено известие, что русские вместе с татарами в большом числе идут на Оршу; у них есть и пушки. Видели их наши лазутчики. Был совет, что делать, и решили послать навстречу им пана Трокского; ему поручен польский отряд в 1000 человек, расположенный недалеко оттуда; к ним послано приказание съехаться с паном Трокским у Витебска и идти на неприятеля: а именно Зебржидовскому⁷⁷, Казановскому⁷⁸, Иордану⁷⁹, Гастомскому⁸⁰, Ожельскому⁸¹ и Темрюку. Хотя им и приказано во всем повиноваться пану Трокскому, но сомневаюсь, будет ли так. Боже, помоги им! Своих людей у пана Трокского 500 всадников, кроме того, отцовский отряд, а также он должен взять с собою немного пехоты из замков. Московский князь не очень склонен к миру. Мы ожидаем Держка. Сегодня также отправили письма Поссевина к смоленскому воеводе с извещением, что он едет к князю. Канцлер давал байкет, на котором потчевал всех панов, которые тут налицо, всех Радзивиллов, между ними епископа, виленского воеводу, пана Трокского, 2 маршалов, а также и Эборовского; говорят некоторые, что он рассчитывает получить от Радзивиллов третью часть Опатовского имения. Но едва ли уступят ему молодые князья Островские, которые имеют там две части. Беспрестанно рассылают приказы, чтобы роты, которые направляют-

ся сюда, шли как можно поспешнее. Ливский староста (более десятка миль отсюда) взял денег на 300 коней, а имеет едва только 150. О Иисусе, вот было довольно крику! Мазуры не хотят идти на войну.

11 июля

Нет никакого подтверждения слухов о том, будто русские под Могилевом сожгли 2000 деревень и наделали большого вреда. Оказывается, что эти слухи распространены литовцами. Сегодня приехал оттуда поручик роты Казановского Марковский: он привез известие, что 27 июня пришло с татарами под Могилев около 30 000 русских, вероятно, всякого сброду; в это время только что пришла туда рота Казановского в составе 200 лошадей, но без ротмистра; наши гонялись за русскими целых семь часов, так что не позволили подойти к городу.

К ним потом подоспела рота Темрюка. Русские, опасаясь прибытия больших сил с нашей стороны, бежали и, доехав до Днепра, стали через него переправляться. Наши на переправе били их и гнали, причем захватили несколько пленных, которых привел к королю Марковский (он из нашей Крушвицы). Большую потерю понесла эта рота в лошадях, так как русские только в них и стреляли из луков и ружей; раненых товарищей и пахолков довольно, но убитых, по милости Божьей, ни одного. Селениям не причинено никакого вреда, не так, как говорили прежде, и земля не опустошена. Король весьма доволен этими известиями. Все подобные слухи распространяет Литва. Только Дубровно пана Минского было в тревоге: у него сожгли несколько деревень, а также и у Головчинского, который обратился к королю с жалобой. Копию этого письма посылаю Вашей Милости. Говорят, что русские направляются в другую сторону и идут, как дали знать вчера, к Орше. Еще вчера поехал туда пан Трокский: всех людей у него будет 3000, и в числе их польские роты, как я писал вчера. Не знаю, успеет ли он что-нибудь сделать. Больше десятка венгерских пехотинцев бежало из Заволочья к русским.

Канцлер отвечал воеводе познанскому на его письмо, но что, не знаю. Павлош, у которого в руках этот ответ, хочет ждать пана Пржиемского; он говорит, что ему так велели; Пржиемский сам должен говорить с королем. Раздачу всех вакансий отложили до конца войны.

Приехали сюда трое Дзялынских⁸² — сыновья воеводы холмского, видно, что домоседы; они будут состоять при канцлере.

Все говорят, что пан Медижецкий умер, а между тем Тлумкомский от его имени хлопочет о каком-то иске на Костеники; бедняге приходится плохо. Витебский воевода извещает, что немало русских пошло на Велиж, имея перед собою отряд в 400 лошадей; отряд этот наткнулся на наших и был разбит, следствием чего было то, что остальные русские повернули назад.

Держек возвращается с гонцом, но с чем, неизвестно.

12 июля

Отъезд в Полоцк назначен в будущую субботу; всякий час приходит довольно известий о русских, то благоприятных, то дурных. Король очень беспокоится, а литовцы не перестают рассеивать разные слухи. Известие о князе Легницком канцлер выслушал и доложил королю; он говорил также о Глогове⁸³, где мещане отняли костел у католиков, а так как их перетягивает к себе Цесарь, то канцлер так выражался за столом у короля. «Отчего, — говорит, — Цесарь не умирает. Ему давно бы пора: тогда Глогово достался бы нам». А далеко от Межиречья? 10 или 12 миль. «О, очень далеко».

«А от пана маршала далеко»? Да, будет мили полторы от Влашакович и т. д.

Обо всем, что бы ни делалось в Германии, Ваша Милость должны писать канцлеру; ему, как вижу, это будет приятно.

Дважды после моего теперешнего приезда канцлер, обращаясь ко мне публично за столом, пил за здоровье Вашей Милости;

раз в Вильне, другой в дороге, не помню где, после выезда из Вильны.

Об инвеституре курляндскому герцогу, которая дана была два года тому назад в лагере под Дисною, я писал Вашей Милости, так же как и о всех церемониях. Теперь посылаю Вам описание другой. Больших церемоний не было, на поле в лагере раскинули королевские палатки; в одной из них поместили не очень красивый трон, так как дело было в дороге; к трону приделали три ступени, покрытые красным сукном, потом ввели герцога в лагерь. Он имел с собою около 50 человек конницы. Прежде всего поехали с ним в приготовленную для него палатку, затем повели его в королевский шатер, где уже заседал король с Радою. Явившись туда, герцог стал на колени и произнес присягу в тех выражениях, которые я сообщаю Вашей Милости. Король, ответив, вручил ему знамя; затем герцог сел возле короля; никаких особенных отличий не было ни у королевских людей, ни у военных. В этом же лагере король принимал его, а после обеда поехал в замок. Насколько я помню, других церемоний не было, но знаю наверное, что обо всем Вашей Милости написано достаточно. Было бы не лишним, если бы Вы написали несколько слов пану виленскому, чтобы он велел давать мне копии с московских писем, так как литвинов нельзя употреблять даже для мелочей. Я постараюсь, чтобы о делах, которые происходили в мое отсутствие, было сообщено Вашей Милости, теперь же ничего другого нет, кроме известий о русских и пр.

13 июля

Какой-то казак, приехавший из Мстиславля, говорит, что там несколько русских подъехало под замок и наши схватились с ними: не знаю, отчего вдруг московский князь начал показывать такую деятельность. Говорят, что немало пеших венгров убежало из Лук и из Заволочья к русским. Пешие роты сходятся, но конницы мало; вижу, что король благодарен тому, кто первый приезжает.

14 июля

Король сегодня еще остался в Дисне, а канцлер уехал к Полоцку и, проехавши 3 мили, ночевал в лесу под Ушачами — этого замка уже нет; его разобрали на дрова. Когда Полоцк принадлежал Москве, там жило несколько казаков, которые занимались грабежом.

Сегодня пан староста Пржемысльский откланивался в Дисне королю и поехал в Турцию: он должен побывать дома, где будет ждать вестей из Трансильвании.

Большие удобства доставил нам королевский военный мост, деланный в Ковне по образцу того, который достался венграм от императора Фердинанда⁸⁴. Под Дисною установили его на Двине в течение 3-х часов; вторую же половину под самым Полоцком. Он очень прочен; каждый понтон могут везти 6 волов, а если по воде, то ведут двое крестьян; по нему может проехать даже 10000 войска, и его можно также употреблять на воде, как и другие лодки для перевозки артиллерии.

15 июля

Канцлер приехал в Полоцк, за ним вечером прибыл король; выехав рано из Дисны, он сделал, по крайней мере, 7 миль. На дороге в лагерь под замком оба литовские маршалы, великий и надворный, представляли королю отряды своей кавалерии; великий — 120 гусар, кажется, не очень годных; лошади какие-то дурные и в небрежном виде; второй — 50 лошадей, но не худых. Не знаю, отчего старший выказал себя так; видно, что он теперь не думает о своем деле, или гневается на кого, или ему что-нибудь неприятно. С паном канцлером у них не так, как было прежде и проч.

Там же ротмистр Серный представил на смотр пешую роту из 200 пахолков. Не успел король сойти с повозки у своего шатра, как прибыл Держек и вручил королю какую-то большую грамоту от великого князя, целую штуку кельнского полотна, опечатанно-

го двумя большими печатями; была и третья печать нашего пана Трокского, которому велено было встретить Держку, вскрыть письмо, прочитать его для того, чтобы, отправляясь в Оршу, знать о намерениях князя. Держек отдал также письмо пана Трокского, говоря, что в нем изложено главное содержание грамоты.

Король смеялся, смотря на печати: «Прежде никогда не посылал такой большой грамоты; должно быть, начинается с Адама». Воевода виленский заметил: «Ваше Величество, он пишет все, что только делалось с начала войны». Король передал грамоту пану виленскому; затем всем велено выйти из палатки, кроме членов совета.

Измениника Невенгловского казнили и затем четвертовали. Таковую смерть выпросил для него Поссевин, так как сперва хотели его или четвертовать, или посадить на кол.

16 июля

Король поехал в замок на богослужение к иезуитам. Скарга говорил проповедь по-латыни. Пана канцлера не было там, потому что у него самого в лагере была обедня и проповедь. В замке, у иезуитов, небольшой костел, где только одна церковь. Иезуитов не много, но ведут дело они хорошо: перед замком, там, где начинается город, строят уже деревянный костел прекрасной архитектуры, который, говорят, в этом году будет окончен. Король очень беспокоится, прочна ли будет в этом месте оседлость иезуитов.

Воевода Потоцкий давал банкет для всех панов и двора; все были в замке, и пан канцлер также. Держек рассказывает, что его держали под строгим присмотром, огородивши двумя заборами и третьим лубяным, так что ни он не мог никого видеть, ни его также.

17 июля

Сюда приехали четыре англичанина; говорят, что прибыли привлеченные славою короля; двое из них довольно знатные, а два

другие не так; по их словам, молва о короле такая, что он очень смел; не имея никакого дела во Франции и Нидерландах, где установился мир, да и военным худо платят, они приехали к королю предложить свои услуги. Старший, по словам Собоцкого, должен быть хорошим воином; он готов в следующем году привезти сюда 3000 стрелков.

Они представлялись королю и обедали с канцлером. Король благодарил за желание служить ему.

Московский гонец должен сегодня приехать к своим послам; король велел им сказать, чтобы они сегодня пересмотрели свои грамоты, а завтра, когда дадут им знать, побывали бы у него.

Люди полагают, что будет мир и что князь уступает всю Ливонию.

Король основывает здесь иезуитскую коллегию и хочет отобрать часть имений, принадлежавших русским церквам, и отдать их иезуитам.

Полоцкая шляхта уже на прошлом сейме противилась этому и просила короля водворить иезуитов в другом месте, а старые церкви оставить по-прежнему.

Тогда решили отложить дело до теперешнего королевского приезда. Король принял шляхту и держал речь такого содержания: он не для того поселяет иезуитов, чтобы лишить шляхту свободы, но для вящей славы Божьей; школа устраивается для их же потомства и детей, с целью наставлять их в христианском духе и нравственности. От образования юношества зависит многое: об этом знает не только Польша, но и весь свет. Здесь он приводил в пример несколько обычаев и грубую жизнь людей в тех государствах, которые не знают ни гуманности, не имеют хорошего образования и ведут жизнь зверскую.

«Привели ко мне, — говорил он, — недавно, здесь в Литве, тринадцатилетнего мальчика и женщину; мальчик был мужем этой женщины, а отец его жил с нею как с женой, ожидая пока сын возмужает: вот для того чтобы не происходили подобные вещи, я и хочу здесь поставить школы, костелы и больницы. Ведь из сво-

ей собственной кожи можем сделать себе сапог и все, что только захотим».

«Я завоевал эту страну: отчего же мне не позволено производить перемены, какие захочу? Я никого не желаю заставить принять католическую веру: пусть каждый остается при своей; ведь оставил же я русским каменную церковь и собор Софийский; а так как вы говорите, что ваши предки из своей собственности ни на что другое не давали, как только на русские церкви, то покажите жалованные грамоты; что вы покажете, при том вас и оставляю, чего не докажете, с тем я могу делать, что мне вздумается».

«Я позабочусь устроить ваши церкви и попов таким образом, что и они и вы останетесь довольны».

Агриппа объяснял королевские слова, но не высказал всего до конца, как нужно. Шляхта ответила, что документов не имеет: «Московский князь взял все это с нами в Полоцке; но только наверное известно, что деревни даны нашими предками; все знают об этом, и так мы просим, чтобы нам оставили наши вольности, а иезуитам дали что-нибудь другое». Решено, что печатники должны пересмотреть ревизские реестры, бывшие у московского правительства перед взятием Полоцка, и выписать из них, какими угодьями и фундушами пользовались православные церкви; если окажется, что эти имения пожертвованы шляхтой, то они будут оставлены за церквями; теми же, которые пожалованы королями и полоцким воеводой, король будет располагать по своему усмотрению и делать с ними, что захочет. Это было весьма неприятно шляхте и даже некоторым панам, так как им ненавистно самое имя иезуитов.

Многие из помещиков поспешили занять деревни, под предлогом что они были записаны на церкви предками и потому должны быть опять во владении их рода.

Но король отвечал им на это: «Нет, господа! Что раз посвящено Богу, то не должно быть обращено опять в светское пользование». Они видят, что король серьезно хочет заняться этим делом и проч.

Сегодня ночью был удивительный случай с паном виленским: в то время как он ночевал с нами, у него украли печать. Агриппа отправился рано с этим известием к канцлеру, тот сейчас встал и поехал к королю. Там нашел он пана виленского с воеводою виленским, стоявших в ожидании. Король справлялся к обедне; они пошли и доложили ему о происшествии. Король вышел к обедне в худом расположении духа, может быть, и потому, что болела спина, так как он вышел прихрамывая. Бедняга пан виленский очень смущен, и к этому у него есть важный повод. Дело немаловажное: люди говорят об этом происшествии втихомолку, не подавая вида, что знают. Боже, утешь его: вижу, что и пан канцлер помогает ему в этом, но секретно.

Московский гонец был проведен в палатку с письмом от бояра московского князя к нашим советникам. Наши паны приняли его в особом шатре, куда он принес грамоту; потом отвели его в другую палатку, а сами пошли с письмом к королю и, запершись, читали его. Когда прочли грамоту, гонец был приведен в ту же палатку, а пан виленский сказал ему от имени всех, что пишут к ним бояре. «Ты поезжай, — прибавил он, — к великим послам и скажи, что если они имеют какое-либо новое поручение от государя, пусть объявят чрез тебя». Гонец отвечал: «гораздо, гораздо» *) и, не снявши шапки и не поклонившись, тотчас уехал.

После обеда приехали сами великие послы; они представлялись прежде королю, потом удалились с нашими панамы в особую палатку для переговоров. Что же они сделали? Ничего хорошего. От первого предложения, сделанного в Вильне, русские уклоняются: прежде дело шло только о Нарве, а теперь не хотят уступать и нескольких десятков замков, которые сами предлагали; уступают только Кокенгаузен и некоторые другие, всего 4 замка. Они говорят, что Великие Луки, Полоцк и проч. пусть остаются за нами и еще четыре замка в Ливонии. Они насчитали несколько

*) Harast, harast.

десятков других ливонских замков, как Ригу и проч., а также и курляндских, которые давно находятся в королевских руках. Это, говорят, князь уступает вам, как свою вотчину, а перемирие велел учинить на семь лет. Наши паны сказали на это: «Ведь вы прежде уступали всю Лифляндию, кроме Нарвы; во-вторых, зачем уступаете то, что давным-давно принадлежит нам». Те отвечали: «Мы говорим и делаем то, что указал государь великий князь». — «И вы не имеете другого поручения?» — «Нет». — «Так вам здесь нечего делать; завтра проститесь с королем и уезжайте. Если бы король не был христианским государем, он обошелся бы с вами не так, как теперь, потому что вы, скорее, шпионы, нежели послы». Тем и кончились переговоры.

Бог знает, что будет далее. Решили, чтобы завтра рано отправился к послам Поссевин переговорить о делах от себя и от папы, сказать им, что он сам едет в Москву и убедить их вести переговоры, как следует. Но я сомневаюсь, чтобы он принес какую-либо пользу и проч. Некоторые говорят, что ради мира мы могли бы довольствоваться хотя бы этим, имея в своих руках Луки, Полоцк и свободное плавание по Двине, лишь бы был мир, а не перемирие; другие того мнения, что нужно идти далее и настаивать на прежних требованиях: великий князь отдаст все, если наступит ему на горло; а то он нарочно старается выиграть время и потом обмануть; что касается до меня, я соглашаюсь с первым мнением; мне кажется, что славы у нас довольно; если же углубимся в Московскую землю, то придется там зимовать, а для князя это не составляет особенной беды. Не имея денег, мы не справимся с жолнерами, а у него татары, и кто может знать, не направит ли он их на Вильну? Пленные, которых приводят, сообщают, что, по словам князя, у короля мало денег, да и тех достанет ненадолго, и что король по случаю смерти своего брата должен будет отправиться в Трансильванию. А кто знает, может быть, варвар на это рассчитывает?

Удивительно, откуда он все это знает? Про литовскую печать уже всем известно: пишут о ней универсалы, копию с которых посылаю Вашей Милости.

Бедняга паи вилеиский очень смущен, к чему действительно имеет повод. Удивительно, как пропала эта печать: должно быть, ее взял кто-нибудь из своих, и видно, что укравший шел только за этим. Паи заснул в палатке, часовые также: палатка же была открыта для воздуха; железный сундук, в котором хранились печать, червоицы и разные драгоценности, был привязан к ножке кровати железною цепочкою; возле него стояла шкатулка, а на ней серебряная умывальница с серебряным кувшином; вор, не зная как, отвязал цепь от ножки кровати, унес железный сундук со шкатулкой, умывальницу же с кувшином не тронул. Когда разыскивали украденное, на берегу Двины нашли шкатулку и сундук не отпертыми, так как, вероятно, вор не мог этого сделать, но крышка в одном углу была взломана настолько, что туда можно было просунуть руку и взять печать с цепью; червоицы и драгоценности остались в целости: отсюда подозрение, что вор хотел только печати.

По случаю аудиенции, данной послам, канцлер выказал большую пышность: своим слугам велел надеть голубые атласные платья; при нем было четыре пахолка, одетые по-итальянски в голубые атласные платья, шляпы также были голубые, с белыми страусовыми перьями; один с булавою следовал везде за ним. Сам он, на турецком коне, в черном костюме по-итальянски, направлялся к королевской ставке с 40 гайдуками, вооруженными ружьями, а пред ним далеко впереди ехали паи Радомский с паном маршалом Зборовским, окруженные свитою в атласных платьях. Люди шептали: вот великий гетмай! Но мы желаем чего-либо большего, когда он будет показываться со своею свитою.

19 июля

Сегодня рано Поссеви был у русских, затем частным образом у короля; давал при панах отчет в разговоре, который имел с послами. Послы решительно не хотят вести других переговоров и говорят то же, что и вчера, уклоняясь от вилеиских предложений, кроме уступки Нарвы и нескольких замков; теперь они уступают

только Кокенгаузен, Ашерраден, Ленневаден и какой-то еще замок, затем Луки, Ригу, Курляндию и все то, что давно уже принадлежит нам, кроме только Полоцка и того, что теперь завоевано во время войны, говоря, что князь не велел предлагать ничего больше, а только заключить перемирие на 7 лет. Ясинский, литовский писарь, служил толмачом во время переговоров с Поссевиным. Последнему послы оказали великий почет: вышли к нему навстречу далеко за свою ставку, и всякий раз, когда он произносил имя папы, они вставали; он также, видно, умел им понравиться, так как это хитрый человек. Поссевин говорил им, что папа ради интересов христианства принимает на себя труд согласить их на мир; они начали сейчас просить его: «Сделай это, государь наш щедро наградит тебя». Если вы не захотите мира, продолжал он, то король принужден будет идти на вас и воевать вашу землю и вам же после будет хуже. «Да отвратит Бог его сердце от этого», — отвечали они. Потом они уговаривали его ехать в Москву не торопясь. «Уже ты стар, — говорили они, — тебе надобно отдохнуть». Все это для того, чтобы поспеть ранее его к великому князю. Когда Поссевин вышел от короля, то ввели послов: виленский кастелян отвечал им в таком смысле, но не очень бойко, ибо был смущен происшествием с печатью; король и канцлер часто помогали ему, когда он что пропускал: «Хотя король, Его Величество, за такое малое уважение к своей особе со стороны великого князя, который посылает через вас противоречащие предложения и затягивает тем войну, имел бы справедливый повод выместить это на ваших особах, ибо за такие поступки вас следовало бы считать не послами, а шпионами; но, будучи христианским государем, он этого сделать не хочет и скорее окажет вам милосердие, нежели жестокость. Уже в Вильне вы предлагали всю Лифляндию, и дело шло только о нескольких городах, о которых вы послали гонца к государю, подавая надежду, что государь уступит их, а между тем государь отправил своих людей опустошить земли короля, не предупредив его об этом, так что эти войска причинили вред и невинных людей умертвили, чего король с вашими

людьми, коих брал в плен, не делал. Брал он в службу тех, которые хотели ему служить, и награждал, а которые не хотели, тех пускал свободно и без вреда в ваши земли. Впрочем, небольшое утешение получили вторгнувшиеся в наши пределы, ибо те, на которых они напали, оплатили им, и вот вам теперь и прибыль. Король, призвавши на помощь правоту своего дела, не будет вымещать этого на таких незначительных личностях и бедных людях, как вы, но на тех, которые имеют большее значение, и потребует уже не только Лифляндию, которую он хотел получить, но все, что принадлежит вашему князю. И так с этим ответом ступайте свободно в вашу землю, а теперь бейте челом королю». Послы молча поклонились и пошли. Не знаем, понравился ли им этот ответ; мне кажется, он очень суров и проч. Вот это уже не шутка: мы рассчитывали на мир, а тут как раз война! Некоторые надеются, что когда углубимся далее в Московскую землю, то явятся другие послы. Дай Бог, чтобы было так; мы все были бы очень рады, потому что если придется зимовать здесь, то будет плохо и Бог знает, что произойдет с нами. Хоть бы с честью прекратить войну, потому что и так уже довольно и проч.

Пан канцлер из числа пленных, взятых в Велиже, двух, вероятно знатных, подарил послам, говоря, что делает это ради папского посла. Послы приняли их, не показывая вида, что рады, однако благодарили пана канцлера. «Поступил, — говорят, — как подобает христианину». Косс приехал с Низу: давал публично отчет, что происходило у татар. Дело было совсем не так, как донесли королю. Низовые казаки вовсе не виноваты: они схватили двух перекопских царевичей — одного калгу (наследника престола), случайно наткнувшись на них на Днепре⁸⁵; царевичи бежали с татарской стороны вследствие вражды за царство и больших замешательств. Исход дела описывает королю Ожеховский⁸⁶, поручик низовых казаков; копию я посылаю Вашей Милости. Царевичи находятся в Черкасах у старосты; один из них калга, который должен был вступить на престол. Пишут к королю (копию посылаю), убедительно прося, чтобы их пустил к турецкому сул-

тану к третьему брату, а устно через Косса отдаются под покровительство короля, прося, чтобы или силою поставил их на царство, или дал бы им средства ехать в Турцию, обещая до смерти верность и повиновение со всеми татарами. Они готовы подтвердить это самыми страшными клятвами. К татарам ехать не смеют, ибо хан хочет их умертвить: он уже посылал мурз к казакам, предлагая за них 70000 червонных золотов и 400 атласных кафтанов. Мурзы имели поручение, как только казаки выдадут царевичей, тотчас казнить последних. Король отдал приказание черкасскому старосте держать их под крепкой стражей, чтобы не убежали до нового приказания; велел обращаться с ними хорошо и не притеснять их. Итак, неизвестно, что будет с ними. Король мог бы по этому случаю войти с татарами в какие-либо переговоры, которые могли бы быть полезны для нас.

Когда это происходило у татар, везли от нас в Крым обычные подарки, но вследствие беспорядков воротились назад. Косс говорит, что слышал, будто перекопский царь, взяв от московского князя большие подарки, поклялся не помогать польскому королю в войне против него и не опустошать его землю; а что же хорошего, что он берет с обеих сторон? Король делал смотр отряду слуцкой княжны в 400 человек. Лошади хорошие, вероятно, она щедро платит. Есть гусары, а также и казаки. Несколько сот белгородских татар приехали к нам на службу. Они должны находиться в авангарде, а ведет их Гарабурда.

20 июля

Пан Бонар представлял свою роту в превосходном виде: мы такой не видывали; лошади хорошие, отличные и проч.

Пан Накельский также привел свой отряд, а пан Раздрашевский от пана подкомория Познанскаго: и эти также хороши, лошади не изнурены. Король принял их с благодарностью.

Велено писать письма к старшим знатнейшим сенаторам и отправить их в Польшу через коморных.

Поссевин также простился с королем. Он отправляется отсюда прямо в Оршу. На письмо московского князя король велел отвечать пану канцлеру.

21 июля

Мы двинулись в поход от Полоцка к Заволочью (в 26 милях). Вся дорога пролегает через леса; король должен делать в день по 8 миль, а канцлер по 4. Тяжело проходить через этот бор, нужно везти с собою провиант, так как нигде нет корма для лошадей.

Мы с канцлером проводили ночь в 4-х милях от Полоцка в лесу под сосной, а король впереди нас еще в 4 милях. Канцлер едет как гетман, перед ним несут торжественно хоругвь, при которой отряд в 200 коней: Ухровецкого 150, других русских 50; гетманские литавры и проч.

22 июля

Ночлег в 4 милях под сосной в том же лесу при реке Дриссе. Канцлер в хлопотах с письмом великого князя, да и писарям трудно справиться с ним: в письме целых двадцать листов и Бог знает, чего только там нет: удивительные аргументы и беспрестанные ругательства: он довольно едко приписывает королю клятвопреступничество и басурманство. Король имел в виду ответить коротко, указав только на его преступления: он хочет послать ему две книги, писанные о нем иностранцами, — Гванини⁸⁷, итальянцем, и Краудием⁸⁸, желая показать, что весь свет знает об его пороках; наконец решил так: отписать ему на все кратко, предпочитая расправиться с ним на деле; «а что ты пишешь про меня, будто я жаден проливать христианскую кровь, то, не обманывая людей, как моих, так и своих, выезжай на условленное место, и там один на один расправимся друг с другом; если ты этого не сделаешь, то твоя трусость еще больше выкажется пред светом». Канцлер хо-

чет отписать князю на все по пунктам и опровергнуть все его аргументы, но не знаю, сумеет ли он это сделать, так как грамота не ясна; канцлер сердится на то, что злодей почти во всем увертывается. Не знаю, отчего теперь московский князь так возгордился: он, вероятно, надеется на татар или хочет двинуться на Вильну, пока мы будем гостить у него. Но пан Трокский стоит настороже у Могилева.

23 июля

Ночлег под сосной в том же лесу в 4 милях. Когда мы сегодня снимались с ночлега, привели к канцлеру двух русских боярских детей, которые ушли из Москвы и передались нам; канцлер взял их к себе; они сообщают, что, по всей вероятности, князь будет собирать войска у Пскова и Новгорода; в этих двух городах, как говорят, две партии: одна на стороне великого князя, другая — за короля. Не знаю, правда ли это. Канцлер послал Тилицкого в Краков к Меховскому пробощу с номинацией на Пржемысльское епископство, и вот наш Меховский будет епископом; сомневаюсь, чтобы дело обошлось без зависти со стороны других и проч.

Ваша Милость, конечно, изволите знать, что Краковское воеводство дали воеводе Бельскому, с тем только условием, что он займет место в Кракове, когда воеводство Бельского перейдет к старому Жолкевскому.

Коморник сейчас отправляется в дорогу с письмами к сенаторам, и я также кончаю письмо.

Писано в лесу под сосной между Полоцком и Заволочьем, $1/2$ мили от Ницарды^{*)}, где прежде был московский замок, сожженный полгода тому назад нашими казаками 23 июля 1581 года.

^{*)}Теперь Витебской губернии.

От одного придворного друга к тому же

Продолжая, по приказанию Вашей Милости, описывать все, что будет происходить у нас с сегодняшнего числа, на нынешний день не могу ничего сообщить, ибо мы углубились теперь в эти темные леса, как в какой-либо ад; мы едем только с паном канцлером, а король не с нами; чтобы скоротать эту скучную дорогу, он едет впереди нас к Заволочью, делая по 8 миль в день. Вот уже пятый день, как мы стараемся выйти из лесов; но еще и завтра целый день должны ехать лесами; хотя мы надеемся, что скоро покажется Заволочье, но и там придется терпеть другую беду; нам покажется небо, но зато там нет ни травы, ни овса для наших лошадей. Не будь так близко это Заволочье, наше существование было бы невозможно при таких трудах и лишениях. Только король сам едет в повозке, а несколько придворных с обозным; на ночь ставят для короля палатку, без скамеек и столов; в полдень король кушает в крестьянской избе; сиденье для него устраивают, вбивши в землю несколько кольев и положивши поперек их другие; таким же образом делают и стол (ковров и не спрашивай); когда же королю захочется с дороги заснуть после обеда или отдохнуть, то наскрут березовых ветвей с хворостом вместо тюфяка, раскладывают это на земле; он ложится спать и отдыхает, как в самой изящной спальне. Московский князь хорошо загородился от нас этими лесами, но мы их ему порядочно расчистим. Дай Бог, чтобы все эти старания увенчались успехом и чтобы поскорее состоялся мир, но Бог знает, как это будет. Мы хотим углубиться в Московскую землю, но времени мало, так как зима уже на носу, а если князь не отправит послов просить о мире — он же грозит, что не сделает этого даже в продолжении 50 лет, — то не знаю, как придется нам поступить: возвратиться ли, захавши так далеко, или же зимовать. А что из двух полезнее? В случае сейма Ваша Милость, вероятно, приедете; но если дело пойдет о том, чтобы продолжать платить военный налог, сомневаюсь, чтобы Вы позволили привезти себя. Денег в этом году у нас мало, и

весьма медленно собирают их; жолнерам обещали произвести уплату в Заволочье, для чего и везут за нами 200 т. золотых, но что это значит для такого войска? Нужно бы вдвое столько заплатить за прежнюю службу. Если жолнеры потребуют жалованья, время будет уходить, а мы боимся утомиться в такую пору, когда и погода придет на помощь неприятелю. Я не знаю, что за тайна, что князь так нахально и едко писал этот раз королю? Он на что-то надеется. Около Смоленска у него немало людей, и он хочет вторгнуться в наши пределы, лишь только мы вступим в его владения. У Могилева стоит пан Трокский с польскими ротами в 1000 лошадей и с литовским отрядом; всего войска у него вместе с пешими около 3000, и если бы он не делал наездов, а ограничился защитою наших сообщений, то оказал бы большую услугу, потому что князь, как заметно, очень озабочен тем, какой оборот примут там дела. Пан канцлер вот уже несколько дней как занят составлением ответа московскому князю. Господи, как он его отделяет! Каждое его положение, каждую мысль а *contrario pervertit*; будет от чего краснеть князю! Письмо будет по-латыни, и мы пошлем его в Рим, чтобы сделать известным всему свету, ибо, как слышно, князь свои грамоты и наши ответы на них рассылает по Германии.

Сегодня мы ночуем в том же лесу над озером, проехавши 5 миль, на том самом месте, где за год перед этим жолнеры канцлера на походе от Заволочья натерпелись много беды, будучи принуждены идти по отвратительным дорогам, при страшной распутице; сам канцлер, бросив войско и все, что ему мешало, уехал в Полоцк. О Боже, вот раздавались тогда проклятия! Дай только Бог, чтобы все это забылось.

25 июля

Мы провели ночь в том же лесу под сосной, в трех милях, над озером, из которого вытекает река Дрисса. Там ждали нас пушки, ядра, ружья и другие снаряды, которые еще в Дисне, за две неде-

ли перед этим, нагружены на плоты и пригнаны на озеро; все это сложили на берег, так как Дрисса не течет далее в ту сторону, в которую нам нужно идти; вместе с этим пришло сегодня из Заволочья 300 королевских лошадей, совершенно свежих, а также должны прибыть и несколько сот подвод из Заволоцкой волости. Все снаряды завтра отправят к Заволочью.

26 июля

Мы приехали под Заволочье с паном канцлером, а король еще в понедельник перед нами: он торопился выбраться из этого леса.

Как утка на озере, стоит замок — предмет прошлогодних подвигов пана канцлера. Король осматривал крепость со всех сторон с большим вниманием; а так как это место укреплено самою природою, то он хвалил доблесть канцлера, который взял его в такую непогоду. Он говорил, что если б пришлось ему, он не полакомился бы такой добычей; канцлер очень доволен, и тот ему большой друг, кто скажет, что замок неприступен и труден для осады; мы все твердим, что действительно так. Старостой здесь Зибжик. Мы нашли все в порядке: земли около замка на 15 миль в ширину, крестьян, которые присягнули, 4000, каждый принес ему по 2 талера на расходы по случаю приезда короля; говорят, что он в этот год собрал наличными 30000 злотых. Наши, как вижу, гnevаются, но Зибжику все равно. Он ведет здесь большое хозяйство, сам торгует всем: привезут ли что на торг, он покупает и потом продает жолнерам; говорят, что таким образом все наши деньги остались у него и проч. Год тому назад несколькими ротмистрам предлагали Заволочье, но никто из них не хотел этого места, а вот Зибжик знает, как с ним распорядиться.

Заплати ему Господь за то, что от самого Полоцка исправил дороги, навел везде хорошие и крепкие мосты и построил их не как-нибудь по-польски: мы везде в этих лесах совершали легко переправы и до самого Пскова нашли исправленные дороги; мно-

го значит, что из здешних озер выходят реки и озера, по которым удобно можно сплавать грузы с тяжестями, а между тем литовцы не сказали об этом ни слова: сам канцлер только в прошлом году узнал об этом.

27 июля

Прибыл ротмистр Зебржидовский от пана Трокского со стороны Витебска и Могилева с известием, что русские, которые начали воевать, уже вернулись и пошли к Дорогобужу; пан Трокский просит, чтобы ему разрешили приехать с его отрядом, так как там нечего делать. Завтра придут сюда литовские паны; будет совет, с каким ответом отпустить Зебржидовского. Литовцы пугают короля, не давая ни о чем надлежащих сведений.

Король гневается на ротмистров за то, что медленно собираются; те, которые должны были прийти из далекой Польши, торопятся более, чем стоявшие тут вблизи на квартирах. Они отговариваются неимением денег. То немного, что получено, они должны издержать на покупку материала после прошлогодних убытков и недостатков.

И так Бог знает, как пойдет дело; если обратимся к Пскову, как толкуют теперь, то нам придется здесь зимовать, а при какой обстановке, страшно и подумать. Не знаю, все ли вернемся невредимыми домой. Теперь самое лучшее время, погода хороша, и дороги отличные, а когда придется встретиться с неприятелем, настанет зима, дожди и прочее в этом роде.

Если у короля не будет свежей пехоты, то сомнительно, чтобы эта могла выдержать поход.

Королева прислала письмо от шведской королевы⁸⁹ о том, чтобы наш король в случае, если пожелает заключить мир с московским князем, не делал этого, пока не вступит в переговоры сам шведский король — муж ее.

Пан канцлер поссорился с надворным подскарбием. Канцлер послал меня к нему сказать, что король приказал выслать прови-

ант навстречу Фаренсбаха — муку и волов на назначенное место для того, чтобы тот скорее мог прибыть со своими немцами. Пан подскарбий ответил, что, по его мнению, посылать напрасно, что уже два раза писали об этом Фаренсбаху и что нужно беречь деньги и казну и лучше обратиться на что-либо другое ту сумму, которая выйдет на каморника. О Боже! Вот гневался канцлер, когда я передал ему ответ! «Пусть подскарбий, — говорил он, — довольствуется тем, что я терпелив и что я ему ни в чем не мешаю; я его оседлаю, отпущу ему подругу и подвяжу ему новую». Я первый чиновник, выезжу его и пр. Много было говорено в таком роде. «Отправляйтесь, — сказал он Пудловскому и мне, — и скажите, чтобы он так не смел говорить: я не высосал этого из своего пальца, а говорю то, что поручил король». Затем он с гневом обратился ко мне: «Беги и доложи королю, что подскарбий мне отказал». «Я прежде бываю у подскарбия», — ответил я... Подумав, канцлер велел нам с Пудловским ехать к подскарбию. Прибыв, мы сказали, что пан канцлер очень обиделся и велел доложить обо всем королю.

Пан подскарбий отвечал нам с сердцем: «Пусть жалуются королю; у меня также до него дело. На меня все взваливают неудачи войны — король, литва. Не знаю, как и удовлетворить всех». Мы старались успокоить его и советовали ехать к канцлеру извиниться. Он отвечал, что ничего обидного не сделал для канцлера, что считает его высшим, но не хочет быть у него в пахолках и пр. Затем он одумался, приехал к пану канцлеру и старался оправдаться. Мне нельзя было сделать ничего другого, как сообщить канцлеру его ответ, что я и исполнил в самых скромных выражениях. Передай я все, что было говорено, вышло бы иначе. Боюсь, чтобы его счастье не переменилось когда-нибудь.

28 июля

Жмудский староста водил на смотр свой отряд: всех лошадей 300, конных гусар 140, 120 казаков, 40 конных стрелков, довольно красивых, 4 отличных поводных коня, но все-таки два года тому назад в Полоцке было лучше.

Канцлер очень досадует, что так долго ничего не делается. Много хлопот с жолнерами. Он сказал мне: «Знай я раньше, что будет так, то деньги, которые я издержал на войну, лучше потратил бы на постройки». Бог знает, какой будет исход войны, заключим ли прочный мир; если не доконаем московского князя, то нужно опасаться, чтобы не пришлось потерять то, что завоевано. Литовцы нам ни в чем не помогают. Когда мы отойдем от этих замков, то кто знает, не попадут ли они в руки московского князя?»

29 июля

Происходило тайное совещание с литовскими сенаторами: обсуждали, в которую сторону обратиться, и решили, что на Псков.

На Новгород не безопасно, потому что тогда пришлось бы оставить в тылу Псков и несколько других крепостей. Если московский князь после нашего прихода под Псков не согласится на мирные условия, то мы будем добывать Псков силой; если же не возьмем города, то намерены обложить его и останемся зимовать перед ним.

Для добывания провианта будем снаряжать особые команды; Рига и Лифляндия помогут также доставлять его. Отсюда Псков недалеко, всего 30 миль: все-таки нужно идти едва не две недели, а мы отправимся только через 5 дней.

Не могу объяснить себе, отчего московский князь, не имея людей, теперь действует так смело и что могло ободрить его: некоторые говорят, что он надеется на литву и что венгерские перебежчики поддерживают в нем упорство, передавая, будто у короля долго не будет денег, что он утомится и пр. Не знаю, насколько тут правды: рассуждает так простой люд.

30 июля

После обедни читали в присутствии сенаторов ответ московскому князю, написанный Гизиусом. Пан канцлер сам переведет его на польский, так как мы, секретари, не сумеем сделать этого, а

с польского на русский переведут литовцы и этот перевод пошлют московскому князю; латинский же подлинник канцлер хочет послать в Рим, чтобы сделать его известным всему свету.

Ротмистр Зебржидовский отпущен к пану Трокскому и жолнерам, которые у Руссы. Уступая просьбам литовских панов, король позволил им возвратиться, так как с той стороны нечего опасаться неприятеля. Им велено ехать в Холм и там оставаться до дальнейшего распоряжения; по дороге они должны сделать набег. Королю не очень приятно, что пан Трокский удаляется от Днепра, но тот упорствует и пишет к здешним панам, чтобы старались вызвать его оттуда.

31 июля

Был смотр отряда литовских татар в числе 600; ими командует Гарабурда.

2 августа

Дай Бог умереть московскому князю, пока мы доедем до Пскова. Не могу сказать, сколько всем хлопот с этим ответом; а мне с Гизиусом больше всего возни с ним. Сегодня целый день от восхода солнца до заката мы сидели над этой проклятой грамотой и все еще не кончили; не знаю также, что за выгода пану канцлеру вмешиваться в то, что, собственно, касается Литвы.

Король завтра утром отправляется в дорогу и все торопит нас с грамотой; право, не знаю, как скоро она будет готова; литовцы, когда напишем ее, переведут на русский (язык). А разве можно знать, как скоро они успеют это сделать?

Масловский, сын войскового Велюшского, который был послом и недавно умер, хотел бежать к московскому князю. Староста венденский в Ливонии поймал его и нашел при нем письмо московского воеводы, который находится в заключении в Гневе в Пруссия; воевода писал московскому князю, что в Масловском он будет иметь отличного слугу. Какой странный случай! В то же

время, когда был пойман Масловский, прибежал в Венден русский из Пскова, перешедший на нашу сторону и обещавший привести 500 стрельцов; и так с обеих сторон довольно изменников. Сегодня вечером обоих привели к пану канцлеру; мы все удивились, увидев русского: настоящий молодец, красив собой; на расспросы канцлера он сказал, что сам не знал, что делал. Велено передать его профосу, и думают, что быть ему на колу. Боже, сжался над ним и пр.

3 августа

Король перед самым отъездом подписал грамоту на познанскую судную должность и суррогацию п. Войтеху Заюнчковскому согласно желанию Вашей Милости. Так как отправляется и канцлер, то печатать документы трудно, а Павлошь также уже уезжает. Кроме того, король велел мне с Гизиусом остаться здесь, а также и Гарабурде, чтобы окончить перевод на русский язык ответа московскому князю, а затем отправить его к гонцу, который задержан для этого на границе. И так мы должны пробыть здесь, по крайней мере, два дня, короля же и печать можем догнать только в Воронце^{*)}. Как только догоню пана канцлера, то запечатаю оба письма и при первом случае отошлю их в собственные руки Вашей Милости.

Мы, ксендзы, условливаемся с новым паном судьей, чтобы был милостив к нашей десятине, т. е. чтобы отдавал ее вполне; мы поручились королю, что хотя он и протестант, но иначе поступать не будет и пр.

Итак, мы едем под Псков. Боже, будь милостив и веди нас Сам, чтобы наши труды не были напрасны. Во Пскове 3500 княжеских стрельцов, 4000 конницы, а городского населения и боярских детей, поселенных в этой области, 12000, способных к защите; там есть также стены, но говорят, что уже старые. Мы ведем 20 осадных орудий, а недалеко — 14000 пехоты. Мы надеем-

^{*)} Вороницы, местечко Опочецкого уезда Псковской губернии.

ся, что явится посольство насчет мира. Дай Бог этого. Я не думаю о псковской прибыли, дал бы Бог вернуться в целости домой. Лазутчики дали знать, что русские сожгли около Пскова несколько замков и что все жители переносят свое имущество в город.

Здесь уже осень и такие холода, какие у нас бывают около св. Варфоломея⁹⁰. Уже близка зима. Итак, веселья не будет. В Заволочье 3 августа 1581 года.

7 августа

Я провел ночь в пустыре, подвергаясь большим лишениям после ужасной дороги. Здесь такие высокие горы, как у нас на Подгуре. Они не скалисты, но зато на них много мелкого камня. Почва иловата, а дожди и холода уже наступают. Бог знает, какая будет нам жизнь.

8 августа

Я выбрался из пустырей в лучшую и более плодородную страну и провел ночь в 5 милях от Воронца: там обилие во всем, деревни, т. е. села, расположены густо, хотя нигде не видно ни одного человека; на полях большой урожай и много хлеба.

9 августа

Я приехал в Воронеж. Ничего нового не слышно.

Приготавливают правила для лагерной службы, но еще их не обсуждали. Король недоволен, что роты сходятся медленно, так как уже время двинуться с места. Холодное время приближается, а дороги будут худые; Бог знает, что ждет нас впереди. Недавно русские сожгли пригород Красный, недалеко от Пскова, а сами с имуществом перебрались в Псков.

10 августа

Артикулы уже написаны, и их читают в совете в присутствии всех ротмистров. Выслушав их, ротмистры просили через пана

Пжиемского, чтобы им было дозволено посоветоваться между собой отдельно.

Это им разрешили, и через пана Пжиемского они объявили, что на все согласны, только один пункт, по их мнению, очень строг, а именно, что никому по своей воле и надобности нельзя ни отъезжать домой, ни отлучаться из армии. Если король останется здесь на зиму, то никто из них не уедет; но если он оставит армию, то просят, чтобы и им дозволили отправиться; второе требование, чтобы поскорее назначили гетмана; третье, чтобы заплатили за верную службу королю. На первое требование дан ответ через пана Эборовского, что король соглашается; на второе, что король, поговорив с членами совета, назначит гетмана; на третье, что приложат все старания к уплате жалованья.

Пан Пжиемский старается, чтобы король исполнил обещание, которое дано на сейме пану судье Калишскому касательно пошлины радиевской, а также села Богушичи. Об этом есть листы пана воеводы Познанского, да и сам судья пишет, что хочет, кроме этого, деревню Чолову. Я сказал пану канцлеру, что она принадлежит к Радзиову и находится в ведении пана старосты Радзиовского; об этом говорил сам канцлер с п. Пжиемским, так что тот уже отказался от Чоловы и домогается другого. Он говорит, что из-за этой Чоловы не хотим потерять милости пана маршала. Здесь есть пахолок пана воеводы, которого Пжиемский хочет отпустить в Польшу, он просит меня, чтобы я послал через него документ на познанское место. Я отвечал, что это невозможно, так как мною обещано переслать его только в руки Вашей Милости. Что же касается п. Ожельского, то, чтобы успокоить его, я пошлю ему привилегию, как только она будет готова, с чем согласен и п. Пжиемский. И так, чтобы не откладывать дела с указом на судное место, я отправляю этот документ с гонцом п. воеводы, не говоря, какое это письмо, а адресую его просто Гралевскому в Варшаве и напишу, чтобы он передал как можно скорее Вашей Милости. У меня есть свои причины, почему я не посылаю этого письма прямо на имя Вашей Милости.

Артикулы, которые всему рыцарству и всем, кто бы ни поступил в войско, должны быть объявлены, как ротмистрам, так и товарищам и всем другим, которые явятся на службу его королевского величества и Речи Посполитой

Стефан, Божьею милостью, король польский, великий князь литовский, русский, прусский, мазовецкий, жмудский и проч. и трансильванский.

Все, которые будут состоять в нашем войске, как получающие жалованье, так и волонтеры, из какого бы ни были сословия, чем бы ни занимались и из какой бы нации ни происходили, должны подчиняться порядку и военным артикулам, изображенным ниже, ибо каждый приехал не для того, чтобы мешать военным действиям, а чтобы споспешествовать им. А так как мы от Бога получаем все блага и тем более успех в битвах, то да благословит нас Бог в настоящем деле и в наших предприятиях; каждый из начальников и панов должен стараться вести своих подчиненных к тому, чтобы все, особенно теперь, имели страх Божий, молились Господу и старались о чистоте совести.

Так как все войска будут разделены на отряды, которые пойдут по отдельным дорогам, то каждый должен следовать с своим отрядом; каждая часть должна идти таким образом, чтобы не смешиваться с другими, а также каждая рота следует одна за другой в таком порядке, в каком они будут расписаны, не мешая друг другу, и тяжести каждого отряда должны идти вместе со своею частью. Для этого все должны давать свои повозки, как крытые, так и казенные, рыдваны, телеги, коляски, также кибитки и друг., кто что имеет. А если захотят при которой-либо части идти торговцы с продовольствием, то они должны объявить об этом заранее, чтобы не мешать движению, и следовать на указанном им месте.

Для надзора за соблюдением порядка, который будет указан каждому начальнику отряда, назначаются по два ротмистра, а кто

упорно будет мешать в походе, у того можно сломать воз и виновного может наказать не только главный начальник отряда, но и каждый из ротмистров, назначенных для надзора за порядком.

Тяжести его королевского величества, также и орудия никто не может трогать; виновных в этом подвергает наказанию тот, кому поручена охрана обоза его величества.

Если в котором отряде сломается повозка, то ее должны тотчас же убрать с дороги, а затем, когда починят, то на привале, который случится, ротмистры должны пустить ее на прежнее место. Если как-нибудь воз завяжет, то должны вытаскивать его те, которым прикажут ротмистры.

Когда отряд должен делать привал на месте, которое ему назначат, то никто из другого отряда не должен ни кормить лошадей на этом месте, ни брать продовольствия, а в особенности должны охранять те места, которые будут назначены для короля его величества.

За продовольствием никто не может ездить за линию стражи, также и теперь во время похода; а кто поедет, того должны остановить те, которые будут на страже. Если же будет сопротивляться, то поступят с ним так, как изображено ниже.

Назначается один генеральный профос; у него будет власть брать виновных, какой бы нации или отряда они не были, будет ли это в лагере, или в другом месте; а при профосе должны состоять четверо: один из поляков, другой из литовцев, третий из венгерцев, а четвертый из немцев, чтобы было порядочно и ни для кого не обидно. Всякий, кто провинится, должен быть приведен к назначенным лицам, которые будут всегда заседать в нашем лагере, а будет их четверо, по одному из каждой названной нации; они, выслушавши дела, которые случатся между людьми разных наций, должны постановить решение; допускается, однако, апелляция к гетману. О всяком случае нарушения военной дисциплины они должны доносить гетману.

Все другие дела должны вестись по обыкновению гетманскими чиновниками.

Кто поднимет руку на профоса или его людей, тот должен быть казнен неупустительно; а кто обругает его или его помощника, тот должен быть посажен на кол.

Все казаки, которые добровольно идут в неприятельскую землю, не должны действовать вразброд, но все должны собираться под команду того, которому это поручено; кто же будет бродить без ведома начальника, тот будет казнен отсечением головы, и всякий из нашего войска волен схватить такого и привести к гетману. Также казацкие ротмистры не должны принимать к себе людей из рот; если же кто примет чьего-либо слугу или беглого пахолка, то тот, который убежал, должен быть казнен отсечением головы, а кто принял — должен быть наказан по усмотрению короля и членов совета.

Никто из войска не должен посылать за посылкою, ни за фуражировкою за линию передовой стражи без ведома гетмана, а кто проедет через линию, тот должен быть остановлен стражею и строго наказан. А кто будет сопротивляться, может быть безнаказанно убит часовыми; если убежит, то где бы он ни был пойман, должен быть наказан отсечением головы. Если ротмистр, который будет в то время на стороже, не заметит этого, тот подвергается строгому наказанию. Если нужно будет послать кого далеко от лагеря, то это должно быть сделано по возможности безопаснее.

Никто не смеет портить продовольствия, пуская в хлеб лошадей и волов, но может его только жать или косить; также никто не должен зажигать деревень и церквей, убивать русских крестьян, попов, детей, женщин и девиц и причинять им какое-либо насилие, а также брать в тюрьму или в неволю.

Кроме того, никто ни из служащих ротмистров, ни из волонтеров или купцов не должен отсылать из войска никакой добычи, захваченной в неприятельской земле, но каждый должен держать добычу при себе в лагере или продавать для того, чтобы войско не голодало.

Никто не должен распространять никаких слухов, под стра-

хом сидеть на колу; если кто узнает о чем, тот должен сказать об этом секретно гетману, а гетман — королю; также обо всем, что заметят случайно, должны сказать ротмистру или начальнику, а тот — гетману; о делах же военных никто не должен судить, говоря напрасно на стороне, ибо такие разговоры часто бывают причиной беспорядков и неповиновения в войске.

Когда располагаются лагерем, то никто не должен заступать дорогу возам своей палаткой или лошадьми, а каждый должен остаться на месте около своего воза, когда ему велят идти в лагерь; также никто не должен выдвигать своего воза из рядов под опасением строгого наказания.

Каждый ротмистр должен быть всегда при своей роте, как во время похода, так и тогда, когда затрубят тревогу.

Кто, находясь на службе или в войске, произведет беспорядки и бунт, тот должен быть наказан отсечением головы. А для того чтобы не было бунта, когда пошлют за кем привести к гетману или к тем, которым будет это поручено, виновный не должен идти в большой компании, но с двумя или тремя друзьями. Вообще во всяком деле каждый отвечает сам за себя.

О нуждах же своих рыцарство должно через ротмистров докладывать гетману, а гетман — королю.

Кто будет сопротивляться чиновникам или гетманским слугам, в случае если те велят ему явиться к гетману, а также если будет сопротивляться ночной страже, тот должен быть наказан отсечением головы.

Ротмистры и товарищи во всех военных делах ничего не могут делать по своему усмотрению, но должны ждать приказа гетманского, под страхом лишения чести.

Продовольствие никто не должен покупать от торгашей, ни посылать для них, но покупать только тогда, когда оно будет привезено на торг.

Кто заведет ссору, то наказание такого будет зависеть от усмотрения гетмана. Если кто кого ранит, тот будет наказан отсече-

нием головы; если же не ранит, а выхватит оружие или схватится за него, тот должен быть наказан отсечением руки.

Если произойдет ссора между спорящими, то никто не должен бежать на помощь, под страхом отсечения головы.

Кто вызовет кого на поединок, тот должен быть строго наказан.

Люди невооруженные, а также женщины дурного поведения не должны следовать за войском, кроме тех, которые имеют мужей и везут за войском продовольствие и хорошо ведут себя⁹¹. А кто будет уличен в безнравственном поступке, то оба должны быть наказаны отсечением головы.

Каждый должен доносить гетману о пленных, в случае если поймает их, и сдавать гетману на его усмотрение, так как многое зависит от того, когда гетман знает, какие это пленники. Также если кто, храни Бог, бежит из чьей-либо роты или отряда, то об этом должно быть донесено гетману.

Незнакомого человека никто не смеет держать у себя из опасения шпионства, ни принимать его в роту, ни иметь слугою, не донеся о таком ранее гетману. А кто посмеет делать иначе, тот должен быть строго наказан.

Никто не должен запрягать в возы строевых лошадей или давать их кому-либо, а также не должно никогда посылать их для своей надобности под страхом строгого наказания, разве сделает это с разрешения гетмана.

Найденную вещь никто не должен удержать более одной ночи, а обязан отнести ее к гетману, чтобы можно было повесить ее на столбе или поставить ее при нем, дабы тем легче каждый мог найти потерянное. А если кто сделает иначе, тот будет наказан как за воровство.

Каждый должен знать свой лозунг.

А если кто будет пойман ночью не знающий лозунга, тот будет на колу.

Итак, когда будут трубить к лозунгу, то нужно, чтобы всякий шел к трубачу узнать, какой лозунг.

По объявлении лозунга никто не должен поднимать крика, стрелять из оружия, ни давать громких пиров под опасением строгого наказания.

Во время похода никто не должен кричать по какому бы то ни было поводу или при виде какого-либо зверя под страхом строгого наказания.

Пока мы сами будем лично присутствовать на войне, никто не должен удаляться из войска; а если уедем за каким-либо делом и войско оставим на месте, то с ним должны также остаться и все служащие.

А в прочем, если кто будет иметь действительно важную нужду, то будет обращено внимание на его просьбу, чтобы он мог удалиться на время, оставивши при своей роте хорошего и надежного поручика.

Как во время похода, так и в лагере никто не должен пускать на корм очередных лошадей; они должны быть всегда наготове, как только понадобятся.

Во время похода и в лагере во время отдыха ни у одного ротмистра не должны ни бить в барабан, ни трубить, кроме гетмана, а во время похода только в назначенном отряде по особому приказанию гетмана.

Если у гетмана будут бить в один барабан, то все ротмистры тотчас сами должны сходитья, кроме больных; это для того, чтобы получить приказания и передать их своим товарищам. А в особенности если случится что-либо важное, то нужно сейчас посоветоваться.

Никто под страхом наказания не должен жечь места, на которых стояли перед выступлением в поход.

Ротмистр должен представить верные сведения о том, какие недостатки терпит его рота.

Один от другого не может принимать товарища без ведома гетмана, а также никто не может переходить из одной роты в другую.

Шинкарям ничего не платится, и они должны довольствоваться

тем, что заработают. Они должны останавливаться не в лагере, но перед лагерем, где им будет указано.

Ни сбруи, ни оружия или военных принадлежностей, ни ливреи никто никому не должен одалживать, ни принимать к себе такие вещи, равно как и воровских вещей никто, а в особенности корчмари, никому не должны давать под страхом виселицы.

Также если бы кто проиграл с себя что-нибудь, напр., сбрую, меч, ружье, форменную одежду и пр., то тот, который проиграет, и тот, который выиграет, будут наказаны как за воровство.

После объявления лозунга маркитанты не должны ни торговать, ни впускать к себе на ночь кого-либо из лагеря, ни принимать у себя, а также должны гасить огни под страхом наказания

А если кто насильно велит дать себе напитков или будет чинить насилия, тот будет наказан отсечением головы, все равно как бы он сделал это в лагере.

Эти корчмари не должны брать с собою чужого слугу, который убежит из войска, ни помогать ему в бегстве под страхом отсечения головы

Никаких нечистот и скотского навоза ни в лагере, ни при лагере никто не должен держать в одном месте, но должен или далеко вывезти из лагеря или глубоко, по крайней мере на $1\frac{1}{2}$ локтя, закапывать в землю; также всякую падаль, если у кого падет какое животное, каждый должен вывезти на место, которое назначено будет от властей.

Если кто из рыцарских людей и других, участвующих в этом походе, будет уличен в срамных делах, тот должен быть строго наказан по усмотрению гетмана.

Также кто будет лежать постоянно пьяным, не заботясь о своей должности, тот будет наказан по гетманскому усмотрению.

Все пешне должны соблюдать эти арткулы, которые главным образом составлены для них.

Кто в чем провинится, должен быть наказан сообразно с артикулами.

11 августа

Публично в совете и при всех ротмистрах пан Зборовский именем короля провозгласил канцлера великим гетманом коронным.

Новый гетман держал речь по-польски весьма красноречивую и умно составленную, сказав, между прочим, что «он охотнее пошел бы на приступ, чем носить этот титул и проч». Мы не знаем, как считать это гетманство, потому что при назначении гетманом пан маршал не говорил, навсегда ли дается этот титул или только на время теперешней кампании. Другие говорят тихомолку, что канцлер останется пожизненным гетманом и пр. После обряда провозглашения поздравляли канцлера сперва сам король, а затем паны: церемония вышла очень торжественная. От короля провожали его до палатки множество ротмистров, которые приносили ему поздравления через пана Пжиемского. Поблагодарив, гетман напомнил им, чтобы они строго наблюдали за товарищами, «потому что, — говорит он, — я не буду смотреть ни на кого, кто бы он ни был, и скрепя сердце буду исполнять свои обязанности». Все говорят, что гетман будет хорошим и строгим полководцем. Он сейчас же велел объявить артикулы.

Король сам отправляется в дорогу во вторник, а завтра раньше его после смотра двинутся в поход литовцы. На полдороге от Пскова есть русская каменная крепость Остров; в ней немного людей; если она не сдастся, то должны будем взять ее силой. В Псков и Новгород пошлют грамоты с приглашением поддаться королю.

Литовским гетманом остается по-прежнему пан воевода виленский.

Венграми командует королевский племянник, которому оказывают большие почести; он заседает при короле на совещаниях и проч.

Документ на половину Нотешей, деревню Богушичи и село Радзеевское король подписал на имя калишского судьи.

Я рассматривал условия на эту аренду и нашел, что на этой Нотеши и Богушичах есть старый долг 1000 червонных золотых и 610 гривен, а это немалые деньги.

Пошлина свободна, люстраторы оценили в 400 золотых, оттуда же идет кварта.

12 августа

Был смотр жолнерам, которым составляли список: пишу только одному Вам — по правде сказать, нас немного, особенно конницы: всех с теми, которых у пана Трокского едва, не смею сказать, 8000 лошадей; пехота хороша, и ее довольно; она смело могла бы вступить в бой с превосходными силами русских. Новый гетман уже распоряжается: сам устанавливал роты, объезжал в качестве гетмана и канцлера с печатью, висевшей на шее, за ним везли гетманский значок на древке копья; на голове гетмана венгерская шапка красная, пуховая; на значке его написано: «Fortitudo et laus mea Dominus»⁹². Он делит войско на полки.

Впрочем, роты не все кажутся одинаково хорошими, но все-таки после падежа лошадей и переезда через пустыри у нас еще довольно лошадей и людей.

Отряды литовских панов не так велики и не так стройны, как прежде.

Гетман поручил сегодня, вскоре после смотра, полк пана Гнезненского пану Нисчицкому до приезда самого Гнезненского и включил его в состав литовского отряда, который двинулся по другой большой дороге, а не по той, по которой следуют король и польское войско. Это сделано отчасти ради провианта; при том же получено известие, что в сторону от большой дороги, по которой должен ехать король, собралось 7000 татар. Вероятно, они и были, но, услышав о большом королевском войске, вернулись к Пскову, где останавливались ненадолго.

За татарами гетман поручил следить пану Радомскому, придав к его роте 3 конные роты и две пешие: пана Крайчего в 20 коней, Пенионжка 200, Ландскоронского 150 и 200 пана

Радомского. Кроме того, 200 пеших Вибрановского, 200 Тарновского, с которыми должен ехать вперед по большой дороге король. Пан Радомский выступил тремя днями ранее короля: ему велено идти на Остров и попробовать взять его, если найдет это возможным.

Литовские паны с Нисчицким и полком пана Гнезненского выступили того же дня.

13 августа

Литовцы выступают в поход. Они должны идти по правую сторону, несколько миль впереди нас; пан воевода Брацлавский уехал также сегодня с несколькими ротами за паном Радомским по большой дороге к Острову.

Было столкновение в присутствии короля между паном гетманом и маршалом Эборовским о пределах их власти при дворе, так как вчера гетман едва было не велел посадить одного кавалериста на кол за то, что тот отнял у какого-то русского корову. Гетман говорил, что обязанности гетмана и маршала различаются в мирное время, но не в военное, когда гетману принадлежит юрисдикция над всеми, как жолнерами, так и придворными и пр. Маршал ссылался на положение о маршалах, которое написано неясно; я думаю, что король на стороне гетмана. Маршал говорил, что лично во всем готов повинаться гетману, но здесь дело идет о нарушении прав его звания; наш также твердо стоял на своем. Затем они обнимались и целовались, но Бог знает, искренно ли.

Придворный Голковский, подпив, проезжал по лагерю; случайно попал ему навстречу служитель пана подскарбия, ехавший в повозке. Голковский наехал на повозку, так что его лошадь каким-то образом ударилась грудью в дышло; рассердившись, он стал бить служителя нагайкою, как будто тот был виноват. Тот, спрашивая, зачем его бьет, сказал: «Ты не посмел бы бить меня, если бы здесь случился мой господин». Тогда Голковский, крикнув ему в ответ: «Ты еще стращаешь меня господином», — выхва-

тил саблю и бросился на него. Служитель защищался своей саблей в ножнах, но Голковский успел нанести ему рану в голову. Пошли жалобы к гетману; тот послал за Голковским, но его сегодня не могли найти. Гетман очень сердит и хочет непременно взыскать за этот поступок согласно с артикулами. Придворные бунтуются с паном Зборовским. Не знаю, что будет далее. Пан Радомский, который три дня тому назад был отправлен с Вейером под Остров, доставил двух русских пленных, пойманных в дороге. Они говорят, что в нескольких милях отсюда есть 5000 русских с татарами, которые должны были броситься на нас, но, услышав, что наше войско близко, отступили. Как знать, не встретится ли с ними пан Радомский. Боже, помоги ему! У него 300 всадников и Ухровецкий с 700 отличнейшей пехоты.

14 августа

Пан гетман очень строг. Он велел казнить одну безнравственную женщину, которая, бросив мужа, пристала к товарищу роты Бонара; другую приказал выгнать из лагеря, отрезав ей уши и нос. Он очень сердит на Голковского и велел профосу ночью вместе с помощниками идти и арестовать его в палатке. Король сам приказал судить его на основании артикулов. Голковский же устроил так, что пан Минский, явившись к королю, доложил: «Слуга мой обвинил Голковского напрасно; он теперь сам говорит, что ранен не им, а кем-то другим».

Русские схватили двух пахолков из роты Пжиемского, когда те в поле собирали хлеб для лошадей; третий убежал. Король послал пана Корховского на рекогносцировку со 100 человеками. Здесь не очень безопасно ездить; даже между русскими, присягавшими нам, попадают многие, которые стараются мстить за разорение, как могут.

15 августа

Сегодня в полночь по поручению гетмана профос пошел за Голковским, когда тот спал; палатку окружили 100 гайдуков с ру-

жьями; Голковскому профос крикнул: «Ступайте к гетману на суд, а если не пойдете, то мне велено привести вас». Голковский, видя, что делается, встал с кровати и пошел. Профос с гайдуками довели его до гетманского шатра; утром же гетман, справляясь в поход раньше короля, велел пешему ротмистру Глазговскому взять Голковского и вести с собою в поход; таким образом тот должен был идти при пешей роте.

О Боже, вот поднялось смятение и крики на гетмана! Придворные собрались на сходку; послали старосту пана варшавского с паном кухмистром^{*)} с Яжиною и Шинявою к гетману, прося его смиловаться и отпустить Голковского на поруки, предупреждая, чтобы он в этом деле поступал осмотрительнее и не очень торопился. Гетман отвечал, что судить его будут при всех согласно с артикулами и что он уже хорошо обдумал, как ему поступить. Между тем Зборовский с королем заперлись в палатке; через полчаса, когда маршал вышел, король через кухмистра передал гетману о разговоре, который имел с маршалом. Говорят, гетман ответил: «Если и он сделает что-либо подобное, то увидит, что я с ним так же поступаю». Матерь Божья, на нас всех дрожит кожа — но это хорошо, нужно наказывать негодяев.

После обедни гетман посетил короля; там мы нашли придворных в большом страхе; с ними был пан Зборовский.

Все расступились перед гетманом в то время, когда он выходил от короля и хотел садиться на лошадь; тут подошел к нему пан Зборовский. Гетман отвел его в палатку, и они некоторое время говорили между собой; затем мы сели на лошадей и отправились в дорогу. Что будет после с Голковским — не знаю; теперь он под стражей. Мы в двух милях от Воронца, проводим ночь над рекой Великой. Король завтра отправляется за нами.

Карховский возвратился, но пахолков не нашел: он говорит, что те русские, которых схватили, вероятно, бежали из Опочки.

^{*)} Кухмистр — придворный чиновник, заведующий королевским столом (слов. Линде).

Мне почему-то сдается, что эта Опочка много повредит нам.

Гетман выехал из Воронца в следующем порядке: впереди шла рота пана подчашего Зебржидовского, за ней — пана Бонара, потом — пана старосты Ливского, пана Гостомского и Сенявского, за ними — роты разных панов, секретарей в 400 лошадей. За ними — пан Яков Ожеховский, сын луцкого старосты Жировинский, и наконец — Андрей Ожеховский, которому дана рота пана старосты Пржемысльского.

16 августа

Король изволил выехать на другой день после гетмана, сделав 5 миль от Воронца, так что он в один переезд сделал столько, сколько мы в два. За королем выступил пан Пржиемский с 600 коней своего полка, т. е. из своей роты 200, пана Старембского — 150 и пана Бокея 100; за ним шли орудия, потом Фаренсбах с конницею и с немецкою пехотою. Шли таким образом, что гетманский полк всегда останавливался на расстоянии $\frac{1}{4}$ мили от короля. Мы ночевали в 4 милях над той же рекой Великой; король за нами в $\frac{1}{4}$ мили. Мы уже вступаем в веселую и плодородную страну, но что пользы от этого? Везде пусто, мало жителей; между тем повсюду деревни; земля как Жулавская, может быть, даже и лучше.

17 августа

Мы ночевали в 2 милях над той же рекой, а король за нами в $\frac{1}{4}$ мили. До Острова только ровно миля. Ухровецкий с несколькими пешими ротами успел уже окопаться у самой крепости. Гетман сейчас же, не отдыхая, поехал к крепости, обедал у пана Радомского, который уже стоит там 4 дня. Гетман объехал замок на близком расстоянии, назначил место для лагеря и для батарей и в тот же день возвратился к королю. По собранным сведениям полагали, что Островом легко овладеть, и обещали взять его для забавы и ради присутствия короля, но когда увидели место, зани-

маемое крепостью, со всех сторон окруженное водой, — так как две реки обтекают его, — то сейчас поняли, что труднее взять его **видя**, чем не выдавши; король с гетманом в тот же день отправились к крепости; приехав туда за час до вечера, они осмотрели **положение** крепости и возвратились в лагерь, когда уже наступила ночь.

Воевода Брацлавский с венграми, с Собоцким и пан Нисчицкий, находящиеся в передовом отряде, уже несколько дней тому назад миновали Остров и приближаются к Пскову.

18 августа

Мы двинулись под крепость. Король не поехал; воевода Брацлавский уже прошел Остров и стал в миле от крепости; литовские паны в 3 милях. Замок построен на острове, среди реки; он большой, каменный и имеет четыре каменные башни. Доступ легкий, но нужно идти по воде, пешим по пояс. Стены не очень крепкие, но, вероятно, за ними русские построили деревянные срубы, засыпав промежутки землей⁹³. Гетман послал к осажденным грамоту в ласковых выражениях, чтобы сдавались; но они не ответили ни слова и хотят защищаться.

Ухровецкий с другими пешими ротами уже стоит на том берегу реки в окопах, близко к стене; недалеко от него — Карл Истван с королевскими венграми. Орудия успешно перевезены в брод ниже крепости. Сегодня ночью повезут их в окопы.

Радомский остановился со своим полком на дороге, по которой пришел; гетманский полк по другую сторону дороги, на четверть мили от пана Радомского. Когда русские нас увидели, то сейчас стали стрелять из пушек; нам пришлось проходить так близко от крепости, что ядра перелетали через нас, пока не направили орудия как следует. Рота Гостомского поплатилась двумя пахолками и отличной лошадей. Бог спас, что злодейское ядро попало в последний ряд, когда уже рота прошла, иначе было бы порядочное отверстие, если б попало в середину отряда. Мы расположи-

лись близко к замку, на выстрел из гаковницы; но осажденным предстояла забава стрелять не по лагерю, а по окопам, которые уже начали вооружать; сегодня ночью насыпали туры, причем погибло около 40 человек пеших пана Ухровецкого; между ними также 3 дворянина — из товарищей. Гетман везде присутствовал сам: он подъезжает близко к замку и беспрестанно бывает в окопах.

19 августа

Пан Ухровецкий плохо устроил окопы и туры, так что в эту ночь должны были поставить их иначе. Ухровецкий до полудня стрелял хорошо, но постоянно попадал в верхи башни.

Велено исправить окопы и туры, чтобы попадать в середину башен, так как стена легко осыпается. Из замка стреляют не очень сильно, но и не слабо. Гетманскому пушкарю прострелили руку из ружья.

Венгры также окопались по другую сторону против Ухровецкого; сегодня ночью привезли орудия и, насыпав ночью туры, открыли огонь по крепости.

Король сегодня остановился на $\frac{1}{4}$ мили от замка и от гетманского обоза на $\frac{1}{2}$ мили в другую сторону.

Зборовский находится под командой гетмана, а Голковский в его обозе. Говорят, что суд над ним отложен до прибытия к Пскову.

Масловского профос ведет в цепях за войском.

20 августа

Сегодня наши удачно стреляют по крепости. Они пробили небольшое отверстие в башне, но за стеной должны быть другие укрепления.

Как только справимся с Островом, поспешим к Пскову, который отсюда в 10 милях. Мне кажется, там хорошо приготовляются к нашей встрече.

Документ на звание познанского судьи посылаю Вашей Милости, а также суррогацию, а пану Познанскому — на должность калишского судьи.

Писано под Островом, 20 августа 1581 года.

Едет турецкий чауш.

21 августа

Вчера вечером около 21 часа, крепость Остров, не будучи в состоянии выдержать долее огня нашей артиллерии, сдалась. Против венгерских окопов и наших польских сбиты две крайние башни и при каждой, в каменной стене, выбито отверстие, так что можно было идти на приступ. Русские сдались на милость короля; им позволено в целости выйти из замка, а вещи и одежду всю оставить; тех, которые захотят отправиться к князю, отведут на несколько миль и дадут пропускные листы, а которые захотят остаться в своих деревнях, тем это будет дозволено. В крепости всех вообще было около 1500 человек; детей боярских 100, а стрельцов 200, пять орудий, гаковниц и ружей немало, а также и пороху. Наш порох, который мы израсходовали, воротился с излишком. Стены толщиной без малого в 2 сажени, сложены из белого камня (тесаной плиты); однако наши орудия разбили их; это превосходные орудия, хотя их у нас всего 20. Воевода один; ему также дают свободу; по словам русских — они никогда не думали, чтобы их так скоро и даже вообще можно было взять. Так, один русский (русин) из пехоты Ухровецкого, спрятавшийся у венгерцев, бежал в крепость, рассчитывая, что она неприступна; осажденные также полагали, что король в состоянии брать одни деревянные замки посредством огня, а так как этот был каменный, то они считали себя в безопасности.

В тот же день они ужинали в палатке у гетмана. Замок окружен стражей, чтобы никто не выезжал и не входил, ибо уже наступил вечер.

Русские все вышли из крепости, у каждого отобрано все, только оставили при одной рубашке, а платье раздают пешим, которые все продают. Жаль смотреть на побежденных: злой тиран, который допускает, чтобы так поступали с его людьми и землей. Хотя это и не большой замок, но очень красивый. Вода со всех сторон окружает остров, на котором он стоит; эту воду русские запрудами собрали под стены и построили на польский манер немало мельниц, на что смотреть очень приятно, но огонь все это истребил. Мне кажется, что нам таких теперь не выстроить. Какому-то венгерцу король поручил замок; из наших некоторые ропщут, а наш пан Накельский грозит сеймом. Мне кажется, что канцлер будет жалеть о том, что уговаривал его на сейме идти на войну. Мы двинулись от Острова далее к Пскову. Мы въезжаем в какую-то другую страну: хлеба не видно, только кустарник и совершенно пустые поля. На этом ночлеге литовские паны, пан Нисчицкий и венгры доставили двух языков боярских детей, которых они вчера выхватили из русской стражи в одной только версте от Пскова. Пленные рассказывают обо всем, что делается в городе. Там два начальника Шуйские, дядя⁹⁴ и племянник⁹⁵, стрельцов 2500, которыми командует какой-то Мишка Черкашанин, королевский подданный⁹⁶; гаковниц, ружей и пушек изобилие; за крепостью смотрят исправно; где стена не надежна, там есть готовые деревянные срубы. Они сожгли предместье, около 1500 домов; стоят только замки^{*)}, в которых находится 300 каменных церквей. Продовольствия достаточно; тысяча государевых клетей стоят у церкви св. Троицы, наполненные хлебом. Итак, они делают приготовления, как для гостей.

Стены на две сажени (толщины), но пленники сомневаются, выдержат ли они, так как Островские оказались непрочными.

^{*)} Автор разумеет тройной ряд стен, из которых состояла Псковская крепость. окольный город, средняя стена и Довмонтова.

Для добывания языка пан Нисчицкий послал пана Розна с ротой пана Гнезненского.

Воевода Виленский послал также немного литовцев.

23 августа

Мы провели ночь в двух милях. Пан Гостынский представлял королю свой отряд. Гетман велел ему следовать при своей хоругви.

24 августа

Мы уже в миле от Пскова, у каких-то двух рек, которые здесь сливаются и потом под городом впадают в реку Пскову^{*)}. Любуемся Псковом. Господи, какой большой город! Точно Париж! Помоги нам Боже с ним справиться.

Скоро слезли с лошадей и не успели еще раскинуть шатров, как Радомский поспешил известить гетмана, что русские, сделав вылазку, сильно теснят воеводу Брацлавского, который с венгерцами проник до самого города. Не обошлось у нас без смятения: гетман не дослушал даже обедни и в суматохе долго не мог дожидаться коня, так как его отряд еще не пришел к месту стоянки. Он отправил гоица навстречу ротам: отряд Гостынского, находившийся ближе других, поспешал со всех сил; вот они уже стали переходить реку; еще слава Богу, что здесь везде частые и неглубокие броды. Прискакали к реке, но оказалось, что коней не нужно было мучить. Пан Брацлавский придумал такую хитрость: часть своего отряда он спрятал в кустарнике, который растет в трех верстах от города, а с другою выехал вперед, чтобы выманить русских из города и потом навести на скрытых в засаде и таким образом захватить или побить, сколько удастся. Мог бы успеть в этом, да помешали венгерцы. Из города выехала толпа татар, пан воевода начал отступать к кустарнику, а венгерцы не выдержали и выско-

^{*)} Автор говорит о реках Великой и Черехе, при слиянии которых находился Пантелеймоновский монастырь (теперь упраздненный).

чили вперед; тогда со стен открыли частый огонь, под защиту которого и стали татары, не подвигаясь далее⁹⁷. Одному венгерцу из лука прострелили ногу, Собоцкому — красную накидку, в которой засела стрела, да убили еще чьего-то коня. Вот и вся трагедия; бранят венгерцев.

25 августа

Гетманский обоз и несколько рот переправились через реку Череху: возы, кони — все в брод. На этих переправах мы испытываем большие неудобства за неимением порядочных мостов, необходимых для такого большого войска. Король за нами в расстоянии одной мили и перейдет реку утром со всем двором. Если русские на этой переправе нас не бьют, я уверен, не будут бить и на других; если где, то здесь было бы для них самое удобное место, притом же сами недалеко в городе и пр.

Много уже собралось наших под городом. Наши наездники подъезжали под самые стены крепости, выманивая русских, но те не хотели выходить из-под выстрелов. Стояло их у самой стены несколько сот конных и пеших; когда их теснили, они отступали к стенам и старались отстреливаться из ручниц и самопалов; а когда наши отступали, они гнались за ними, но всегда так, что оставались под защитой крепостных орудий. Пушки у них отличные и в достаточном количестве; стреляют ядрами в сорок полновесных фунтов, величиной с голову: достанется нашим батареям и насыпям!⁹⁸

Гетман целый день объезжал город со всех сторон, осматривая укрепления, отыскивая место для лагеря, для траншей и пр., а подъезжал очень близко к стенам, не обращая внимания на опасность: несколько раз стреляли по нему из орудий. Город чрезвычайно большой, какого нет во всей Польше, весь обнесен стеной; за ней красуются церкви, как густой лес, все каменные; домов за стенами не видно. Местность превосходная: город расположен на красивой равнине; в миле от города сливаются две реки, Великая

и Череха, и, подобно тому, как Висла под Варшавой, текут с одной стороны города; третья речка Псковка впадает в две первые и, протекая через самый город, доставляет тем самым осажденным большие удобства. В полмили от города тянутся частые холмы, покрытые можжевельником; мы хватали там руками, гоняясь на лошадях, зайцев, дрохву, куропаток, в присутствии короля, который приезжал из своего лагеря осматривать город. Наш подкоморный Равский послал из своей роты пахолков*) на фуражировку, а венгерцы напали на них, двоих сожгли в избе, обложив соломой, третий как-то успел убежать; у Накиельского тоже побили несколько человек, отобрав у них съестные припасы и деньги; обещают, что молчать не будут и пр.

Только сегодня узнал, что Алек. Пунинского, сына того, который живет в Косцянах, товарища из роты Гостынского, русские, проходя под Себежем, захватили сонного и отправили, как показывают пленные, к великому князю.

26 августа

Сегодня мы все кое-как переправились. Король отыскал несколько мест вброд для переправы обоза, так что переходили все разом: в одном месте венгерцы, в другом — литовцы, в третьем и четвертом — польские войска, на пятом — венгерская пехота; пану Нишицкому, пану старосте Литовскому и пану Гостомскому поручено наблюдать, чтобы возы шли, не мешая один другому; сам король часто приезжал смотреть. Скоро переправилось все войско, а за ним король с артиллерией; только Фаренсбек остался со всем своим отрядом на той стороне и переправится завтра. С королем было шесть рот. Из города и из крепости шла усиленная стрельба; впрочем, частые холмы, а также частые каменные церкви

*) Пахолки — оруженосцы товарищей, их нужно отличать от простых жителей. Каждый товарищ имел при себе двух или трех пахолков; они были вооружены копьями, но не имели лат, на плечах носили медвежий мех и крылья из орлиных перьев.

и огороды служили нам прикрытием, и, по милости Божьей, из пушек убито только две лошади в переяславской роте. Всего лучше было бы поставить королевские шатры у р. Псковы, и уже посланы были на то место шесть возов и Нишицкий с полком п. Гнезненского, но усиленная пальба с крепости заставила нас против воли остаться еще на день у реки Великой, от места переправы в полмили. Теперь король и гетман выбрали другое место для лагеря. Гетман целый день объезжал город, приближался даже к стенам, высматривая место для лагеря и осадных работ. Худо только, что нет человека, который бы умел устроить лагерь. Был какой-то Рембовский из Руси, мастер своего дела, но так как ничего не заплатили, то он и уехал. Занялись этим: пан обозный с Русковским и с ними коморник Солимовский. Не знаю, помогут ли они делу.

27 августа

Наши орудия еще на той стороне реки, и при них несколько пеших рот. Сегодня в полночь без всякой причины неизвестно кто начал так кричать, что за ним вся пехота подняла страшный крик и гам. В королевском лагере забили тревогу; все в одних рубашках повыскакивали из шатров и бросились к коням, даже сам гетман; мы думали, что русские, побив всю стражу, напали на нас; но вскоре дали знать об истинной причине смятения. Король велел гетману расследовать дело; как можно видеть, натерпелись мы большого страха. Сегодня и в прежние ночи видны на небе какие-то знаки, как бы столбы, которые представляют подобие двух конных войск; еще какие-то подобия крестов. Но дива тут нет никакого, а скорее какая-нибудь игра природы, испарения и пр.⁹⁹

Король делал смотр немецкому отряду курляндского герцога в 150 коней; за ними Фаренсбах показывал своих 150 немцев действительно хороших и 1600 пеших немецких кнехтов очень порядочных. Всадники у немцев стройные, хорошо одетые в зо-

лото и шелк; самопалы, алебарды, мечи все в золоте; между ними есть и дворяне, которые у себя дома получают немалые доходы; наберется их человек с 300; они пришли сюда только из-за чести служить королю; немало их там на плацу сходило с коней целовать королевскую руку. Впрочем, между ними много больных; теперь еще туда-сюда, но скоро — зима, наступит непогода, и тогда Бог знает, что будет с ними и с нами; однако Господь Бог посылает нам теперь теплую погоду. Дороговизна на все большая, особенно на хлеб и на пиво, а чтобы то и другое было хорошо, избави Боже! etc. Не удивительно, что начинаются болезни. Со своего становища мы не трогались целый день.

Какой-то пахолок на коне, вооруженный копьем, показывая вид, что из молодечества может подъехать к самым стенам города, передался русским; знают кто, но молчат. Отправлена в город королевская грамота с напоминанием, чтобы сдавались, а не дожидались, пока возьмут; лист взяли, обещая через пять дней ответ, что некоторыми принято за доброе предзнаменование. Приготовлен, кроме того, охранный отряд, на случай если бы осажденные захотели отправить к нам парламентаров.

Некому устраивать лагерь: хлопот много; назначено было место недалеко от города, и уже двинуты были туда тяжести, но русские так усилили стрельбу, что наши должны были попятиться и выбрать другое место, от прежнего почти в полмиле.

28 августа

Ровно за день перед этим мы должны были со своего бивуака двинуться в лагерь под город, но не было кому распорядиться: обозный Русковский и коморник Сулимовский, взявши эту обязанность на себя, не знали, как приняться за дело. Между тем наш Собоцкий, ожидая знака к выступлению, привел к гетману четырех московских стрельцов, только что захваченных его рейтарами под самым городом: когда венгерские возы подвигались прямо к месту, назначенному для лагеря, те выехали из города с

намерением ударить на них: рейтары, которые всегда находятся при венграх, атаковали русских, двух или трех убили, других ранили, а этих захватили в плен. Между рейтарами есть несколько опасно раненных. Королю приятен подвиг Собоцкого, и его рейтары заслужили добрую славу. Гетман поехал с пленными к королю. Они говорят, что Шуйские хотят крепко обороняться и во всем соблюдают большую осторожность. Сегодня послали нашего дезертира к вел. князю с донесением, что король начал действительную осаду.

Из солдат Фаренсбека один алебарщик перебежал к русским, вероятно, с голоду или с нищеты. Немцы жалуются, что четыре дня не ели хлеба; но и у нас его нет: небольшой хлебец, за который в Познани платим полгроша, стоит здесь пять грошей, а какой гадкий — страх! Большие беспорядки. Шинкари, перекупщики дерут немилосердно. Бог знает, что потом будет с нами, служащими без жалованья; особенно бедные кони терпят нужду. То верно, что назад придется идти пешком.

Какой-то озорник венгерец, в присутствии самого гетмана, дал пощечину ротмистру Глосковскому, а другого — ранил; его сейчас заковали. Посмотрим, какую окажут справедливость. Король сказал: «Придется его повесить».

В полдень двинулись с места стоянки в лагерь. Первый ряд построили как пришлось; король в середине, гетман близко к нему; потом все роты торжественно проводили короля до лагеря: русские могли все это видеть со стен, хотя происходило это не очень близко от города — добрых две версты. Из города ни разу не выстрелили, да и было бы бесполезно. Оказалось, гораздо лучше стать так, подалее, нежели как предполагали прежде.

Впереди шли все литовские роты и обоз; показавшись хорошо русским, они направились в лагерь, расположенный вправо от королевского. За ними следовал Радомский со своими ротами, затем гетманская хоругвь со своими отрядами, далее Ухровецкий с пехотой, за ним другие ротмистры, в конце 15 хоругвей венгерской пехоты. Затем маршал Эборовский с придворной хоругвью

и всем двором, в конце Пжиемский со своей ротой. Продолжалась эта процессия без малого до второго часу ночи. Сказать правду, это войско показало бы себя, когда бы Бог помог. Фаренбек со своим отрядом пришел еще раньше нас и стал впереди на поле на случай вылазки против лагеря.

29 августа

Ночью открыта была сильная стрельба по лагерю, но без существенного вреда, так как все орудия большого калибра были перед этим свезены русскими в другое место; они не рассчитывали, что лагерь наш будет с этой стороны. Убиты только немец Фаренбека и королевский кучер.

Все жолнеры*) с возами и с тяжестями расположились в лагере в три ряда, как обыкновенно у них в обычае. После обеда некоторые выехали из лагеря на рекогносцировку, но без всякой пользы, потому что русские ни на один шаг не хотели выйти из-под защиты своих выстрелов.

Из фаренбековой роты один немец, по имени Иксель, должен был быть знатный, погнался за каким-то русским, но сгоряча попал под самые крепостные выстрелы, получил рану в голову, упал с коня и был тотчас захвачен русскими. Хотели некоторые из наших подать ему помощь, но было поздно, потому что стрельба из пушек и ручниц шла сильная; кто мог, все выбежали из лагеря, даже сам гетман. Из прислуги, некоторые ездили под самые стены за конским фуражом, трое попались в руки осажденных. Король очень озабочен.

Ядра, летающие с башен, становятся все больше и больше; некоторые переходят за 50 фунтов весом; Бог знает, выдержат ли наши туры; придется, пожалуй, ставить деревянные срубы. По просьбе короля и гетмана все жолнеры и двор посылают свои повозки для фашичника на туры: делается это не по долгу службы,

*) Жолнеры — нем. Jöldner, — воины, инаймавшиеся в военную службу, солдаты.

но по доброму расположению. В пехоте Фаренсбека служит один француз, капитан Гарон, человек очень маленького роста, настоящая лягушка; сегодня в сумерки, объезжая с гетманом стены, он спустился в городской ров, шпагой измерил его ширину и глубину и узнал все, что требовалось. Благодаря Богу ничего трудного не будет для приступа: во рву воды мало, и подниматься из него к стене города нетрудно.

Некто Редер, чех, истый служака, который с небольшим конным отрядом явился служить королю на свой счет, выехал гарцевать под стены; против него тотчас выступило из города несколько десятков всадников. Редер со своими храбрецами бросился на них и, рубясь под самыми выстрелами крепости, четверых взял в плен и лично привел к королю, который с удовольствием принял их и приказал выдать Редеру прекрасный подарок¹⁰⁰.

30 августа

Гетман созвал к себе всех ротмистров и держал к ним речь, напоминая, чтобы они с товарищами^{*)} и слугами своими поступали во всем согласно написанным и опубликованным артикулам; также чтобы воздерживались от наездов, ни к чему не ведущих, так как невозможно копьем своротить стену; да и что за храбрость лезть без всякой надобности на пули, чтобы от них погибнуть? А между тем большая опасность и потеря, в случае если кого захватят, тем более что с захваченными обращаются чрезвычайно жестоко. Кто хочет выказать свое рвение перед королем и Речью Посполитой, пусть ожидает штурма; теперь же может записаться в реестр, и тогда его поставят на первом месте. Другие смеялись этому, покачивая головами и пр. Также просил, чтобы никого из служителей не посылали под стены собирать продовольствие: некоторые роты могут отправлять с этою целью разъезды за 6 или за 8 миль. Далее — так как он сам не может поспеть

^{*)} Товарищи — кавалерийские офицеры из шляхтичей, служившие на свой счет.

всюду и его присутствие всего более необходимо в окопах, то он решил, чтобы в случае надобности его место в лагере заступал воевода Брацлавский, которого он с этих пор и назначает главным поручиком войска. Пусть каждая нация имеет свой особенный суд, который будет производиться перед королевским шатром с правом апелляции к гетману, а потом и к королю.

Судьями у поляков назначаются Пржиемский и Бех, у венгерцев — Петр Хендей, а литовцы с немцами могут сами выбрать себе судью. Просил также, чтобы каждый назначил коней и телеги для возки хвороста.

Все потом отправились к королю, который и одобрил распоряжения гетмана. Литва обещала назначить от себя судью.

В роте Ухровецкого был русский дезертир, который давно уже бежал из России в Швецию, а потом вступил на службу в польские войска. Под Островом он бежал из роты в крепость, но по сдаче замка взят вместе с другими. Сегодня его четвертовали.

Один из немцев фаренсбекова отряда поднес королю большие немецкие книги, переплетенные в золото и зеленый бархат, печатанные по-немецки, «De re militari»¹⁰¹, графа фон Солниса, написанные отцом его, служившим при Карле V¹⁰², — редкие книги, которыми король остался чрезвычайно доволен; купить их нигде невозможно, потому что граф печатал их у себя дома и роздал только князьям своим и рыцарям; сын его и подарил один экземпляр королю. Все относящееся к войне можно там найти, и сегодня даже, при обсуждении военных действий, эта книга служила руководством; согласно ей нашли много совершенно ненужных вещей, которые только обременяли армию.

Есть известие, что великий князь находится в Старице, в 80 милях от Новгорода, а Новгород отсюда почти в 40 милях.

Из города не было сделано ни одного выстрела: что-то тихо.

Фаренсбековы немцы-стрелки, соблазнившись подвигом Редера, подъехали к самым стенам; на них напали русские. Они так увлеклись атакой, что вогнали русских обратно в город, причем один немец, подъехавший близко к воротам, убит выстрелом из

крепостного ружья; конь его убежал к нам, а тело схватили русские.

31 августа

Прибыл турецкий посол. Приказано выехать к нему навстречу на несколько стадий от лагеря придворным и ротмистрам. Выезжали в красивом убранстве, по распоряжению короля. Гетман поручил встретить его пану Бонару. Намет для него раскинут недалеко от лагеря, но так, чтобы оттуда нельзя было видеть расположения лагеря; хлоп старый, седой и, должно быть, хитрый; ко всему, что у нас делается, приглядывается со вниманием. Хотят дать ему поскорее аудиенцию и выпроводить отсюда.

Захворал ротмистр Гостынский. Его рейтера ропщут, что он ничего не исполняет из того, что обещал, когда уговаривал идти на службу.

Фаренсбека часто приглашают к королю для совещания насчет ведения войны, так как он хорошо знаком с планами великого князя и с положением Пскова: видно, что он в большом почете.

Никак не пойдем, почему из города ни вчера, ни сегодня не сделано ни одного выстрела.

Сегодня проходит пятый, и последний, день, в который осажденные должны прислать ответ на королевскую грамоту. Ничего еще не слышно. Бежевич пишет из Трансильвании, что там все спокойно, что известную юную особу¹⁰³ венгры единогласно приняли на воеводство и что со дня на день ожидают из Константинополя утверждения и присылки хоругви.

1 сентября

Посол ездил к королю на аудиенцию.

Вели его через весь лагерь, чтобы видел пехоту немецкую и нашу; несколько тысяч с ручницами поставлено шпалерами по его пути. При поднесении королю письма от султана посол в лестных

выражениях, именуя короля братом султана, высказал, что кроме написанного в письме не имеет ничего сказать; ответ ему дан через канцлера, и затем аудиенция кончена. Потом представлялся какой-то посланец от воеводы молдавского и отдал письмо.

2 сентября

Сегодня ночью наши начали копать траншеи; довели их до рва, близко к самой стене, и туры поставили разом в два ряда, насыпавши их землей¹⁰⁴. Работа производилась так тихо, что русские не заметили и только в полночь открыли частую стрельбу из орудий, но благодаря Бога большого вреда не нанесли: убито только 4 пеших и сколько-то ранено. Венгерец Петр Хендий получил огнестрельную рану, кажется, опасную, хотя пуля засела в теле, не коснувшись кости. Русские стреляли часто до самого утра, когда они сделали вылазку, но вследствие нашей стрельбы должны были быстро отступить в город.

Гетман неустанно хлопочет в траншеях и подвергается там большой опасности.

Храни его Боже.

Происходил совет. Читали перевод султанского письма, привезенного чаушем; как ответить на него или что с ним делать, мнения были различны. Некоторые хотели торговаться о поминках, которые мы даем, и переменить их на выкуп. Канцлер с королем решили, что это постыдно, что лучше с варварами вести дело как следует, торгом же мы обидим султана и останемся у него в подозрении. Татары, конечно, могут поступиться чем-нибудь, но после заплатят себе нашей же кровью. Чтобы не было частых посылок и переездов чаушей к нам, что нежелательно, придется когда-нибудь выпустить татарских царевичей. И так надо отписать султану, что как только мы узнали о царевичах, то велели иметь попечение о них старосте Черкасскому, от которого и получили уже известие, что они теперь находятся у него. Так как мы зашли очень далеко от своей земли, то трудно иметь верные

сведения о царевичах, как они убежали от татар и по какому поводу, да и от крымского хана нет еще никакого письма об этом; но как только возвратимся домой, то, разузнав все как следует, мы будем в состоянии исполнить просьбу султана; кроме того, следует дать ему понять, что за эту услугу он должен наблюдать за соседом в Валахии, чтобы старшего царевича, когда отошлем его, посадил на царство; а младший, если возможно, пусть останется у нас в качестве заложника. Таким ответом не обидим султана, и, маня его обещаниями, мы завесим ему глаза, а сами можем что-нибудь выиграть. По мнению короля, необходимо также, когда будут давать свободу царевичам, убедить их, чтобы они всегда оставались благодарны нам за услуги и, памятуя добро, им оказанное, и сами спокойно держали себя относительно Польши и других понуждали бы к этому.

Наша челядь не может удержаться, чтобы не ходить под стены. Сегодня русские схватили четверых и увели в крепость, а несколько немцев убито в огородах.

Русские сильно стреляют по окопам, бросают в них ядра в 70 фунтов и очень большие камни. Однако туры наши так хороши, что эта стрельба несколько их не портит. Много уже израсходовано в городе ядер, и пороху, должно быть, там большой запас. Нужно усердно молить Бога, чтобы Он нам помог, потому что без Его милости и помощи нам не получить здесь хорошей добычи. Не так крепки стены, как твердость и способность обороняться, большая осторожность и немалый недостаток орудий, пороху, пуль и других боевых материалов.

3 сентября

Лениво ведем мы осаду. Уже неделя, как стали мы здесь лагерем, а все еще не стреляем и батарей готовых не имеем. Немцы Фаренсбека ропщут, что им не дано жалованье, и не хотят идти в траншеи; только сам Фаренсбек с рейтерами пошел туда. Будет хлопот с этими немцами. Король вовсе не желал их, а только

шотландцев, но Фаренсбек, не успев набрать тех, привел немцев. Король этим недоволен; умирает их очень много.

Ночью русские зажгли какую-то деревянную башню, поставленную внутри за стеной; все стены, поля и наши шанцы, освещенные этим огнем, были ясно видны, как днем. При помощи этого освещения русские вплоть до полуночи осыпали наши окопы ядрами и пулями, чем сильно затрудняли работу.

4 сентября

Наши прилежно работают в траншеях, готовят туры; в некоторых местах приходится копать с чрезвычайным трудом, так как грунт — настоящая скала. Ночью русские употребляют удивительные хитрости против наших рабочих: не довольствуясь безостановочной пальбой, они бросают в окопы факелы и каленные ядра, так что не только причиняют вред нашим, но и освещают местность около стен и тем заставляют наших работать под навесами — иначе все видно. Переговариваются также с нашими со стен, безобразно ругаясь, напоминая, как король не сдержал слова, данного лучанам. «Мы, — говорят, — не сдадимся, а похороним вас в ваших же ямах, которые вы, как псы, роете против нас».

Сегодня решено устроить батарею с той стороны города и поставить там 3 орудия; но много ли этого? Нам нужно бы вдвое более орудий и людей для такого огромного города, потому что станем бить с одной стороны, а другая будет оставаться в целости; вообще такое замедление в пальбе многим не нравится. Вот уже четыре дня и четыре ночи копаем траншеи, плетем корзины, а русские, видя, куда мы метим, там и укрепляются и пр. Следовало бы в одну ночь, незаметно для неприятеля, все сделать: поставить туры, прикатить пушки и с рассветом сейчас же открыть огонь. Работающие в окопах говорят, что из города доносится сильный шум, крик людей, женщин, детей, рев скота и пр. Слышен между прочим постоянный стук топоров; надо полагать, не к добру для нас! Признаться, велика будет милость Божья, если сделаем себе

что-нибудь на радость: не поможет Он, так нам не по силам взять такой город.

5 сентября

Русские, заметив, что пушечные выстрелы мало действительны против окопов, сняли орудия сверху стен и башен и поставили их в нижних амбразурах; но и так мало вреда. одного, другого убьют, возьмут то очень низко, то высоко. Бросают в окопы бомбы и каменные ядра, чем немало вредят. У нас боятся за порох, и потому велено держать бочонки в мокрых воловьих кожах. Работы в траншеях много; в некоторых местах нужно прокапываться через скалу; сами траншеи делают длинные и широкие и притом так, что от польских можно пройти к венгерским и подавать взаимную помощь.

Турецкого чауша отпустили; завтра он уезжает с ответом на султанское письмо.

При отпуске канцлер сказал ему от имени короля, что король ничего не будет иметь относительно отправления царевичей к султану, как об этом султан подробнее узнает из письма, но что, находясь теперь далеко от Украины, король не может иметь о них верных сведений. Он хочет прежде посоветоваться с султаном, для чего и посылает с чаушем своего придворного Дежка условиться в некоторых пунктах: копии этих турецких писем я посылаю Вашей Милости вместе с инструкцией, данной Дежке при отправлении его к турецкому султану.

Так как в Трансильвании все спокойно и скоро придет от султана утверждение вместе со знаменем, то п. Пржемысльского отзывают назад.

Писал я выше, 26 августа, что рейтары Собоцкого отличились и под крепостью, побили и похватали русских. Был с ними в этом деле и также отличился один силезец, какой-то Hans von Reder, видно, знатный дворянин, который с большой свитой приехал для того только, чтобы служить королю; ни денег, ничего не

берет. Гетман пригласил его сегодня к себе на обед, также поручика из роты Собоцкого и некоторых пахолков, участвовавших в той схватке. После обеда гетман держал речь к Редеру и его товарищам (переводил Собоцкий), выхваляя от имени короля его храбрость и в знак королевской милости повесил на Редера цепь в 200 червонных; поручику из отряда Собоцкого вложил в бумагу 100 червонцев; двоим из пахолков по несколько десятков золотых: все остались довольны.

С фаренсбековыми немцами много хлопот. Король сердится, а немцы, к стыду Фаренсбека, не хотят ни идти в траншеи (а все другие, поляки и венгерцы уже там), ни делать ничего другого, пока им не заплатят; и так эти служащие требуют большого и несоразмерного со средствами польской казны жалованья: поручик, напр., требует 400 золотых в месяц, помощник его — 200, следующие за ним — по 100 и пр. Король говорит: право, они этого совсем не стоят; хотел бы лучше шотландцев, если бы их даже и менее было. Фаренсбек напротив, говорит, что с ними было бы еще более хлопот. И король и гетман очень недовольны Фаренсбеком, однако не показывают ему этого, так как он теперь нужен; сегодня подскарбии должны поладить с немцами, и те пойдут в траншеи. И так ежемесячно будет отпускаться на них 8000 золотых, а пришлось бы выплачивать 16000, как они требовали, если бы у нас было более денег.

Фаренсбек постоянно, когда бывает в королевском совете, занимает место возле маршалов, а подле него — Бутлер, поручик в отряде курляндского князя, настоящий служака; королевский же племянник всегда садится впереди между сенаторами.

Епископ виленский, вступивши в отправление своей должности, для начала приказал отобрать в лавках еретические книги, какие только были в продаже, и публично сжечь. Он запретил также еретикам проводить на кладбище умерших или идти в похоронной процессии мимо костела св. Яна и своего дворца. Он жалуется на Абрагамовича, виленского иаместника, и на воеводу виленского, своего дядю, что, доброжелательствуя еретикам, они подрывают его епископский авторитет.

6 сентября

Сегодня ночью устроены в окопах последние туры и на них поставлено шесть орудий; в наступающую ночь будут установлены все остальные и, ей-богу, завтра на рассвете мы скажем псковичам: добрый день!

Они опять поднимаются на хитрости: ночью бросают в наши окопы каленые ядра, которые освещают всю местность; если где заметят наших, занятых работами, стреляют в них, как в мишень, и многих убивают.

7 сентября

Сказать в добрый час — сегодня с рассветом начали громить город с трех батарей — польской и двух венгерских. На польской, под командой Ухровецкого, восемь орудий, направленных на башню, стоящую у ворот; на венгерских — другие восемь, которые действуют по угловой башне у реки Великой; распоряжаются там Борнемисса¹⁰⁵ и Карл Истфан. С третьей батареей, поставленной на той стороне Великой, венгерцы стреляют также по угловой башне. Целый день без перерыва били крепко в башни и стены, и с Божьей помощью продырявили их ядрами настолько, что завтра подумываем о штурме и надеемся, что эта часть города, или, как здесь называют, первый замок, будет наша. О Боже, какой сегодня грохот! Стены клубились, как дым; мы не думали, что они будут так непрочны. В окопах убили пушкаря и из мортир — несколько рядовых, но без этого обойтись нельзя. Из города стреляют тоже недурно, но из названных двух башен русские должны были поспешно убрать орудия в другое место и прекратить пальбу.

Пришло известие, что другой турецкий посол едет сюда и что он уже оставил Вильну. Не очень-то мы рады, что эти гости так часто заглядывают к нам. Послали ему навстречу, с тем чтобы задержать его или в Дисне, или в Полоцке, пока не увидим, какой будет исход осады.

8 сентября

Нынешний день был для нас не очень благоприятен, но что ж: *flexibile principium melior fortuna sequetur*¹⁰⁶. Как венгерцы, так и поляки своими выстрелами разбили по одной башне и около каждой из них пробили в стене проломы такой ширины, что через них можно было удобно идти на приступ. Король по совету своих венгерцев хотел непременно с полудня штурмовать крепость; ему привели какого-то гайдука, который сообщил, что, подкравшись к пробитому венгерцами в городской стене отверстию, он осмотрел все и нашел, что вход в этот пролом по наваленному щепню весьма удобен; что еще удобнее для пехоты вломиться в город через стены, — словом, что все готово для штурма. Гетман и король наградили гайдука за известие. Венгерцы настаивали, чтобы идти на приступ как можно скорее. Не так думал гетман¹⁰⁷ и другие, как Вейер, Фаренсбек. Они полагали, что лучше вызвать несколько десятков охотников, послать их к проломам осмотреть, можно ли ворваться в город и, собрав, т. о., верные сведения, начинать дело. На этом решении и остановились¹⁰⁸.

Гетман выбрал несколько человек из пехоты Фаренсбека, 20 пеших немцев и французов и столько же поляков, которые и должны были осмотреть проломы: до их возвращения запрещено было выходить кому бы то ни было из окопов.

Перед полуднем начали поспешно готовиться: одни — идти на штурм, а другие — любоваться. К королю явилось 5 кавалерийских ротмистров с просьбой позволить им пешими участвовать в приступе. Король охотно дал свое позволение. Это были: кавалер Пенионжек, Стадницкий, кравчий Мнишек¹⁰⁹, Андрей Ожеховский и Бокей. Надев поверх брони белые рубашки, каждый вывесил перед своей палаткой хоругвь, давая тем знать, что охотники могут записываться к их знаменам, во-первых, для того, чтобы король знал о каждом, а во-вторых, чтобы не смешаться с другими войсками. Удивительное дело, как много набралось охотников записаться в реестр! В белых рубахах, надетых сверх вооруже-

ния, держа в руках обнаженные мечи и кинжалы, они ходили друг к другу прощаться и писали завещания.

И грустно и весело было смотреть на это!

Вот ударили в литавры, сзывая конные роты.

Когда наступил условленный час, мы все выехали из лагеря. Король стал над р. Великой, очень близко от венгерских окопов, почти на безопасном месте. Роты конницы расположились и над лагерем, с той стороны города; волонтеры со своими хоругвями направились в траншеи.

Немного спустя открыт был огонь из наших пушек и ручного огнестрельного оружия по той части стены, которая оставлена между проломами, с целью отвлечь внимание русских стрельцов, стоявших на бланках, и тем дать возможность нескольким десяткам наших охотников подойти под выстрелами к проломам. Но лишь только охотники двинулись, как другие в нетерпении бросились за ними: впереди венгерцы, за ними — немцы, за немцами — толпы наших, без всякого порядка¹¹⁰.

Венгерцы и немцы, на глазах у множества зрителей, подбегав к наружной разбитой башне, быстро заняли ее¹¹¹; тотчас выкинули четыре хоругви и открыли с нее огонь по русским. Нам издали казалось, что город уже взят. Через четверть часа ринулись наши со своими хоругвями к другому пролому и к другой разбитой башне. Впереди виднелись белые охотники, и в особенности храбро выступали Стадницкий с Пенионжеком. Одни заняли полуразрушенную башню и набились туда битком, другие через пролом ломились в город, но здесь нашли то, чего не ожидали. Они очутились на обвале стены, соскочить с которой в город было высоко и трудно; каждый рисковал сломить себе шею¹¹². Русских за стеною была тьма, так что наши поневоле должны были остановиться. Тогда-то, о Господи, со стен посыпались как град пули и камни на всех тех, которые толпились внизу; из окопов стреляли по этим зубцам, но безуспешно. Те из них, которые забрались в первую башню, тоже рады бы броситься в город, но и им было невмочь. Затем русские открыли пальбу по башне, где

засели поляки, ядром сбили ее щит и крышу (до сих пор державшуюся на ней)¹¹³, так что она обрушилась на наши войска, стоявшие внизу: только, к счастью, не убила никого, а ранила нескольких. Потом русские под обе башни подложили пороху, чтобы выжить наших, подкладывали и головни, отчего деревянные связи в башне, где были поляки, быстро загорелись, так что нашим по необходимости пришлось очистить башню¹¹⁴. Те, которые сражались в проломе и оборонялись, сколько могли, от русских, занимавших зубцы и стрелявших оттуда, тоже принуждены были отступить. Овладевшие другой башней еще держались, но к вечеру и те ретировались¹¹⁵. Не знаю, сколько наших легло при этом штурме, потому что говорить об этом не велят. Я полагаю, убитых до 500; раненых камнями, секирами, избитых дубинами — очень много¹¹⁶. Гавриил Бекеш убит из ручницы; Глукомский, пехотный ротмистр, тоже и Конопковский, поручик отряда Ухровецкого, сам Ухровецкий легко ранен из самопала; Кетлер, племянник курляндского герцога, тоже ранен; Бутлер, поручик из отряда курлянд. Герцога, ужасно избит; Редер, который недавно получил от короля цепь, ранен из ручницы, и врачи не надеются, чтобы остался жив, — это из знатнейших. Пехотных десятников, а особенно венгерцев и немцев, погибло довольно. Всех этих раненых и убитых из венгерских окопов пришлось пронести мимо короля, стоявшего иад рекою, так что всякий мог его видеть. У нас и фельдшеров столько нет, чтобы ходить за ранеными. Что сам видел, то и описываю Вашей Милости. Трагедия эта продолжалась от 19 до 23 часа. Король, отъезжая в лагерь, велел рейтарам пана Гостынского спешиться и идти стеречь окопы, что те сейчас и исполнили. Удивительно, что не только они, но и все всадники Фаренсбека, оставив своих коней, пошли на штурм; в Германии они этого не сделали бы, хотя бы им сам цесарь приказывал. У Фаренсбека, должно быть, немало погибло заметных людей. Что приступ сошел иеудачно, обвиняют главным образом венгров¹¹⁷. Надо было бы подождать хотя один день, сделать пролом

пошире, собрать о нем надлежащие сведения, а не полагаться на слова гайдука и пр. Пишу Вам по секрету и пр.

Сегодня пришло прошение от косценских мещан; п. воевода Познанский вступается за них, просит, чтобы их освободили от иска, который вчиняет Сварацкий, обвинивший их в том, что они не хотели послать выборных. Пжиемский также получил письма от воеводы. Подкоморий равский п. Гостомский говорил мне, что Пжиемскому, между прочим, писали, как п. Калишский нечестно покончил дело с Меджижецким. Приехали они в Пыздру во время заседаний очередного суда принести присягу; п. Калишский по своей воле, без требования, послал Чарнковского к Меджижецкому сказать, что освобождает его от присяги. Меджижецкий не только не поблагодарил пана Калишского, но пошел в ратушу и объявил, что готов принести присягу по королевскому декрету, и велел записать протестацию. «Было, — говорил подкоморий, — с Меджижецким 50 экипажей; местечко полно народу. С паном Калишским не было никого, кроме нескольких пахолков». «Видишь ли, — продолжал он, — до чего дошло дело?» Теперь в ответе те, которые за это дело взялись. Меджижецкий поклялся, что пока у него достанет средств, он будет стараться... Тут подкоморий замолчал, не сказав больше ни слова. Я отвечал: «Для чего он приносил присягу и за что он хочет мстить кому-то? Не знаю». «Действительно, — говорю я, — не верю, чтобы Вы хотели заняться чем либо подобным. Мне кажется, он будет доволен миром, так как постоянно хворает». «Не верь его болезни: силы его возвратились и он совершенно здоров; я видел, — продолжал он, — что п. воевода собственноручно пишет Пжиемскому следующее: «Мне кажется, те, которые просили вакансии после него, должны будут обождать немного». Затем кто-то отвлек его от этого разговора, и мы разошлись. Происходило это в королевской палатке, так что многие, бывшие там, слышали наш разговор.

Пишу об этом для того, чтобы Ваша Милость имели сведения не только о военных делах, но и знали, что до нас и из Вели-

кой Польши доходят новости, которыми мы и занимаемся, если нет военных известий.

9 сентября

После вчерашнего штурма мы немного смущены; главное же (о чем пишу одному только Вам), хотя мы стреляли только два дня, а уже чувствуем недостаток в порохе. Посылаем сегодня за ним курьера к рижанам: не знаю, выпросим ли что-нибудь? Гетман подарил королю несколько десятков центнеров пороха и 300 цельных ядер, которые привез сюда на собственных своих лошадях. Прекрасно было бы, если бы и другие вельможи так же поступили. Русские в проломах, сделанных нами, снова ставят срубы и туры и так хорошо исправляют их, что они будут крепче, нежели были прежде¹¹⁸. Мы бы и стреляли в них, да принуждены беречь порох. Вот, Ваша Милость, до чего мы дошли! Это все наварили венгерцы. Если бы поступили так, как советовал гетман, чему есть свидетели, то вышло бы гораздо лучше. Ведь вся неудача этого штурма падет только на его голову и проч.

Хотим мы покуситься еще на один приступ и подумываем о подкопе; собираем пеших казаков, чтобы и они также готовились к атаке. Бог весть, что будет! Необходимо, чтобы Он Сам помог нам своим милосердием и милостью. Чтобы ни случилось, боюсь, как бы нам не потерять здесь и ту частичку славы, которую мы добыли в последнее время.

Хлевицкий, живший при покойном воеводе Сендомирском, пошел вчера на штурм и убит. Он был в отряде Пенионжка. Собоцкому порядком досталось во время приступа: избили его дубьем и камнями, как собаку. Наши Меджихицкие тоже отличились. Брат Стадницкого сильно ранен.

10 сентября

После штурма думаем поправиться, что легко может случиться, если усилим себя или придумаем что-нибудь необыкновенное.

Одно верно, что во всем терпим недостаток. На место заболевшего Ухровецкого назначен в окопы Пенькославский. Пдицкий со времени своего приезда к войску все болен: Бог знает, поправится ли он от этой болезни. Фаренсбек, нанимая шотландцев, выдал некоторым жалованье вперед и потерял было надежду на прибытие их в лагерь, теперь извещает короля, что они идут сюда в числе 600 и уже недалеко. Мы с радостью их поджидаем; они храбро полезут на эти стены, но клянусь, что и хлопот с ними из-за денег будет более, нежели с немцами. После штурма каждый день умирает много раненых. Далмата, кажется, назначают сумиовским старостою, а пану Ферепсу дают местечко Могильничи с несколькими деревнями близ Варшавы. Бог знает, не вытеснили бы нас эти венгры из Польши! и князя наши уже не могут за ними угнаться — так какую же любовь к службе могут иметь другие?

11 сентября

Приготавливаем то одно, то другое к новому штурму. Везде, вижу, тихо: надо полагать, придумывают какие-нибудь хитрости. Помогите нам Боже! Решительно не понимаю, как это у москалей достает пороху и ядер; видно, у них нет недостатка, как у нас; стреляют день и ночь, но все напрасно: по милости Божьей как окопам, так и людям вреда нанесено мало!

В этом месяце Господь, по своей милости, дал нам превосходную погоду; дни такие ясные, прекрасные и теплые, как у нас в Польше, но, вероятно, недолго нам наслаждаться этим! Господа строят для себя на зиму домики, а мы, бедные, не знаем, как будем спать в наших палатках.

12 сентября

Сегодня ночью Петр Кенди умер от огнестрельной раны; хотя рана в ноге и не была очень опасна, но от образовавшегося в ней воспаления не мог спасти и Буцелла. Андрей Секель тоже ранен во время штурма, говорят, очень слаб и не надеется, что останется жив.

На другое утро после штурма русские повесили на городской стене одного венгерца. Пенькославский говорит, что они сегодня ночью кричали к нам в окопы: «Видели, как висит венгерец? вас всех так повесим!» Еще грозили одному человеку, но я писать о нем не смею. «Какой это король у вас? Ни зелья, ни денег не имеет! Подите к нам: у нас и зелья и денег, всего много». Портят своею стрельбою нам туры, так что на иные велено опять возить хворост. Ведем подкоп под стены, только не знаю, как скоро он будет готов; хорошо, если бы русские не догадались, а то они, по рассказам пленных, поделали везде слухи^{*)}. Нашим приходится копать в каменистом грунте и наталкиваться на погребца о сводах. Помоги нам Боже!

Стефан Белявский¹¹⁹ прибыл сегодня в лагерь со своим отрядом из 600 порядочных гусар, 60 казаков и сколько-то пехоты. Королю они понравились; представлялись также князь Пронский и 50 конных волонтеров. Еще Корф из Лифляндии привел 100 немецких наемных рейтар, за ними представлялись волонтеры из подвластных королю ливонских дворян, в числе нескольких десятков человек.

Гневышева стража схватила под городом нескольких русских, которые выехали на наших пахолков, собиравших в огородах капусту, и уже одного вели в плен. У них больше десятка таких, так же как и дезертиров. Трудно прекратить это своеволие. Хотелось бы нам соблюсти совершенную тайну о подкопе, который мы ведем; но от этих языков трудно уберечься!

13 сентября

Продолжаем вести подкоп; не знаю, как скоро будет готов; о Боже, если бы удалось это! Должно быть, наши еще не докопа-

^{*)}Остаток этих слухов, т. е. подземных коридоров, и теперь можно видеть у Покровской башни, вблизи которой сохранилось устье подземного хода, ведущего далеко в поле. Такие слухи были устроены и в Смоленске, о чем упоминает Масквнич в своем описании Смоленской осады: он говорит, что ни один подкоп не мог удасться потому, что русские везде имели слухи.

лись до рва. Одно знаю, что пока не будет пролома, ничего не сделаем, а если и войдем через пролом в город, то в городе еще две отдельные крепости, защищенные стенами и башнями, на которых довольно орудий: их нам также придется проламывать и брать. Господи! помоги нам. Мне кажется (пишу одному Вам), что мы с мотыгой пускаемся на солнце. Не так бы нам следовало идти против Пскова и пр. Староста Смятынский представил королю 12 дорогих турецких лошадей.

Стефану Белявскому с его отрядом приказано расположиться с другой стороны города.

Я получил письмо от Гралевского из Варшавы. Он пишет, что Зембоцкий, приехав туда из Дисны (от двора он отправился в Краков и заехал в Варшаву), позвал его к п. охмистру^{*)}, от которого хочет выхлопотать позволение вывезти соль из Варшавы и не продавать ее нигде при складах, говоря, что таково приказание короля; он сообщил об этом писарям (при складах) и сделал какие-то письменные распоряжения. Кроме этого, пишет, что Зембоцкий передавал, будто я советовал ему поступить таким образом, и сказал, что это купеческая соль, а не наша, что я показал ему условия, которые заключены с ним и пр., как Вы можете видеть из копии письма Гралевского. Не понимаю, что за новости выдумывают эти соляные пристава? Зембоцкий был недавно при дворе и провожал короля из Вильны до Дисны, стараясь о каком-то указе. Я даже ни одного часу не спускал глаз с него и постарался, чтобы он не получил ни указа, ни письма, которые могли бы повредить нашей опеке или продаже остатка соли. Он также хотел продать, но должен был оставить этот проект; он взял с собою полный воз указов, которые все прошли через мои руки: ни один из них нам не помешал, напротив, все в нашу пользу. Ты, говорит он, причиною, что маршал гневается на пристава; нам следует просить короля, чтоб вы не мешали нам своею солью, которую имее-те в складах в Мазовии; но из уважения к пану маршалу оставим это; но вот, приехав в Варшаву, этот человек принялся за другое,

^{*)} Гофмейстеру.

задержал продажу у Гралевского, так что тот не получает ни гроша; он говорит, будто я ему советовал и показывал письменные условия, но этого не только на деле, но и в уме у меня не было. Я не ожидал от него таких происков. Мое дело только рассылать королевские указы по всем казенным складам о вольной продаже соли: копии этих указов посылаю Вашей Милости. Я отправляю другое письмо к п. Ланчицкому, чтобы он не вмешивался в эти соляные дела и не мешал Гралевскому своими процессами. Я также прошу Вашу Милость отправить письмо насчет опеки о том, чтобы нам не мешали в этой продаже, так как соль эта не купеческая, а собственная наследника; Гралевский же только слуга нас, опекунов, и продает соль от нашего имени с разрешения короля. Кроме того, прошу Вас написать к мазовецким писарям, чтобы они умели держать себя относительно нас и Гралевского, а также и Селиге, варшавскому мещанину, писарю при мазовецком складе, у которого в руках все эти дела. Не сомневаюсь, что Ваша Милость сделаете это по расположению к нашему питомцу. П. Подскарбий все кричит о 3000 квартовых остатков.

14 сентября

Николай Гостомский, ротмистр из отряда пана Трокского¹²⁰, приехал с письмами и вестями и привез с собой татарина, служившего при дворе великого князя, который теперь в Старице¹²¹. Этот татарин уже две недели как сбежал оттуда. Пан Трокский пишет, и Гостомский подтверждает, что они с войском подходили на 3 мили к Старице резиденции князя и сожгли все окрестные селения. Сам князь, как показывает этот беглый, смотрел из города на дым и пламя, когда горели зажженные нашими селения, и плакал. Великую княгиню с детьми и имущество он отправил от себя водою. Посылал к Поссевину, чтобы готовился к отъезду; но Поссевин отвечал, что он не готов и что ему бежать нет надобности, потому что войск польских не боится. Тогда князь вторично послал сказать, чтобы уезжал как можно скорее. Поссевин опять ответил, что это вовсе не нужно, разве принудят его к тому си-

лою. По словам беглеца, думные бояре, в особенности Мстиславский, смотря на общее бедствие, советовали царю двинуться с войском на наших или послать кого либо из сыновей. Царь не захотел, говоря: «Я стар, а те не бывали еще на войне».

Потом, обратившись к какому то из бояр, начал бить и душиить его, говоря: «Видишь, я посылаю тебя сжечь Биже (Bierge) (замок Трокского в Литве); ты этого не сделал, а теперь он на моих глазах палит мое добро». Говорил тоже: «Ну, теперь счастье на стороне короля, пусть пользуется; настанет и моя очередь». Перебежчик рассказывает еще, что был при том, когда князь советовался с думными боярами, можно ли согласиться на мир с королем на тех условиях, которые он предлагает? Бояре советовали уступить Лифляндию и уплатить все издержки, как того требует король. Когда говорили великому князю о деньгах, он чрезвычайно гневался и метался. Он имеет известия от Шуйского из Пскова: тот обнадеживает, что может продолжать оборону и прибавляет, что нам угрожает голод и что вследствие этого мы не можем долго оставаться под городом, что более чем на 10 миль вокруг Пскова все запасы уничтожены.

В последнем он ошибся: мы везде нашли много запасов нетронутыми; теперь, правда, мы сами так опустошили окрестности города, что принуждены посылать за 6 миль отсюда. Поссевин у великого князя в большой чести. Должно быть, уверяет, что имеет счастье устраивать мир между христианскими государями, что из Москвы не уедет, пока не помирят князя с королем. Дай-то Бог! Все, что пишу, сообщил сегодня королю в палатке русский беглый, а переводчиком был пан воевода виленский. Много знает этот беглый княжеских дел, секретных и проч.

15 сентября

Пришло известие, что шведский король взял Нарву¹²².

Пан кастелян Гнезненский прибыл в лагерь.

Много ротмистров встречало его, и сам король ласково при-

нял. С той стороны города русские на лодках прокрадываются в город.

Туда ездил гетман ставить стражу; когда возвращался в лагерь, впереди его ехал наш пан Косцельский, а с ним Черный, один из свиты гетмана; русские выстрелили по ним из пушки: ядро, пролетев под лошадью Черного (перед самым гетманом), оторвало пальцы у левой ноги Косцельского и у его лошади ногу. Душевно жаль, что произошел такой случай, оба очень страдают, все-таки Косцельский не так опасно. Гетман велит за ним прилежно ухаживать. Вот как бывает на войне! Гетману очень неприятно, когда около него много собирается, потому что русские метко стреляют. В минуту несчастья около гетмана было 40 всадников.

Королю на зиму строят дом, и паны стараются, чтобы им зимою было тепло, а если мы, бедные, перемерем, что с ними будет?

16 сентября

Прошлой ночью в крепость пробрались два бота с людьми. Должно быть, или гонец, или кто-либо другой, и в таком случае надо полагать, что русские находятся выше Порхова в большом числе. Наши посылают туда сторожевые отряды, которые заняли оба берега: в то же время наших два судна стоят на воде каждое у своего берега; в одном 100, а в другом 160 вооруженных огнестрельным оружием и проч.

17 сентября

Сегодня ночью 17 русских ботов пытались скрытно пробраться в город, но их заметила наша стража, расставленная вдоль реки; одних захватили на воде, других, пристававших уже к берегу и старавшихся уйти, побили или побрали в плен: еще и теперь гонятся за ними по полям. Захвачен также их начальник; всех их было 150 человек. Теперь ведут их в лагерь связанными, как скот. Князь послал их в город на подмогу. Взяли мы 16 лодок: одна

как-то ускользнула. Все припасы, которые были на лодках, захвачены немцами. Тешимся понемногу в этом роде. Шведы взяли Нарву приступом. Перехвачено письмо от русских к князю Мстиславскому, в котором просят укрепить Ивангород, находящийся напротив Нарвы, на другой стороне р. Наровы. Мы перехватили также русские письма из Пскова к великому князю. Уведомляют, что король ведет подкопы под стены, и пишут подробно, как и в каких местах. Видите, Ваша Милость, как хорошо знают в Пскове о том, что делается у нас в лагере, и, кажется, придется нам оставить этот подкоп, чтобы не унесли из него пороху. Не знаю, что дальше будем делать.

Тарновский пехотный ротмистр, брат ксендза референдария, умер сегодня ночью от раны, полученной при штурме. Раненых умирает очень много. Возле некоторых палаток, как на кладбище, стоит много гробов.

18 сентября

Пойман русский гонец, пробиравшийся из города с донесением к князю, что из его людей много погибло вчера на реке и что необходимо прислать помощь. Еще уведомляют, что во время приступа погибло до 500 человек.

Король ездил с гетманом за город смотреть захваченные вчера лодки. Реку перегородили бревнами, связавши их цепями и протянув от одного берега до другого. Трудно будет русским пробираться в город.

На лодках, для охранения берегов Великой, расположились пешие немцы и поляки под начальством Стефана Белявского.

В двух милях от города лежит огромное озеро, принимающее реку Великую. На озере есть острова, на которых русских с окрестных сел и деревень собралось несколько тысяч. Нужно зорко следить, чтобы они не прокрадывались в город с съестными припасами. Недалеко от Порхова, 8 миль отсюда, русские напали на обоз Пржиемского и захватили у него семь цугов с прислутою.

Упаси нас, Боже, от этого. У старосты Слуцкого там же отнято 60 коней, а у Стадницкого — два цуга. Николай Гостомский отправлен третьего дня. Трокскому кастеляну велено идти под Псков со своим отрядом и стать в 8 милях.

19 сентября

Коморник сейчас отъезжает с письмом к Вашей Милости. И я тоже запечатываю настоящее послание мое. Из лагеря, под Псковом в сентябре 1581 г.

Сегодня, в ночи, гетман, бывший на рекогносцировке с паном Гнезненским, по своей неосторожности едва было не попал в руки неприятеля, так как близко под ехал к городским воротам: лишь только их заметили, как он повернул тотчас назад.

20 сентября

Ничего не делаем в лагере в ожидании пороха и подкопа. Копают мины в трех местах: в двух из них — не остерегаясь, для того чтобы и русские продолжали там копать, как уже начали; в третьем месте подкоп ведется тайно¹²³, так что и в лагере мало кто знает, а русские и совсем не догадываются: там и будут закладывать порох.

21 сентября

Гетман захворал: сейчас после обедни слег в постель и пролежал целый день. Мало спит; целые ночи то там, то здесь разъезжает вокруг города, не в свое время ест, потому и должен заболеть. Вчера за ужином поел сушеной лососнины и испортил себе желудок. Пан воевода виленский представил королю пленных не простых, а детей боярских, которых казак Железо поймал в 6 милях от Великого Новгорода. Они хотели захватить языка, но были сами разбиты и взяты в плен.

Пленные эти рассказывали, что 7000 отборных татар и русских пошли под Порхов, который отсюда в 12 милях, жечь про-

виант и хватать фуражиров. Против них гетман выслал 450 человек конницы Потоцкого, Пудловского и Струся.

22 сентября

Гетман не выходил целый день за нездоровьем; ночью с ним была рвота, причем лосось и еще что-то вышло из него. Литовцы, по желанию короля, согласились служить на аванпостах, чего прежде не хотели. Сегодня ночью был на карауле сам воевода виленский вместе со своими. Пан Виленский сменил его днем. Стадницкий поссорился с паном Станиславом Радзивиллом¹²⁴. Люди Стадницкого гнали с фуражировки скот; откуда ни возьмись Радзивилловы казаки и отбивают добычу. Тогда Стадницкий ночью напал на казаков, забрал и хлопов и скот и пригнал в лагерь на решение гетмана. Пан Радзивилл жаловался гетману, а тот поручил разобрать дело Пржиемскому. Дело еще не кончено. Кажется, переговоры были не совсем приятные. Радзивилл, обратясь к кому-то, заметил тихо: «Он негодяй». Это услышал Стадницкий и сказал: «Врешь (чтобы не оскорбить слуха Вашей Милости), ты сам негодяй!» Радзивилл смолчал, будто не слышал. Тогда вмешался какой-то жолнер: «Ты, пане Радзивилл, не слышишь, что про тебя говорят?» На жолнера накинулись другие, говоря: «Что тебе за дело, молчи!» Etc. Так и разошлись до завтра.

Пришло известие, что русские с татарами разбили наших казаков на трех стоянках почти наголову, так что из 450 успели уйти только 100. Собралось было наших около 100 человек слуг и товарищей князя Пронского в экспедицию против русских на острова, где надеялись достать провианту; но лишь только подъехали туда, как 1000 русских напали на наших, одних перебили, других потопили, а некоторых взяли в плен.

23 сентября

Гетман целый день никуда не выходил. Старательно готовяем все нужное для штурма в надежде, что через несколько

дней подкоп будет готов: надо полагать — дело идет хорошо. Все удивляются здешней погоде: в такое время в Польше редко бывают дни такие теплые и веселые.

Благодарение Господу Богу! помогает Он нам по своей святой милости: от дождей и непогод мы еще не терпели. Нарву король шведский, наверное, уже взял и осадил другой замок, лежащий на противоположном берегу р. Наровы — Ивангород; полагают, что овладеет и этой крепостью¹²⁵, так как в письмах оттуда к в. князю, которые нами перехвачены, извещают, что не надеются отстоять Ивангород. У Шведа ведь 40 пушек. Сегодня убили у нас двух ротмистров, которые, пообедав, вышли в окопы, сперва — Сернаго, а потом тотчас же — Долмата; оба были французы; вместе с ними убито несколько рядовых; в тот же день на аванпостах убит слуга Ландскоронского.

24 сентября

Сегодня ночью русские подвели мину под один из наших подкопов, лежащий ниже венгерских шанцев, и взорвали его на воздух¹²⁶. Но это ничего не значит: мы так и хотели, чтобы таким образом потерялся след, а у нас другой подкоп — скрытый, о котором они не имеют сведений. Но кто поручится, что и того они не почуют. Гетман не выходил еще целый день, верно, уж очень страдает желудком. Не знаю, что будет дальше; боюсь, что ему скоро опостылит и двор. Боже, избави и нас, худых, от этого двора как можно скорее, только бы прежде приобрести кусок хлеба, а если этого нельзя, то лучше и совсем его оставить.

Русские стреляют по-прежнему. Сернаго, пехотного ротмистра, выстрелом ранили легко в голову; другого ротмистра, Карвата, ранили опасно в плечо; из мортир сыплют массу камней, которыми, стреляя сверху стены в окопы, причиняют много вреда нашей пехоте. Вечером к тому месту, где Белявский с Ухровецким стоят на страже по ту сторону города у монастыря^{*)}, причалили

^{*)} Снеогогорского.

две ладьи с русскими. Люди вышли на берег и поразились; некоторых, впрочем, успели захватить; по их рассказам, на озере много лодок, которые желали бы пробраться в город. Приказано зорко следить за ними, и давно уже поперек реки протянуты бревна, связанные цепями.

25 сентября

Не знаю, что за веселье напало на русских. Сегодня, во втором часу ночи, поднялась игра в бубны, трубы и литавры, так что в лагере было хорошо слышно. Должно быть, потому, что наши гайдуки в окопах заиграли на трубах; вот и они, желая показать, что и им весело, принялись за бубны и пр.

Гетман сегодня выходил к королю, еще не поправившись, как следовало бы; он очень бледен. Гетманскому поручику пану воеводе Брацлавскому пришло известие о смерти его жены.

26 сентября

Гетман целый день никуда не выходил. Доктора постоянно заняты его желудком: прикладывают, мажут и пр.; должно быть, он очень ослабел; ночью спит мало, днем — и того меньше; желудок не может ничего переваривать и не принимает. Боже, не огорчай нас его болезнью. Король озабочен, к тому же люди недовольны как им, так и гетманом, но ведь на войне зависти довольно. Etc.

Ничего не делаем в ожидании рижского пороха, который, надемся, теперь уже в дороге; его сопровождают 50 всадников из роты Гостынского. Из Полоцка должен прийти другой транспорт. Мы повесили как-то головы с этой осадой: все делается не так, как бы хотелось! Сдается мне, что мы скоро помирились бы, если бы князь прислал с подобным предложением; но после того ответа, который мы из тшеславия ему отправили, не думаю, чтобы он это сделал. Хоть бы иезуит Поссевин уговорил его самого приехать для переговоров. Очень многие готовятся ехать домой, не

дожидаясь окончания войны. Король, наверное, останется до морозов, чтобы потом ехать санным путем. Что будет с нами, Бог весть! Нам уже не хватает ни сена, ни овса, ни другого продовольствия; с большой опасностью должны посылать за 10 миль. Когда оттуда воротятся кони и слуги, то радость такая, как будто кто подарил! Когда же отъезжают — прощаемся с ними, точно видимся в последний раз. Не удивляюсь, что королю трудно достать дома жолнеров, потому что кто же захочет идти на такую нищету: тратить тут имущество, капиталы, здоровье и пр. А внимания мало! Боже, милосердый Господи!

Господи Боже! Чтобы Вашей Милости в ответах, которые мы ожидаем на свои письма, приказать нам скорее вернуться домой; кажется, мы попали бы не на роскошь, потому что снова придется вымаливать пособие для ведения войны; верю, что все это не без хлопот. Но если б Вы знали, как другие были бы рады хоть во время этой уже четвертой войны остаться дома.

27 сентября

Гетман побыл немного у короля, бледный, худой, все еще болен желудком. Сомневаемся, чтобы подкопы удались: русские взорвали еще другой, тоже довольно значительный, а третий, секретный, о котором никто не знал и на который была вся наша надежда, далее вести невозможно: наши минеры встретили скалу, которую напрасно стараются пробить, так что вся работа, как слышно, пропала. Мы повесили носы. Жолнеры, т. е. ротмистры, говорят, что их товарищи не хотят более служить, что по причине голода не могут оставаться тут до зимы. Когда товарищам объясняют, что, на основании условий, никто не имеет права оставлять службу, они говорят: вы ведь без нас заключили условия с королем, так они для нас обязательными быть не могут; мы выслужили свое время, как нанимались, и больше не хотим. «А если король предложит вам другие условия, будете служить?» «Нет, — говорят, — это в нашей воле». Etc. Право, не знаю, что будет

дальше; боюсь, что забунтуют; и если на этот раз не случится денег, то королю много будет хлопот.

Удивительное дело, как не любят здесь гетмана; никто о нем хорошего не скажет; осуждают каждый его шаг; говорят, что не умеет управлять: лучше было бы довольствоваться сочинительством, а гетманство оставить в покое; что он ни с кем опытным в военном деле не советуется; из-за него нейдет осада, потому что люди не желают ему ничего хорошего и сами ни к чему не имеют охоты; давно бы можно много хорошего сделать, если бы иначе обращался с людьми. Etc. А потому редко кто бывает у него. Не так поступал воевода подольский, который дружился с жолнерами, ротмистрами и товарищами; разговаривал с ними по-дружески; этот же вспыльчив, сдерживать себя не умеет. Etc. Все это известно гетману, но он приписывает это зависти. Часть этих слухов идет с литовской стороны. Во время болезни часто навещали его младшие Радзивиллы и пан воевода виленский, а другие литовские паны и не заглядывали и пр.

Пан Гнезненский говорил мне: «Я очень доволен, что пан канцлер сделался гетманом; я поклонюсь челом двору и буду рад, если меня оставят в покое; однако во всем буду поступать, как научил меня пан маршал». Вот какое настроение. Передавал мне все разговоры, которые у него были с Вашей Милостью. Пан Андрей Зборовский что-то нас сторонится; о Голковском говорят нехорошо: он находится на поруках; вероятно его отпустят, когда станут разъезжаться, задав предварительно баню.

Два итальянца купили у казаков двух русских девушек, дав им за них по самопалу и сегодня ночью в своей палатке, недалеко от гетманского шатра, покушались сделать им насилие, так что гетман лежа сам мог слышать крики и т. д.; утром рано нашли у них этих москочок и отняли; вероятно, итальянцам, как иностранцам, это сойдет Etc.

Пан Остророг подचाший приехал на войну.

(Русские в числе 200 человек сделали вылазку с целью достать языка, который бы мог сообщить им сведения о подкопе, но

наши их подстерегли и заставили скрыться в ров под защиту крепостных выстрелов.)

Пан Потоцкий и другие вернулись из-под Порхова, потому что татары, открыв их присутствие, отступили к Новгороду.

Придворные недовольны на пана Чарновского, не знаю почему; хорошо, если бы кто из близких намекнул ему об этом, потому что мне его очень жаль Etc.

28 сентября

Прибыл слуга Поссевина с известием, что его господин едет сюда от великого князя московского¹²⁷, что он в Новгороде будет ожидать опасного листа, чтобы безопаснее явиться к войску; но с чем едет — слуга не знает; передал какие-то письма гетману, но что в них, неизвестно, скрывают. Отдал также грамоту воеводе виленскому от новгородского воеводы: должно быть, пишет, что великий князь более уже не будет отправлять послов к королю, «а ты, как пан радный, старайся, чтобы был мир и чтобы не было пролития христианской крови». Этот слуга рассказывает, что Поссевин в великой чести у князя; с чем князь его отправил, узнаем, когда приедет. Дай Бог, чтобы он нас помирил. Навстречу ему король посылает к замку Опокам, в 16 милях отсюда, князя Пронского, Гневоша и ротмистра Мацея Белявского с 300 отрядом конницы; мы ожидаем его через неделю; но не знаю, так ли скоро это будет. Здесь была потешная история. Один казак встретил в нескольких милях от лагеря слугу Поссевина и тотчас донес об этом воеводе виленскому; тот поспешил с этим известием к королю; далее не знаю: или пан воевода не понял казака, или что другое, только король, выслушав обоих, и пана воеводу, и казака, решил, что Поссевин вместе с московским гонцом уже в четырех только милях от лагеря; разнеслось это по всему лагерю: все мы радовались, что прибыл, наконец, уполномоченный, а с ним, вероятно, и мир; король велел тотчас пану Гнезенскому выехать с 1000 всадников навстречу гостям. Вскоре после этого явился к

королю наш гетман, хоть и больной. Король спешит сообщить: «Знаете, Ваша Милость, что Поссевин с московским гонцом только в четырех милях отсюда?»

«Кто сообщил об этом Вашему Величеству?»

«Да пан воевода виленский уверяет и казака привел, который говорит, что видел их уже недалеко отсюда».

«Не верьте этому, Ваша Королевская Милость, и у меня был этот самый казак: он говорит только, что едет слуга Поссевина, а сам Поссевин остался за Новгородом и что гонца с ним нет никого».

«Да нам так передали и с казаком говорил «сам пан воевода».

Воевода ответил: «Что я слышал от казака, то и передаю Вашей Королевской Милости».

Гетман на это опять: «А мне этот казак рассказывал иначе».

«Пусть приведут казака к его милости королю», — предложил воевода.

Когда привели казака, тот показал, что Поссевин еще за Новгородом и едет сюда один, а о гонце ничего неизвестно; видел же он только слугу, который недалеко от лагеря. Тем и разрешилось наше недоумение. Много смеху было в лагере. Пан воевода несколько сконфузился; вместо того чтобы отправлять пана Гнезненского с тысячным отрядом, гетман велел Жолкевскому с несколькими слугами ехать навстречу тому пахолку; а мы после такой радости повесили носы и пр.

Гетман все еще нездоров; он слаб. Да кто и не изнеможет от таких трудов. Мне все кажется, что он помышляет о том, где ему жить.

29 сентября

Гетман не выходил целый день; доктора его не оставляют. На днях доставлены королю какие-то письма из Венгрии. Старосте перемысльскому велено ехать с посольством в Турцию: посылают верительные грамоты к султану и паше; должно быть, встре-

тились какие-нибудь затруднения в Седмиградской земле касательно утверждения молодого воеводы. Литовские паны показывают себя усердными служаками: день и ночь содержат очередные караулы под стенами. Пан воевода виленский с паном виленским старшим по целым дням и ночам на страже.

От пленных получено известие, что великий князь послал сколько-то стрельцов и боярских детей с наказом непременно войти в Псков и что они теперь находятся на Псковском озере, в трех милях от города по течению р. Великой. У них немало лодок, с помощью которых надеются пробраться в город. На этих островах всех людей с простым народом, укрывшимся туда с своим имуществом, несколько тысяч. Я уже писал, как не удалось их покушение войти в город.

У монастыря, расположенного на берегу р. Великой, с той стороны города, стоят на страже ротмистр Стефан Белявский с 600 отрядом конницы, пан Варшавский — с своей ротой. Ухровецкий — с пехотой и несколько сот немцев Фаренсбека. Озеро чрезвычайно большое — взором его не объять: несколько миль в ширину и в длину 20: на нем, как на море, острова, на которых есть деревни, церкви и пр. Река Великая впадает в него на расстоянии 2 миль от города и вновь выходит у замка Гдова, где теряет свое название, получает новое — Наровы, течет к городу Нарве и в 12 милях от Гдова впадает в море. Из этого же озера в другую сторону выходит река — не помню, как ее зовут, которая течет под Дерпт. Когда большой ветер, то на озере поднимаются волны подобно морским; на нем ходят большие суда. Нужно признаться, у князя удивительная земля и всякий скажет, что он великий государь. Не выедут ли против нас русские с тех островов? Не знаю, как их оттуда прогонять. Нужно бы напасть на них водою, да у нас всего несколько лодок, в которых может поместиться очень немного людей. Псков — как был, так и есть. Шведский король лучше ведет свое дело; он взял уже Нарву, Ивангород, Вейсенштейн, Феллин, занятый русскими, Ферстенбека¹²⁸ взял силою;

обложил Пернов и если овладеет этим городом, то все ливонские порты, кроме нашей Риги, очутятся в его руках; тогда придется подумать о последствиях.

Мы и сами не знаем, что будем делать: а Швед улучил время! Московский князь вывел из тех городов гарнизон, для усиления обороны Пскова, так что шведам нигде не пришлось употреблять силу, а мы засиживаемся под Псковом. Подозрительно это родство для других, и здесь так рассуждают: «Почем знать, сам ли от себя так поступает Швед. Не посоветовали ли ему другие наши соседи, с которыми мы не очень-то поддерживаем приязнь и соблюдаем договоры. Датский тоже сомнителен. Или не делается ли это по наущению самого князя? Ведь его послы в Регенсбурге предлагали Ливонию цесарю, чтобы только заступился за них и помог против нас и пр». Хотя так говорят простые солдаты и жолнеры, однако слышать это часто приходится и пр.

Несколько сот ядер пришло из Заволочья; другой транспорт с ядрами, порохом и орудиями ожидаем из Риги. Корф, должно быть, с ним уже в дороге. Попытаемся еще раз штурмовать, только не знаю, как посчастливится. В пехоте большая нищета, которая еще усилится с переменой погоды: и то уже начались пронзительные и холодные ветры; скоро быть снегу. Пехота бежит из окопов, где становится холодно. Дошло до того, что солдаты сдирают алебардами дерево с зубцов на стенах и часто получают за это в лоб. Не придет ли скоро конец этой осаде! Если же король захочет остаться тут на время морозов, то вы, надо полагать, не всех нас увидите. Теперь здесь каждый может научиться тому, что войну легко начать, а трудно кончить; что для нее нужны хорошие советники и во всем достаток.

Аламани, брат королевского кухмистра, уступил Варминскую канонию пану Баторию, который учится в Полтовске, и ксендз Кромер верно уже сделал его коадьютором епископства Гельсбергского, чего нельзя достигнуть, не быв прежде каноником в Вармине. Зато Аламани, по всей вероятности, будет аббатом. Хвала Богу, пожалуй станет и епископом. Что же, пусть эти иностранцы

отнимают у нас, польской шляхты, земли республики, в которой мы родились и которой мы служим. Не знаю, известен ли Вам этот Аламани. По словам кухмистра, брат его едва учится читать; он говорит также, что и п. Баторий должен получить большие бенефиции, а тот, который здесь, будет ленным князем в Лифляндии и пр.

30 сентября

Гетман не выходил целый день. Сегодня посетил нас первый мороз, но земля не замерзла. Скоро устроят палатки, за которые не нужно платить. Я тоже строю себе лачужку; нужда заставит некоторых из нас работать.

Гостомский был в карауле. У него из двух орудий убиты конь и слуга.

1 октября

На рассвете русские сделали вылазку в числе 1500. (Днем караул удержали Хоцимирский с Пенионжком.) Им не повезло, потому что мы прогнали их к воротам, потеряв из своих только пятерых; между тем два родные брата, знатные бояре, служившие при младшем Шуйском, в золотых шлемах, отделились от своих и стали недалеко от наших; и не знаю, забывшись, или нарочно, наткнулись на стражу ротмистра Хоцимирского, и когда наши с копьями хотели броситься на них, они, сняв шлемы, стали кричать: «Мы к вашему королю» и таким образом отдались нам в руки; хитрые какие! (Эти пленные говорят, что чернь хочет поддаться королю и что Шуйский, заметив это, велел присягать вторично.)

2 октября

Две недели тому назад перехвачены письма некоего Никиты Хвостова, который идет сюда из Новгорода с 700 стрельцами. Великий князь приказал ему во что бы то ни стало войти в город.

Сегодня стража заметила, что люди Хвостова, прибывшие из озера на лодках, высадились на берег. Поэтому приказано быть наготове. Гетман чувствует себя гораздо лучше.

3 октября

Уже стало смеркаться, как попался в наши руки знаменитый пленник Никита Хвостов вместе со своим слугой¹²⁹. Они в темноте прокрадывались к городским воротам, но были захвачены солдатами воеводы волынского. Никита должен был войти в город в прошлую ночь вместе с своим товарищем Данилой, но от утомления не мог идти пешком и потому решился сегодня попробовать, а Данило все-таки прошел сквозь нашу цепь и попал в город, имея при себе более 100 человек. 500 из никитовых стрельцов, видя, что начальник в плену, повернули назад к озеру. Видно, Бог нам помог в этом деле.

Я не видывал такого красивого и статного мужчины, как этот Хвостов! Он мог бы поспорить со львом; еще молодой — лет под 30. Все войско ходит на него дивиться. Говорят, что он похож на пана Меджижецкого. Ему известны все планы в. князя, поэтому его старательно расспрашивают. Рассказывает все: что порох идет уже к нам из Риги, кто его сопровождает и сколько — все это он знает лучше самого короля; не ударил он на них, единственно повинувшись приказанию в. князя как можно скорее спешить к городу. Говорит, что князь ради мира уступит всю Ливонию, что шведы взяли Нарву, Ивангород, что они направляются к Юрьеву (Дерпту) и легко его возьмут; что князь отпустил уже Поссевина с большим почетом, щедро наградив его, что последнему не удалось, вследствие противодействия думных бояр, переговорить с князем наедине, а должен он был через них вести дело с князем. (Мрочек, первый ротмистр, привел 18 пленных русских, нескольких убил, да сам потерял 6 гайдуков.) Гетман винит Степана Белявского за то, что его стража пропустила в город Данилу с людьми; но Белявский не виноват, потому что трудно одному наблюдать за

таким обширным пространством около города. Следовало бы поставить там не одну, а несколько таких рот. У него соперником Ухровецкий, который готов, кажется, наделать ему много вреда. Здоровье гетмана поправляется.

4 октября

Посевин уже близко и не сегодня, так завтра будет в лагере. Король послал ему навстречу свои экипажи. 200 немцам приказано сесть на 10 больших лодок, отбитых у неприятеля, плыть на остров и попытаться захватить там русских. Да поможет им Господь Бог! Господи Боже! как переменчива тут погода: после таких прекрасных дней вдруг пошел снег с вьюгой и настал страшный холод. Шубы начинают дорого цениться. Мы, подобно лисицам, роемся в земле и прячемся в ямах; но Бог знает, что будет с бедной пехотой; каждый раз дезертирует из нее по несколько. На немцев нашла какая-то болезнь, умирает их ежедневно по десятку. А что же будет дальше? Мне кажется, что попомнит наше войско этот Псков. Стрельцов Хвостова, которые обратились в бегство, после того как начальник попался в плен, солдаты наши ловят за городом в кустарниках и приводят в лагерь (захвачено их 15). Хвостов просил, чтобы позволили ему написать в город о присылке шубы и двух слуг. Король разрешил, и он послал туда грамоту, но ни ответа, ни слуг с шубой еще нет. Не знаю, откуда король с канцлером узнали, что в Полоцке на пепелище зарыто серебро и несколько бачонков с деньгами; даже место и наверно указывают. Король послал туда коморника, который копал на указанном месте, но денег не нашел, а староста полоцкий запретил ему рыть дальше. Король рассердился на воеводу и послал туда коморника еще раз поискать счастья. Не знаю, будет ли в этом толк! Это делается втихомолку, чтобы не было смеху; следовало бы о деньгах стараться как-нибудь иначе etc.

Получено известие от пана Трокского, что он от Торопца прямо направился к Порхову; на пути имел стычку с 1500 русских,

бывших под начальством князя Оболенского, который взят в плен; его отряд разбит и прогнан, люди разбежались, по своему обычаю, по недоступным болотам.

5 октября

Ночью шел снег, и потом сильно заморозило: палатки наши не привыкли к этому. Воевода брацлавский объезжал с Белявским город, высматривая, каким путем русские прокрадываются в город, и попал под выстрел гаковницы; лошадь под ним убита; Белявский дал ему своего коня, которого имел в поводу. Поссевин приехал в лагерь около полудня, сошел с коня перед гетмановой палаткой, там же обедал, а потом privatum¹³⁰ посетил короля. Не знаем еще, что привез он нового. Барнемисса, гетман венгерский, видя, что русские успокоились, приказал нескольким десяткам гайдуков взобраться на башню, в которой мы были во время штурма, и поднять тревогу. Те с большой охотою в совершенной тишине пробрались туда, ударили на русских и немало побили их из ручниц; русские, полагая, что это штурм, открыли огонь из всех пушек, ружей, так что нашим пришлось отступать.

6 октября

На совете у короля был Поссевин, которого русский князь называет «Сивый Папа»; должно быть, докладывал обо всем; кроме сенаторов никого туда допущено не было. Но едва ли привез он что-либо хорошего. Русский князь упорно держится последнего своего предложения, которое послы его предъявили в Полоцке; Нарвы (которая уже не его) отдать не хочет, большую часть ливонских замков оставляет за собой, а нам отдает то, что давно уже наше: Курляндию, Семигалию, Ригу и еще Кокенгаузен, Ашераден, Лениеваден, Полоцк; далее, чтобы плавание по Двине было свободно, а больше ничего не хочет уступить, видно, уж очень упорен. Поссевин еще останется у нас и отсюда пошлет нарочного к князю, когда узнает наше решение. По-моему, луч-

ше бы согласиться: не только дома, но и здесь эта война уже всем порядком надоела: если она протянется до будущего года, то у нас мало останется ротмистров. Морозы усиливаются, реки становятся, как у нас около Рождества Христова; пехотинцы гибнут от холода, а мы роемся в земле, строим печи. (Стража Гостомского поймала русского шпиона, который прокрадывался из лагеря в город с целью подать русским собранные вести. Отдали его в распоряжение гетмана.)

7 октября

Ночью стража Белявского заметила по ту сторону города русских, которые, прибыв с озера, хотели пробраться в город; тотчас подали сигнал трубою литовской страже; прискакавший отряд конницы ударил на русских и разбил их наголову; несколько десятков легло на месте, полтораста попало в плен, а всех их было семьсот; между ними сотня казаков, астраханских стрельцов. Головою у них Мясоедов (король называет его *Сарнивогах*)¹³¹, который неизвестно куда девался; если бы он был убит, то его нашли бы; может быть, он ушел назад или каким-нибудь образом во время стычки, в темноте, пробрался в город, чего упаси Боже, потому что он, должно быть, такой же дельный, как и Хвостов?¹³² Враги обвиняют Белявского, что виной этого оплошность его стражи; но следует помнить, что не только одна рота Белявского с Варшавским, но и несколько таких рот едва ли бы были в состоянии наблюдать за той стороной города. Пленные говорят, что находящиеся на острове ежедневно переписываются с осажденными. Разбитому нами отряду не хотелось идти в город, но Мясоедов приказал сотникам гнать их палками *per foga*¹³³. Бедные люди! Трудно знать, что будет дальше с осадой. Корф сегодня или завтра прибудет из Риги с порохом, но едва ли он привезет его много, зато ведет с собой сколько-то шотландцев, про которых здесь носились слухи. Идут они в шелковых чулках и узорчатых кафтанах; мне кажется, будет им немножко холодновато. У нас приго-

товляются к штурму, снаряжают лестницы, веревки, факелы; не знаю, к чему это; должно быть, хотят лезть на стены, так как разбить их мы не можем¹³⁴. Пехота с отчаяния ждет скорее штурма; говорит, что лучше погибнуть от руки врага, чем от холода да голода.

8 октября

Удивительно, что коморники наши не скоро едут с ответом от панов из Польши. Вероятно, Вы прикажете нам возвратиться домой и потому так долго их не отсылаете. Дай Бог, чтобы вышло так! Радостнее этого известия мы бы иметь не могли, потому что нам, бедным, здесь очень худо! Мы здесь пожнем только тот плод, что славу добудем: но бедным и этого не достанется. Разве только, когда приедем домой, поговорят дня два-три, что мы были на войне, что нас нужно наградить; а кто же вознаградит нас за потерю здоровья и денег? А потом те, которые оставались дома, сидели в теплых избах, сравниются с нами и будут одинаково чувствоватьсь. Дождались мы такой зимы, какая у нас в конце января, а говорят, морозы будут еще сильнее; все мы хоронимся в земле, как звери; платья, шубы и не спрашивай; провиант добываем за 12 миль от лагеря, да и то с большою опасностью. Русские захватывают лошадей, слуг, провиант и все прочее. Дай Бог, чтобы королю и гетману удалось благополучно вывести отсюда войско. С какими вестями приехал Поссевин от вел. князя — до сих пор неизвестно. Советуются втроем с королем да гетманом.

Мне по секрету сообщили, что нет ничего приятного. Князь упорно стоит на условиях, которые послы его в последний раз предложили в Полоцке; сомневаемся, чтобы этот иезуит сумел помирить нас. Сегодня или завтра он посылает своего слугу к князю с каким-то письмом. Ясно, что дело затягивается. Видно, варвар этот хочет выиграть время.

Мы с нетерпением ожидаем исхода этой войны, а каков будет — Бог знает. Пришла весть, что Корф, который везет порох из

Риги, — только в 12 милях от лагеря, на днях прибудет. Снаряжают лестницы, фашины с серой да молотки, которыми будут разбивать стены. Солдаты дивуются на все, что творится; дезертируют от холода босые, без шапок и платья, страшно дерутся с жолнерами из-за дров, которые привозят в лагерь, отнимают друг у друга платье и обувь; затем жалобы и ропот на все, на венгерцев в особенности; на последних все войско озлоблено за то, что они немилосердно грабят. Какого-то венгерца король назначил начальником в Воронице и Острове. Там тех, которые прибывают из лагеря для фуражировки или возвращаются из армии домой в Польшу, бьют без милосердия, все отбирают и сажают в тюрьму вместе со слугами, говоря, что в этих местах, которые уже завоеваны, жители такие же подданные короля, как и другие, и потому обижать их, как подданных, не следует. Вчера в моем присутствии подचाший ротмистр Жебржидовский, у которого венгерцы отбили под Островом слуг, приехал в лагерь и привез с собой к судье раненого и избитого товарища своей роты: он громко ругался, кричал и грозил, жалуясь, что от венгров житья не стало! Говорят, что на будущих сеймиках будут составлять против них какие-то артикулы. Воровство в лагере страшнейшее. Некто Пивко, поручик роты Вонсовича, украл у своего ротмистра 700 золотых. При обыске все пропавшие деньги нашлись у него и к тому же он сам сознался. Служака он хороший, имел при себе 8 лошадей; как лошади, так и сбруя весьма порядочны, а родом он изпод Щебржешня; сомневаются в его дворянстве. Многие желают, чтоб его казнили. Уже профос взял его в свое распоряжение, и мы надеемся, что он будет повешен. Вонсович же, лишь только получил свои деньги, хотел, чтобы его освободили, но напрасно — преступление слишком явно. У епископов требуют недосланного ими налога: гневаются на епископа познанского, который не только остатки, но и все у себя держит. (Русские, как всегда, вышли из города под защитой крепостного огня, постояли немного, погарцевали и воротились в город.)

9 октября

Гетман приказал ударить в барабан для сбора ротмистров; держал к ним речь, укоряя их за то, что они устраивают какие-то частные сходки и помимо него хотят обращаться к королю. Это его задевает, потому что без гетмана нельзя ротмистрам ни сходок делать, ни самим являться к королю с изложением своих нужд; на то есть начальствующий гетман, который должен знать о нуждах войска и обо всем докладывать королю; ему дана такая же власть, какой перед тем пользовался п. Тарновский¹³⁵, и он даст им почувствовать эту власть. Если у них нужды какие или неприятности, то он готов сейчас их выслушать, но было бы гораздо удобнее собраться им здесь же завтра и сообщить ему обо всем. Притом он просит приказать, чтобы конница доставляла для пехоты по одному возу дров с каждой роты. Пржиемский, пользующийся наибольшим влиянием между ротмистрами, ответил, что он ничего не знает про сходки и сам их не устраивает, хотя его товарищи терпят много нужды, но он уговорил их решиться все сносить, чтобы не лишиться милости короля. Что же касается до некоторых нужд их, то они завтра о них доложат. Гетман на это сказал: «Рад обо всем, о чем будут просить, подумать и позаботиться, лишь бы не было сходок. Вместе с этим каждый из вас завтра скажет мне свое мнение, каким образом удобнее добыть город, потому что необходимые для этого предметы скоро придут из Риги, и прежде нежели они будут получены, нам нужно составить планы действия». Относительно пожалования гетманства канцлеру, о чем я писал в предыдущих письмах, теперь могу сообщить копию с грамоты на гетманство, предостерегая Вас не показывать ее никому и ни с кем не говорить об этом. Король созвал совет из сенаторов и ротмистров; обсуждали, каким образом взять город; участвовал в этом совете Фаренсбек вместе с Вейгером; предлагались различные планы: наконец решили штурмовать город с трех сторон, стрелять в него из орудий, старых окопов все-таки не покидать. Немалое затруднение, которое и теперь еще дает себя чувствовать, в том, что одни окопы отстоят от

других на целые полмили, так что в случае вылазки русские могут порознь напасть на разделенные войска, в особенности на те, которые в новых окопах, так как от них до лагеря ровно миля. Итак, постановку туров отложили до прибытия пороха. Как только привезут порох, мы попробуем счастья. Симашке, луцкому подкоморию (он приехал волонтером с 50 конями), публично дано кастелянство Брацлавское, а Киевское — князю Вишневецкому, который был брацлавским. Вольнским панам приятно, что заседают в совете. Лихтенштайнер из Силезии приехал на свой счет; видно, богач; говорит, что прибыл из чести служить королю.

10 октября

Ударили в барабан; все ротмистры собрались перед гетманским шатром. Гетман сел на стуле перед трибуналом, кругом его разместились ротмистры; он произнес речь и предложил каждому заявить о нуждах своей роты. Пжиемский первый, как и вчера, начал говорить, что сходов никаких не было, что он убеждал товарищей оставаться на службе, но те велели сказать, что если им заплатят жалованье, они останутся на время, пока будут в состоянии доставать провиант; в противном же случае нужда заставит их покинуть службу. После Пжиемского другие ротмистры подавали письменные заявления о своих нуждах в том же смысле: они жаловались на беспорядки в караульной службе, на то, что слишком часто доходит до них очередь этой службы — через пять или четыре дня (нужно стеречь 900 лошадей, извольте, Ваша Милость, сосчитать, сколько их всех), иногда мороз, солдатам холодно, так как нет ни шуб, ни сапог; а Боже упаси, если случится вылазка: солдат должен взять копьё или другое оружие, но от холода не может владеть им. Хотя и дадут ему деньги, но они его не согреют, потому что шуб купить негде; лошади голодают, да и те попадают в руки русских, а остаток воруют венгерцы с литовцами (о последнем говорил Стадницкий, сердясь на Радзивилла. Пжиемский хотел помирить их, но это не удалось. Они

наговорили друг другу дерзостей, так что дело зашло далеко. Стадницкий вне себя от гнева). Другие, а именно старые данцигские жолнеры, требовали, чтобы было выполнено королевское обещание, на основании которого им первым должны быть даны вакансии, так как в королевских объявлениях было сказано, что кто прослужит шесть лет, те первые получают отпуск. Гетман, записав на листе требования каждого, обещал об одних доложить королю, некоторые же сам готов был рассмотреть. «А теперь, — продолжал он, — нужно нам всем настаивать на продолжении войны и осаде города; король не хочет требовать от вас невозможного; чего нельзя будет сделать, он оставит, понимая, что было бы глупостью тратить понапрасну войско и морить его голодом: он очень хорошо знает, что этот враг страшен не столько стенами и замками, сколько человеческой природой. Если придется говорить и советоваться об этом предмете не только с членами совета, но и с вами, то он готов все рассмотреть и решить, как следует. Король настаивает также, чтобы польские жолнеры, которые под командой п. Трокского приближаются к Порхову, прибыли к нам и помогли переносить трудности караульной службы. Что касается заслуженных денег, то об этом я доложу королю; я как рабочий, что дадут в руки, то и делаю; о наградах за службу и об отпусках я рад хлопотать: пусть всякий из вас хоть в полночь стучит ко мне в двери, если ему нужно; пусть он предъявит хоть какое-нибудь основание для отпуска, двери для него всегда будут отперты (тут все, встав, низко кланялись и благодарили). У меня нет потомства или близкой родни, а потому мне хотелось бы угодливым и добротой оставить после смерти память о себе, как о добром человеке».

Пжиемский от имени всех торжественно благодарил гетмана.

На вопрос гетмана, не желают ли теперь же подать свои мнения насчет дальнейшей осады города, ротмистры ответили, что не могут говорить об этом публично, дабы каким-нибудь образом не узнал об этом неприятель; пусть лучше каждый приватно изло-

жит свои мысли гетману. Наконец зашла речь про Пивка, который обокрал Вонсовича: наказывать ли его, когда сам Вонсович не имеет на него претензии. Одни предлагали поставить его во время штурма впереди, где бы он погиб наверное; другие говорили, что его просто следует повесить. Иные сомневались в самой правильности суда, так как против него не выставили официального обвинителя. Некоторые говорили, что Пивка невозможно ставить в ряду солдат во время штурма, потому что тогда он легко может перебежать к русским и сделаться опасным лазутчиком. Инстингатора*) не нужно ввиду того, что обвиненный сам сознался: поличное найдено — признался, — тут за инстингатора суд. Ставили в пример Венгржиновского, обокравшего Гаринка; Гаринек не доносил на него; даже сам покойный король и войско просило за него Мелецкого, а все-таки тот приказал его повесить. Тогда гетман решил: «Пусть же завтра будет повешен; пусть профос отправит его». Скорый декрет!

Шуйский: возбуждает в городе народ, говоря, что какому-то нищему старику явилась ночью Божья Матерь и убеждала граждан храбро защищаться, обещая, что король города не возьмет.

Ядер в городе, видно, нет: куют их постоянно. Уже с церковей сдирают железо; пленные сообщают также, что в городе 25000 центнеров пороху, а мы прибыли сюда, имея всего-навсего только 600.

11 октября

Русские в громадном числе около 3000 пехоты и 500 конных сделали вылазку. В этот день на аванпостах были: Гостомский, Бонарь и крайчий Мнишек. Русские напали на роту Бонара, но, видя, что мы поспешили к нему на выручку, оставили битву и, с час постояв, ушли назад в город. Под Гостомским, в то время как он возвращался, убита лошадь. *Nulla dies sine linea*¹³⁶, да вот и сегодня нам не посчастливилось: тридцать гайдуков убито, да про-

*) Т. е. прокурора, официального обвинителя.

изошел следующий неприятный случай. В роту Оглецкого на батарю корчмарь доставил бочку меду, кругом которой собралось много солдат; в это время из крепости ударили ядром как раз в бочку и в людей, столпившихся около нее; пять человек положило на месте; троем оторвало руки и ноги. Двоих из них мы сами должны были добить, так как они не могли остаться в живых: их разнесло по частям во все стороны так, что перед Гостомским и Пенкославским, сидевшим невдалеке, упала часть оторванной головы. Весь этот день вышел как-то неудачно. Пивка повесили (несмотря на то что много народу и панов просили обезглавить его). С Голковским опять скандал: после происшествия в Воронице он сделал новое преступление — пустил кубком в лоб пану крайчему Мнишеку и ранил его. Пришел он непрощеный к крайчему на обед и подпил порядочно: хозяин тоже был навеселе, только немного. В числе гостей был конюший Моциовский, который сел с Голковским играть в карты. Место конюшего заступил пан крайчий и выиграл все деньги, какие были у Голковского, так что последнему пришлось играть на какие-то кольца; взяв их, Мнишек объявил, что согласен продолжать игру только на чистые деньги. Голковскому это показалось обидно: он начал сердиться, говоря: «Когда вам везет, вы хотите, чтобы верили, а нам верить не хотите». Крайчий просил его успокоиться: «Милый Голковский! что с тобой? ты никогда не бывал таким. Если дело только в том, что я выиграл, попроси, я тебе отдам». Голковский напомнил ему о какой-то шкатулке. «Правда, — сказал на это пан крайчий, — ты раз выручил меня деньгами, но свел с таким человеком, которому я порядочно поплатился».

Пан конюший стал уговаривать их не сердиться; при этом были: Казимирский — поручик, Ивилецкий — товарищ из роты Бонарова; Голковский выходил из себя и, скрежеща зубами, произнес: «Ведь это подло!» Крайчий тогда с сердцем заметил: «Послушай, Голковский, знаю я, что такое подлость, не позволю себя никому учить: если б ты сказал мне это не в лагере и не в это время, я надрал бы тебе чуб!» Тогда Голковский (так рассказывал

пан конюший самому гетману), пробормотав что-то в роде того, что «не подставляй же мне горла», вскочил; крайчий — тоже; конюший бросился между ними, схватил их за руки, но Голковский, у которого правая рука оставалась свободной, успел взять со стола два хрустальных кубка, большой и меньший, и пустил ими в крайчего так, что тот упал на землю, крича: «Ты погубил меня, злодей!» Слуги крайчего бросились на Голковского с палками и саблями; но конюший защитил его, и крайчий унимал слуг, приказав им только окружить ставку и не выпускать Голковского; сам же с окровавленным лицом побежал к гетману. У гетманской квартиры встретили его Пржиемский с Нисчицким; узнав, в чем дело, они уговаривали Мнишка не ходить к гетману. Тот отвечал: «Я согласен, только пусть за него поручатся». Кто-то сказал: «А вот п. Жолкевский ручается». Но Жолкевский отказался, говоря: «не вмешивайте меня в это дело, сам он не просил меня об этом». Таким образом, за неимением поручителя, не могли остановить п. крайчего, и тот, окровавленный, лично принес жалобу гетману. Между тем сбежалось много жолнеров и дворян. Гетман приказал судье Беху послать за Голковским профоса с несколькими десятками гайдуков, взять его силой, если вздумает сопротивляться, и заковать его. Голковский между тем, по уходе п. крайчего, заперся в комнате с двумя служителями и, сняв со стены ручницу, принадлежавшую крайчему, грозил защищаться. Но когда в присутствии множества дворян профос отворил двери и предложил Голковскому явиться на суд гетмана, тот добровольно вышел и отдался профосу. Придворные толпой обступили Голковского, не допуская к нему профоса и гайдуков, и сами повели его к ставке гетмана; последний не хотел принять их и через Беха велел передать Голковскому: «Так как вы не трезвы, да и пана крайчего нет теперь налицо, то гетман до завтра откладывает разбирательство вашего дела, а теперь отправляйтесь в большой шатер и оттуда не выходите». Голковский так и сделал. Потом Жолкевский просил, чтобы позволили Голковскому перейти в его шатер, на что гетман согласился, распорядившись поставить несколько гайдуков для

караула. Вот что было с Голковским. Все жалеют его. Большая с его стороны неосторожность, что, не выпутавшись из одного дела, начал другое. Гетман говорит, что сперва не намерен был с него взыскивать и думал протянуть его дело до окончания похода, чтобы в случае подобного же проступка другой кто не указал на него; а по распусчении войска хотел и его простить, сказав: ступай и больше не грехи и пр. «Теперь же, — продолжал гетман, — я вижу, что он сам себя хочет погубить; не слыхано еще, чтобы при самой распущенной дисциплине в армии кто-либо два раза сряду сделавший проступок остался безнаказанным». Посмотрим, что будет дальше. П. крайчий получил порядочные раны: одна на носу, другая на щеке и еще, кажется, на лбу; за кровью не видно хорошо. Одни находят, что Голковский подлежит казни; другие говорят: «Это не так; повздорили они за игрой: значит, у них вышел простой спор; притом же рана нанесена не оружием, а блюдом, а в артикулах, где идет дело о ранах, сказано только об оружии; стеклянная же вещь — не оружие». По словам некоторых, крайчий первый бросил в Голковского, отчего остались знаки на лбу, и сам Голковский, когда шел, кричал, что Мнишек первый его ранил. У него также другая рана в боку; но ту он получил, вероятно, в суматохе, когда на него бросились слуги крайчего. Как видно, весь двор за Голковского, и свои за него и пр.

12 октября

Ударили в барабан у гетмана для сбора ротмистров. Гетман объявил, что об их недавних просьбах доложил королю. Что касается денег, то король намерен выдать их, когда казначей Накельский и подскарбий представят сведения о состоянии кассы. Относительно повышений и вакансий он тоже просил короля, и тот обещал, что никому иному, кроме их (а тем, что дома сидят?), никаких вакансий давать не будет: в этом могут быть уверены. Все недоразумения и ссоры, происходящие между ними и венграми, поручил король разбирать пану Баторию, своему племяннику,

так что все, имеющие какую-либо надобность, должны обращаться к нему. Пусть не допускают мысли, что король, находясь здесь, имеет желание видеть потери и утраты в своем войске: это было бы глупо! В непродолжительном времени Е. В. Король постарается удовлетворить всех.

П. Накельский с подскарбием представили справку о денежных делах; они доложили, что за деньгами уже послано и что они надеются получить их не только с налогов, но и постараются достать другими средствами. Между тем для обмундирования необходимо брать у купцов теплую одежду под казенным поручительством. Также больным и раненым король приказал выдать пособие. Насытившись речами гетмана и подскарбия, все разошлись недовольные и пр. Сегодня в совете маршал литовский говорил очень свободно, что королю, надо полагать, было не очень приятно. Маршал порицал опрометчивость настоящей войны, прося, чтобы король не оскорблялся этим протестом; он говорил, что для взятия Пскова следовало бы прежде всего приготовить достаточным образом, а именно: нужно было бы иметь более войска, орудий, пороху и т. д. Я слышал об этом от Радомского.

Гетман просил ротмистров, чтобы каждый, имеющий лошадь, привез на назначенное место мешок земли, для того чтобы на это возвышение поставить орудия и, стреляя через стену, удобнее поражать гарнизон.

Сегодня выпал снег.

Наши товарищи понастроили себе домов, только ратуши нет, но рынок и улицы уже устроены — так что, без малого, образовался чуть не другой Псков! — одно, что не с таким достатком. Сегодня русские под Изборском побили 30 отборных хлопов, гайдуков Ухровецкого, которые искали для него продовольствия в деревне.

Пан маршалок Зборовский проводил гетмана под руку от королевского шатра до самого дому; это редкость; не потому ли, что

вчера вспоминали о жолнерских вакансиях и пр. Кастелян Гнезенский тоже как будто в ладах с ним.

Пан Радзивилл со Стадницким целый день были у п. виленского, но разошлись без всякого результата. Завтра назначено разбирательство дела Голковского с Мнишеком.

13 октября

Созван у гетмана суд из ротмистров; в нем участвовали также: подскарбий, обозный, пан Бузенский, прибывший с челобитьем от придворных, чтобы гетман строго не судил проступок Голковского, но показал милосердие; пусть он не так строго посмотрит на это дело и назначит другое какое-либо наказание. Ответ был такой, что дело Голковского разберут вместе с ротмистрами и как они постановят, так и будет. Затем пан Радомский, Бонар, Нишицкий выступили со стороны Мнишка. Нишицкий просил извинить Мнишка, что тот сам не прибыл к назначенному сроку вследствие нездоровья; что он, по совету врачей, не может выходить на воздух; что они от его имени уполномочены давать показания; если же всего этого недостаточно, то Мнишек велит себя принести в заседание. Гетман заметил, что было бы гораздо лучше, если бы Мнишек сам присутствовал, потому что тут, на суде, ни для кого нет никаких исключений и не требуется никаких юридических тонкостей. Затем гетман открыл заседание; со стороны двора приняли участие: пан подचाший Остророг, п. подскарбий, п. обозный. Гетман говорил: «Дело ясно само по себе, ибо на днях п. Мнишек был у меня лично, окровавленный, а Голковский сознался в нанесении ему раны; значит, остается только, чтобы бывшие при этом свидетели дали показания, кто был зачинщиком ссоры и, так как обе стороны ссылаются на свидетельства пана конюшего и пана Казимирского, то нужно послать за ними»; затем он позвал меня: «Иди скорей, проси п. конюшего явиться в заседание, так как обе стороны выставляют его свидетелем». Послано также и за Голковским. Я нашел конюшего в королевском шатре

впереди придворных, которые стояли столпившись и, как видно, вели речь о деле Голковского. Когда я передал желание гетмана, конюший с минуту колебался, идти или нет; наконец сказал: «Доложи, что сейчас буду». Я сообщил гетману, что слышал, не забыв передать и о некотором промедлении со стороны конюшего. Подождавши немного, гетман опять посылает меня: «Поди и скажи, что я его ожидаю; я оказываю ему почет тем, что призываю его не по своему официальному положению, но через тебя, королевского секретаря». Я спешу к королевскому шатру, но толпы дворян уже не вижу: они все стояли на своих местах перед королевской комнатой. Спрашиваю: «Где пан конюший»? Там, у короля, отвечают мне; я постучал в дверь, а они тянут меня за платье: «Не мешай, любезный». «Что вы, черти, делаете? Я должен идти, куда мне приказано». Стучу второй раз; из комнаты показался сам конюший с Бельзецким, говоря: «Вот я уже иду». «Я пришел за вами, — ответил я, — и гетман поручил передать, что требует вас не официально, а через меня».

Он рассмеялся, пошептал что-то со своими, конечно, насчет гетманского распоряжения.

При дворе, очевидно, были разговоры о Голковском.

В одно время с конюшим явился и Голковский; все сняли шапки, кроме гетмана. Гетман тотчас обратился к подсудимому: «Третьего дня пан крайчий явился ко мне окровавленный, принося жалобу, что вы, будучи у него в гостях, в противность писаным артикулам, без всякого с его стороны повода, нанесли ему рану. А так как мне по званию гетмана следует войти в рассмотрение этого дела, то предлагаю вам дать объяснение».

Голковский, совсем обескураженный, отвечал растерянно: «Я никогда не желал зла пану крайчему; во всем служил ему верно и совсем не думал причинить ему что-либо дурное при последнем свидании с ним; свидетельствуюсь в этом Богом и своею совестью; чувствуя великую скорбь, которая лежит у меня на сердце, я сам не могу вести мое дело и потому поручаю его моему дяде пану

Яжине, подстолему; отдаюсь на свидетельство п. конюшего и Казимирского, которые были при том. Состоя под декретом Вашей Милости, я объявляю, что нисколько не виновен: пан крайчий первый ударил меня, так что у меня и знаки остались на лбу».

Затем Яжина начал излагать дело, настаивая на том, что крайчий первый бросил в Голковского. Гетман тогда предложил пану конюшему рассказать, как было дело. «Не могу, — отвечал тот, — ничего другого сообщить, кроме того, что недавно объяснял Вашей Милости; вероятно, Ваша Милость не забыли».

«Помню, — сказал гетман. — Вы так говорили, что, когда Голковский сказал крайчему: подло, тот возразил: «Голковский, знаю я, что значит подлость; случись это не в военное время, я надрал бы тебе чуб»; тогда Голковский пустил ему кубком прямо в лицо, так что тот упал. Дано слово Казимирскому, другому свидетелю; тот объяснил, что видел, как пан крайчий после слов Голковского «подло» взял стоявший перед ним кубок и бросил в него и, не попав, схватил бокал, а Голковский в это время — блюдо. Оба они бросили в одно время и попали друг в друга, но крайчему больше досталось. «Одного только я не мог заметить, кто первый стал бросать».

Третий свидетель, Квилинский, показал, что не мог заметить, кто первый бросил, но слышал только звон разбитого бокала и видел, что крайчий ранен.

На основании этих показаний должны были подавать голоса все жолнерские начальники: воевода Брацлавский, Гнезненский, Радомский, все ротмистры, а от двора: Остророг, подскарбий, обозный. По мнению всех, вина Голковского усиливается тем, что он новый свой проступок сделал тотчас после первого, совершенного в Ворониче^{*)}; но так как участь его теперь зависит от гетмана, то каждый из судей, при подаче голоса, просил смиловаться над виновным и не применять к нему всей строгости артикулов. «Правда, гетману следует иметь в виду недавние приговоры военных судов и не пропускать без наказания подобных безобразий,

^{*)} Смотри 13 августа.

чтобы другие не указывали — вот такому-то простили; но и пример может остеречь такого (это слова Пржиемского); и Вы можете оказать милосердие». «Есть, — говорил он, — тюрьмы, крепости, к которым его можно приговорить, или отставить от двора» и прочее в таком роде.

После этого все встали и просили оказать снисхождение. Наконец стал говорить гетман, распространяясь об обязанностях своего сана и о том, что в каждой армии потребны быстрые и скорые карательные меры, потому что тут от малой причины вся Речь Посполитая, которой мы служим, может подвергнуться большой опасности; что Голковский после первого проступка позволил себе другой, что уже совсем не годится, так как при самых распущенных порядках в войске невозможно, чтобы один дважды нарушил дисциплину; припомнил, что против своего желания взял на себя рассмотрение этого дела; он теперь видит и чувствует, как это ему тяжело, потому что снисхождение, к которому склонна его натура, в этом случае он с трудом может применить (здесь он утер слезы). «Я уважаю мудрое решение ваше и ходатайство всего рыцарства, также как мнение двора Его Королевской Милости, но пока воздержусь решением, а тем временем буду собирать сведения об этом деле, и затем, что Бог мне на душу положит, вы узнаете от меня в свое время».

Так и оставил всех в недоумении.

Не знаю, к чему эта нерешительность; некоторые думают, что он не приговорит его к смерти, но присудит или к заключению в тюрьме, или удалит от двора.

Каковы покажутся Вашей Милости гетманские приговоры?

Кто обращал внимание на все, мог подметить многое, а что впереди, об этом нужно подумать и пр. и пр.

Сегодня условливались насчет штурма. Послано под Порхов за Трокским, который, по прибытии, имеет расположиться с той стороны города, между лагерем короля и монастырем, где паны Варшавский и Белявский.

Корф теперь всех занимает. Каждый час высматриваем, когда

он придет с порохом. Пишет, что подводы у него худые. Ротмистр Дембинский, который его сопровождает, должно быть, забавляется около русских замков с шотландцами, которые идут с ним.

Сегодня же около вечера русские сделали вылазку у р. Псковы, где была расположена рота пана крайчего. Пан Резень, едучи с прогулки, остановился около этой роты и слез с коня. Русские так быстро напали, что чуть было не захватили этого ротмистра, который едва ускакал. Наши, которые находились вблизи, бросились на русских, но те, по обычаю, отступили под прикрытием орудий.

14 октября

Русские с той стороны города напали на стражу Белявского, которому наши подали помощь. Несколько дней пред этим они спрятали во рвах стрельцов, которые подстрелили двух наших; один тотчас и умер — какой-то Бзовский, а другого схватили живого утром. Этот успех так ободрил их, что каждый день они делают вылазки, употребляя при том разные хитрости, а наши между тем не имеют места для засад, откуда было бы удобно сделать на них нечаянное нападение. В городе непрерывно строятся и укрепляются, но людей для обороны имеют не слишком много. За всем этим в лагере мы строим новый Псков. Каждый на место своего намета ставит или шалаш, или мазанку. Когда двинемся, то здесь останется другой город. Если бы к этому деньги да было бы что есть, то мы могли бы прожить целую зиму. Но чем далее, тем затруднительнее добывать провиант: за овсом и сеном приходится посылать за 15 миль, и то с затруднениями.

Пан Трокский прибыл под неприятельскую крепость — Порхов. Чрезвычайную досаду причиняет нам медленность Корфа, который еще не привез пороху; мы все его ожидаем.

Постоянно делают какие-то большие и тяжелые лестницы. Дай Бог, чтобы русские допустили взлезть по ним в город!

Сегодня умер князь Чарторьёвский, молодой человек, приехавший из-под Старицы с п. Трокским. Три дня тому назад споткнулась и упала под ним лошадь; сабля его выпала из ножен и при падении ранила его в ногу: сабля эта была напитана ядом, отчего в ране быстро распространился адский огонь; врача же имел худого, который не мог ему помочь. Он был волонтер и содержал 50 коней; каждый конь с убором оценен в несколько сот золотых; за свою же собственную лошадь он дал 1500 золот. Истратил он более 200000. В молодых годах оставил после себя молодую жену Буркулябову, за которой взял 100000 золот. приданого. Для желающего — свежая вдовушка!

15 октября

Ухровецкий приказал строить батарею против средних ворот. Корф с порохом находится в 12 милях. Навстречу ему король послал свои подводы. Небольшое сочувствие показали королю рижане: в столь большой нужде выслали только 400 бочонков пороху и столько же ядер.

При копании шанцев легло в этой ночи несколько гайдуков. Поссевин у гетмана говорил проповедь на текст: «воздадите кесарево кесарю и божия и Богови», призывая жолнеров к покаянию в самых убедительных выражениях; все это напрасно, но он удивительный человек.

16 октября

Люди воеводы Новоградского, находясь на страже, поймали русского, который вез из города письма Шуйского к князю. Писем у него оказалось очень много: большей частью к женам, воеводам и одно — к Мясоедову, который недавно покушался войти в город. Советуют ему вновь попытаться войти в город и обещают навстречу сделать вылазку, с такими силами, чтоб его безопасно проводить в город. Шуйский пишет к князю обо всем, что делается в городе, напр.: что король сделал без успеха более

20 штурмов; как будто и в самом деле так было; извещает, кто в городе убит; что провиант берут из государевых запасов; что кони все пропали с голоду; удивляется, почему князь не посылает помощи; что в настоящее время положение короля невыгодное; что его фуражиры ездят во все стороны около города и что их очень удобно бить.

Казаки доносят, что в озере на одном острове находится какой-то молодец с 700 стрельцами, которые имеют намерение обратиться в город; что они, высадившись на берег, застали в одной деревне венгерцев, расположившихся там, как дома, и изрубили их вместе с конями, а сами ушли в озеро; одна лошадь была из отряда Фаренсбека.

В этот же день вышли из крепости 1000 пеших стрельцов, 1000 конницы и стали под защитой городских пушек; против них послано несколько рот Пржиемского, Нишицкого, Гостомского, Бонара и Пенкославского. На аванпостах были Гостомский и Пржиемский: но господа русские, простояв добрый час, вернулись в город, ничего не сделав.

Из-под Гдова приехали ротмистр Ленек вместе с Диниским, посланный туда разведать о 5000-м отряде русских. Они привели языков, которые сообщают, что сын великого князя прибудет к этому городу с другим отрядом с целью преследовать наших фуражиров и тревожить лагерь; если же король, не взяв Пскова, начнет отступление, то они хотят идти за ним и тревожить войско. Очень может быть, что нам придется помериться с этим свежим войском. Мы думаем, что у неприятеля на этот раз будет больше лошадей, чем под Луками.

У нас уже нет провианта: только кое-что попадает около Порхова в 14 милях расстояния, где расположился отряд пана Трокского; сам же кастелян вскоре прибудет в лагерь с польскими ротами.

Ухровецкий поставил новые батареи со стороны р. Псковы, от прежних шанцев на расстояние выстрела из лука, так что теперь удобно подавать взаимную помощь, обстреливать город с разных сторон, беспокоить, грозить лестницами и пр.

Голковскому приходится плохо: гетман хочет отрубить ему голову. Двор и литовские паны просят назначить ему другое наказание, послать на штурм, посадить в тюрьму или отставить от двора, но гетман и слышать не хочет. Не знаю, чем кончится все это. Дворяне ропщут и пр.

17 октября

Русские, по всегдашнему обычаю, сделали вылазку с намерением взорвать порохом небольшую каменную церковь, которая находится от города в расстоянии хорошего выстрела из лука и которая мешает их вылазкам. Из города открыли сильную пальбу, необычайную для этой стороны города, чтобы выбить наших оттуда. Но и эта вылазка им не удалась, и они принуждены были, как и всегда, вернуться в крепость.

Прибыл Корф с порохом и с шотландцами. Надеемся теперь предпринять что-нибудь: все необходимое для штурма поспешно готовится.

Гетман, осматривая город, подъехал очень близко к стенам; в него выстрелили из пушки, и не знаю, ядром или осколком камня ранили в ногу его поводную турецкую лошадь; рана, впрочем, легкая.

Очень уж беспечно разъезжает он под выстрелами и в окопах показывается открыто.

Пан Гнезненский с п. Радомским были целый день у Поссевина. Пробыв у него день, Гнезненский ушел очень расстроенный; о папистах говорит уже другим тоном и не так предан Лютеру. Дай Бог, чтобы он обратился, и если иезуиту не удалось обратить русских, пусть, по крайней мере, сделает это с лютеранами.

Положение Голковского должно быть, не хорошо: он причастился и духовную написал. Придворные приуныли.

18 октября

Пороху пришло меньше, чем ожидали. Бог знает, каков будет штурм! Приготавливают все к тому, чтобы повести его в воскресенье.

Шотландцев прибыло 150 человек здоровых парней; на вид они лучше немцев. Король делал им смотр. Будь у нас таких несколько тысяч, мы смело могли бы идти на псковские стены.

Голковский с закатом солнца бежал из лагеря вместе с солдатами, которые стерегли его в квартире Жолкевского; последние скрылись или от страха наказания, или подкупленные. Гетман воротился из окопов в третьем часу ночи. Господи, каких хлопот наделал он! Разослал всех искать бежавшего в лагере, а Баторий распорядился о том же у венгерцев. Но ради чего прятаться там Голковскому?

Русские во время вылазки схватили пахолка, собиравшего под стенами дрова, но были принуждены отступить.

19 октября

Рано утром было совещание у короля с ротмистрами насчет осады; много между ними таких, которые с радостью ожидают штурма, другие — не хотят, главным образом потому, что не все приготовлено. Некоторым же штурм совсем не нравится.

Гетман очень беспокоится о Голковском, сердится на всех и даже подозревает, не произошел ли побег с согласия самого короля; писаря тоже в подозрении, что могли дать пропускной лист. Сердится также на королевского кухмистра, полагая, что это его дело. «Не надеялся я, — говорит, — что он так поступит со мною». Кажется, что в эти дни кухмистр ходил уговаривать гетмана не губить Голковского и в случае если последний покусится на побег, посмотреть на это сквозь пальцы — вот откуда подозрение. Жолкевский тоже виноват в глазах гетмана: «Он поступил со мною не как родственник — взял преступника на свое попечение и выпустил». Но Жолкевский тут ни при чем и пр.

Придворные, как видно, очень довольны и посмеиваются; должно быть, некоторые дали бежавшему денег и лошадей.

Все паны съехались на совет и оставались там до четвертого часу ночи. Заседание было самое секретное. Должно быть, ко-

роль предлагал что-нибудь насчет осады. Мнения, надо полагать, были очень различны. Как я понял, одни предлагали стрелять в стены и, пробив отверстие, броситься на штурм; другие возражали: «Если штурм не удастся, будет срам и людей потратим много без всякой пользы». Иные советовали совсем оставить осаду или отложить по случаю морозов и голода, людей распределить по занятым замкам, тем более что Остров уже в наших руках, а Порхов и Гдов легко можем взять с помощью привезенного пороха. Литва протестовала, заявив, что далее оставаться не может. Король принял это с явным неудовольствием. Положено уговориться и, посоветовавшись, прийти завтра доложить королю, на чем постановят.

В результате выходит, что при таких стесненных обстоятельствах не знаем, как овладеть Псковом. Корф привез пороху едва 100 центнеров; но много ли это? Конница и пехота мрет в окопах от холоду и голоду; кавалерийские роты, где было по 100 коней, ныне едва насчитывают до 40; также и в пехоте. Случись другой штурм, произошло бы страшное бедствие, потому что русские так осмотрительно действуют, как лучше быть не может. Они очень хорошо поняли, что с замерзанием р. Великой открывается доступ к слабо укрепленной стороне города и потому, опасаясь, чтобы мы не возвели там окопов, укрепили стены срубам. Не знаю, что будет далее. Жолнеры жалуются то на короля, то на Гетмана.

В этот же день казак Павел, имея с собою только 60 коней, проходил по неприятельской земле по направлению к Москве, миль за 40 от Пскова, и встретил одного князька, который со 100 конными боярскими детьми ехал к войску великого князя. Застигнув этот отряд врасплох, казак разбил его наголову; самого князька с несколькими знатными боярами взял в плен. Эти пленные будут представлены королю воеводой виленским.

Русские по-прежнему вышли из города с подводами для дров; но наши прогнали их обратно и захватили языка, который говорит, что в городе дров нет, что чернь умирает с голоду, а стрельцы питаются только хлебом с водой. И нам без соли приходится
■ рохо.

20 октября

Литовцы целый день совещались в своем лагере, собираясь у воеводы виленского; к королю съехались в 22 часу и оставались в секретном заседании до 3 часу ночи. Должно быть, они заявляли, что могут пробыть только 18 дней, долее же по причине голода и холода оставаться не в состоянии: видно, король очень оскорбился этим и злобно посмотрел на это, но мы будем говорить свое, и уж я не знаю, как мы пробудем здесь. Нам приходится вести войну уже не с псковскими стенами, а с Богом, потому что в такие морозы ни пешие в окопах, ни конные на аванпостах не могут выдержать. Теперь здесь такой холод, как у нас в начале февраля. Река Великая совсем стала, так что по ней можно ездить; правда, дров у нас достаточно, да в пище большой недостаток: скоро придется посылать за провиантом за 20 миль отсюда.

Нужно полагать, что Литва порядочно кричала на совете, выставляя невозможность продолжать осаду за разными недостатками, а мы их виним за то, что мало дали пороху в Литве, ибо торговались они, а не мы. Можете видеть, Ваша Милость, какую большую ошибку сделали мы из-за 20000 золотых, которые нужно было дать за порох. Дошли мы до такой крайности, что несем невознаградимую потерю как в людях, так и в имуществе, да к тому же не знаем, как вернемся домой, а хуже того, если придется со стыдом снять осаду. От последнего упаси Боже, потому что тогда потеряем и ту частичку славы, которую приобрели в последние два года. Впрочем, чему тут удивляться. Случалось, что и великие монархи, не успев взять городов или крепостей, принуждены бывали отступать от них без всякого успеха.

Поссевин как-то слабо нас соединяет: советует нам прекратить войну (надо полагать, мы и без просьбы это сделаем): только более, говорит, разорите Московского князя, с которым тогда трудно будет сговориться. Но, видимо, Поссевин больше занят тем, чтобы князя обратить в нашу веру, что крайне смешно и неправдоподобно. Будучи у князя, заводил с ним беседы о вере, но тот ни в какие прения вступать не хотел и строго приказал, чтобы

русские не ходили смотреть латинскую обедню. Он оставил у князя двух иезуитов потому будто бы, что князь выразил желание видеть их у себя до тех пор, пока он не устроит мира между ним и королем. Другие говорят, что они остались с целью учредить в Москве коллегию: но это положительно нелепость.

Еще 9 октября Поссевин отправил своего слугу с письмом к великому князю: придется нам ожидать его возвращения; а почем знать, скоро ли князю вздумается отпустить его?

Был смешной случай. Мой брат, который живет со мной, посетил смоленского воеводу Тышкевича (прошу держать это в секрете), литвина, в литовском лагере (он был знаком с ним еще в Ингольштадте, где они вместе кутили); случилось там много литовских панов; начали все сетовать на нашего гетмана и издеваться над ним; наконец стали передавать друг другу следующий пасквиль: негодяй стал паном, дьячок — настоятелем, школьник зашел судить, сорви-голова — управлять, а дьячок — командовать. Господи, буди с нами!

Брат спросил: «Откуда вы взяли это?»

«Да ведь это из вашего лагеря».

«Кто же тут школьник?»

«Бех», — говорят.

«А дьячок кто?»

«Канцлер».

«Почему же?»

«Да он был ректором в Падуе»^{*)}.

Дальше брат не расспрашивал; придя домой, он рассказал мне, а я поспешил сообщить гетману. Гетман, кажется, не знал об этом и задумался; потом сказал: «Если захотим на себя стихов, достанет их на всех нас: народ-то все злой!» Долго он говорил на эту тему; потом, когда был обед, он все усмехался в мою сторону насчет того же. После обеда, подозвав Бе́ха, долго шептал ему на ухо, а когда тот отошел, то сказал мне: «Я обо всем сообщил

^{*)} См. предисловие.

Бежу и поручил ему составить подобный же пасквиль на Литву, потому что хорошо вижу, откуда дует ветер; я просил написать в таком смысле, что каждый литвин — или незаконнорожденный, или вор; знай и ты об этом, только прошу, — прибавил он, приложив палец к устам, — сохранить это в секрете».

Не знаю, что напишет Бех; он мне откровенно признался: «Черт знает, как писать: ведь я не стихотворец».

Сдается мне, что гетман и королю передал об этом.

Приехал с письмом к королю курьер от императора для переговоров о деле Брауна с Раздрашевским; Ваша Милость, говорят, знаете об этом; велено отпустить его немедленно и, вероятно, завтра он уедет. К Вам также будут письма об этом деле: его велено приостановить. Вы говорили, что это не согласно с законами, а король отозвался с сердцем: «Я помню, что об этом было говорено на сейме, так и должно быть; это такое дело, которое нарушает спокойствие в государстве и пр». Итак, Ваша Милость, можете взвесить все обстоятельства и поступить, как покажется лучше.

Прибыл в лагерь турецкий чауш: навстречу ему выехало около сотни придворных и ротмистров. Гетман поручил старосте ливскому приветствовать его от имени короля. Завтра назначена аудиенция: посмотрим, о чем он будет толковать.

21 октября

Послу дана аудиенция. Он представил письма и от себя — подарки: турецкого коня, богато оправленную саблю и бунчук. Сегодня будут переводить, завтра — писать ответ, а в понедельник отправят его с ответом, чтобы немедля ехал. Должно быть, шпионит, что у нас делается.

Гижиус передавал также мне, что вчера почти уже вечером он был у канцлера. Там п. Накельский рассказывал, будто маршал коронный писал ему о совершенном расстройстве своего здоро-

вья и просил сказать об этом канцлеру, которому и поручил свое семейство в случае смерти; канцлер немедленно послал меня доложить об этом королю. Король был очень огорчен этим известием и после сказал, говорят: «Прискорбно будет нам всем и государству лишиться такого мужа и сенатора». Я сказал Гизиусу, что мне ничего неизвестно о письме к Накельскому, что прежде чем показать его канцлеру, он должен был бы переговорить со мной, так как из письма, которое я только что получил от Вашей Милости, видно, что по милости Божьей вы не так худо чувствуете себя, я опасаюсь, что Накельский теперь везде в войске будет распространять слухи о Вашей болезни.

22 октября

Сегодня должны были отправить турецкого посла, но этому помешал приезд Трокского кастеляна. Он торжественно приближался к лагерю: навстречу ему выехали отец и все литовские паны; приветствовал его на поле от имени всех панов жмудский староста, а отец его, воевода виленский, при сильном морозе стоял снявши шапку, пока сын не попросил его покрыть голову. Смешная церемония! Потом отправились к королю: не придется мне видеть, как Литва отрешится от своей гордости.

После обеда должны были сойтись к королю члены совета по случаю отъезда турецкого посла, но воевода виленский послал к гетману сказать, чтоб его извинили, что они должны были встретиться и почтить пана Трокского.

Гетман говорит: «Проживем здесь еще 50 дней, и Псков будет наш!» Не знаю, каким образом.

Русские по-прежнему делают вылазки и, схватив кого-либо из наших, уводят в город; но иногда несколько их падает под стенами.

Из лагеря. 22 октября 1581.

23 октября

Сегодня кастелян Троковский в присутствии панов радных дал отчет в своей экспедиции и в том, как шел из-под Порхова; рассказывал, что он на 250 миль изъездил вдоль и поперек Московскую землю, был на глазах самого в. князя, да вот, говорил, можете Ваша Королевская Милость узнать от пленных, которые сюда скоро придут. Под Порховом стоит Гарабурда с татарами, но их осталось только сотня, остальные разбежались для грабежа. Таким образом, необходимо послать ему помощь, тем более что в 6 милях за Порховом расположилось около 5000 русских с татарами, которые будут хватать наших фуражиров. Роты, которые пришли со мною, в отчаянном положении; кони издыхают от ссадин, потому что все тяжести, за неимением телег, должны класть на них. У товарищей нет пахолков в полном комплекте: одни бежали, другие пошли к казакам; они просят жалованье, которое им следует по числу лошадей и по вооружению; просят также отвести им в лагере место, где бы они могли расположиться.

Вновь прибывших жолнеров мы зовем персиянами, потому что, по их словам, они были чуть не под самой Персией¹³⁷; о трудностях и невзгодах мало говорят: это — следующие: Казановский, Жебридовский, Гостомский, Оржельский, Иордан, Темрюк. Завтра думают поставить их на той стороне Великой, недалеко от Белявского, с той целью, чтобы из города их заметили и поняли, что к нам прибывают новые силы и что мы, следовательно, вовсе не думаем об отступлении.

Советались, как послать помощь Гарабурде против русских партизан. Предложено было отправить туда войска и разогнать засаду, но кастелян сообщил, что русские имеют разезды, которые дадут знать о нашем приближении и удалятся потому еще, что князь запретил вступать с нами в битву, а между тем, как только наши станут оттуда возвращаться, они не преминут беспо-

коить их преследованием; Гарабурде лучше послать помощь, чтобы он мог постоянно быть на страже. Об этом должен позаботиться гетман и пр.

Происходило потом другое совещание, без свидетелей. Гетман красноречиво распространился, в каком положении военные действия, т. е. другими словами, что осада города встретила неожиданные затруднения; наступают холода, приходится изыскивать новые средства, как быть в таком положении; об одном нужно стараться, чтобы не оставить осады с бесчестием, а заключить мир и с ним явиться в отечество; продолжать вести войну чрезвычайно неудобно, нужно просить субсидии у сословий королевства, заниматься сбором жолнеров и пр., все это отнимает много времени и для населения в высшей степени обременительно,

Поссевин того мнения, что теперь удобнее было бы заключить мир, потому что Нарва и Ивангород, которых в. князь не хотел нам уступать, взяты шведами, следовательно, этот спорный пункт устраняется сам собой. Да притом еще, прежде чем мы приблизились к Нарве, он предлагал Поссевину выслать бояр для переговоров с нашими комиссарами где-нибудь в стороне от Новгорода. Об этом Поссевин уже писал к князю и послал своего слугу, который должен быть скоро назад и скоро привезет какой-нибудь решительный ответ.

Так как зашла об этом речь, то король видит, что из двух зол нужно выбирать меньшее, потерпеть немного от голода и холода, нежели отказаться от продолжения осады.

Есть надежда, что через месяц или два в городе откроется голод, как показывают языки; тогда простой народ будет удален из крепости, а останутся только Шуйский со стрельцами, которых у него немного.

«Относительно поданного Вами заявления, что не хотите оставаться более 18 дней, нужно сказать, что безрассудно оглашать срок службы, потому что неприятель, узнав об этом, ободрится и догадается, что мы все утомились: поэтому не следует назначать сроков, а если мы заключим мир ранее 18 дней, тем для нас луч-

ше. Если же придется обождать, то не жаль потерпеть еще не-
много ввиду хорошего и благополучного коица дела». Ставил в
пример осаду Мальборна¹³⁸, когда предки наши, если бы захотели
обождать несколько дней, взяли бы его и не имели бы потом та-
ких хлопот, какие пришлось испытать им в продолжение несколь-
ких лет. «Было тоже и с Заволочьем, который я осаждал; трудно
было предполагать, чтобы возможно было взять эту крепость,
защищенную самой природой, а она сдалась как раз в то время,
когда мы уже отчаялись овладеть ею». Что же касается до прови-
анта, то при таких морозах его может быть в достаточном количе-
стве; где прежде не могли ходить фуражиры, там теперь свобод-
ный проход. По случаю холодов король послал в Ригу и в Вильну
предложить тамошним купцам выслать одежду и тулупы за на-
личные деньги; таким образом, все дело только в Вашем жела-
нии, Ваша Милость.

Потом говорил король в том же смысле, именно: пусть не
думают, будто он своей медленностью хочет тратить войско; он не
так безрассуден, чтобы сам себе вонзил нож в грудь; в здоровье
войска заключается его собственное благосостояние, достоинство,
честь и уважение; немислимо, чтобы от всего этого он отказался.
Поэтому пусть обождут эти 18 дней: пусть срока не определяют,
в противном случае они уничтожили бы переговоры с Поссеви-
ным и ободрили бы неприятеля. Великий князь, узнав об этом,
сейчас приободрится.

«Я возлагаю надежду на всемогущего Бога в том, что город
этот, если только мы останемся непоколебимы, от голода предас-
тся нашей власти. Всего населения, как передавали нам, в городе
будет 100000; они уже 8 недель находятся в осаде; полагая на это
время бочку хлеба на каждого, вот уже 100000 бочек; если еще 8
недель простоим здесь, тогда они должны будут истребить столько
же; но невероятно, чтобы было так много запасов. Шуйский до-
веден будет до того, что удалит чернь из города, а сам останется с
защитниками, которых там немного, потому что мы не допустили
никому пройти в город, к тому же ранеиых в городе немало и

конечно они не в состоянии со всех сторон оборонять город. Заняв Новгородскую дорогу, по которой одной только город может получать и провиант, и военную помощь, затем, овладев Порховом и Печерским монастырем с целью дать простор фуражирам, мы поставим крепость в безвыходное положение. Неприятель, видя, с какой настойчивостью и упорством мы остаемся в его земле, будет сговорчивее к миру».

Нужно смотреть еще на то, чтобы не уйти отсюда очертя голову и таким образом не попасть в большее затруднение, которому теперь желаем положить конец; пришлось бы вести переговоры со всеми сословиями о субсидиях, расставить жолнеров на литовских зимних квартирах, что было бы против совести, так как пришлось бы снова слышать плачь и жалобы бедных людей. Если неприятель не согласится на мир, всего лучше остаться тут, опустошить все около Пскова на 20 миль, сжечь и истребить; поставить войска около Порхова, Руссы и Воронача на постоянные квартиры, потом занять Новгородскую дорогу, так чтобы в город не попала никакая помощь, а жолнеры, между тем, будут иметь все удобства для добывания провианта. Пан Трокский говорил, что около Руссы, за Порховом, деревни так густы, как в Мазовии и так велики, что в каждой может найти кров не одна тысяча солдат; он видел там такие большие скирды ржи, ячменя и овса, что человек едва в состоянии перебросить через них камнем; наконец, если бы не достало овса или ячменя, то лошадей можно будет кормить рожью.

После этих слов литовские паны все сообща решительно заявили, что долее выдержать не могут; не заботятся они ни об имуществе, ни о здоровье, но единственно о славе королевской; «мы не хотим, говорили они, подвергать тебя опасности; будем ожидать, пока можем; у нас (это слова воеводы виленского) во всем недостаток, а русские, кроме удобств, которыми они обставлены, могут получать подкрепления со стороны Днепра и Дона; когда реки покроются льдом, они могут иметь свежих людей, которых летом трудно собирать. Вспомним (говорил маршал литовский)

поход под Улу, где пришлось быть и мне; дело было зимой, и все, что мы ни начинали, нам не удавалось; мы играли в войну, как в шахматы, потеряли 500 человек, погибших от руки неприятеля, а около 8000 разбежались от холода; скажу Его Милости Королю, что с русскими всего лучше воевать летом, а зимой сидеть дома и греться у теплой печи».

Мы обождем (говорил пан виленский), пока воротится от князя слуга Поссевина, не определяя срока нашего пребывания здесь; если он привезет что-либо положительно верное насчет мира, то мы будем служить Вашей Королевской Милости до окончания переговоров; каковы же намерения в князя, будет видно из того, как скоро он отправит назад этого слугу; если он расположен к миру, то через неделю можно ожидать возвращения; если же по-прежнему захочет идти на хитрости и проволочки, то я уверен, что он задержит гонца и это будет верный признак, что он старается только выиграть время. Хотя очень тяжело (говорил староста жмудский), но что же делать? Мы предпочитаем лучше сохранить солдат, чем попасть в крайность.

Наши польские сенаторы не пускались в рассуждения о сроке, а заявили, что будут оставаться тут, пока могут.

Затем говорил маршал Эборовский: «Наверное нельзя сказать, что будет, возьмем ли Псков или заключим мир; если ни то ни другое, то нужно поразмыслить о том, как вести войну в следующем году и вместе подумать о важнейшем — о нерве войны, и сомневаюсь, чтобы В. Корол. Милость могли добыть его, оставаясь здесь; помощью малых сеймиков нельзя ничего сделать; нужно собрать большой сейм, на котором необходимо Ваше личное присутствие, если хотите чего-либо достигнуть. Далее вследствие отдаленности места, где вы теперь находитесь, по невозможности скоро прибыть в Польшу, а также ввиду рассылки разных публикаций и других бумаг, необходимо теперь же объявить о созвании сейма».

Гетман возражал маршалу по-польски, ссылаясь на королевское обещание и на свою первую речь: «Нам необходимо быть

твердыми в надежде и терпении; если кто не рад войне, так это я сам, ибо хотел бы положить конец своим трудам и подумать о себе: вы видите, что я уже настоящий вдовец. Если вы будете склонны самым честным образом окончить войну и завершить ее, я соглашусь с мнением Вашей Милости и буду рад своему покою; да мне уже и время это сделать, так как недавно мне принесли счет долгов в 24000 золотых, я уже и чинш на св. Мартина весь получил вперед. Если опять захочу воевать, могу иметь всегда случай, сидя дома, потому что я родился в таком углу, где подобные дела не трудны. Мне кажется нам следует ожидать поссевинова гонца, а потом, смотря по обстоятельствам, увидим, что дальше делать».

Король решил: не определяя срока, до которого могут оставаться войска, дожидаться гонца, потом действовать, смотря по обстоятельствам, что же касается предложения о сейме, то он рад принять это в соображение, но отлагает это до утра, так как теперь уже поздно.

В этот же день русские около Изборска разбили венгров на фуражировке и отбили сколько-то коней.

По обыкновению русские сделали сильную вылазку по замерзшей реке на нашу пехоту, которая отступила к одной церкви и там оборонялась, пока не пришла помощь и наши не положили несколько русских на поле.

24 октября

Гетман велел собрать ротмистров и пошел с ними к королю.

Король сказал ротмистрам следующее:

«Я созвал вас сюда, чтобы сообщить обо всем, что следует нам делать в таких затруднительных обстоятельствах.

Незадолго перед этим литовские паны настоятельно и несколько раз приступали ко мне с просьбами, ссылаясь на бедственное положение как своих солдат, так и волонтеров, и ходатайствовали распустить их по домам, так как одни из них тяготятся своим

преклонным возрастом, другие начали кампанию болезненными и теперь не надеются на то, что будут в состоянии делать затраты ввиду того, что каждый из них употребил немалую часть своего состояния на военные издержки. Но когда я указал им на отчаянное почти положение республики и объяснил, какому бедствию подвергают они государство, оставляя армию, тогда они сочли лучшим подвергнуться большим лишениям, чем бросить начатое дело.

Я всегда был того мнения, что мужественный и решительный воин предпочтет перенести величайшие трудности, лишь бы не допустить малейшего ущерба своей чести и доброй славы.

Мне очень хорошо известно, что многие из вас прослужили шесть полных лет и закалились в трудах; другие — три года, а некоторые только первый раз в этом году вступили на военное поприще.

Тем ветеранам, которые потратили столько времени на военную службу, перенесли столько невзгод, подвергались стольким опасностям, было бы постыдно остановиться на полдороге, нейти навстречу меньшим трудностям, испытав гораздо большие, и рисковать потерей славы, для достижения которой они не щадили жизни в самых трудных обстоятельствах, и за один раз утратить как свою славу, так и славу своего короля.

Так может поступить только человек безрассудный, а не благоразумный.

Если кого, то, конечно, поляков в особенности, можно похвалить за мужество, твердость и постоянство в преследовании цели.

Молодых же солдат, только что начавших военное поприще, выставлять перед глазами людей в таком непозволительном виде было бы постыдно и даже бесчестно.

Очень возможно, что товарищи ваши жалуются на то, что вы решили остаться: я понимаю, что войско не может служить без жалованья, но убеждаю вас терпеливо сносить это незначительное замедление. Я послал уже нескольких человек и получил известие, что деньги в дороге, но дорога очень длинна; я отправил

недавно в Вильну подскарбия Стефановского постараться о скорейшем сборе и доставке денег, что, я уверен, и последует через несколько дней.

Точно так же, чтобы помочь тем товарищам, которые не приготовились как следует к борьбе с морозами, я позаботился доставить из Риги и Вильны провиант и теплую одежду, чего каждый нуждающийся вправе требовать от тех, которые будут этим заведовать.

Если бы даже и этого не было, я все-таки удивляюсь, как вы не верите в уплату, когда лучшим поручителем имеете республику, которая на последнем сейме поручилась за уплату и распорядилась перенести в Раву все деньги, которые останутся от контрибуций.

Если товарищи будут продолжать шуметь, то не забывайте, что ротмистр — глава, что ему обязан повиноваться каждый товарищ и он, как начальник, может каждого, неповинующегося в военном деле, побудить к тому палочными ударами, и, чтобы действительно было так, я уполномочиваю Вас так именно и поступать с ними.

Не хочу никого называть по именам, но знаю, что есть между вами, гг. ротмистры, двое или трое, которые подстрекают других, возбуждают их и советуют такое, что клонится скорее к измене, чем к общему благу; но такие мне хорошо известны, и я постараюсь иметь в виду их поступки.

Вы, господа, жалуетесь на караульную службу, но это не первая кампания, в которую полякам приходится нести эту службу; им приходилось встречаться и не с такими трудностями. Если сказать правду, то под Полоцком солдаты делали такие нечеловеческие усилия, каких я никогда и нигде не видывал и которые, однако, мужественно были перенесены войсками.

Может быть, и я лично имею причины, препятствующие мне отказать от начатого дела; но, кроме того, здесь дело идет о чести и достоинстве моем и республики, так что прежде чем отчаиваться, следует испытать крайние средства.

Не в моих правилах вконец истощить силы армии и принуждать ее к невозможным подвигам. Я далек от этого; тем более что мои выгоды тесно связаны с благосостоянием войска: если оно погибнет, измученное голодом и холодом, наши дела неминуемо придут в величайшее расстройство.

Примите к сердцу мои увещания — господа, вдохните мужество в ваших товарищей, пока придут подкрепления и деньги, а если кто вздумает бунтовать или подстрекать других, то таких следует, как я уже сказал, смирять палочными ударами.

Я принимаю на себя всем тем, которые со мною перенесут все лишения до самого конца похода, предоставить не только временные выгоды, но вознаградить их труды всеми способами и показать, что никому я столько не обязан, как армии».

Кастелян Гнезненский жаловался на своих товарищей, говоря, что сегодня, когда он приказал им ехать на аванпосты, они объявили, что не могут нести службу не из непослушания, а вследствие нужды и недостатка; они показывали ему свои возы и наметы, причем оказалось, что не только у пахолков, но даже и у товарищей нет ни шуб, ни теплой одежды.

Гетман коронный просил короля не сомневаться в своих жолнерах, так как ничто их не принуждало к службе, кроме желания быть полезными королю и Речи Посполитой. «О тех же, которые бунтуют, я не слышал и был бы рад, если бы Ваша Корол. Милость удостоили назвать их мне, наименьшему своему слуге и коронному чиновнику. Если же то и делают один или два, то не из желания идти против Его Королев. Милости, но по глупости: они не имеют никакого влияния на других верных слуг Его Корол. Милости. Что касается прочих, то я хорошо знаю, с каким желанием они сюда приехали: они бросили все свое хозяйство, свои маятности и приехали служить Е. К. Милости и служат так, как следует честным людям. Если же жалуются на свои недостатки, которые и мне безызвестны, то нужда их заставляет и В. К. Милость повинен облегчать им недостатки и помочь им в нужде. Не для того говорю это, чтобы не знал, будучи

советником Вашей К. Милости, как Вы часто это обдумываете и как рады были бы помочь, если бы были в состоянии: я говорю потому, что мой сан заставляет говорить, так как я глава и начальник своих подчиненных и должен об их нуждах докладывать Вашей К. Милости».

Пан Гнезненский просил короля позволить ему посоветоваться с ротмистрами, какой ответ дать на то, что он соизволил сказать.

Гетман коронный: «Так как я по воле Бога и по приказанию короля назначен гетманом, то и считаю своею обязанностью наблюдать, чтобы все делалось для славы Вашей К. Милости и Речи Посполитой и стараться об этом во все время, пока это звание будет при мне.

Между тем его милость пан Гнезненский, мой давний приятель, хочет совещаться с ротмистрами особо, тогда как это прямая обязанность гетмана, да и в артикулах постановлено, чтобы товарищи о нуждах своих обращались к ротмистрам, ротмистры — к гетману, гетман — к королю.

Ведь я не домогался этой должности: напротив, когда Ваше Величество изволили велеть мне принять ее, я отказывался, не потому, чтобы это звание было для меня слишком высоко, и не потому, чтобы оно не могло служить украшением моей фамилии; но, собственно, оттого, что я сознаю свои слабости и недостатки. Тотчас по приезде сюда пана Гнезненского я высказал ему, когда мы вместе объезжали окопы, что с нетерпением поджидал его приезда, надеясь, что он избавит меня от этих трудов; я признаю, что он в военном деле гораздо опытнее меня, имея за собою более продолжительную военную практику; я хотя и происхожу из такого дома, который дал стольких мужей, знаменитых рыцарскими делами, но я только недавно стал упражняться в военном искусстве под руководством Вашего Величества, моего Милостивого Государя. И все-таки я не принял бы этой должности, если бы не опасался, что люди могут отнести это к моему малодушию. Вы видите мои действия: сам враг не может меня упрекнуть в

недостатке усердия или ревности или в том, чтобы я щадил свое слабое здоровье. Свидетельствуюсь Богом, я делаю то, что следует делать честному шляхтичу и гетману. А потому прошу: если Ваша К. Милость знает кого, более достойного, который бы лучше мог исполнять гетманскую должность, нежели я, то удостойте с меня сложить ее, так как я принял ее не с тем, чтобы постоянно удерживать за собою, а, как и тогда, говорил его милости пану Гнезненскому: *hodie mihi, cras tibi*¹³⁹, т. е. сегодня я гетман, а завтра В. Милость можете быть им.

Что же касается до юрисдикции должности гетмана, то скажу, что у нас в Польше давно не было коронных гетманов, после славной памяти пана Тарновского».

Пан Гнезненский объяснил, что он внес свою просьбу не из нерасположения к его милости гетману и не для умаления его сана, что он готов всегда служить ему и уважать сан, который любили и почитали их отцы. «Но ротмистры, которые здесь стоят около меня, просили, чтобы я уговорился с ними насчет ответа, какой следовало дать Вашей Королевской Милости; отказать им было неловко: впрочем, мы и здесь легко устроим дело. Извольте, Ваше Величество сказать мне одно слово: «не выходи», так не выйду; или: «выходи», так выйду: Пусть гг. ротмистры и товарищи увидят, что не я причиною неудовлетворения их просьбы, а Ваши приказания.

«Звания же гетманского, видит Бог, не желаю и никогда не добивался; свидетельствуюсь особою Вашей К. Милости, как в Неполомичах заклинал Вас не удостоивать меня этого сана и пусть покарает меня Бог, если я когда в другой раз пожелаю его взять; я предлагал Вам тогда свои личные услуги, как солдат; я знаю свою слабость и ничтожество и говорю это не для церемоний: я простой человек и неохотно принимаюсь за то, чего не могу сделать, памятуя поговорку: не берись не за свое дело. Я покорно прошу сложить с меня должность, которую теперь занимаю, и отдать другому, если я не делаю того, что следует честному шляхтичу; а если я делаю то, что требуется от хорошего гетмана, то

пусть признают за мною право на гетманскую булаву, чтобы истинные заслуги были всегда отличаемы.

Пану канцлеру желаю от всей души оставаться гетманом и вижу, что он делает все, зависящее от него. Дай Бог, чтобы так было долго, ибо знаю латинскую поговорку: *Si finis bonus, laudabile totum*¹⁴⁰. Насчет «палки» жолнеры очень сердились.

Потом происходило заседание совета.

Гетман предложил, если не возьмут Пскова и не заключат мира, собрать сейм или, по крайней мере, потребовать его созыва.

Решили, что сейм необходим и что нужно созвать его на случай, если не окончится война; если же кончится, то сейма может и не быть. Хорошо, если бы сословия сами по себе захотели это устроить; если бы после уездных сеймиков собрались все на генеральный Кольский и Корчинский и постановили бы не созывать вального сейма и не требовать на него короля; вальный не может быть после генеральных, потому что немало времени требуется для приезда короля из такой дали. А без короля на сейме трудно что-нибудь устроить. Существует обычай, по которому раньше рассылки сеймовых листов составляется перечень предметов для рассмотрения на сейме и определяется также время сейма и место; поэтому из Острова уже давно выехали коморные с листами, в которых оповещается о положении дел, и если дела идут иначе, чем мы желаем, то гг. сенаторы имеют время высказать свои мнения, которые и послужат пунктами рассуждений.

Странно, что эти коморики так долго не возвращаются; местом для сейма будет, без сомнения, Варшава, на что все по необходимости должны будут согласиться.

Итак, у нас сейм. Что-то скажут наши? Полагаю, что согласятся дать средства. Ради Бога, пусть не отчаиваются; я согласилась бы лучше платить 10 золотых с десятины, чем ехать из Познани во Псков.

Литовские пань предлагали созвать сейм у себя, но поляки сказали, что из этого ничего не выйдет.

Пан маршал Зборовский не хотел подавать голоса, сказав: «Я на все согласен, что вы порешите; а так как я теперь расстроен, то буду просить Вашу Кор. Милость дать мне сказать несколько слов лично Вам».

После этого, когда король стал греться у камина, маршал начал сообщать ему о каком-то пасквиле, который подкинули к его дверям прошедшей ночью. Затем говорил гетман; о каких делах, писать не следует; я только опасаюсь, чтобы не возникло каких пререканий между этими людьми, а потом, без сомнения, и Гнезненский будет сторониться и пр. Об этом пишу, хотя и глухо, чтобы предостеречь Вас.

Русские сегодня сделали сильную вылазку разом из трех мест, но стража наша прогнала их к воротам: с одной стороны венгерцы, с которыми был пан Баторий, королевский племянник, с другой — рота Гостынского (сам он болен), с третьей — Собоцкий, на долю которого выпало больше всего работы; он гнал русских до самых ворот и едва не попался в плен, потеряв лучшего коня. Несколько русских убито. Пан Меджихоцкий ранен, и конь под ним убит.

В этот день сам гетман был в шанцах у пеших ротмистров, убеждал их мужественно переносить невзгоды, обещая за то верную награду. Они дали слово служить до тех пор, пока могут выдержать при таком голоде и холодной зиме.

При объезде шанцев у гетмана подбита поводная лошадь, убито также несколько гайдуков, что не новость.

Сегодня также паны радные решили дать отпуск чаушу и отписать султану, что мы пошлем на крестины. Воевода виленский подал голос, чтобы послать кинжал, только в богатой оправе, который может быть отослан старостою Пржемысльским¹⁴¹, если только он до мая останется в Константинополе. Вероятно, он просил также на эти крестины императора и французского короля: придется и им посылать подарки.

Посевин сегодня с другим слугою послал Московскому князю письмо, в котором пишет, что вскоре после приезда его к ко-

ролю и уже в бытность его в лагере под Псковом прибыло из Вильны и Риги много пороху, орудий и людей и что король хотел опять штурмовать город; но по его просьбе и убеждению не проливать лишней крови король удержался; следовательно, остается только, чтобы князь сам пожелал мира и притом как можно скорее, и чтобы отправил послов или комиссаров, которые искренно и правдиво приступили бы к этому делу; обещал ему в то же время удерживать короля от продолжения осадных работ.

Около 600 казаков собралось идти разорять неприятельскую землю под самую Москву: король позволил.

Некоторые из ротмистров бунтуют; собрались сегодня ночью у Стадницкого: Лесневольский, Казановский, Иордан, Ожельский и другие на сходку. Король в сильном гневе и, если бы мог, приказал бы, сняв рубашки, хлестать их по спинам и выгнать из лагеря. Самые скверные те, которые пришли с Трокским. Король сказал: «Лучше бы они не возвращались сюда, чем возбуждать смуты в войске и пр».

Пан Лещинский хлопочет, чтобы его отцу, пану Любельскому, дали воеводства Сандомирское и Мальборкское, с тем чтобы отец уступил ему староство Сендомирское. Действует через пана кухмистра, которому дает 1000 злотых, а канцлеру — 2000 злотых. Сдается мне, что из этого ничего не выйдет. Смешные мечтания! и пр.

25 октября

Русские сегодня тоже сделали неудачную вылазку: должно быть, им большая надобность в языке.

26 октября

Посол турецкий получил ответ и через несколько дней поедет обратно. Удивляется, что мы воюем в такой холод; говорит, что султан ничем не мог бы удержать своего войска в такой мороз.

Перед вечером русские сделали вылазку: несколько сотен их

конницы и пехоты атаквали аванпосты Ландскоронского и Мнишка. Случайно в эту схватку попал воевода Брацлавский. Наши уже хотели отступить, но он, вставши между ними, восстановил порядок и ободрил русского воеводу, который выехал в атласе и бархате, ранил легко копьем; наши столпились около воеводы, стараясь взять его живым в плен: русские, заметив это, окружили наших в громадном числе. Наши, видя, что трудно было уйти вместе с пленным, изрубили его саблями. В это время русские схватили Зейдлица, товарища Мнишка и хотели с ним уйти к воротам; наши бросились его спасать, но русские, видя, что удержать его не в силах, тоже изрубили. Все говорят, что это была самая сильная схватка и что никогда такой вылазки они до сих пор не делали. Из русских несколько легло на месте и немало раненых. С нашей стороны убиты Зейдлиц и слуга воеводы Брацлавского и сколько-то раненых. Сам Брацлавский принес в лагерь две стрелы, которыми пригвоздили его чемарку к седельной луке. Не будь его, наши непременно понесли бы поражение. Все признают, что он прекрасный солдат и пр.

Казак Железо, литвин, который с своим отрядом расположился в 20 милях от Пскова и в 8 от Новгорода, привел королю несколько пленных, которые были отправлены из Пскова к великому князю. Они из города были спущены на веревке и, миновав нашу стражу, прошли более 20 миль. Из писем, отобранных у них, не видно ничего утешительного, потому что извещают, что имеют всего вдоволь. Не всегда, знать, пишут правду своему князю.

Много гибнет наших фуражиров, так что в течение одной недели в разных местах погибло их несколько сотен, а вчера у пана Костельского, в 14 милях от лагеря, захвачены 10 служителей, 19 коней и коморный Шапоровский, который для русских будет хорошей находкой.

Сегодня русские втащили орудия на новую деревянную башню, которую выстроили против разбитой венгерцами каменной.

27 октября

Река Великая почти совсем стала; городская стена, под которою она течет, очень слаба; на ней нет ни башен, ни фланговых бойниц. Два наших орудия переправлены на ту сторону реки, и сегодня из них начали бить в стены, которые быстро стали осыпаться. Относительно нового штурма ничего еще неизвестно. Гетман с Гнезненским как-то не в ладах; тот говорит: «Ты сердишься на меня без причины»; а наш: «Ты со мной не откровенен, как до меня доходят слухи; я бы хотел жить с тобою по-старопольски. Черт нам дал это гетманство!» Мне кажется, для предосторожности Вам об этом нужно знать. Пришло известие, что купцы вместе с повозками некоторых литовских панов, нагруженными серебром и дорогим оружием, захвачены русскими, собравшимися из разных крепостей: в их руки попала большая добыча, которую нужно ценить в несколько тысяч.

В лесах около Опочки хватают наших курьеров, и проезд в тех местах очень опасен.

Сейчас выступили русские, но были отеснены в город; видно, нуждаются в языке.

Дивятся, для чего пришли сюда люди пана Трокского.

В окопах менее, чем когда-либо, причинено вреда нашим людям.

28 октября

О Боже, вот страшный холод! Какой-то жестокий мороз с ветром: мне в Польше никогда не случилось переносить такого.

Литва ни за что не хочет идти на караулы. Король посылал просить, но безуспешно. «До завтрашнего дня, — отвечают, — пока условимся, что делать». Каждый, к кому обращались, отзывался, говоря: «Я уже столько-то поставил лошадей». Пахолков бьют палками, сажают на цепь, но те оправдываются тем, что не имеют шуб. Куда подевались все скорняки? Если бы сюда вместо соболей привезли простые тулупы, и то остались бы в больших барышах. Гетман доложил королю, что не знает, как на них дей-

ствовать: «Они настолько баре, что никак не могу заставить их нести караульную службу». Король пожал плечами: «Можно бы, — говорить, — позволить им разводиться на караулах огни и проезжать иногда под стенами для разведок».

Не знаю, что будет далее с нами; говорят люди, что это не морозы, а заморозки. Если придется нам дожить здесь до настоящих морозов, то нужно полагать, мы воротимся домой без носов.

Король послал под Печоры Фаренсбека с его немецкой конницей и Гутлера; при нем два польских ротмистра Деницкий и Леницкий, которым дано поручение прогнать русские отряды, чтобы не вредили нашим фуражирам; самый монастырь велено осмотреть и если представится возможность его взять, то немедленно обложить, а за пехотой и орудиями прислать к королю.

Из двух орудий, которые поставлены на той стороне реки, наши бьют в стены и пробили немалую брешь, но что же из этого? За этою стеною находится другая, деревянная, толщиной в сажень и набитая землею: русские хорошо укрепляются!

Венгерцы кирками, лопатами и чем попало разбивают фундамент стен и уже так вкопались в стену, что их не видно; русские не могут отогнать этих молодцов ни стрельбою, ни кипятком, который льют сверху¹⁴².

Пишем уже сеймовые листы: Средский сеймик и все великопольские сеймики назначены на один день 29 декабря, Кольский — 12 января, вальный в Варшаве — 9 марта. Король желает, чтобы из-за сейма Вы не отрывали его от дел, а, собравшись в Коле и Корчине, сами порешили бы, как быть; если же этого нельзя, то он созовет вальный сейм, на который и придет.

29 октября

Сегодня в 4 часу ночи мы были в большом страхе. В роте пана Ланцкоруньского случился пожар: сгорели будки и конюшни; восемь товарищей понесли большие убытки, а некоторые не успели вынести даже оружия. Богу было угодно, чтобы образовался прорыв в лагерных рядах; ветер был сильный, так что едва погасили горевшие будки и конюшни с соломою.

Целую ночь ожидали вылазки. Но после нашего пожара у них в городе тоже начался пожар, который наделал и нам большой тревоги, но продолжался недолго. Наши люди, предполагая измену, выскочили на крыльца с каганцами. Со стен открыли стрельбу огненными ядрами. Так как ночь была темная, то псковитяне, дабы видеть, что делается под стенами, сбрасывали со стен горящие бочки, наполненные смолой, порохом и паклей, а на зубцах стен ставили огни.

От этой стрельбы погибло наших в новых шанцах: печих около 30 человек, несколько ранено; в числе убитых — двое ротмистров, Влох и Любовецкий, и товарищ из роты Пенкославского — Рацкий.

Однако наши сделали в стене немалую пробоину, а венгерцы, вкопавшись в стену, сидят там и прорываются дальше. Русские уже не знают, чем их выжить: кидают на них со стен огонь, камения, льют смолу; но они, заложившись досками, подрыли большую часть стены.

В лагере заговорили о новом штурме: хотят с разных сторон показаться с лестницами, дабы тем заставить защитников Пскова разбросаться по городу и тем отвлечь внимание их от того пролома, через который наши намерены штурмовать.

С островов, расположенных на озере, все русские по льду ушли в город Гдов, почему наши, придя туда, не нашли никого. Но всякого продовольствия, спрятанного в ямах, оказалось там много; кроме того, много сетей, так как там живут все рыбаки. Местечко это небольшое, с двумя церквями. Все припасы русские намеревались переправить в Гдов на лодках, которых до 200 штук, замерзших во льду, осталось в местечке.

30 октября

Вчера Фаренсбек с немцами, у Печор, напал на русских и доносит, что их около 80 ч. осталось на поле. Привел сегодня несколько пленных, которые сообщают, что в Печорах находится немало наших. Сапоровского отправили к князю.

У Редера, силезца, незадолго пред этим захватили воз с имуществом и несколько коней, которых он препровождал в Ригу. В этом возу было все его имущество и между прочим несколько золотых цепей, в том числе и та, которую дал ему король. Пленные говорят, что все это запечатано для отсылки к князю. В Печорах находятся 200 стрельцов и немало черни. Монастырь обнесен стенами, как замок. Король посылает Фаренсбеку три орудия для осады Печор.

Русские открыли по шанцам необычайную стрельбу, а также и по страже, которой, благодаря Бога, нанесли мало вреда, в числе убитых находится также пехотный ротмистр Павел.

После жестоких морозов нынешний день выдался очень теплый: снег стаял и кропит дождь. Наши разбивают стены, а венгерцы подкапываются и придумывают разные штуки против русских, наприм.: когда русские высовываются из-за стен, чтобы лить воду, бросать камни или ручные гранаты, венгерцы в это время закидывают на стены острые железные крючья на длинных веревках и, зацепивши кого-нибудь за платье или за руку, сбрасывают со стены¹⁴³.

Носят в шанцы лучину и лестницы: должно быть, будем жечь город. Дай Бог нам войти в него!

31 октября

Сегодня была баталия. Наши стреляли в стену; но русские отплатили в десять раз. Много наших в окопах погибло от их выстрелов. Вчера и сегодня убили, между прочим, четырех пушкарей. Не понимаю, откуда у них такое изобилие ядер и пороху? Когда наши выстрелят раз, они в ответ выстрелят десять, и редко без вреда. Над стенами построили срубы и высокие башни, с которых бьют на все стороны, где бы только что ни показалось, и на нас кричат со стен: «Отчего вы не стреляете? Если бы вы и два года осаждали Псков, то и тогда вам не видать его! Зачем сюда

приехали, когда пороху не имеете?» Грустно, что нет средств для этой осады! Надо было иначе подготовиться.

Бежал к нам недавно знатный русский. Говорит, что он был придворным великого князя; ходил по нашему лагерю; бывал часто, без стеснений, у гетмана, который его очень полюбил.

Вчера же он убежал в город, где и сообщит, конечно, обо всем, что у нас делается.

Староста Рижский писал недавно королю, что воеводы г. Пернавы хотели бы прибыть к королю трактовать о сдаче этого города, если бы имели пропуск. Послал им король пропуск, написанный по-русски. Посланца этого схватили русские. При нем были, кроме пропусков, письма в Ригу о высылке сукон, шуб, продовольствия и проч.

Меньше стало слышно о штурме. Не имеем ни пороху, ни ядер, ни людей, — а русские все более и более укрепляются.

Мне кажется, что слух о штурме пустили для того, чтобы ободрить солдат и тем задержать их до возвращения слуги Поссевина от великого князя или до присылки денег из Польши. Но этот посланец черт его знает, когда воротится! Уж то дурной признак, что его так долго не видно. Должно быть, князь, как и всегда, хочет проволочки.

Пишу только одному вам — рады мы заключить мир: иезуит ли помирит или кто другой, лишь бы скорее. После жестоких морозов наступила сырая и туманная погода. Стало немного теплее, и солдаты не жалуются на холод; но надолго ли? Продовольствие добывать становится день ото дня труднее. Если возьмем Печоры, то там, должно быть, найдется сколько-нибудь провианту. Лишь только замерзло озеро, русские, которые находились на островах, все поразбежались. Наши пошли на острова за продовольствием, которого там достаточно. В то время как наши там хозяйничали, разломало лед на озере, и наши остались на островах, так что ни они к нам, ни мы к ним пробраться не можем.

Не знаю, кто-то из наших пустил в город стрелу со сломанным острием; русские обратно пустили ее в наш лагерь, с надпи-

сью: «Худо стреляете, б..... с.....!» То правда, что худо! У псковитян больше пороху, чем у нас. Эту стрелу отнесли королю.

Три орудия и немецкую пехоту послали в Печоры к Фаренсбеку.

1 ноября

Не знаю, что далее будем делать; теперь не стреляем, русские тоже оставили нас в покое. Солдаты скучают час от часу все более. Великий маршал Литовский простился сегодня с королем: он уезжает домой, будто бы потому, что вследствие расстроенного здоровья долее оставаться не может. Как знать, не пойдут ли за ним и другие?

2 ноября

Решено бросить осаду, а королю — уехать; но куда? — еще не объявлено. Гетман распустил слух, что останется здесь с солдатами, затем пойдет к Порхову, возьмет его и в окрестностях этого города расположит войско, заградив, таким образом, путь по Новгородской дороге, чтобы в Псков не могли пройти ни люди, ни продовольствие. Таким образом, гетман сам хочет остаться с жолнерами, а не ехать в Польшу. Мы полагаем, что этот слух пущен для того, чтобы задержать людей, которые могли разбежаться. Устроивши таким образом, наверное он сам придет на сейм. Вчера, говоря с жолнерами об этой зимовке, он обещал им верную уплату жалованья. Король, говорил гетман, даст им свободные имения, даже сам он, т. е. гетман, уступит аренды, которые имеет. «Кроме того, знайте, — прибавил он, — что все теперешние вакансии и которые откроются после, будут розданы только вам: в этом ручается сам король».

Русские из города выслали мальчика-подростка с обритой повенгерски головою, чтобы зажечь наш лагерь. Его поймали: говорит, что его приневомлили это сделать и дали огниво; но что он, выйдя из города, бросил огниво и не хотел поджигать, а решился

лучше служить тому, кто его поймает. Бог знает, не вышлют ли в лагерь еще таких поджигателей. Этот хлопец сообщает, что один из Шуйских убит нами из орудия, поставленного на той стороне реки; что он сидел в избе, когда ядро, ударивши в стену, убило его обломком бревна; но что убитый не тот Шуйский, который всем распоряжается¹⁴⁴. В городе мор на людей; но продовольствия имеют достаточно. Сообщает также, что стрельцы и чернь рады бы передаться нам, но их не пускают воеводы. Должно быть, от нашей стрельбы много их гибнет.

3 ноября

Гетман дал знать ротмистрам, что король решил оставить их здесь, в Московии, в местах, которые будут им указаны.

Деньги тоже будут всем уплачены, но с тем чтобы каждый из них имел свою роту сполна, согласно спискам; имея, напр., по 40 коней, не говорили б, что у них 100 коней. Если у кого недостает людей, то пусть стараются пополнить слугами из литовского отряда, которые теперь будут разъезжаться; обо всем этом пусть ротмистры сегодня уговорятся с товарищами и сообщат свой ответ завтра, когда ударять в барабан. Уже есть известие, что слуга Поссевина едет от московского князя на Великие Луки; но с чем, того не знают. Некоторые говорят, что вслед за послом князь отправляет несколько тысяч татар, которые будут жечь и опустошать окрестности Новгорода с целью лишить нас продовольствия, но эти слухи не верны.

Пришло известие, что Львовский архиепископ умер. Не знаю, кто будет его преемником? Но, верно, знаю, что не я.

Кажется, город Тизев, в Пруссии, намерены дать Николаю Зебржидовскому¹⁴⁵. Пруссаки, думаю, скрежещут зубами.

Наши, заметив, что стена в том месте, где подкопались венгерцы, очень слаба, за два часа перед вечером, по приказанию Борнемиссы-старшего, открыли пальбу из нескольких орудий в венгерских шанцах. Стена обрушилась. Наши тотчас же бросились вперед и начали стрелять по русским, коих убили немало. Но

за этою стеною была построена другая, со рвом, что доставило русским хорошую защиту. Между пешими венграми и русскими началась свалка. В это время наши увидели соль в новых мешках, лежащую между турами, и так как нам нечасто доводилось есть хлеб с солью, то мы и набрали соли. Когда же слух об этом разнесся в лагере, то многие бросились к шанцам. Одни бились с русскими, а другие вытаскивали соль, которой и добыли еще несколько мешков.

4 ноября

Были созваны ротмистры и товарищи. Гетман сказал, что они имели время обсудить королевское предложение и сегодня созваны для того, чтобы сообщить о результате своих совещаний. Так как Псков взять трудно, то Его Величество Король, не желая, чтобы войско от холода и голода пришло в расстройство, полагает расположить свои войска на зиму здесь, в неприятельской земле, в местах ему известных, где они будут иметь обеспеченный кров и пищу, а сам отправится в Польшу для обдумывания способов и средств дальнейшего продолжения войны. Все это следует устроить скорее, затем чтобы неприятель, узнав, что войско останется в его земле, не имел времени опустошить те местности, где они будут квартировать. Что же касается денег, то часть их прибудет на днях, и то, что есть в наличности, все будет вам роздано, на тех местах, где будете зимовать. Мне король приказал тоже остаться на зиму с вами, отчего я не отказался; но я выговорил, чтобы от вас были представлены полные роты, так как каждый должен служить по условию, и я не хотёл бы оставаться тут с неполными ротами и ставить на карту славу и репутацию короля.

После этого ротмистры докладывали, на чем вчера порешили. Одни желали остаться на зиму, лишь бы были удобные квартиры и деньги были уплачены здесь, прежде ухода; другие отказывались оставаться и пожелали ехать домой потому, что у них кони пропали и люди многие убежали, а иные готовятся тоже ухо-

дить, потому что не могут более терпеть по случаю болезней и холодов.

Другие заявляли, что им необходимо ехать домой по семейным делам и чтобы избежать разорения. Были и такие, что кричали: пока не заплатят всего сполна, мы не двинемся с места. Матвей Белявский¹⁴⁶ заявил: «Мне мои товарищи велели сказать, чтобы ты, гетман, поручился своими имениями в верности уплаты: не потому, чтобы мы желали уплаты из твоего имущества, но чтобы ты старательнее хлопотал об этом у короля».

Повинен я, сказал гетман, по своей должности хлопотать за вас, как об уплате денег, так и о всех других нуждах и потребностях ваших, и потому не из принуждения, но единственно по моему званию готов всегда служить вам.

Е. В. король, по случаю недостатка имеющихся теперь в наличности денег, даст вам верное обязательство, по которому не будут медлить уплатой, как то бывало при его предках. Если же остановитесь на том, что нигде в другом месте денег получать не хотите, как только здесь, то встретите большие затруднения потому, что везут сюда денег немного, и, кроме того, не известно, когда они придут, между тем на зимние квартиры нужно поспешить, чтобы не дать, как я вам говорил, неприятелю их выжечь.

Что же касается до домашних дел, которые имеете в Польше, то король даст знать на сеймике, чтобы земляки ваши не предъявляли на вас в суды никаких исков, пока вы не возвратитесь из похода. Он разошлет письма к чиновникам, напоминая, чтобы они не приводили в исполнение никаких экзекуций: вообще король берет на себя, что вы не потерпите никакого ущерба.

А те все-таки кричали: «Не пойдем без денег! Если король поедет отсюда, мы его проводим до дому!» Вот какие затруднительные обстоятельства.

Один из товарищей пана Пшнемского, во время покупки соли у гайдуков, убит в шанцах пушечным ядром, орудия же отправляем из шанцев в лагерь. Боже, как жаль тех трудов и денег, которые мы потратили под Псковом! Знать, так должно быть: не всегда можно выиграть.

5 ноября

У гетмана был обед, на котором присутствовали почти все ротмистры, также Радзивиллы, пан Гнезненский с маршалом Зборовским. Перед обедом гетман с паном Гнезненским удалились в особую комнату, где и пробыли с глазу на глаз почти полтора часа; разговор, надо полагать, был о том, чтобы Гнезненский остался тут с жолнерами; не знаю, на чем они порешили. Гетман угощал п. Гнезненского, и оба пили здоровье друг друга.

Ротмистры хлопочут о вакансиях, опасаясь, чтобы не захватили их те, которые сидят дома.

Прусские вакансии еще не розданы, но едва ли придется там быть кому-либо из поляков; говорят, что Пучек достанется Вейеру: удивительно, как много дают этому немцу не известно за что.

Я слышал по секрету, что Сендомирское воеводство дадут пану Сендомирскому, а Бельское — старому Жолкевскому, Сендомирскую же кастелянию на время задержат.

Не знаем, кто львовским архиепископом. Прочат на это место Гозлицкого и Соликовского; я спрашивал гетмана, правда ли, что один из них будет, рассчитывая, что от них и на мою долю что-нибудь достанется.

Фаренсбек с немцами добывает Печоры. Сегодня открыл стрельбу по укреплениям. Там можно найти большую добычу: в монастыре очень много наших купцов, захваченных в плен с имуществом и деньгами, которые они везли из лагеря домой. Желали бы мы немцам там позабавиться.

6 ноября

Между жолнерами сильное волнение; между ротмистрами несогласие: одни хотят ожидать денег и потом двинуться, другие и слова не дают сказать: «Если король не даст денег, то поедем за ним до Вильны». Товарищи озлоблены на ротмистров, чуть не плюют им в глаза. Будь этих денег, сколько следовало, все бы кончилось благополучно и они сделали бы все, чего хотел король.

Большая бедность у нас: везут только 60000 от Голуховского из Варшавы, так что едва ли придется на каждого по 3 золотых. А что же останется немцам и венгерцам — что самое главное? Не знаю, что будет далее.

7 ноября

Вся наша пехота, занимавшая окопы около города, сегодня ночью перебралась в лагерь: русские в знак радости затрубили в трубы, ударили в барабаны и начали стрелять из пушек, а утром вышли из города осматривать окопы.

Все ротмистры были у короля. Гетман предложил каждому из них высказать свое мнение, что они полагают делать далее, так как вчера привезено всего 60000 золотых; этой суммы не только не достаточно для уплаты жалованья, но даже если разделить деньги между ними по частям, то пришлось бы каждому по такой ничтожной доле, что стыдно будет вспомнить. «Никто другой, — говорил он, — не виноват так в этом, как наши сборщики; только они одни виною, что король и мы терпим такие недостатки». Затем говорил король, тоже жалуясь на сборщиков: «Они губят меня и республику и вас всех; теми деньгами, которые привезены, трудно уплатить всем, но можно только раздать их наиболее нуждающимся. Если же мы здесь не останемся и все покинем землю неприятельскую, то понесем большие потери, потому что все крепости и замки, взятые нами, попадут в руки неприятеля; а затем все наши трехлетние труды и траты, которые мы понесли, вся наша слава, которую мы добыли, — все пропало. Лучше немного подождать, иемного потерпеть, нежели допустить себя до этого; из двух зол лучше выбирать меньшее; если здесь останетесь, то стесните не только Псков, но и всю Ливонию, потому что Псков — ворота Ливонии; тогда русские, запертые в замках и крепостях, будут умирать с голоду и без пролития крови достанутся в наши руки. Если же сам в. князь даст нам битву в открытом поле, тогда конец будет зависеть от воли самого Господа Бога, который нам

поможет, как помогал он до сих пор. Там, где будете расположены на зиму, нужды никакой не встретите, потому что там деревни и села довольно частые и продовольствия большой избыток. Тогда, имея при себе пехоту, можете окопаться в деревнях, обеспечить себя стражею, чтобы следить за неприятелем, на которого можете делать наезды. Оставляю при вас своего племянника, который, если дело дойдет до того, сложит тут свою голову. Я было хотел сам остаться с вами, но имею письма из Польши от знатнейших сенаторов, от архиепископа, от епископа Краковского, от пана Сендомирского, что без меня трудно что-либо сделать, а Бог свидетель, каково мне бывает в таких случаях: я согласился бы лучше вступить в опаснейший бой с неприятелем, чем присутствовать на сеймах. И так пусть каждый терпеливо подчинится необходимости; пусть каждый готовится к тому, чтобы остаться здесь; к тому же убеждайте и уговаривайте своих товарищей. Деньги, которые приносятся в Варшаву на св. Мартина^{*)}, скоро придут, о других же способах достать их я сам позабочусь; все ваши желания буду удовлетворять не одним только жалованьем, но всеми средствами, которые находятся в моем распоряжении».

Отвечали на это сперва паны радные, а потом — все ротмистры по очереди. Пан Гнезненский обещал (теперь уже не так, как в первый раз: после разговора наедине с гетманом мнение его изменилось) служить, пока хватит сил. «Буду, — говорил, — убеждать товарищей, чтобы остались; имею немного серебра, которое и раздам им; за другим пошлю в Вальпию». Пан Радомский говорил тоже. Когда пришла очередь ротмистров, пан Пжиемский начал с того, что обещал положить все свои силы: «Имею несколько серебра, цепь в несколько сот червонных, все раздам товарищам, лишь бы не разъезжались». Бонар, Нишицкий, Зебржидовский говорили в том же смысле; другие по чувству приличия не хотели отставать от этих, но не ручались за своих товарищей, обещая, впрочем, их уговаривать. Когда ротмистры кончи-

^{*)} 10 ноября.

ли, им объявили, чтобы они тотчас же переговорили с товарищами, а утром явились бы к королю с ответом. Разошлись ротмистры, почесывая затылки и обдумывая, что делать с товарищами.

Пан Гнезненский, нужно полагать, останется здесь, при гетмане; но я не думаю, чтобы сам гетман долго здесь пробыл. Я пишу Познанскому судье, чтобы тот как можно поспешнее собирал подати и скорее бы присылал деньги.

Слыша, как сегодня отзывались о сборщиках, я не хотел бы, пока жив, занимать такую должность, и на сейме им, по всей вероятности, придется попотеть порядком.

Немцам не везет в Печорах; пробили там пролом и пошли на штурм, но русские приняли их храбро и отбили с большим уроном. Кетлер, племянник Курляндского герцога, полез было на стену, но под ним подломилась лестница, и он упал за стену в руки русских. Не знаю, убили ли его или посадили в заключение¹⁴⁷. Под Печоры посылают еще пороху.

8 ноября

Приехал русский гонец от новгородского воеводы к виленскому воеводе с письмом. Воевода пишет, что едет гонец от великого князя за опасным листом для великих послов и чтобы этому гонцу выдали опасную грамоту. Мы обрадовались, услышав эту новость, и надеемся, что будет мир. Дай-то Бог! Гонец сообщал в частном разговоре, что Виленский воевода лучше и миролюбивее гетмана.

9 ноября

Гонца новгородского воеводы отправили обратно с опасною грамотою: не знаю, как скоро прибудет, — до Новгорода далеко. Пока туда доедет да пока воротится, пройдет около двух недель: значит, немало придется ждать главного посла. А то, что мы предполагали отсюда двинуться, вероятно, придется отложить, пока не приедет этот великий посол. Жолнеры настаивают. Более бога-

тые ротмистры успокоили своих товарищей; бедные же говорят: «Мы не имеем, чем обеспечить своих солдат. Пусть бы нам дали хоть по 10 золотых на коня». Но где их взять? Та небольшая сумма, которая недавно привезена, будет роздана венграм и немцам. О Боже! вот несчастная польская война! Воевать нам хочется, а денег достать не можем! Лучше бы заключить мир. Немцы Собоцкого и Гостынского не хотят ожидать более и просят уплаты и увольнения. «Если уплатить не можете, то освободите нас, так как мы не можем здесь более оставаться». Король гневается. Немцам не везет в Печорах! Посылают им еще орудий и несколько сот венгров. Тамошние монахи творят чудеса храбрости и сильно бьют немцев.

10 ноября

Спорят с жолнерами; им дают письменное королевское обязательство относительно уплаты денег; король обеспечивает уплату доходами со всех своих имений. Жолнеры же требуют другого обязательства, говоря, что первое не довольно верно. Составителем документа должен быть Пржиемский: он же назначен послом в Шедзский сеймик, а в Прошовичи — староста Рабстинский, Бонар. Мы обождем великого посла и будем вести дело так, чтобы тут же на месте заключить какой бы то ни было мир, но перед земляками у нас нужно бы об этом молчать, потому что на сейм все-таки поедем из-за денег, о которых следует похлопотать для расплаты с жолнерами; нужно также подумать о том, как уплатить долг князьям и пр. Уверяю Вас, что положение жолнеров довольно хорошее: кто из них о чем попросит, сейчас получает. Мне кажется, что Ваша Милость, оставаясь дома, принуждены будете долго ожидать; не следует ли Вам теперь же подумать о себе? Через несколько дней Вы сравняетесь с военными, когда те вернутся домой.

11 ноября

Войско дойдет до положительной нищеты и никогда столько не переносило, как теперь. Продовольствия нет почти никакого,

да неоткуда и привезти; сено едва получаем за 20 миль от лагеря. А сколько тут неприятностей и трудностей с перевозкой! Одежды и денег положительно неоткуда взять. Если наши земляки, которые теперь дома у теплого очага пьют хорошее пиво, станут бранить нас и не захотят ничего давать, то это будет большим грехом с их стороны.

12 ноября

Сегодня приехал коморный с письмами от сенаторов. Удивительно, как долго идут письма, но, впрочем, во всем такой хаос.

13 ноября

Русские сделали вылазку на роту Гнезненского, которая была на аванпостах, но неудачно. Особенно отличились товарищи п. Гнезненского; 15 русских легло на месте. Сильно ранен татарин Гнезненского, который у него служит. Раненого русского боярина привезли в лагерь в телеге совсем пьяного: нужно ждать до утра, пока протрезвится. Очевидно, у них теперь заговенье.

14 ноября

Московский гонец, ожидаемый с таким нетерпением, сегодня должен быть в лагере; слава Богу, что так скоро; уже послано ему навстречу; кажется, он приехал только за опасной грамотою для великих послов, а как скоро те приедут и с чем, Бог знает. Придется нам ждать здесь до тех пор, пока они не отправятся. Коморники с письмами уезжают, и я оканчиваю свое писание.

Кандлер просит Вас поступать в том духе, как он Вам сообщил.

К воеводе он тоже писал, но что — этого не знаю. *Ex castris eodem die. 1581.*

Реестр всех ротмистров и количество солдат:

1. Гнезнецкий	330	Яков Оржеховский	120
2. Стадиицкий	140	Соравинский	100
Гневаш	150	9. Лянскорунский	200
Кушович	100	Мнишек	200
3. Лесневальский	130	10. Староста Рабштинский	200
Пенкославский	150	Пенионжек	200
Белявский	100	11. Пжиемский	200
4. Радецкий	150	Гостомский	200
Бокей	100	12. Венгерцев	200
5. Потоцкий	150	Гостынский	120
Струсь	150	Собоцкий	130
Сенявский	100	13. Нишицкий	150
6. Юрий Оржеховский	150	Розен	100
Русковский	150	Конецпольский	150
Старецкий	100	Лекко	150
7. Радомский	200	Дениско	150
Староста Ливский	200	Пудловский	90
8. Подчаший			
Жебржидовский	180		

Всей конницы, кроме рот Белявского, пана Варшавского, Ухровецкого, роты Иордана, немцев Фаренсбека, Бутлера и кроме волонтеров и придворных — 5570.

Порядок дневных и ночных караулов и кто с кем бывает на страже, начиная со среды на четверг с 11 октября.

Белявский	500
Варшавский	200
Иордан (половина венгров)	30
Фаренсбек	150
Бутлер	80

Те, которые пришли с паном Трощким:

Николай Жебржидовский	200
Гостомский	200
Раздзановский	150
Оржельский	150
Темрюк	150

<i>Первая стража ночная:</i>		<i>Четвертая ночная:</i>	
	<i>Коней</i>	Андрей Оржеховский	150
Гнезнецкий	330	Рушковский	150
Гостынский	60	Старецкий	100
<i>Дневная:</i>		<i>Дневная:</i>	
Стадницкий	150	Радомский	200
Гневош	150	Староста Ливский	200
Вонсович	100	<i>Пятая ночная:</i>	
<i>Вторая ночная стража:</i>		Подчаший Жебржидовский	180
Пенкославский	150	Яков Оржеховский	120
Лесневольский	150	Жаровинский	100
Белявский	100	<i>Дневная:</i>	
<i>Дневная:</i>		Пржиемский	200
Лянскорунский	200	Гостомский	200
Мнишек	200	<i>Шестая ночная:</i>	
<i>Третья ночная:</i>		Староста Рабстинский	200
Хоцимерский	150	Пенионжек	200
Радецкий	150	<i>Дневная:</i>	
Бокей	100	Нащицкий	150
<i>Дневная:</i>		Розен	150
Потоцкий	150	Конецпольский	100
Струсь	150	<i>Седьмая ночная:</i>	
Прокоп Сенявский	100	Венгерцев	200
		Собоцкий	130
		Гостынский	60

Тут оканчивается очередь караулов и начнется опять правильно через 7 дней, считая и ночи; в очередь не войдут: обозная прислуга, не нужная для караулов, также трубачи и барабанщики; кроме одного, который остается при роте для стражи. Таким образом, каждый, у кого 200 коней, должен послать на караулы 154 коня, считая тут же и пахолков; останутся 40 коней для фуражировки, 2 трубача, барабанщик и три поводных коня; у кого 150

коней, тот выставляет 115, считая тут же и прислугу, а 30 — останутся для фуражировки, два в поводу, два трубача, барабанщик, без которых можно обойтись на страже. Кроме того, остается три роты для посылок и для других надобностей, чтобы караульная служба шла своим чередом, а именно: роты Ленка 150 коней, Дениски 150 и Пудловского 150 коней. Назначенные на караульную службу части должны выезжать и остановиться на поле там, где укажет начальник, и никто не смеет оставлять своего места, пока не придет смена, под страхом наказания от гетмана; а тот, кому будет поручено приводить караулы, должен наблюдать, чтобы не было замешательства: кто стережет днем, тот должен стеречь и ночью и притом попеременно, чтобы каждому выпадала очередь. А чтобы вместо караульной службы фуражиры лучше заботились о провизии, то следует, чтобы они выставляли вместе 600 коней — от 200 по 40, а от 150 по 30, от 100 по 20: тогда всех будет 120, которые могут и сторожить и добывать фураж; вместе с этим они могут вести списки, кто с кем хочет быть товарищем, лишь бы было 600 коней.

В общем, выходит со 100 коней 23, т. е. 20 на фуражировку, один трубач, один в поводу, один барабанщик; от 200 коней 46, а от 400 — 92.

Всей же стражи по распоряжению гетмана должно быть 308.

15 ноября

Сегодня слушали русского гонца, который вручил письмо от князя и опасную грамоту для наших послов.

Когда кастелян Виленский, взяв от него письмо, стал говорить, что король, прочитав письмо, даст ответ, гонец сказал: «Не умею по-русски»; пан воевода повторил другой раз, а гонец опять: «Не умею по-литовски». Кастелян рассердился и сказал: я учителем у тебя не буду, ступай в свой стан и дожидайся, пока тебя не отправят. Мы много хохотали.

16 ноября

Сегодня гонец был допущен к Поссевину, пробыл у него с час, а потом препровожден к королю. Грамоту он получил и должен сейчас же уезжать. Опять казус с гонцом! Когда приказали ему целовать королевскую руку, он, сняв шапку, положил ее на лавку, но на голове оставил ермолку и таким образом приступил к церемонии. Пан Трокский заметил ему: сними шапку! но гонец, смеясь, отвечает: это ермолка, а не шапка! чем рассмешил короля и всех присутствующих. Нам канцлер сказал: этот мужик сконфузил нашу литовскую канцелярию. Кто-то тихо заметил: «Не другой ли кто?» Я, именем Вашим, просил пана Виленского дать мне копии с нашей переписки с русскими. Он обещал да подшутил, говоря: «этот поляк сидит дома, а все, что у нас на войне, знать хочет; пусть бы сам приехал сюда?»

Борнемисса с венграми и Фаренсбек с немцами не могут никак совладать с Печорским монастырем: было два штурма, и оба несчастны. Пробьют пролом в стене, пойдут на приступ, а там дальше и ни с места. Это удивляет всех: одни говорят, что это святое место, другие — что заколдованное, но во всяком случае подвиги монахов достойны уважения и удивления.

17 ноября

Русский гонец уже уехал, взявши также и письмо Поссевина к великому князю. Полагаем — будет мир, что подаждь нам Боже, но скрывают это, кажется, для того, чтобы не узнали на сейме. Комиссары и послы съедутся в условленном месте между Порховом и Заволочьем; Поссевин тоже будет там. Все ротмистры ходили сегодня к гетману и толковали насчет обеспечения жалованья солдатам. Когда двинутся отсюда и куда, об этом еще гетман поговорит с королем. Всю артиллерию и осадные орудия король приказывает везти перед собою, как только будет хорошая погода. Удивительно, какая страшная непогода; постоянно оттепель с дождем; дороги с каждым днем все больше и больше портят-

ся, подвоз ужасно труден. Гетман публично говорит, что останется здесь зимовать, а ему отвечают: «Мы этому не можем верить».

18 ноября

Под Печерский монастырь опять послан порох. Русские поднимают ужасную стрельбу по лагерю; попадают даже в палатки и шалаши. У меня сегодня убили коня. Уж это третий, а четвертый скоро издохнет, по всей вероятности, и тогда, сохрани Боже, пешком придется отправляться домой.

19 ноября

Пан Виленский прислал мне письма, адресованные Вам; там же должны быть и копии с переписки наших с русскими, да, кажется, много новостей, о которых я не знаю. С нетерпением ожидаем возможности уехать отсюда. Может быть, дорога скоро поправится, так как постоянно идет густой снег. Все пленные, попавшиеся в наши руки, в один голос говорят, что великий князь собирает войска и что назначил всем прибыть в одно место в течение 18 дней. По-моему, неудивительно, что князь готовится к битве: надоели ведь мы ему порядком. Я уверен, если через 3 или 4 недели его свежие войска нападут на лагерь, то много могут потешиться. Под Порховом стоит в засаде несколько тысяч татар, так что наши фуражиры легко могут попадать в их руки. За провиантом посылаем очень далеко, иногда за 20 миль.

20 ноября

Ротмистры, решившиеся здесь остаться, были у гетмана, и каждый представил реестр всадников своей роты. Гетман сказал им, что завтра будет объявлено время выступления.

21 ноября

Маршал объявил придворным, что король отправится в Вильну через неделю, считая от нынешнего четверга. Путь на Лиф-

ляндию. Гетман же остается здесь, да, как говорят, и на сейме присутствовать не будет, чему я не верю. Военные люди хлопочут о вакансиях, но им отвечали, что здесь король ничего никому не даст; впрочем, кажется, уже предположено, что кому дать. А может быть, и ничего не дадут, сказав: «Вы брали жалованье». Пан подкоморий Равский говорил мне, что в случае смерти Меджецкого он не будет претендовать на его место. Пржиемский же не желает мешать воеводе Познанскому, ибо тот ему сделал много добра, а воевода хочет целиком все получить. Мне говорил пан Гнезненский, что его убеждают остаться при особе гетмана. «Конечно, Вы нас не оставите, — я ему сказал на это, — останьтесь, Ваша Милость, только не даром». «Черт их возьми, — говорит, — пусть ничего не дают; лишь бы не отняли того, что имею», намекая, должно быть, на Гизиуса и пана Пржиемского, с которыми он не в ладах. Пржиемского хотели послать, как посла, в Шоду, но отдумали. Он же поедет на сейм частным образом и отвезет письма и прошения всего войска к братьям полякам. Подкоморий Равский уезжает домой. Пусть он Вам расскажет про войну, и вы услышите много удивительно смешных историй. Недовольных очень много. Денег не платят, а сердятся, что никто не хочет здесь оставаться. Отдельваются королевским поручительством. Etc.

Трубач трубит гетманский лозунг. «Домой, неженки, домой, дорогие, домой, лентяи!» — смеемся мы, но не очень удачно. У литовцев не пользуемся расположением: сколько его ни было, все потеряли из-за гетманства; ничего хорошего они нам не желают и пр.

22 ноября

Совет за советом, кого бы выбрать в послы для переговоров с русскими. Но советы собираются втихомолку. Видно, некоторые отказываются. Все усилия употребляем, кажется, чтобы заключить мир да домой отправиться вслед за королем; пусть наши

земляки дома рассудят, как уплатить долги. Поссевину не доверяют, за то что он слишком восхваляет Иоанна. «Я, — говорит, — не встретил в нем такого варвара, каким его описывают. Кто его поступки сравнит с делами этого войска, тот найдет, что там больше бояться Бога». Князь понравился ему еще тем, что при каждом слове крестился, и образов возле него множество. Не знаю, насколько можно верить иезуиту. Некоторые полагают, что иезуитов нельзя пускать к русским, вспоминая, как за этим особенно смотрел Сигизмунд I¹⁴⁸.

Из-под Печер нет никаких новостей. Боюсь, что немцы и Борнемисса ничего не поделают с этими монахами.

23 ноября

Обеспечение от имени короля жолнерам гласит так:

Стефан, Божию Милостию, король польский, великий князь литовский, русский, прусский, мазовецкий и пр. и седмиградский.

Объявляем всем, кому о том ведать надлежит, что за недостатком в общественной казне денег, следующих с коронных контрибуций, рыцарство наше, которое по своему желанию и следуя примеру славных предков воюет с неприятелем московским, решило подождать уплаты следующего ему жалованья до будущего сейма, на каковом сейме, посоветовавшись с сословиями короны польской, мы обдумаем, как наградить их по заслугам за их великую нам, королю и Речи Посполитой, службу, которую они так славно показали, находясь в такой нужде и нищете, не получая жалованья: одни в течение четверти года, а другие с начала вступления на службу и из любви к нашей особе и Речи Посполитой переносили снег, мороз и трудность добывания продовольствия и вновь дали нам доказательство своей верности тем, что остаются здесь, в неприятельской земле, с гетманом ввиду сильно укрепившегося и решительного неприятеля, который может быть укрощен и доведен до заключения выгодных для королевства условий только тогда, когда войско наше станет ему на горло и глубоко

проникнет в его землю для добывания продовольствия. Все это на деле показали нам польские жолнеры, и за это мы обязаны им нашей благодарностью и вниманием и обязаны награждать их, как доблестных слуг королевства нашего. Обещаем жолнерам нашим, которые остаются на службе Речи Посполитой, равно как ротмистрам и их товарищам, уплатить сполна причитающееся им жалованье согласно той раскладке, которую учинит каждый для своей роты и предъявит нашему коронному подскарбию в Варшаве, в день св. Мартина в будущем 1582 году. А если бы (чего избави Бог) случились какие затруднения по уплате денег в означенный день, то таковая уплата обеспечивается доходами Мальборка, Жуловы, Тчова, Пучки, всеми арендами этих староств и стола нашего, которыми теперь владеем и владеть будем. Всем этим обеспечиваем уплату войску нашему, которому дозволяется, в случае неуплаты в назначенный срок въехать в эти староства и, взяв их под свое управление, пользоваться доходами до полной уплаты жалованья. Обещаем также всем жолнерам нашим побудить чины королевства или к полному подтверждению этого обеспечения, или к немедленной уплате следующего жалованья. Все это исполнить обещаем своим королевским словом, в чем и прикладываем свою руку.

Дано в лагере под Псковом, дня 22, месяца ноября 1581 года, царствования же нашего VI-го.

Все недовольны, даже и те, которых будете принимать у себя дома.

Пржиемскому поручено выбрать посла в Шоду; кандидатами на эту должность считаются Николай Томицкий и ксендз Поводовский, пробоцц Познанский. Но, по всей вероятности, Томицкий будет выбран на этот пост. Русский, посланный Шуйским с письмами к великому князю, захвачен нашими; писем при нем найден целый мешок. Сам Шуйский, впрочем, пишет мало, очевидно, доверяясь этому гонцу. Захваченный показал, что ему поручено донести великому князю о стесненном положении города,

который бедствует от голода, что чернь готова перейти к нам и что Шуйский требует помощи.

Слуга Поссевина, который уехал с гонцом в Новгород, должен скоро вернуться и сообщить о московских послах и о том, когда они намерены съехаться для переговоров с нашими. Для переговоров назначены: воевода Брацлавский, надворный маршал литовский и Гарабурда^{*)}. Различные мнения насчет мира: одни полагают, что мир скоро состоится, другие, а в особенности литовцы, сомневаются в этом. Боже, пошли нам его в утешение! Литовцы уверены, что король почти не будет торговаться и тем, пожалуй, сделает московского князя еще более заносчивым.

24 ноября

Ротмистры представили гетману список людей каждой роты и обоза, которые тут остаются.

Ну, не много же у нас воинства!

Если не будет над нами руки Божией, то нужно всего опасаться.

За тридцать миль вокруг Пскова нельзя достать провианту. А как настанут николевские морозы да навалятся громады снегу, узнает, небось, наш жолнер русскую-то войну! Где будет помещено войско, гетман еще не решил.

25 ноября

Оканчиваю скорее письмо, ибо Пржиемский уезжает. Если что-нибудь случится, то будьте уверены, что в самоскорейшем времени уведомя Вас обо всем.

25 ноября

Сегодня я отослал к Вам письмо с п. Пржиемским. Вслед за отъездом Пржиемского прибыл из Новгорода слуга Поссевина

^{*)} Збаражский, Альберт, Радзивилл и Михаил, литовский князь.

и с ним гонец от послов великого князя, который привез письма одно к Поссевину, а другое к членам рады; в этих письмах сообщают, что русские уже выезжают для переговоров в Запольский Ям и чтобы мы тоже отправили туда своих послов.

26 ноября

Решено завтра ехать нашим послам: воеводе Брацлавскому, маршалу Альбрехту Радзивиллу и Гарабурде и вместе с ними — Поссевину. Переговоры происходить будут в Запольском Яме. Не знаем наверно, к чему клонятся дела. Послы великого князя имеют, кажется, полномочие вести переговоры обо всем; но о чем именно? У наших послов эти полномочия очень ограниченные. В общем, ему хочется всей Ливонии, чтобы мы не могли очень торговаться. Одни питают сильную надежду на заключение мира, другие сомневаются. Гетман увещевал ротмистров спокойно оставаться еще две недели, пока не будет получено известие от послов. Почему знать, говорил он, может быть, мир и состоится? Между тем будем теснить город. Что же касается провианта, то теперь можно достать его в окрестностях Гдова и в других местностях, где селения еще не опустошены и где довольно безопасно могут действовать наши фуражиры. Ротмистры согласились оставаться в ожидании того, чем решится дело в Запольском Яме. Хорошо, по крайней мере, что мы запаслись теплыми квартирами, а то голод страшный, кони издыхают и пр. Право, роскошью не согрешим мы здесь. Отъезд короля отложен до пятницы по случаю страшной порчи дорог вследствие оттепели.

Русские по-прежнему производят неудачные для них же вылазки. Двое русских бояр захвачены в плен. На пытке показывают, что в городе всего вдоволь, хлеба очень много, а только не достает мяса; коней же выгоняют из города.

27 ноября

Послы наши уже отправляются в Запольский Ям. Поссевин едет также с ними.

28 ноября

Казацкий ротмистр Железо послан с опасным листом навстречу русским послам, с тем чтобы проводить их до самого Запольского Яма. Все мы с нетерпением ожидаем желанного мира. Венгерцы с Борнемиссой и немцы с Фаренсбеком не в состоянии справиться с Печерским монастырем. Печерцы удивительно стойко держатся, и разнеслась молва, что русские или чародействуют, или это место действительно святое, потому что едва подошли к пробитому в стене пролому, как стали все как вкопанные и далее идти не смели, а между тем русские стреляли в них, как в снопы. Все русские чтут образ Пречистой, и этот монастырь пользуется в здешней стороне таким же значением, как у нас Ченстоховский. По-моему, вся причина в том, что у наших полнейший недостаток пороху; напр., когда стали делать пролом, пороху не достало и пока за ним посылали, русские имели время заделать пролом.

29 ноября

Канцлер от имени короля вручил Барановскому должность великого секретаря. Николай Зебржидовский с своей ротой отправляется в Запольский Ям для строгого присмотра за порядком и также для того, чтобы никто не смел заключать каких-либо торговых сделок и чтобы русские ни с кем не имели сношений, кроме как с лицами, уполномоченными от нашего правительства. С ротою Зебржидовского идут роты Казановского, Иордана и Оржельского. Перехвачены письма с гонцом от Шуйского. Он пишет, что в городе всего вдоволь, а Печерский монастырь не скоро будет взят. Мы полагаем, что это делается иарочно, чтобы скрыть от нас робость и нищету горожан.

Под Новой Руссой казаки побили 400 татар и трех русских воевод взяли в плен.

30 ноября

Все, кто может, справляются в дорогу; мы же остаемся, как в ссылке, и мало полагаемся на себя. В субботу должны представляться жолнеры.

1 декабря

Король сегодня уезжает в Литву, оставляя нас, бедных сирот, в этой Индии; я передаю свое письмо придворному подскарбию, который обещал доставить Вам его в целости. Теперь, по всей вероятности, не о чем будет писать, разве когда заключат желанный мир. Послы наши уехали, а кажется, через неделю съедутся с русскими; какая инструкция им дана, мне неизвестно, так как я не был при этом.

Грустно как-то стало после отъезда короля. Литовцы бегут без оглядки. Гетман поверяет стражу, чтобы обеспечить нас со стороны осажденных; он опасается, что русские станут смелее, узнав об отъезде короля.

Гетман запретил пехоте и ротам, которые прибыли недавно с п. Трокским, разбирать на топливо те деревянные строения, в которых жил двор и литовцы; между тем некоторые не могли удержаться от этого. Тогда гетман сел на коня и в бешенстве поскакал на место преступления; он попал как раз на двух обозных, которые везли разобранный избу. На вопрос гетмана, чьи возы, они ответили, что ротмистра Пенионжка. Он их избил нагайкою, затем поспешил к шатру Пенионжка. Когда тот вышел из шатра, гетман с горячностью стал браниться: «Негодный, гадкий человек!» — потом, ухватив Пенионжка за воротник жупана, протащил около своего коня на несколько шагов, угрожая посадить его на кол. Шибко тащил он ротмистра, так что тот доброй иноходью должен был бежать рядом с конем гетмана. Пенионжек просил заступничества Гневоша, который ехал с гетманом: «Удержите, пан Гневош, Его Милость»; а тот, вместо того чтобы помочь, говорил: вольно же Вам было решаться на такое дело!

Протащив таким образом Пенионжка, гетман пустил его. Ротмистры не довольны поведением гетмана: сильно ропщут. Бедняга Пенионжек плачет. «По его усиленной просьбе, — говорит, — я сюда приехал, остался тут, издержался, а он платит мне оскорблением»¹⁴⁹. Я вижу, что все считают дурным поступок гетмана, другие это раздувают и пр.

Пан Гнезенский уезжает через несколько дней.

2 декабря

Пан Радомский приходил к гетману просить за Пенионжка, но тот ничего и слышать не хочет, давая понять, что если Пенионжек будет делать ему наперекор, то ему несдобровать. А его положение, действительно, самое критическое. Некоторые советуют в присутствии всех ротмистров изложить свое дело, сдать роту своему поручику, а самому поскорее убираться отсюда. Не знаю, будет ли это хорошо. Да вот еще и второй скандал. Пан Гнезенский на прощанье с князем Пронским сперва был в хорошем расположении духа; разгневавшись потом, он встретился с пахолком своего поручика, который начинает жаловаться на солдат Ухровецкого, забравших у него скот. «А вот и они сами», — прибавил он. Пан Гнезенский подсказал к ним. Один какой-то негодяй закричал «стреляй»; услышав это, Гнезенский бросился на них и, говорят, многих порубил саблею; отправившись потом с жалобой к гетману, он с гневом бранил Ухровецкого. «Пускай, — говорит, — оставит в покое Бердибуша», а Бердибуш этот жаловался гетману; тот отделался от него *bonis verbis*. Видно, Бердибуш не позволит себе сесть на шею. Русские ободрились. Сделали вылазку, а всех их было на вылазке около тысячи пехоты и несколько сотен конницы. На аванпостах был Гостынский с 40 всадниками. Немцы должны были отступить, хотя достаточно сделали свое дело: побили русских порядком и настреляли их немало; но и у нас несколько раненых, между прочим, поручик Минквиц, к счастью — не опасно. Гостынский едва было не попал в плен, ибо русский аркан сидел уже на его шее.

3 декабря

Производятся большие вылазки: русские по несколько тысяч выходят из города; но что же из того? они на шаг не выходят из-под прикрытия своих орудий. После сегодняшнего утреннего богослужения пушечное ядро, пущенное из города, упало почти у самой палатки, где мы молились, перед королевским шатром, чего

еще не случилось до сих пор. Все эти штуки проделывает, как кажется, бежавший от нас пушкарь. Шатры, где жил король, стоят на том же месте; туда перебрался Баторий, королевский племянник.

4 декабря

Целый день переписывали конные роты. Мы поистине никак не надеялись, чтобы так много осталось людей. Всего-навсего оказалось 7000. Все лошади еще хороши, но пахолков много больных. Пан Гнезиенский, показав своих 300 коней еще хороших, откланялся гетману; сегодня ночью он едет домой через Лифляндию.

Можно надеяться, что его отъезд указывает на близкое заключение мира. В пятницу послы наши съедутся с русскими послами в Запольском Яме.

5 декабря

На рассвете русские перепугали нас; сделали вылазку против венгерцев, но те их отразили, а между тем шинкари, перекупщики подняли крик, что русские напали на лагерь; мимо гетмана пробежал какой-то венгерец, крича, что русские в лагере. Сейчас же все бросились к лошадям. Гетман приказал трубить и барабанить тревогу; выставили хоругвь, и все побежали за лагерь, а между тем русские уже успели убраться в город. Надо полагать, что мы будем иметь частых гостей из города, а потому следует быть чрезвычайно бдительными. Положение Белявского и пана Варшавского по той стороне города тяжело.

6 декабря

Гетман решил устроить засаду против русских по дороге к Печерскому монастырю, ибо очень часто русские захватывали там поляков. Там есть пригорки, лощины и долины, в которых можно

удобно укрыться, так что из города не будет видно. Гетман приказал двум коморникам взять повозку, одному править и, приехав на возвышение, откуда бы русские могли их заметить, остановиться, показав вид, что у воза что-либо сломалось. Невдалеке же за горой поставил в засаду венгерскую конницу и несколько десятков польской. Целый день с раннего утра стерегли они, но русские не вышли из города, видно, по случаю праздника св. Николая; у них звонят день и ночь, а колоколов в городе больших и хороших много, все из нашей Ливонии. Гетман сам простоял в этой засаде целый день, готовясь вступить в дело. Получены письма от комиссаров и от Поссевина. Говорят, что они еще около Порхова. Про русских послов ничего пока не слышно: навстречу им послали несколько казаков. Подкоморий Костка поехал в Печоры рассчитываться с немцами; но они теперь денег не возьмут, а полагают получить плату в Риге, куда отправляются.

Двести человек свежего шотландского войска идут из Риги, только не кстати: нам нечем платить им. Гетман пишет к королю, как с ними поступить. Минквиц, поручик роты Гостынского, дельный и храбрый немец, сегодня умер от раны, которую получил во время последней вылазки. Но, говоря об этом прежде, я забыл сказать, что он убил того русского, который нанес ему рану. Под Липенкой похоронили старшего сына воеводы Сандомирского.

7 декабря

В городе сегодня ночью и утром был большой пожар за р. Псковою: видно, загорелись склады пороху или провианта. Хотел гетман сделать тревогу, но ему отсоветовали. Вчерашняя засада не даром была сделана; наши также расположились за пригорком, как и вчера; русские погнались за Синявским, поручиком пана Прокопа, ехавшим сегодня к Белявскому, а он, убегая, навел их на засаду. Тут наши заскочили им в тыл со стороны крепости, а венгерцы ударили спереди, так они и попали между двух огней.

Двадцать русских убито, девять взято в плен и раненых нема-

ло; с нашей же стороны у одного венгерца прострелена рука. Поляками командовали при этом пан Жолкевский и Кретковский¹⁵⁰ с ротой Пржиемского: им и принадлежит честь этого дня. Жаль, что при этом не было гетмана, он был бы утешен; вчера понапрасну выжидал целый день; Шуйский, как говорят пленные, запретил вчера делать вылазки по случаю праздника св. Николая. Я ручаюсь, что в той местности после такого гостинца не будет больше вылазок. Поймано несколько знатных русских, которых гетман отошлет к королю. Говорят, казенным хлебом питаются все, простой иарод также; но черни умирает каждый день очень много. Русские надеются, что князь их выручит, и имеют известие, что около Новгорода Никита Романович¹⁵¹ и царь Симеон¹⁵² набирают людей втихомолку; это очень правдоподобно, потому что князю придется так или иначе покончить дело: или заключить мир, или драться. Если мы не согласимся на те условия, которые он предложит, то уверены, что он или даст битву или, не вступая в решительное сражение, будет нас беспокоить. Последнее ему очень легко: здесь нам нечего есть; провиант достаем за 30 миль; лошади падают, люди тоже умирают в большом количестве, больных же очень много. А если нам придется отсюда тронуться, то, как знать, не пожжет ли неприятель тех мест, куда мы хотим идти. Вообще мы не знаем, что будет. Ожидаем, что сделают после в Запольском Яме.

8, 9, 10, 11 и 12 декабря

В течение этих дней не случилось ничего особенного; пришла весть, что русские послы недалеко от наших и сегодня или завтра съедутся в Яме и начнут переговоры. Господи, благослови! Видевшие их по пути рассказывают, что с хорошими вестями едут, а всех их трое со стражей в сто восемьдесят всадников. Первый — князь Дмитрий Илецкий¹⁵³, должно быть, знатный; второй — Басенин¹⁵⁴, дворянин, а третий — дьяк¹⁵⁵. Когда наша конница под начальством Зебржидовского, отправившаяся для сопровождения послов, проезжала мимо Порхова, то тридцать всадников пана

Казановского близко подъехали к замку, и тут-то произошла схватка с 80 русскими всадниками и 200 пехоты. Наши атаковали их; нескольких убили и на плечах бежавших ворвались в крепостные ворота. Поссевину захотелось посмотреть крепость, и он вместе с воеводой Брацлавским подъехал близко к ней; но в это самое время открылась страшная пальба из крепости¹⁵⁶, и хотя Поссевин с листами в руках делал им знаки, но напрасно. Гетман недоволен Поссевиным; он открыто говорит: «Черт знает, что с ним; такого сварливого человека я не видывал; он хотел знать все королевские планы относительно заключения мира с московским царем; он втирался также в королевский совет, когда обсуждалась инструкция нашим послам в Заполье; он готов присягнуть, что великий князь к нему расположен и в угоду ему примет латинскую веру. А я уверен, все эти переговоры кончатся тем, что князь ударит его костылем и прогонит. До меня доходят даже сведения, что литовские паны подсылали к нему с просьбою устроить мир во чтобы то ни стало. Я говорил им, что это не обдуманно, ибо хотя мы все желаем мира, но не должны показывать это русским, а, напротив, должны грозить и пр». Прошу Вас сохранить это про себя. Мне не нравится подобное соперничество, и я боюсь, что таким образом дело не кончится миром. Гетман послал нескольких казаков с ротмистром Иорданом разузнать о сборище людей, о которых Петр Колтовский, попавший в плен, утверждает, что они должны быть с Никитою Романовичем. Если верить его показанию, мы не имеем и половины людей в лагере: много их разъехалось для фуража, а русским в городе все известно. Им все хочется переговариваться с нашими, но гетман не велит: все это для того, чтобы узнать что-либо от наших. В помощь Белявскому, который стоит на той стороне реки у монастыря, приказано гетманом послать из каждой роты по пяти пеших, с ручницами с каждой конной сотни по семи лошадей, а ротмистрам велено доставить туда провиант. Белявский в этом нуждается, и нужно удивляться, как русские не прогонят его оттуда; правду сказать и то, что засел-то он в удобном местечке, как бы в окопах, и может

легко выдерживать натиск, пока не подспеет помощь. Этой причиной и сами русские объясняют стойкую засаду Белявского.

13 декабря

Прошедшей ночью товарищ Гнезненского Гродзецкий, стоявший в 8 милях от Пскова в деревне с провиантом, заметил по дороге к Пскову русского гонца, ехавшего в сопровождении 10 человек. Увидев, что это русский, Гродзецкий подсказал к нему с своими людьми и спросил, кто он? Тот отвечал, что он гонец великого князя, едет с письмом к уполномоченным и легату папскому. «Отчего же этим трактом? Ведь к ним не сюда дорога». Гонца стал креститься и уверять, что заблудился, полагая, что это порховская дорога. Гродзецкий взялся вывести его на порховскую дорогу; тот же подозвав одного слугу, стал ему что-то шептать. Служитель, немного поотстав, пересел на лошадь, которую держал в поводу, и быстро поскакал в сторону. Гродзецкий погнался за ним и настиг его в ложбине, однако поймать не успел, так как тот соскочил с лошади и скрылся в лесу. Гродзецкий, взяв его коня, воротился и спросил у гонца: почему убежал его слуга? Тот ответил: «Ведь он мужик, никогда в таком деле не был, просто убежал с испугу». Сметнув, что тут что-нибудь не так, Гродзецкий повел его, вместо порховской дороги, к своей деревне; в это время успели скрыться еще трое других служителей. Тогда Гродзецкий, посадив гонца в повозку, привез его к Гетману в лагерь, а тот поручил Накельскому и Розну допросить гонца: почему не дали знать раньше о том, что он едет? Отчего едет дорогою на Псков? Должно быть, хотел пробраться в Псков? Отчего ночью, а не днем? С чем едет? Отчего бежали служители? Гонца отвечал, что едет не в Псков, но с тайным письмом. «А где это письмо?» — спросили его. Он отвечал: «Оно зашито в войлоке в седле у той лошади, на которой ускакал первый слуга, а ту лошадь ваши взяли». Расспросивши таким образом гонца, пань были настолько внимательны, что возвратили ему и коня и седло; а этого

бы не следовало делать, ибо это письмо могло попасть в руки. Затем при приставе Мрочке он выпорол из войлока письмо, которое видел сам Мрочек. Очень подозрителен этот гонец, и, без сомнения, он едет для того, чтобы высмотреть, что делается в войске, а может быть, и в самом деле едет с последним словом о мире. Гетман отсылает его под стражею к нашим послам и пишет, чтобы при Поссевине они сделали серьезное представление русским уполномоченным, почему их гонцы разъезжают, не оповестя о себе, и постарались бы притом узнать, что заключается в этом письме. Сегодня получены письма от Поссевина к гетману и королю; последние посланы вслед за его величеством. Пишет Поссевин, что завтра или послезавтра русские должны съехаться с нашими. Два дня уже, как он находится вместе с московскими послами, и успел выведать, что они не имеют поручения уступать всю Ливонию, а только какую-то часть; Поссевин пишет странное письмо как к гетману, так и к королю, советуя отложить это дело до сейма.

Вообще этот ксендз нам подозрителен; он хочет, чтобы и волки были сыты, и овцы целы; он готов присягнуть, что московский князь сделается католиком; он ни на грош не имеет у нас кредита, и мы склоняемся к убеждению, что он подослан со стороны Австрии. Вероятно, также и шведский король старается просватать за своего сына дочь эрцгерцога Карла¹⁵⁷ (но это пусть останется в секрете); гетман очень на него сердит. Он дает знать послам в Запольском Яме, чтобы были осторожны и наблюдали пристально за итальянцем, настаивали бы на уступке всей Ливонии, так как великий князь должен по необходимости отдать ее: шведы отняли у него Нарву, Пернов и Феллин морят голодом, обложили также Вейсенштейн. Если будем продолжать осаду, то Псков не продержится. Как же великий князь может отстоять Ливонию? Согласись мы оставить за ним только часть этой страны, он усилится от морской торговли и может вернуть прежние силы; тогда придется вести новую войну. Гораздо же лучше теперь dokonать его.

Без сомнения, в эти дни придет окончательное решение из Заполья. У меня предчувствие, что из этого мира хорошего ничего не будет.

14–15 декабря

Со вчерашнего дня стала сильная оттепель; погода ужасная, постоянный дождь, дни — теплые и мрачные. Сегодня явилась радуга на небе, чего в Польше никогда не видел. Русские сделали вылазку с значительным числом конницы и пехоты. Гонялись наши за ними, как за зайцами.

Гетман присутствовал при вылазке, имея при себе две роты. С обеих сторон потери никакой.

16 декабря

Пришли письма к гетману от Поссевина из Запольского Яма. Но говорить, что в них, еще не стоит, да и короля по известной причине не будут уведомлять.

17 декабря

Гетман посылает Жолкевского с инструкцией в Запольский Ям. Король шведский взял Вейсенштейн и обложил Пернов; видно, придется с ним поссориться. Шведский гетман просил нашего гетмана приказать казакам не делать никакого вреда людям, перешедшим к нему в подданство. Гетман послал письмо к казакам.

Умер староста Каменецкий. Гетман желал бы заменить эту вакансию шурином своим Владком, который теперь здесь. Если бы имел подобную протекцию, то через год был бы архиепископом Гнезненским. Баторий давал банкет для гетмана и ротмистров и почтил их как следует. Накельский говорил там много против венгров, а всего более против самого Батория. «Люди, князь, говорят, что Вы имеете в виду жену из-за моря; потом, что вы желаете быть лифляндским князем. Желаю вам от души самой богатой невесты, какая есть на свете, но чтобы вы были князем — не

желаю». Скромно ответил ему Баторий, а венгерские жолнеры пробовали толкать Накельского и бранить, но напрасно.

Скоро это дойдет до короля.

Пришли письма от короля с дороги к гетману из-под Люце-на. Дорога там ужасная; бросают лошадей и повозки: король послал к крепости Собеского с п. Трокским для переговоров, но Собескому там прострелили руку.

18 декабря

Посол от гетмана шведского, хорошо подпоенный, проговорился, что прислан сюда узнать, в каком положении наши дела. За тем же самым, под видом закупки некоторых нужных вещей, гетман послал Харлецкого в Нарву. Шведский гетман хитрый француз¹⁵⁸, но не на дураков попал.

19 декабря

Шведы так много забрали в Ливонии, что, пожалуй, и нам ничего не останется; следует нам взять хоть что-нибудь поскорее. Гетман отправил послам вслед за Жолкевским моего брата с решительными условиями: если теперь не последует заключение мира, то я уж не знаю, что будет. Великий князь, как видно, острит зубы на шведа и, по-видимому, желал бы поскорее с нами помириться, чтобы начать с ним войну и отнять все его завоевания. Но нам бы хотелось как о Нарве, так и о других замках вести переговоры с паном свояком, совершенно отстранив князя; только не знаем, будет ли склонен к этому свояк: каждый думает о себе.

Трудно добиться Ливонии, труднее, чем мы ожидали; а Боже упаси, думается не раз, чтобы это не было только начало войны, а конец.

20 декабря

Боже, какие наступили страшные морозы! Хаты наши трещат от них; несколько пахолков, свалившихся от холода с лошадей,

совсем замерзли. Один Бог знает, что будет далее; отовсюду на нас беды; голод, болезни, падеж лошадей. Etc.

Русские уже два дня смиренно сидят. Не слышно ни одного выстрела.

21, 22, 23 и 24 декабря

Еще до сих пор нет никаких известий от наших послов. Брат мой еще не приехал. На днях решится — быть миру или войне. Если будет заключен мир, то мы направимся в Лифляндию забирать замки; но я полагаю, что тут-то не обойдется без драки со шведом. Один из свиты русских послов перебежал к нам и говорит, что великий князь не столько жалел бы, если бы занятые шведами крепости были в руках поляков.

25, 26, 27, 28 и 29 декабря

Брат мой привез известия от послов. Кажется, будет мир, ибо в малом уже расходятся. Русские уступают всю Ливонию за крепости, взятые у них в прошедшем году. Поссевину ни на грош не верим. Подозреваем, что он двуличная душа; исход дела покажет, как он служит нам. Если нам достанется Ливония, то не знаю, как быть со шведами. Можно предполагать, что придется употребить в дело людей, которые тут при нас; только не браните меня за это.

Швед забрал много первоклассных замков и между ними Вейсенштейн, самый крепкий во всей Ливонии; обложил Пернов; так что мы грызем скорлупу, а он кушает орехи; за нашу охрану он спокойно на берегу ловит рыбу, а мы в открытом море; мы все несем на своих плечах. Его главнокомандующий Понтус дела-Гарди приобретает все большее влияние: ливонское рыцарство со всех сторон спешит к нему, потому что он дает им привилегии; распускает слухи, что король хочет отдать Ливонию венгерцам.

Пан Гнезненский прислал письмо к гетману, описывая общее состояние Ливонии, которое подметил, проезжая по ней. Это письмо тотчас отправлено к королю, и было заметно, что его писание

сильно взволновало гетмана. Лишь только будет получено известие о заключении мира, часть нашего войска, вместе с русскими, направится к Дерпту отнимать его, а остальное войско останется под Псковом. Я полагаю, что со шведом мы не поладим. Мы заживо погребаем себя в этом лагере; быть ли нам в чистилище? Положение наше весьма бедственное; поистине мы достойны рая. Морозы ужасные, неслыханные, голод, недостаток в деньгах, лошади падают, прислуга болеет и умирает; на 100 лошадей в роте 60 больных; но этого разглашать не следует propter invidos. Когда придется тронуться, я уверен, что несчастья будет немало. Венгерцы массами перебегают в город; удивляюсь этим людям.

В Острове наших убивают, большие огорчения причиняют нашим, и я опасаюсь, что посольская изба замолчит.

Гетман на площади имел со мною разговор, кого назначить губернатором в Ливонию в случае мира. «Посоветуй», — говорит. Я отвечал: «Нужно человека очень авторитетного, кроме того, верного и преданного королю; литвина не советую». «И я так думаю, — заметил он, — по-моему, всех лучше великий маршал литовский: он умеет говорить по-немецки». «Маршал, — говорю, — не согласится, потому что хвор и теперь на покое». «Вот если бы пожелал туда пан маршал коронный, хорошо бы сделал». «О, — говорю я, — сомневаюсь, чтобы он взял на себя это место, из дому не уедет да и командование оставить не может».

«Жаль, право, — продолжал гетман, — что он так привязан к дому; а то привез бы сюда жену, ему и здесь было бы хорошо, как и дома. А год проживши, он мог бы на время уехать и поставить другого на свое место». «Не знаю, — говорю, — что он на это скажет». «А чтобы Вам самим взять это место». «О, черт с ним! Я не хочу тут воевать, предпочту лучше ехать против татар; кроме того, вижу людскую неблагодарность; себе же надорвал здоровье. Устроивши тут военные дела, я отправлюсь в Ригу и там пробуду некоторое время для поправления желудка».

И с другими, как мне передавали, говорил он о губернаторстве и прочил на это место пана Гнезненского, воеводу Подольско-

го и Вас; о Подольском отзывался, что тот хотя и согласится, но при своей важности не будет допускать к себе ливонцев и разве раз в год поговорит с ними. К чему клонятся эти разговоры, не знаю; здесь же толкуют, что или сам примет губернаторство, или Баторий будет на правах вассального князя. Впрочем, Бог их знает, что они будут делать.

Забыл я сообщить Вашей Милости относительно канцлера; между письмами, которые были отправлены сенаторами к королю по вопросу о том, быть ли королю на сейме, или нет, ксендз Карнковский писал, советуя, чтобы король сам был на сейме, что будет гораздо лучше; а если бы по случаю войны сам быть не мог, то я, говорит, не вижу, кто бы мог быть лучшим президентом на сейме, как коронный маршал. Об этом пишу Вам для того, чтобы Вы могли знать, как о Вас заботятся другие, хотя Вы и сидите дома, прикапливая деньги.

Шуйский не двигается из города и стрельбы никакой не слышно, чему мы очень рады.

30, 31 декабря

Послы еще торгуются; московский князь не хочет удалиться из Ливонии; на шведского короля он в ярости за Нарву, Пернов, Вейсенштейн; пойдет на него, как только с нами помирится. В Новгород постоянно прибывают войска, снаряжается артиллерия: там говорят, что с королем литовским мир, а со шведским война. Наши послы требуют, чтобы в мирном договоре те замки, которые забрал швед, не были отписаны на русскую сторону, а на нашу; но русские не дают и заикнуться об этом. Тогда наши предложили не писать их ни на ту, ни на другую сторону, не согласились и на это. Наши предполагали протестовать и тем не менее помириться насчет тех крепостей, которые отдают.

Посевин у нас еще в сильном подозрении: не большие мы с ним приятели. Перед этим писал в своих письмах, что если король возвратит то, что взял год тому назад, то московские послы поступятся королю всей Ливонией, с включением Нарвы и дру-

гих замков, захваченных шведами; теперь же пишет, что уступают «ливонские замки, которые в руках великого князя», т. е. исключите те, которые взяты шведами. Все это итальянские штуки; но ставить ему в вину этого не следует. После заключения мира он поедет к московскому князю, который, конечно, примет его дурно в случае, если тот не будет ему хорошо служить.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рассказ о приступе 8 сентября из книги Гейденштейна «De bello Moscovitico, quod Stephanus rex Poloniae gessit, commentariorum libri VI»

Lib. IV р. 398.

Король велел раскинуть лагерь за холмами, которые находятся в небольшом расстоянии от города^{*)}.

«Венгерцы заняли левую часть лагеря к реке Великой, литовцы стали по другую сторону к порховской дороге, в середине же укрепились поляки, поставив свои повозки в три ряда по обе стороны протекавшего там ручья^{**)}; угол, остававшийся между ними и литовцами, предоставлен был немцам. В это время прибыл в лагерь посол турецкого султана, человек уже преклонных лет; он имел поручение требовать выдачи беглых татар на основании заключенного прежде с султаном договора о дезертирах. Послу объявили, что король только по возвращении в Польшу может дать какой-либо положительный ответ султану.

Хотя пехоты было налицо менее, чем требовалось для осады такого обширного города, зато она численностью, выправкою солдат и вооружением производила впечатление; что же касается конницы, то ни в один из прежних походов не было таких блестящих и ловких всадников, как в этом.

^{*)} У нынешнего Пантелеймонова монастыря.

^{**)} Р. Промежица.

Турку показали самую людную часть лагеря: он дивился его громадности, богатству вооружения всадников, их отличным коням и вообще был так поражен всем виденным, что, говорят, сказал: «Если бы Бог соединил нашего государя с королем, целый свет не мог бы им противиться!»

Русские сделали вылазку, заметив, что венгерцы располагаются вблизи города с целью начать осадные работы; вылазка была отбита с большою потерей для осажденных, причем их преследовали до самых стен города. Вскоре затем венгерцы начинают вести работы со стороны своего лагеря против Покровской башни, которая стоит у самой реки Великой; поляки недалеко от них против Свинуской башни. Прежде всего, в нескольких местах устроили закрытые турами помещения для пехоты и конницы, которые должны были стоять в готовности на случай вылазок. Траншеи пришлось копать с величайшим трудом вследствие твердости грунта, походившего на скалу. Но эти трудности не остановили венгерцев: высекая огромные глыбы камня, они неутомимо и не горячася продолжали свое дело; один только молодой знатный венгерец Петр Кендий, подошедши ночью близко к русской страже, громко, по своему обыкновению, перекликавшейся, был убит пушечным ядром. Не имея надобности делать изгибы в своих траншеях, венгерцы скоро окончили свои работы; затем начали стрелять по башне и в очень короткое время разбили ее и часть прилегающей к ней стены. Поляков затрудняло главным образом то, что им пришлось вести свои траншеи на гораздо большем расстоянии и защищать свои фланги от неприятельского нападения подвижными навесами и помещением резервов, тогда как у венгерцев с одной стороны прикрытием служила р. Великая, а с другой — польские окопы. Когда наконец все работы были окончены, под командою Вейера открыт был огонь против крепости с целью очистить стены и башни от стрельцов, которые беспокоили осаждающих своими выстрелами; потом направили орудия на стены, целясь ниже, почти в самый фундамент, так что и с этой стороны стена оказалась пробитою, хотя и позже, чем сделано было это

венгерцами. Между тем последние рвались на приступ к месту, в котором от их выстрелов образовался пролом. Замойский представил королю, что собственная безопасность и вернейшая надежда на успех требуют подождать, пока поляки успеют с своей стороны сделать брешь в стене, и что во всяком случае в этот промежуток времени стена во многих местах потерпит большие повреждения; самый обвал укреплений, расположенных против венгерской батареи, делается шире, и тогда обнаружится, каков доступ через него в город; прежде же необходимо приготовить все, что требуется для приступа. С другой стороны опасались дать неприятелю время укрепить проломы и провести новые рвы. Одно только обстоятельство могло внушить беспокойство — это недостаток в порохе; казалось, нужно было на что-нибудь решиться, прежде нежели выйдет весь запас пороха, с чем, конечно, пропадала надежда овладеть городом. Решили послать людей осмотреть местность и разузнать, можно ли перейти ров и какие вообще могут встретиться препятствия. Из немецкого отряда выбирают пятьдесят человек таких, которые приобрели уже некоторую опытность в осаде крепостей.

Вместе с тем король торопит гетмана распорядиться приготовлением к приступу и не откладывать его, если только получатся благоприятные сведения насчет проломов. В это время один венгерский гайдук, по поручению своего офицера побывавший у пролома, который, как выше сказано, пробит был венгерскими батареями, донес, что этот пролом удобен для приступа и спуск с него в город очень легок, потому что ров с внутренней стороны города небольших размеров. Один из сенаторов советовал повременить штурмом, чтобы не вышло ссоры между поляками и венгерцами, в случае если последние ворвутся в город первыми, и, когда Замойский объяснял, почему поляки не успели открыть для себя такой же свободный и широкий путь в крепость, сенатор заметил, что «каждая кошка охотится сама по себе».

Затем Замойский спешит к укреплениям: с поляками ставит немцев и приказывает готовиться к приступу. Команду над вен-

герцами поручает Борнемиссе; сам король едет на берег реки, к тому месту, до которого доходили венгерские окопы; произносит краткую речь к войскам, готовым на приступ, напоминает им о долге храбрых и располагается там ожидать исхода штурма. Незадолго до этого несколько орудий перевезены были через Великую и поставлены на противоположном берегу реки таким образом, чтобы продольными выстрелами поражать с тылу и сбоку внутреннюю часть крепости в том месте, где должен был произойти приступ. Вокруг окопов, а также около города и по дорогам на всякий случай расставлены были отряды кавалерии. Все эти приготовления не могли не быть не замеченными неприятелем, так как со стен города открывается широкий вид на все окрестности: стены и башни были усеяны людьми. Прежде всего, Замойский дает приказание двадцати отборным польским пехотинцам, перейдя ров, подойти к стенам и постараться узнать, каков в этом месте доступ в город. Они доносят, что с той стороны находится ров, а через него — мост, хотя и низкий, но для перехода годный. Затем 50 немцев получают приказание подойти как можно ближе к стенам, взобраться на самый обвал пролома и там, по заранее условленному знаку, выжидать других, которые должны были поспешить за ними; если же найдут, что вломиться в город невозможно, то могут отступить без всякого для себя стыда. Между тем на случай, если охотники подадут благоприятный сигнал, гетман расставил штурмовые колонны: сперва из солдат той нации, которая первая требовала приступа, за ними поляков, частью конницу под начальством панов Юрия Мнишка, префекта Сеноценского, Станислава Стадницкого, Прокопия Пенионжка, Андрея Ожеховского и других, которые, оставив коней, предложили свои услуги, частью пехоту. Впереди всех стали Пенионжек и Ожеховский с всадниками, имевшими копыя, за ними Вровецкий; затем Станислав Стадницкий с другим отрядом конницы; в резерве находились Выбрановский и Сирней со своими ротами; на последнем месте и отдельно от других стал Юрий Мнишек с конницею; другая часть осталась при окопах и орудиях. Когда немцы подошли

ко рву, Жак Гарон, француз, первый пытался взобраться по его откосу, но был опрокинут назад; другие в нерешимости остановились перед рвом, отыскивая, где бы лучше взобраться по обвалу пролома; поляки, напиравшие сзади, видя, что охотники не дают им места, прокладывают себе дорогу через их ряды, прогоняют неприятеля с деревянной башни и укрепления, выстроенного из бревен, обшитого дерном и стоявшего в том углу, где башня соединяется со стеною, врываются с большими усилиями в самую башню, а вожди их, Выбрановский и Сирней, водружают на самом верху ее свои знамена. Между тем немецкая пехота направляется к пролomu, пробитому венгерцами, считая это место удобнее и шире, для того чтобы ворваться в крепость. Между тем, как выше сказано, то же по диспозиции было назначено и венгерцам, и к ним для этого уже был отправлен Франциск Везелин, первый постельничий королевский. Увидев, что немцы нарушили диспозицию и что поляки овладели укреплениями, венгерцы сами через обвал вломились в другую башню, на которой Фома Дерцен и Матвей Керекеш вывесили хоругви; за ними Гавриил Бекеш, схватив знамя, бросился вперед со своими кавалеристами. Много других знамен показалось на башне и в проломах; штурмующие войска уже хотели далее проникнуть в город, как против всякого ожидания должны были остановиться: перед ними оказался ров, который был раньше выкопан неприятелем; за рвом деревянная стена; а неприятель между тем, уstraшенный стремительным натиском атакующих, при виде своих, вытесненных с укреплений, при виде также знамен, развевавшихся в разных местах, дрогнул и готов был обратиться в бегство. В это время Иван Шуйский, разъезжая всюду на раненом коне, воспользовался минутным замедлением штурмующих колонн и то угрозами, то просьбами, то мольбами успел остановить русских, от страха уже подававшихся назад; в то же время появление епископа и духовенства придало бодрости осажденным. Сперва они начали стрелять в наших из пушек и пускать каменя; наши в ответ метали в них копья, и, когда многие были ранены с той и другой стороны, русские подло-

жили порох под башню, зайтую поляками, и, пользуясь тем, что засевшие там люди не могли повернуться от тесноты, разными способами старались выжить их оттуда. Башня была так повреждена, что наши не могли далее переносить огня и начали сходить с нее: наконец принуждены были очистить также укрепление над рекою Великою, которое в такое короткое время не могло быть совершенно сбито нашими выстрелами. Наши понесли большие потери от неприятельского огня... Затем русские обратились против венгров; те, видя, что нет возможности одолеть бывшие перед ними укрепления, вечером, подобрав по своему обычаю убитых, начали отступать. Погибло в этот день из польской знати более 40 человек, у венгерцев — не менее этого числа; между убитыми оказался и Гавр. Бекеш. И неприятель понес большие потери: пало много воевод, а также Николай Черкасский, казачий начальник; многие раины. Из перехваченных потом грамот к Гдовскому гарнизону оказалось, что осажденные были в большом страхе, просили дать знать о своем положении князю и требовали присылки помощи.

Желая дать отдых войскам и оправиться от неудачи, Замоиский распорядился, чтобы караулы при орудиях и в окопах были заняты людьми конных рот, которые были поставлены в резерве под начальством Юрия Мишска и остались совершенно не тронутыми; над всей же пехотой и осадными работами начальником назначен вместо Вровецкого, изнемогшего от трудов, Станислав Пенькославский. На другой день собран был военный совет, на котором решено позаботиться о пушечном порохе: послали к Курляндскому герцогу, в Ригу и в другие соседние места.

Списки с псковских грамот, перехваченных после приступа, Замоиский велел распространять как можно в большем количестве, рассчитывая, что трудность положения, в каком находились осажденные, ослабит дурное впечатление, которое могла произвести в Польше неудача нашего оружия. Вместе с тем гетман представил королю, что, по его мнению, лучше всего укрепить замки, распределить по ним войска и стараться теснить город блокадою и

недостатком продовольствия, что наемные войска не могут долгое время медлить, да и самая доставка продовольствия представит много затруднений.

Распоряжения на случай приступа и краткий о нем отчет^{*)}

Со стороны польских окопов

Впереди пошли 20 поляков, которые должны были как можно тщательнее осмотреть ров и дать знать обо всем, что заметят.

На приступ должны двинуться впереди всех 50 отборных немецких солдат, которые в других местах бывали при взятии крепостей. Им поручено, как только убедятся, что доступ для вторжения в город возможен, дать сигнал криком: «Gott mit uns!» — и тогда за ними должны следовать все немецкие войска. Немецкие роты поддерживал Ухровецкий с несколькими ротмистрами — Выброновским, Серным, Хорлевским, Глошковским, Натом, Юрием Хорватом, а этих последних — Стадницкий, Пенионжек с волонтерами из кавалерии — людьми испытанной храбрости и отлично вооруженными; были также кавалерийские ротмистры Индизар и Андрей Ожеховский; пеших ротмистров было много, только не знаю их имен. Все они подле окопов ожидали приказа — или отразить вылазку (что в подобных случаях часто бывает), или быть готовыми на всякий случай действовать в другом месте, где окажется в том надобность.

Исход дела

20 поляков исполнили поручение и осмотрели ров. Немцы, которым было назначено (по диспозиции) атаковать башню и пролом, пробитый польскими батареями, бросились вперед, но, встретив задержку, обратились к башне, сбитой венгерцами, а за ними пришлось последовать и этим последним.

^{*)}Перевод с латинского из приложений к книге К. Г. Кояловича «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию».

Венгерцы, узнав от нескольких солдат, которые были под стенами и не довольно точно осмотрели местность, что все удобно для приступа, бросились на образовавшийся от их выстрелов пролом — Ухровецкий, Выбрановский, Харлецкий, Глозговский; венгерцы водрузили знамена на стене и заняли башню. Их поддерживали Стадницкий с Пенионжком; но под башню, занятую поляками, из которой был только один узкий ход в город, русские дважды подбрасывали порох, а в третий раз развели у самого основания такой огонь, что стали гореть все деревянные балки и связи: вследствие этого дан был сигнал к отступлению, причем и погибло до 50 человек. Отозваны были и венгерцы, долго удерживавшие захваченную ими башню и не бывшие в состоянии ворваться в город.

КОММЕНТАРИИ

¹ Коялович Михаил Осипович (1828 — 23.08. 1891), историк, специалист по истории Западной России и русско-польских отношений.

Родился в Гродненской губ. в семье священника. Обучался в духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, по окончании которой занимался преподавательской деятельностью сначала в Санкт-Петербургской и Рижской семинариях, затем в самой Академии. В 1859 закончил и опубликовал 1-й том своей магистерской диссертации «Литовская церковная уния», в 1862 — 2-й том. В том же году избран профессором Санкт-Петербургской духовной академии. В 1864 опубликовал «Лекции по истории Западной России», в 1865, по поручению Археографической комиссии, подготовил к изданию сборник «Документы, объясняющие историю Западной России и ее отношения к Восточной России и Польше», в 1869 — «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию».

По своим общественно-политическим взглядам К. близок к славянофилам. Он поддерживал дружеские отношения с И. С. Аксаковым и опубликовал в его газете «День» целый ряд статей. В 1884 К.

издал работу «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», в которой горячо защищал идеи славянофильства.

² Цеймерн Максим Карлович (1802—1882), сенатор, видный государственный деятель. Происходил из старинного лифляндского дворянского рода. Обучался на юридическом факультете Московского университета. В январе 1821 г. был включён в состав Комиссии по составлению законов, которой руководил статс-секретарь Балугьянский, в декабре того же года — определён на службу переводчиком в 1-й Департамент Сената. В 1826 Ц. был направлен во 2-е отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, в 1832 — в Департамент Министерства юстиции, в 1833 — вновь в Собственную Е. И. В. Канцелярию, в 1840 — в 4-й Департамент Сената.

В 1841 Ц. проводил ревизию архивов Вотчинного департамента в Москве, в 1841—42 — судебных учреждений Витебской и Новгородской губ., в 1844 — судебных учреждений Саратовской губернии, в 1847 — Калужской, Тульской, Рязанской и Пензенской губ. Видимо, именно в ходе этой работы он увлёкся изучением старинных документов и в дальнейшем неоднократно помогал профессиональным исследователям в их публикации.

В 1852 Ц. был назначен сенатором, в 1853 — почётным опекуном Московского Опекунского совета. Впоследствии он также управлял Санкт-Петербургским Воспитательным домом, Сохранной казной в Министерстве финансов, Санкт-Петербургской Сохранной и Ссудной кассами. С 1881 — находился в отставке.

³ Гейденштейн Рейнгольд (около 1556—1620), польский историк. Сын Бериарда Г., владевшего селением Солец, недалеко от Гданьска. Обучался в университетах Германии и Италии. Начал службу при дворе герцога Прусского Альбрехта-Фридриха, но в 1582 перешёл на службу к польскому королю Стефану Баторию. Выполнял различные дипломатические поручения и среди прочего в 1583 участвовал во встрече племянницы короля Гризельды Баторий, прибывшей в Польшу для вступления в брак с Яном Замойским. Написал несколько сочинений по истории Польши и России и богословских трактатов.

⁴ «De bello Moscovitico commentariorum libri VI» — «Записки о Московской войне в шести книгах». Эта работа Р. Гейденштейна была впервые опубликована на латыни в Кракове, в 1584 или в 1585. В

России «Записки» Г. были впервые изданы в 1841, А. В. Старчевским, на латыни. В 1587 они были опубликованы на польском языке, в Петербурге, под редакцией В. Д. Спасовича, а в 1889 Археографическая комиссия издала их на русском языке, под редакцией В. Г. Васильевского.

⁵ Опалинский (Опалеиский, Опаленицкий) Анджей, герба «Лодзя» (25.11.1540 — 3.03.1593), польский государственный деятель, маршалек коронный, покровитель и адресат С. Пиотровского. Происходил из богатого магнатского рода. В юности обучался в Лейпцигском университете и путешествовал по Италии. В 1560 — назначен каштеляном пшеменицким, в 1569 — каштеляном шремским. Был делегатом на элекционный сейм в 1562—1563, где подписывал документы в поддержку королевской власти. Участвовал также в сеймах в Пиотркуве (1567) и Варшаве (1570). После смерти Сигизмунда-Августа (1572) О. активно выступал за избрание на польский престол французского принца Генриха Валуа и полемизировал с Кшиштофом Зборовским, сторонником «Пястов». На элекционном сейме 1573 предлагал предоставить королю право изменять законы. В 1574 участвовал в торжественной встрече Генриха Валуа, получил от него должность подскарбия и богатое староство Рогатинское. По поручению короля вёл, совместно с Яном Косткой, расследование причин падения доходов казны в Литве.

После бегства Генриха Валуа (1574) О. сразу же выступил за избрание на престол императора Максимилиана II. Во время элекционного сейма 1575 вёл напряжённую борьбу с лидерами шляхты, которые вновь выступали за «Пястов». В декабре того же года находился в числе вельмож, самовольно провозгласивших Максимилиана королём. Тем не менее после коронации Стефана Батория О. выразил готовность служить ему и начал сближение с Яном Замойским. В 1577 — участвовал в переговорах с Данией, имевших целью не допустить вмешательства этой страны в войну, которую Стефан Баторий вёл против Гданьска. В 1578 — был назначен генеральным старостой великопольским. На этой должности активно занимался сбором налогов и выступал за введение жестоких санкций против должников. В 1579—1581, будучи депутатом сеймов, высказывался за войну против России и утверждение для этого особых налогов. В мае 1580 занимался наймом немецких конных стрелков, которых отсылал королю.

Будучи убеждённым сторонником сильной королевской власти, О. разрабатывал планы реформы избирательных законов, что вызывало большое недовольство части шляхты. Кроме того, он постоянно конфликтовал с лидером польских протестантов Станиславом Гуркой. Стефан Баторий весьма ценил О. как политика и часто давал ему ответственные поручения. В 1583 он встречал приехавшую в Польшу Гризельду Баторий, в 1584 — участвовал в Русско-польских переговорах. После смерти Батория (1586), О. встал на сторону Яна Замойского и защищал его на конвокационном сейме 1587. Выступал за избрание на престол шведского принца Сигизмунда Васы, участвовал в военных действиях против войск эрцгерцога Максимилиана и его сторонников. В 1589 — состоял одним из комиссаров на Польско-австрийских переговорах.

В 1590—1591 О. неоднократно защищал Сигизмунда III от нападков его политических противников. В благодарность король даровал ему староство Рогозинское в Пруссии и членство в Военном совете (1590). В 1592—1593 О. из-за расстроенного здоровья стал реже бывать при дворе, но хорошо знал обо всех политических событиях благодаря целой сети информаторов, среди которых первое место занимал ксёндз Ян Пиотровский, брат автора публикуемого дневника, Станислава Пиотровского. Активную переписку с О. также вели Якуб Бжезницкий и Себастьян Грабовецкий. С их донесений О. приказал снимать копии, которые хранил в собственной библиотеке. Он собирал также древние хроники и богословские трактаты. Судя по всему, этот вельможа отличался широтой взглядов и веротерпимостью. В молодости он был горячим приверженцем лютеранства, но около 1559 перешёл в католичество. Это не помешало ему на сейме 1590 поддержать проект сватовства Сигизмунда III к голштинской принцессе-протестантке и женить собственного сына на дочери Яна Зборовского, убеждённого лютеранина. Другой характерной чертой О., которую отмечали и современники, и историки, являлось умение из всего извлекать пользу для себя и своей семьи. Имея огромные земельные владения, он постоянно обращался к королю с просьбами о пожалованиях, сетовал на нехватку средств и пристраивал родственников на выгодные должности.

О. состоял в браке с Катаржиной Кошелецкой (1545—1601), дочерью воеводы брестского-куявского, и имел трёх сыновей (Петра,

Анджея, Лукаша) и четырёх дочерей (Катаржину, Зофию, Гертруду, Ядвигу).

⁶ Василёв Иван Иванович (6.06.1836 — 3.09.1901), краевед, статистик. Родился в Пскове в семье священника. Образование получил в Псковской и Рижской духовных семинариях и Московской духовной академии, которую окончил со степенью магистра (1860). До 1863 вёл педагогическую деятельность, состоял учителем в Воронежской и Псковской духовных семинариях, затем был назначен секретарём Псковского губернского статистического комитета. С 1866 — старший ревизор Псковской контрольной палаты. В 1884 перешёл на службу в Петербургскую контрольную палату, в 1888 назначен управляющим Пензенской контрольной палатой, в 1890 — Ломжинской контрольной палатой, в 1891 — Лифляндской контрольной палатой, в 1895 — Псковской контрольной палатой. С 1898 — в отставке. Активно занимался научной деятельностью, являлся одним из инициаторов создания Псковской археологической комиссии и музея, написал и опубликовал свыше 50 работ по истории Псковской земли. В настоящее время имя В. носит краеведческая библиотека в Пскове.

⁷ «Повесть о приходе литовского короля Стефана великим и гордым воинством на великий и славный богоспасаемый град Псков» была написана в 80-е годы XVI в. жителем Пскова, видимо, очевидцем событий, иконописцем Василием и дошла до нас более чем в сорока списках. В настоящих комментариях использована публикация повести в сборнике «Воинские повести Древней Руси» (Л., Лениздат, 1985, с. 346—392), осуществлённая на основе списка XVII в., хранящегося в Российской национальной библиотеке (Петербург), в собрании Санкт-Петербургской Духовной Академии (№ 302).

⁸ Имеется в виду следующий фрагмент из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: «В Новгороде было сорок тысяч воинов с киезем Юрием Голицыным, во Ржеве тысяч пятнадцать для вспоможения угрожаемому Пскову. На берегах Оки стояли князья Василий Иванович Шуйский и Шестунов, чтобы действовать оборонительно в случае ханского впадения; в Волоке великий князь тверской Симеон, Мстиславские и Курлятев с главными силами, так что государь имел в поле до трёхсот тысяч воинов: рать, какой не видала ни Россия, ни Европа с ишествия монголов! Иоани выехал из слободы Александровской и прибыл в Старицу со всем двором, с боярами, с дружиною царскою — казалось, для того, чтобы лично предводитель-

ствовать войском, взять и двинуть их громаду, по примеру героя Донского, навстречу к новому Мамаю... Но Иоанн готовился к хитростям и лести, а не к битвам!» (Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2002. С. 748—749).

⁹ Иоанн III Васильевич (22.01.1440 — 27.10.1505), великий князь Московский (с 1462), первый «государь всея Руси», дед царя Ивана IV Грозного. В его правление сложилось единое Русское государство и под власть Москвы отошли Новгородские, Ярославские и др. земли, было свергнуто татаро-монгольское иго (1480), составлен первый «Судебник» (1497).

И. III также вёл довольно активную политику в западном направлении. В ответ на предпринятое Ливонским орденом в 1480 неудачное нападение на Псков он в начале 1481 направил большое войско в земли Ливонского ордена. Действуя вместе с псковичами и новгородцами, московская рать захватила города Феллин и Тарваст, разорила множество мелких поселений. В следующем году Русь и ливонцы заключили десятилетнее перемирие. В 1492, по приказу И. III, на ливонской границе, напротив Нарвы, была возведена сильная крепость — Ивангород. В 1501 война с ливонскими рыцарями началась вновь и шла с попеременным успехом до 1503.

В 1495—1497 И. III вёл, в союзе с Данией, войну против Швеции. В ходе её русские войска совершили несколько экспедиций в Финляндию, а шведский военачальник и регент Свен Стуре сжёг Ивангород. В 1492—1503, с перерывами, Московская Русь воевала с Литвой. Наконец, следует заметить, что И. III. поддерживал активные дипломатические контакты с австрийским императором Максимилианом I, в котором видел союзника в борьбе против Польши.

¹⁰ Сигизмунд II Август (1.08.1520 — 7.06.1572), король Польши и великий князь Литовский, последний представитель династии Ягеллонов. Сын польского короля Сигизмунда I (1467—1548) и его супруги Боны Сфорца. В 1529 был избран великим князем Литовским, в 1530 — наследником польского престола. В 1543 женился на дочери императора Фердинанда I, Елизавете Австрийской, после чего под давлением матери, недовольной этим браком, уехал в Литву. В 1545 официально получил от отца власть над Литвой. В том же году овдовел (по слухам, Елизавета Австрийская была отравлена королевой Бонной), после чего в 1547, в тайне от родителей и Сената, вступил в брак

с Барбарой Гастольд (1520—1551), урождённой Радзивилл, двоюродной сестрой лидера польских протестантов Николая Радзивилла Чёрного. В 1548, после смерти отца, был официально коронован в Кракове и вступил в жёсткую конфронтацию с Сенатом, требовавшим развода с Барбарой. В 1550 С. короновал супругу в Кракове, но в 1551 она умерла (возможно, также отравлена). В 1553 король вступил в третий брак, с принцессой Екатериной Австрийской, но так и не смог оправиться от нравственного потрясения, вызванного смертью Барбары. С. стал увлекаться мистикой и одновременно вести рассеянный образ жизни. Тем не менее именно в правление С. Польша вступила в Ливонскую войну (1561), была заключена Люблинская уния (1569), завершившая процесс объединения Польши и Литвы в единое государство — Речь Посполитую. В конце 1560-х С. начал активно поддерживать иезуитов и бороться против польских и литовских протестантов, в которых видел угрозу своей власти.

¹¹ Руководство Ливонского ордена не пропускало на Русь даже ремесленников. Ещё в 1547 г. Иван IV отправил в Германию некоего саксонца Шлитте с поручением набрать умелых мастеров. Шлитте получил соответствующее разрешение у германского императора Карла V и завербовал 123 человека, которых доставил в Любек. Однако ливонцы добились от императора запрета на отправку мастеров на Русь. Шлитте был арестован и посажен в тюрьму, а набранные им люди разъехались. Один из них, мастер Ганс, попытался своими силами добраться до Москвы, был схвачен и заключён в тюрьму, освобожден, снова отправился на Русь и в двух милях от границы попался в руки ливонцев, которые его казнили.

¹² Нарва была взята русскими войсками 11 мая 1588 г., Дерпт (ныне Тарту в Эстонии) — 19 июля того же года. Подробнее см.: Королюк В. Д. Ливонская война. М., 1954. С. 38.

¹³ Эрик XIV (1533—1577), сын короля Густава I и его супруги Екатерины Саксен-Лауенбургской. Получил воспитание под руководством учёного гуманиста Дионисия Буррея, который развил в нём интерес к астрономии и симпатии к кальвинизму. Занимал шведский престол с 1560 по 1568 гг. Вёл активную внешнюю политику и пытался освободить шведскую торговлю от датского контроля. Во внутренней политике был вынужден бороться с оппозицией аристократии и с собственным братом Юханом, герцогом Финляндским. Последний в 1562 г., без разрешения короля, вступил в брак с сестрой польского

короля Сигизмунда II Августа, Екатериной Ягеллонкой, за что подвергся тюремному заключению. В 1568 г. сторонники Юхана отрешили Эрика XIV от престола, объявили сумасшедшим и заключили в замок Грипсхольм, где он умер (возможно, был отравлен).

¹⁴ Кетлер Готард (1517—1581), последний магистр Ливонского ордена. В 1561 подписал акт, по которому признал себя вассалом польского короля, за что был объявлен герцогом Курляндии и Семигалии с правом передачи герцогского достоинства потомкам по мужской линии. В 1566 женился на мекленбургской княгине Анне, находившейся под влиянием протестантской среды. См.: Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб, 1912. С. 158, 162.

¹⁵ Полоцк был взят русскими войсками 15 февраля 1563 г. В осаде принимали участие: сам Иван Грозный, его двоюродный брат Владимир Андреевич Старицкий, многие видные воеводы и бояре (о составе русских войск под Полоцком см.: Разрядная книга Полоцкого похода царя Иоанна Васильевича 1563 г. (Витебская старина. Т. IV. Витебск, 1885. С. 27—50).

¹⁶ Магнус (28.08.1540 — 18.03.1583), датский принц. См. комментарии к дневнику Яна Эборовского, с. 162.

¹⁷ То есть на дочери Владимира Андреевича Старицкого, Евфимии.

¹⁸ Гарабурда Михал, герба «Абданк» (ум. в 1586), польский и литовский государственный деятель, дипломат. В 1561—1583 неоднократно выполнял посольские обязанности в Москве. В бескорольеве 1573, по поручению литовской знати, предлагал польскую корону царю Ивану IV и его сыну Фёдору. В 1578—1581 командовал в составе королевской армии татарскими отрядами, с которыми совершил несколько набегов на русские земли. В 1582 принимал участие в русско-польских переговорах. С 1585 — каштелян минский. Оставил двух сыновей (Яна и Кшиштофа) и дочь, которая вышла замуж за Льва Сапегу, судью Гродненского.

¹⁹ Генрих Валуа (19.09.1554 — 2.08.1589), принц Анжуйский, впоследствии (с 1575) — король Франции Генрих III. Сын короля Генриха II и Екатерины Медичи. В 1573 был приглашён на польский престол и в начале следующего 1574 г. прибыл в Польшу. Г. мало интересовался делами своего королевства и даже не изучил польского

языка. В июне 1574, узнав о кончине своего брата, короля Франции Карла IX, Г. тайно бежал из Польши, чтобы занять освободившийся трон. 15.02.1575 короновался в Реймсе. Приняв власть над родной страной, продолжал вести рассеянный образ жизни, сочетая откровенный разврат с хайжеством. Вместе с тем предпринимал ряд попыток примирить протестантов-гугенотов и католиков (эдикт 1576), чем вызвал крайнее возмущение последних. В 1588 в результате инспирированного Католической лигой мятежа Г. был вынужден бежать из Парижа, но затем смог организовать убийство лидера католиков Генриха Гиза и начал переговоры о союзе с Генрихом Наваррским (будущим Генрихом IV). Погиб в результате покушения фанатика-католика, члена Лиги.

²⁰ Немецкий император — Максимилиан II Габсбург (1.08.1527 — 12.10.1576). С 1564 — император Священной Римской империи Германской нации. Старший сын и преемник императора Фердинанда I. Воспитывался при дворе своего дяди Карла V. В 1544—1548 участвовал в войнах, которые Карл V вёл против Франции и в подавлении восстания дворян-протестантов в Германии («Шмалькальденская война»), впоследствии являлся вице-королём Испании. В 1564 при разделе владений Габсбургов получил Верхнюю и Нижнюю Австрию, а также короны Чехии и Венгрии. В 1565 успешно отразил нападение войск трансильванского правителя Иоанна II Сигизмунда Запольяи, в 1568 подписал перемирие с турецким султаном Селимом II, прервав, таким образом, долгую череду турецко-австрийских войн. М. был очень гибким политиком и отличался такой веротерпимостью, что даже заступался за нидерландских протестантов перед испанским королём. В силу этих качеств он пользовался значительной поддержкой среди польских кальвинистов и лютеран.

²¹ Основателем рода Баториев считался некий Андрей Ракомза, сын которого, Брикчи (1262—1290), получил от венгерского короля Ласло IV местечко Батор. Название владения превратилось в фамилию (к тому же по-венгерски «батор» значит «храбрый»). В середине XIV столетия род Б. разделился на две ветви: одна была связана с Эчедом, а другая с Шомлю. Стефан Б. принадлежал ко второй ветви. Интересно, что русский автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» по-своему обыгрывал фамилию «Баторий», на-

зывая короля «Обатуром». Обатур — в псковских говорах обозначало «гордец», «нахал», дерзкий и заносчивый человек.

²² Пернов — совр. Пярну, Эрмес (Ермис) — совр. Эргеме, Пуркель (Перкель, Перколь) — совр. Перкеле, Гапсаль (Габсаль, Габзаль) — совр. Хаапсалу. С. М. Соловьёв сообщает, что большие потери русские войска понесли только под Пярну, а прочие города сдались практически без сопротивления. Более того, жители Гапсаля после сдачи города устроили праздник, чем очень удивили русских, которые говорили: «Что за странный народ немцы! Если бы мы, русские, сдали без нужды такой город, то не посмели бы поднять глаз на честного человека, а царь наш не знал бы, какой казиею нас казнить» (Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. 3. Т. 5—6. М., 1960. С. 645).

²³ Осада Ревеля продолжалась полтора месяца и сопровождалась постоянными обстрелами города. Однако шведский гарнизон защищался очень стойко, а большинство горожан оказывало ему посильную помощь. Один из них, сын ревельского чеканщика моиет Иво Шейкенберг, даже создал свой отряд (400 чел.), с которым совершал постоянные вылазки против русских.

²⁴ Ходкевич Ян (? — 1579), гетман Лифляндский. Принадлежал к старинному литовскому роду, основателем которого считался боярин Фёдор Ходка. В 1559 стал стольником, в 1564 — старостой жмудским, в 1566 — великим маршалом Литовским, в 1574 — каштеляном виленским и старостой ковенским, тельшевским и плотенским. С 1566, в ранге гетмана, управлял Лифляндией и энергично оборонял её от шведских и русских войск. Активно боролся за равноправие литовского и польского дворянства, выступал против заключения Люблинской унии (1569). Ещё при жизни Сигизмунда II Августа Х., опасаясь избрания на польский престол Ивана IV, вступил в контакт с папским легатом, кардиналом Коммендоне, и обещал ему поддержать претендента из дома Габсбургов (императора Максимилиана или его сына Эрнеста). В силу этого обстоятельства Х. не пользовался доверием С. Батория. В 1577 попал в русский плен, но был выкуплен польским правительством. В 1578 отказался от управления Ливонией и отошёл от политических дел.

²⁵ Режица (Речица) — совр. Резекне, Динабург — совр. Даугавпилс, Крейцбург (Круцбург) — совр. Круспилс, Лаудон (Лаудун) —

совр. Лаудона, Берзон (Борзун) — совр. Берзауне, Кокейгаузен (Кокейгауз, Кукейнос) — совр. Кокиесе, Пебалгу — совр. Пебальге, Вольмар (Волиур) — совр. Валмиере, Трикатей (Трикат) — совр. Триката, Смильтеи (Смилтеи) — совр. Смильтеие. Все — в Латвии.

²⁶ Вендеи — ныне Цесис, в Латвии. С. М. Соловьёв сообщает о взятии этого города русскими войсками очень мрачные подробности. Осадой руководил сам Иван Грозный, и вражеское ядро едва не поразило царя. Тогда Иван поклялся, что не оставит ни одного защитника в живых. «Осаждённые видели, — пишет С. М. Соловьёв, что далее защищаться нельзя, и решили взорвать себя на воздух, чтобы не ждать мучительной смерти и не видеть, как татары (они входили в царское войско. — А. М.) будут бесчестить их жён и дочерей. Духовенство одобрило это решение, и 300 человек, большею частью благородного происхождения, заперлись в комнате, под которую подкатили четыре бочки пороха; приобшившись святых тайн, зажгли порох и взлетели на воздух. Жители города испытали то, от чего осаждённые в крепости избавились добровольною смертью» (Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. 3. Т. 5—6. М., 1960. С. 645—646).

²⁷ Пильтен — совр. Пилтеи в Латвии.

²⁸ Этим гоциом был шляхтич Вацлав Лопатинский, которого Иван Грозный подверг аресту и отпустил только в январе 1580, после того как польско-литовские войска нанесли русским ряд поражений в Белоруссии.

²⁹ Полоцк был захвачен польско-литовскими войсками 31 августа 1579. О его осаде и штурме подробнее см.: Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. 3. Т. 5—6. М., 1960. С. 653—654.

³⁰ Сокол польско-литовские войска взяли 11 сентября 1579. С. М. Соловьёв пишет об этих событиях: «...был зажжён и взят Сокол со страшию резнёю: старый полковник Вейер, служивший у Батория, говорит, что бывал во многих битвах, но нигде не видал такого множества трупов, лежавших на одном месте» (Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. 3. Т. 5—6. М., 1960. С. 654).

³¹ Т. е. от Христофора Батория, правившего Трансильванией с 1576 по 1581 гг.

³² В июле 1579 шведы подошли к Нарве, обстреляли её из пушек, но взять не смогли. Осенью они предприняли новое наступление. Большая армия генерала Генриха Классена Гориа 27 сентября вновь осадил

ла Нарву. Бои под крепостью шли две недели, а затем шведы отступили, так как из Пскова на помощь осаждённым выступило войско князя Тимофея Ромаиовича Трубецкого и Романа Дмитриевича Бутурлина. Кроме того, летом 1579 шведы вторглись в Кемскую волость, где разгромили отряд Михаила Озерова, погибшего в сражении.

³³ Так как упомянутый фрагмент позволяет лучше представить облик армии С. Батория под Псковом, имеет смысл привести его полностью: «Когда разошлась Рада, король стал заниматься деланием смотров войскам и вызвал сперва эскадроны польских всадников, которые служили ещё под Гданьском и Полоцком и теперь находились поблизости на зимних квартирах. Король сверх обыкновения с большим тщанием, чем когда-либо прежде, отиосился к смотру: находясь на близлежащем холме, он рассматривал каждого поодиночке, в то время как солдаты проходили по узкому мосту. Однако только у очень немногих отобраны были лошади, а вообще всё во всех эскадронах имело очень хороший вид — как люди, так и подбор лошадей и оружия. После польских всадников были выведены новобранцы последнего недавнего набора.

Среди них находились всадники и пехотиныцы, набранные, как мы выше сказали, Замойским. Тут было немало лиц сенаторского звания: многие из них большую часть жизни посвятили военной службе и уже давно оставили её, теперь вызвались к ней добровольно снова; многие уже прежде сами командовали войсками; немало было и таких, которые прежде были старостами или имели места при королевском дворе и почётные должности, и кроме всех этих было огромное число знатных юношей. Всадников было два рода: во-первых, гусары с тяжёлым вооружением, с которым мы ознакомились уже при Дисе, и, во-вторых, казаки с более лёгким вооружением. Последним вместо лука и колчана Замойский дал карабины в два локтя длиною, которые они имели у себя за плечами, и, кроме того, более короткие ружья-пистолеты, привешенные к поясу, оставив у них по старому обычаю короткую саблю с левой стороны и пики. Пехоту главным образом Замойский набрал из соседних областей Венгрии, отчасти из Варадина, отчасти из других, более отдалённых мест; некоторая доля состояла из поляков или таких, которые уже раньше служили в предшествовавшие войны, или же большею частью таких, которые поступили вновь при последнем наборе.

Пехота, которая служила у Замойского в прошлом году под Полоцком, была набрана в тех же областях Венгерских; слухи о его благосклонном обращении с нею сделали то, что с каждым днём стало оттуда к этому времени притекать всё более охотников. Замойский образовал из них особый отряд и поручил над оным начальство Томашу Дрогоевскому, старосте перемышльскому, своему кровному родственнику; все эти войска имели убранство, одежду и оружие, отличные от других, ибо всё было тёмного цвета в знак двойной печали их полководца, который лишился жены своей Христины Радзивиловой и единственной от неё дочери; уже тем самым эти войска особенно выдавались из среды прочих» (Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 108—109).

³⁴ Само слово «гусары» имеет венгерское происхождение. При короле Маттиаше Корвине (1458—1490) так называлось дворянское ополчение, в которое поступал один полностью вооружённый воин от двадцати дворян (по-венгерски «husz» — двадцать, «ag» — налог, подать). В Польше времён Стефана Батория гусары представляли собой тяжёлую конницу и комплектовались в основном знатными дворянами. Р. Гейденштейн описывает их следующим образом: «Всадники, покрытые железным панцирем и шеломами, кроме копья, все были вооружены саблею, дротиком и двумя пищалями, прилаженными к седлам» (Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 46).

³⁵ Незадолго до описываемых событий, в 1574, польский шляхтич Ян Красинский (1550—1612) составил для Генриха Валуа описание Польши (Joannis Crassinii. Polonia. Ad Serenissimum et Potentissimum Henricum Primum Volesium, Dei Gratia utriusque Poloniae regem.), в котором сообщал о казаках следующее: «Последний род конницы составляют казаки, которые легко переносят холод и тягости всякого рода. Вооружены они очень легко, совершенно так, как татары. Кони у них очень подвижные и пригодные для мелких стычек. Сёдла устроены так, что на них легко поворачиваться на все стороны и стрелять из лука. В сражениях они пользуются более всего луком, поражая неприятельских всадников и их коней дождём стрел. Они снабжены также саблями восточного образца и короткими копьями. В неприятельской стране они двигаются чрезвычайно быстро, уничтожая всё огнём и мечом. Быстротой движения обеспечивается безопасность воина и побе-

да над врагом. Постоянно пребывая в обширных подольских степях, где они ведут непрерывную войну с крымскими татарами, казаки берут с собою в седельных вьюках все любимые съестные припасы, как-то: хлеб, солёную свинину и соль, смешанную с перцем. Каждый, кроме того, имеет при себе топор и трут, дабы в случае удачной охоты на зверя, которого множество водится в посещаемых казаками безлюдных пустынях, иметь возможность тотчас развести огонь и сжарить добычу, приправив её солью и перцем» (цит. по: Стороженко В. А. Стефан Баторий и Днепровские казаки. Исследования, памятники, документы и заметки. Киев, 1904. С. 6). К этому следует добавить, что, как видно из приведённого выше фрагмента сочинения Р. Гейденштейна, перед походом на Псков казаки были вооружены огнестрельным оружием.

³⁶ Фаренсбах Георг (1551 — 19. 05.1602), военачальник-наёмник. О нём см. примечания к дневнику Л. Дзяльицкого, с. 225—226.

³⁷ По свидетельству Р. Гейденштейна, это был итальянец Доминик Родольфи Камерин (Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 141).

³⁸ Невельская крепость была взята 29 сентября 1580 г.

³⁹ Озерице было захвачено 12 октября 1580 г.

⁴⁰ Подробное описание осады Заволочья содержится в дневнике Л. Дзяльицкого.

⁴¹ Холм был захвачен отрядом Вацлава Жабки, по одним данным в конце декабря 1580, по другим — 10 февраля 1581. В плен попали воевода князь Пётр Иванович Барятинский и его помощники.

⁴² Нападением на Старую Руссу руководил староста оршаинский и воевода смоленский Филон Кмита. Как сообщает Р. Гейденштейн, «Филон без труда разграбил этот город, устроивший более для пользы солеварен и торговых дел, расположенный на месте, отдалённом от границ, и не укрепленный никакими искусственными сооружениями» (Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 172).

⁴³ Григорий XIII (Уго Буонкампаньо) (1502—1585), римский папа (с 1572). Получил обширное духовное и юридическое образование, преподавал в Болонском университете, на кафедре канонического права. В 1562—1563, будучи кардиналом, принимал участие в Триентском церковном соборе, определившем полный свод католических догматов. Был избран на папский престол при содействии кардинала А. Гранвеллы, известного непримиримостью к протестантизму и

жестокими расправами над кальвинистами в Нидерландах. Сам Г. вполне разделял убеждения Гранвеллы и даже устроил торжественную мессу по поводу избития французских гугенотов во время Варфоломеевской ночи (1572). Он также поддержал создание во Франции Католической лиги (1585), активно содействовал испанскому королю Филиппу II в большинстве политических инициатив, направленных против протестантских стран, поощрял деятельность иезуитов. По отношению к Руси неоднократно предпринимал попытки распространения католицизма, мечтал о слиянии католической и православной церквей. Увлекался астрономией, ввёл Григорианский календарь взамен существовавшего ранее Юлианского. О его отношениях с Иваном IV см.: Воробьёв Г. А. Царь Иван IV и папа Григорий XIII // Русская старина. Т. 81. № 5. 1894. С. 52–75.

⁴⁴ Шевригин Леонтий (Истома), боярский сын. Был посланцем от Ивана IV к императору Рудольфу II и папе Григорию XIII. Выехал из Москвы в сентябре 1580. 15.02.1581 имел аудиенцию у Венецианского дожа, в конце февраля добрался до Рима, где был принят папой. 15.07.1581 прибыл в Старицу к Ивану IV в сопровождении иезуита А. Поссевино. Составил о своей поездке «Статейный список», содержащий множество интересных сведений о Италии и политике папства. При заключении мира между Иваном IV и С. Батюрием (1581–1582) выполнял обязанности гонца. О Ш. см.: Казакова Н. А. Западная Европа в Русской письменности XV–XVI вв. Л., 1980. С. 192–195; Лихачёв Н. П. Антоний Поссевин и Истома Шевригин. М., 1900; Шаркова И. С. Россия и Италия: торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. Л., 1981. С. 25–27.

⁴⁵ Поплер Фёдор (Вильгельм), выходец из Ливонии, переводчик в посольстве Л. Шевригина. На обратном пути из Италии, в Каринтии (в г. Филлахе), во время ссоры убил второго переводчика, миланского купца Ф. Паллавичино.

⁴⁶ Поссевино Антонио (1534 – 26.02.1611), иезуит, дипломат, автор трактатов «Московия» и «Ливония». Родился в Мантуе в семье ювелира. Получил в Риме духовное образование, после чего стал секретарём кардинала Гонзага. В 1559 вступил в орден иезуитов, в 1560 был направлен в Савойю для борьбы со сторонниками реформации и добился от герцога Эммануила Фелиберта жестокой расправы с ними. В 1565 основал и возглавил коллегия иезуитов в Авиньоне. В

1568 издал книгу «Христианский воин» («Miles Christianus»), в которой доказывал, что всякий сражающийся с «еретиками» солдат — герой, а жалость к протестантам является преступлением. С 1572 по 1578 исполнял обязанности секретаря при генерале Ордена. В 1578 был направлен папой Григорием XIII в Швецию, где сумел склонить короля Юхана III к католицизму. В 1579 провёл в Вильно диспут с известным кальвинистом А. Волланом и выпустил книгу, направленную против лютеранина Давида Хитрея. С 1580 находился в Риме, где встретился с посольством Л. Шевригина. 27.03.1581 П. совместно с русским посольством выехал в Москву. По пути он знакомился с положением дел в Австрии, Штирии, Богемии, Речи Посполитой и регулярно отсылал римскому папе донесения. В июне 1581 встретился в Вильно со С. Баторием и добился от него разрешения стать посредником в переговорах с Иваном IV. Участвовал в подготовке и заключении Ям-Запольского перемирия, одновременно пытался вести с русским царём разговоры о вере, от которых тот всячески уклонялся. В 1582 вместе с посольством Я. Молявинова вернулся в Рим, а затем снова отправился в Польшу и оставался там, с некоторыми перерывами, до 1586. В конце 1582 — 1583 закончил работу над трактатами «Московия», «Ливония» и «Трансильвания». Активно контактировал с князем К. Острожским, которого убеждал в необходимости объединения православной и католической церквей.

В 1587 П. был назначен ректором Падуанской академии, но, даже уехав в Италию, не утратил интереса к русским делам и не отказался от планов распространения на Руси католичества. В 1605, узнав о походе самозванца Лжедмитрия I на Москву, выпустил, под псевдонимом Бареццо Барецци, книгу «Повествование о чудесном завоевании отцовской власти яснейшим юношей Дмитрием». Скончался в Ферраре. Его сочинения см.: Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.

О нём: Лихачёв Н. П. Дело о приезде Поссевина. СПб., 1903; Пирлинг П. Россия и папский престол. Т. 1. СПб., 1912.

⁴⁷ Официально герцогом Прусским в то время являлся 28-летний Альбрехт-Фридрих, но, так как он был признан душевнобольным, реальная власть с 1577 находилась в руках регента маркграфа Ансбахского Георга-Фридриха (1539—1601). Важно иметь в виду, что

регентство он получил по воле С. Батория, так как Пруссия в то время являлась вассалом Речи Посполитой.

⁴⁸ Курфюрст Саксонский — Август (1526—1586), сын курфюрста Генриха Благочестивого и его супруги Екатерины Мекленбургской. Получил воспитание при дворе императора Фердинанда I, в Праге, где подружился с его сыном Максимилианом (будущим императором Максимилианом II). Занял престол с 1551. Являлся чрезвычайно энергичным политиком и активно расширял территорию своего государства, пользуясь при этом довольно коварными методами. Интересовался алхимией, астрономией и некоторыми другими науками, основал Дрезденскую библиотеку. Состоял в браке (с 1548) с дочерью датского короля Христиана III, Анной.

⁴⁹ Курфюрст Бранденбургский — Иоанн-Георг (1525—1598). Сын и преемник курфюрста Иоахима II Фридриха. Занял престол с 1571. Присоединил к Бранденбургу земли своего покойного дяди Иоанна Кюстринского, считался наследником Прусских земель (это право в 1569 получил его отец). Немецкий историк Оскар Егер писал об И.-Г.: «Это был человек ограниченного ума и такого же ограниченного политического знания. Ревностный протестант, довольный уже тем, что лютеранское учение прямо противопоставлялось кальвинистскому. Он был верен политике Гогенцоллернов и держался поближе к «достопавному австрийскому дому» (Егер О. Всемирная история в четырёх томах. Т. 3. СПб.-М., 1999. С. 293).

⁵⁰ Держек (Дзержек) Кшиштоф, герба «Нечуя» (ум. ок. 1620), польский дипломат, переводчик с восточных языков. Происходил из подлясской шляхетской семьи среднего достатка. В 1569 или 1570 был послан в Турцию с целью изучения восточных языков, причём все необходимые затраты взял на себя король Сигизмунд II Август. В Константинополе поступил на службу в канцелярию султана, где пользовался покровительством перешедшего в ислам поляка Ибрагим-бега Страша и придворного писаря Селихтара Аки бен Снана. Д. провёл в Турции около 7 лет, в течение которых не только изучил турецкий и арабский языки, но и постоянно информировал своё правительство о намерениях Порты. На родину вернулся в царствование С. Батория (в каком году, точно не установлено). В 1577, 1578, 1581, 1583, 1584 и 1591 выполнял обязанности посла в Турцию, в 1580 и 1581 обеспечивал обмен корреспонденцией между С. Баторием и Ива-

иом IV. В отличие от обычных переводчиков из литовских татар Д. хорошо владел языком официальных турецких документов, а также арабским и персидским языками. Кроме дипломатической службы, он много работал в королевских архивах, переводил на польский многочисленные указы, послания и фирманы султанов. Благодаря службе при королевском дворе Д. нажил большое состояние и слыл очень богатым, но чрезвычайно скупым человеком. Его имения находились в Малой и Великой Польше, Литве, Ливонии, на Червонной Руси.

⁵¹ В этой грамоте Иван IV заявлял о своих правах на Ливонию и особенно укорял Стефана Батория за нападение на Заволочье и за сожжение Сокола калёными ядрами. Среди прочего царь даже обвинял воинов короля в глумлении над трупами: «...Твои люди собацким обычаем делали, выбирая воевод и детей боярских лутчих мертвых, да у них бруха взрезывали, да сало и жолчь выймали, как бы волховским обычаем» (Цит. по: Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 33).

⁵² Мелецкий Николай, герба «Гриф» (? — 1585), польский военный и государственный деятель. С 1562 — каштелян войницкий, с 1569 — воевода подольский. Был также старостой новокорчинским, гродецким, долинским и сандомирским. Участвовал в войнах с татарами и валахами. В 1573 активно выступал против избрания на польский престол Генриха Валуа и даже уговаривал примаса Уханьского не провозглашать его королём. В 1575 занял должность коронного великого гетмана. В 1579 руководил походом войск С. Батория на Русь и отличился при взятии Полоцка, но в том же году из-за разногласий с Яном ЗамоЙским сложил с себя гетманство. Состоял в браке с Елизаветой Радзивилл и имел двух дочерей, одна из которых, Зофия, состояла в браке с гетманом лифляндским Яном Ходкевичем.

⁵³ Бельзецкий Ян, герба «Ястржембец» (? — 1598), польский шляхтич. См. о нём примечания к дневнику Л. Дзялынского, с. 234.

⁵⁴ Кмита Филон. См. о нём комментарии к дневникам Я. Зборовского, с. 162.

⁵⁵ Сальч (Салач, Салац) — совр. Саласпилс в Латвии.

⁵⁶ Перкель (Перколь) — совр. Пуркеле.

⁵⁷ Имеется в виду Истома Шевригин. В действительности он имел ранг посланца, или «малого посла», что выше ранга гонца. На это различие указывал А. Поссевино в книге «Московия»: «Табеллярни называются (на Руси. — А. М.) «гонцами», они только возят письма. Интернунции — «посланцы», они же «малые послы», — кроме писем

имеют некоторые поручения. Их обычно сопровождает несколько человек свиты. Главные послы (их обыкновенно трое, не считая секретаря) называются «великими послами». Их довольно редко посылают дальше королевства польского, так как им полагается большая свита» (Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI века. М., 1983. С. 56).

⁵⁸ Видимо, имеется в виду Фарнезе Алессандро (1520—1589), кардинал, внук римского папы Павла III.

⁵⁹ Кардинал ди Комо (Птоломео Галли) был секретарём папской курии при Григории XIII и ведал внешнеполитическими делами.

⁶⁰ Имеется в виду Филипп II (1527—1598), король Испании. В 1580 он захватил Португалию, где установил режим жесточайших репрессий.

⁶¹ Агнец Божий — изображение ягнёнка, символизирующее жертву Иисуса Христа.

⁶² Риариус — Риарио Сфорца Алессандро (1543—1585), юрист, церковный деятель. Родился в Болонье. В 1578 был произведён папой Григорием XIII в кардиналы. В 1580 был направлен в Испанию для переговоров с Филиппом II о совместных действиях против Турции и Англии. Позже был легатом в Перудже и Умбрии.

⁶³ Возможно, имеется в виду Алонсо Перес де Гусман, герцог Медина-Сидония, видный испанский военачальник, который в 1588 командовал знаменитой «Великой Армадой».

⁶⁴ Турецко-персидская война началась в 1577 и продолжалась до 1590.

⁶⁵ Имеется в виду султан Мурад III, который правил Турцией с 1574 по 1595. По отзыву современника, он славился только «женолюбием, многочадием и жадностью». См.: Стороженко В. А. Стефан Баторий и диепровские казаки. Исследования, памятники, докумен-ты и заметки. Киев, 1904. С. 23; Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. СПб., 1887. С. 437.

⁶⁶ См. сноску 42.

⁶⁷ Бельский Давид (Гейденштейн его ошибочно называет Богданом). Племянник Малюты Скуратова и один из приближённых Ивана Грозного. В 1580, во время свадьбы царя с Марией Нагой, нёс каравай. В мае 1581, опасаясь царской опалы, бежал в Литву с отрядом из 70 чел. Выдал полякам ряд важных секретов, призывал Бато-

рия немедленно начать поход на Псков. При царе Фёodore Иоанновиче вернулся на Русь, был пожалован именьями.

⁶⁸ Собоцкий Станислав. См. о нём комментарии к дневнику Л. Дзялынського, с. 238.

⁶⁹ Т. е. Христофора Батория.

⁷⁰ «Который учится в Полтовске...» — имеется в виду Анджей (Андраш) Баторий (1563 — 31. 10. 1599), кардинал, епископ Варминьский. Сын брата короля Андрея Батория. С 1578 по 1583 обучался в коллеже в Пултуске. В 1581 принял сан священника. В 1583 вошёл в состав посольства, направленного к римскому папе Григорию XIII. В 1585 и в начале 1586 вновь находился в Риме и вместе с кардиналом Яном Соликовским вёл переговоры с папой о создании Антитурецкой лиги. Узнав о смерти Стефана Батория (1586), немедленно вернулся в Польшу и установил тесные контакты с Яном Замоиским. В 1589, при помощи канцлера, получил должность коадьютора епископства Краковского в обход епископа Виленского Ежи Радзивилла, но в 1591 был всё же вынужден отдать спорную должность сопернику. Одновременно со своей деятельностью в Польше активно вмешивался в дела Трансильвании, которой с 1581 управлял его племянник Сигизмунд Б. По воспоминаниям современников, Анджей Б. вообще вёл вполне светский образ жизни, держал пышный двор и питал пристрастие к интригам. В 1594 он был обвинён в участии в заговоре против Сигизмунда Б. и установлении контактов с Турцией. Тем не менее в 1599 запутавшийся в политике Сигизмунд передал ему власть над Трансильванией (по соглашению в Медьеше 21.03.1599). Император не признал власти Анджея Б. и натравил на него воеводу валахского Михала Храброго, разгромившего войска епископа под Сибиу (Германштадтом). Спасаясь с поля боя, Анджей Б. был убит слугами, которые отнесли его голову Михалу.

⁷¹ Сигизмунда Батория.

⁷² Скарга Пётр (1536—1612), иезуит, известный религиозный писатель и проповедник. Вступил в Орден в 1569 в Риме. Активно участвовал в составлении Люблинской унии (1569).

Был одним из основателей Виленской иезуитской коллегии. Активно выступал за подчинение светской власти духовной, т. е. короля — папе. Особенно большое влияние приобрёл при короле Сигизмунде III (1587—1632). По отзывам современных литературоведов, С. «...был

искусный оратор, стремившийся увязать религиозные цели своего ордена с польскими патриотическими чувствами, и в его проповедях не легко отличить демагогию от искреннего воодушевления» (История Всемирной литературы. Т. 3. М., 1985. С. 453).

⁷³ Наступит время, когда это пройдёт.

⁷⁴ Боиар Северин, герба «Боиарова» (1530 — 5.04.1592), польский военачальник, сенатор. Третий сын Северина Б. Старшего и его супруги Ядвиги Кошелецкой. Получил хорошее домашнее образование под руководством известного швейцарского гуманиста С. Ореандера. В 1564 стал старостой рабштынским, в 1584 — старостой добчицким, в 1585 — старостой жарновским и каштеляном бецким, в 1590 — каштеляном краковским. Активно участвовал в военных походах С. Батория и во время осады Пскова (1581) выставил кавалерийский полк. Будучи сторонником реформации, в 1591 активно выступал в Кракове против нападков на протестантов. Состоял в браке (с 1569) с Региной Волович и имел единственную дочь Ядвигу, которая умерла молодой. Северин Б. был последним сенатором в своём роду. После его смерти большая часть фамильного состояния перешла к роду Фирлеев (через сестру Северина, Софию Б.), а представители побочных линий вскоре обеднели. Тем не менее в Кракове по сей день сохранился большой дом Б.

⁷⁵ А. Поссевино считал обращение русских в католицизм одной из главных своих задач. В своём трактате «Московия» он подробно излагает перспективы распространения католицизма в России и те трудности, которые при этом неизбежно встретятся. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 30—40.

⁷⁶ Имеется в виду Радзивилл Николай Кшиштоф по прозвищу «Сиротка» (2.08.1549 — 28.02.1616). Был сыном знаменитого лидера польских протестантов Миколая Кшиштофа Р. «Чёрного». В юности сам исповедовал кальвинизм, но под влиянием П. Скарги в 1567 перешёл в католицизм. С 1579 — маршалок великий литовский, с 1590 — воевода трокский, с 1604 — воевода виленский. В 1579 участвовал в походе на Полоцк, под стенами которого получил тяжёлое ранение, после чего отошёл от военной деятельности и много занимался благотворительностью.

⁷⁷ Видимо, имеется в виду Зебжидовский Миколай (1553—1620). Приходился родственником Яну Замойскому и под его руководством

активно участвовал в войнах с Русью. В 1588 стал воеводой люблинским, в 1596 — маршалком коронным, в 1601 — воеводой краковским. После смерти Замойского в 1605 пытался проводить его политический курс, активно выступал против контактов короля Сигизмунда III с Габсбургами. В 1606 З. поднял против короля мятеж («рокош»), названный впоследствии его именем, но потерпел поражение. На сейме 1608 официально признал свою вину.

⁷⁸ Казановский Марцин. Третий сын Миколая К., старосты велюнского, и его супруги Катажины Коруштинской. В 1577 участвовал в войне с Гданьском. В 1581 участвовал в походе на Русь в качестве командира отряда гусар. Затем принимал участие в подавлении рокоша Миколая Зебжидовского. В 1608 стал королевским ротмистром. Очень активно участвовал в событиях Смутного времени на Руси. Сопровождал Лжедмитрия I в его походе на Москву (1604—1605), после свержения самозванца попал в плен, но был отпущен и в 1609 находился в королевской армии, осаждавшей Смоленск. Состоял в браке с Катаржиной Стажицкой и имел дочь и двух сыновей. Старший сын, Адам, участвовал в войне против Богдана Хмельницкого и был убит в сражении под Корсунью в 1648.

⁷⁹ В походах 1579—1581 участвовало несколько представителей этой фамилии. Здесь, вероятно, имеется в виду Йордан Спытек Вавжинец, герба «Тромбы» (ум. в 1596), чрезвычайно энергичный политик и военачальник. Он был сыном Гермолауса Й. и Катажины Велогловской и принадлежал к побочной линии Й. мышленецких. В 1572 участвовал вместе с братьями в походе Миколая Мелецкого в Молдавию. В 1576 стал командиром придворной милиции, учреждённой С. Баторием, а потом — королевским ротмистром. В 1577 участвовал в войне с Гданьском и отличился в бою у Любешевского озера (17.04.1577). Участвовал в походах на Полоцк (1579), Великие Луки (1580), осаде Пскова (1581). В 1582 получил староство войницкое, в 1584 — староство сандецкое. Всячески старался сблизиться с Яном Замойским и одновременно поддерживал тесные контакты с папским легатом Альберто Болоньетти, которого информировал о конфессиональной ситуации в Польше. Несмотря на свойство со Зборовскими (по линии двух своих кузин, жён Самуила и Анджея Зборовских), активно противодействовал их нападениям на Замойского. Именно Й.,

вместе с Миколаем Зебжидовским, сообщил в 1586 кардиналу Анджею Баторию о смерти Стефана Батория и вызвал его в Польшу. Вероятно, под воздействием кардинала стал выступать за призвание на престол эрцгерцога Эрнеста Габсбурга (т. е. действовал против Замоиского). В 1588 участвовал в военных действиях на стороне приверженцев эрцгерцога Максимилиана, а после его поражения просил заступничества у Анджея Опалинского и Миколая Зебжидовского. Замоиский, однако, считал Й. предателем и настроил против него короля Сигизмунда III. Опалинский говорил своему подзащитному: «Черт Вас ианёс на меня, пан Йордан, король на меня гневается, что я Вам содействую, а он хочет Вас повесить или голову отрубить». Впрочем, до суровых наказаний дело не дошло. На примирительном сейме 1589 на Й. были только наложены штрафы. В дальнейшем Й. неоднократно участвовал в сеймах и выступал против Замоиского, которого обвинял в замалчивании своих воинских заслуг. По отзывам современников, он вообще отличался чрезвычайно амбициозным и неуживчивым характером. Был женат на Зофии Рокошувне и имел сына Спытка Вавжинца.

⁸⁰ Гастомский Иероним, герба «Налеч» (ум. в 1609). В 1577 участвовал в войне с Гданьском. С 1581 был подкоморием равским, с 1592 — воеводой познанским.

⁸¹ Ожельский Ян, герба «Друя» (1551—1612), военачальник и хронист. Сын Миколая О. и его второй жены Барбары Грохольской. В 1560—1562 обучался в Лейпцигском университете, а затем, вместе с братьями Мацеєм и Свентославом, — в Краковском университете. В 1566 уехал в Италию, долго жил в Венеции, Падуе и Болонье, посещал Рим, Флоренцию, Неаполь. В 1569 вернулся в Польшу. В 1571 поступил на службу ко двору Миколая Кшиштофа Радзивилла. В 1573 голосовал за избрание на престол Генриха Валуа, после его бегства выступал за «Пястов», но согласился войти в состав делегации, направленной к Стефану Баторию. В 1577 участвовал в войне с Гданьском. В 1579 сформировал роту для похода на Полоцк, но в осаде города не участвовал из-за задержки жалования солдатам. В 1580 командовал ротой в полку Марциана Казановского, в 1581 уже возглавлял полк в армии Кшиштофа Радзивилла. Активно участвовал в осаде Пскова. В декабре 1581 сопровождал польских послов на переговоры в Яме Запольском. В 1582 отправился на южные границы Польши

для обороны их от татар. В конце того же года на сейме в Варшаве во время уличной потасовки смертельно ранил каштеляна ленчицкого Рафала Сладковского, но был прощён королём. В 1583 отправился в Черкассы для разрешения конфликта между тамошними горожанами и казаками, а также для вербовки казаков. В 1585 получил староство Кошанское. После смерти Батория (1586) поддерживал избрание на престол Сигизмунда Васы. В дальнейшем неоднократно был депутатом сейма и выполнял сложные дипломатические поручения. В 1606 вёл переговоры со сторонниками Зебжидовского и пытался примирить их с королём. Резко выступал против вступления в войну с Россией. В 1612 обратился к королю Сигизмунду III с письмом, отговаривая его посылать королевича Владислава в Москву. Незадолго до смерти издал книгу о деяниях своего рода «*Annales domus Orgzeliae*» (она была переиздана на польском языке в 1859 в Варшаве историком Т. Дзялынским). Состоял в браке дважды: с Анной Стрыковской и с Эльжбетой Зебжидовской, дочерью воеводы калишского Каспара Зебжидовского и Анны Йордан. От первого брака имел шестерых детей, из которых лишь две дочери достигли совершеннолетия, от второго — одну дочь Изабеллу, вышедшую замуж за Николая Дзялынского, старосту кошаинского.

⁸² Трое Дзялынских — дети Миколая Дзялынского, герба «Оговчик»: Ян Дзялынский, с 1553 — подкоморий хелминский, с 1545 — каштелян гданьский, с 1551 — воевода поморский; Миколай, староста братьянский, мевенский и толкмицкий; Стаинслав, с 1588 — каштелян эльблонгский.

⁸³ Гологов — Глогау, город и крепость в Прусской Силезии.

⁸⁴ Фердинанд I (1503—1564), второй сын Филиппа Красивого и Иоанны Безумной, виук Максимилиана I. В 1521 женился на сестре короля Венгрии Людовика Анне и получил в управление Австрию, Штирию, Каринтию, Крайну. Императорский престол занимал с 1558.

⁸⁵ Об этом инциденте подробно см.: Стороженко В. А. Стефан Баторий и днепровские казаки. Исследования, памятники, документы и заметки. Киев 1904. С. 87. По его данным, крымский хан Мухаммед-Гирей объявил наследником престола Саадат-Гирея, одного из младших сыновей. Старшие сыновья, Алп-Гирей и Селямет-Гирей, бежали из Крыма, увидев в этом для себя угрозу.

⁸⁶ Имеется в виду Ян Орьшовский, герба «Правдич» (ум. в 1605),

которому в 1578, вместе с Михаилом Вишневецким, был поручен набор казаков на службу.

⁸⁷ Гваньини Александр (1538—1614), итальянец знатного происхождения, уроженец Вероны. В 1561 прибыл в Польшу как военный инженер, в 1569 получил польское подданство. Участвовал в походе Стефана Батория на Полоцк, Великие Луки, Псков. С 1569 по 1587 — комендант Витебска. В 1578 издал в Кракове обширное сочинение «Описание европейской Сарматии», где приводил много сведений о России, Литве, Ливонии. Баторий отослал эту книгу, в которой ярко описана жестокость Ивана Грозного, самому царю.

⁸⁸ Краузе Эллерт, ливонский дворянин. Занимал должность фогта (судьи) в Дерпте и попал во время Ливонской войны в русский плен. В 1564 поступил на службу к Ивану Грозному и позднее был принят в опричнину. В 1570 вместе с другим ливонским дворянином, Иоганном Таубе, вошёл в число приближённых принца Магнуса и сообщал о его действиях царю. В 1571 бежал в Литву, где предложил свои услуги польскому королю. Составил, вместе с Таубе, послание Яну Ходкевичу, в котором подробно описал производимые Иваном IV казни и расправы. См.: Послание Иоганна Таубе и Эллерта Краузе. / Пер. М. Г. Рогинского // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922.

⁸⁹ То есть Анна Ягеллонка, жена Стефана Батория, от своей сестры Екатерины, жены Юхана III.

⁹⁰ 24 августа.

⁹¹ За наёмными армиями того времени обычно следовали целые толпы женщин лёгкого поведения, поэтому статьи о них в обязательном порядке включались в воинские артикулы. См.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. СПб., 1997. С. 48—49.

⁹² Господь — сила и крепость моя.

⁹³ Р. Гейденштейн описывает укрепления Острова как гораздо более мощные: «Город этот имеет довольно крепкие каменные стены и также очень много башен или башневок, в особенности один в углу северной крепостной части, откуда только и есть ворота и вход в крепость, замечательный по своей величине и тщательно сделанный по образцу современных башневок; он расположен так, что защищает

два бока крепости, один по направлению к северу, другой — к востоку» (Гейденштейн Р. Указ. Соч. С. 192). Несколько ниже С. Пиотровский также даёт укрепления Острова более высокую характеристику.

⁹⁴ Скопин-Шуйский Василий Фёдорович (ум. в 1595), боярин, воевода. Участвовал во многих сражениях Ливонской войны и шведского похода царя Фёдора Иоанновича. В Пскове считался первым воеводой, но сыграл в обороне меньшую роль, чем Иван Петрович Ш. Его сын, Михаил Васильевич С.-Ш. (1587—1610), прославился как талантливый полководец в Смутное время.

⁹⁵ Шуйский Иван Петрович (ок. 1540 — 16.11.1588), князь, воевода. Сын Петра Ивановича Ш., способного военачальника и героя Ливонской войны. В 1566 участвовал в Земском соборе, на котором обсуждались условия мирного договора с Литвой. В 1570 командовал армией, прикрывавшей Москву с юга, в 1571—1572 принимал участие в войне с крымскими татарами. В 1572—1573 участвовал в походе на шведскую крепость Пайда в Эстонии, а в 1573 впервые получил наместничество в Пскове. В 1575 присутствовал на свадьбе Ивана Грозного с Анной Васильчиковой, в 1577 вновь стал псковским наместником и участвовал в успешном для русских походе в Лифляндию. Сыграл большую роль в обороне Пскова, неоднократно проявлял личное мужество.

После смерти Ивана Грозного (1584) Ш. был вызван царём Фёдором в Москву и получил от него богатые пожалования. С марта 1585 по январь 1586 снова находился в Пскове, единолично управляя городом. Вернувшись в Москву, Ш. вступил в соперничество с Борисом Годуновым, которое закончилось для него трагически. В октябре 1586 Ш. был обвинён в контактах с польскими магнатами и сослан в вотчину. В начале 1587 арестован и отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь, где умер (по некоторым данным, задушен по приказу Годунова). О нём см.: Абрамович В. Г. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991.

Кроме Шуйских, обороной города руководили князь Андрей Иванович Хворостинин, Василий Михайлович Лобанов-Ростовский, Владимир Иванович Бахтияр-Ростовский, Никита Иванович Очи-Плещеев.

⁹⁶ Автор имеет в виду принадлежность Черкашанина к днепровскому казачеству. Р. Гейденштейн называет его «Николаем», а не

«Мишкой» (Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 201).

⁹⁷ Р. Гейденштейн сообщает о двух засадах. Первой засады, по его словам, русские не испугались, и лишь вторая обратила их в бегство (Гейденштейн Р. Указ соч С 194).

⁹⁸ Этот обстрел отражён также в русской «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»: «Государевы же бояре и воеводы и туда по ним велели стрелять из больших орудий, и от псковских снарядов леса повалились и многие полки полегли. Королю и об этом сообщили, он же сказал: «Кто наставники мои, которые вели меня на Псков и говорил, что в Пскове нет больших орудий, что князь великий все орудия велел вывезти из Пскова? И что я вижу и слышу? Что у меня с собою, и в Литве нет ни одной такой пищали, которая бы так далеко стреляла!» (Воинские повести древней Руси. Л., 1985. С. 363—364, перевод В. И. Охотниковой). Впоследствии в обороне Пскова большую роль сыграли крупные пушки «Барс» и «Трескотуха».

⁹⁹ В Пскове это событие было расценено как божественное знамение, обещавшее городу защиту и покровительство Высших Сил.

¹⁰⁰ Фон Редер Ганс служил в отряде Станислава Собозского. За проявленное мужество он был приглашён на обед в штаб Яна Замоиского и получил золотую цепь.

¹⁰¹ «О военном искусстве».

¹⁰² Карл V, внук императора Максимилиана I. Занимал императорский престол с 1519 по 1556. Вёл постоянные войны с Францией.

¹⁰³ Имеется в виду Сигизмунд Баторий, сын покойного Христофора (Кшиштофа) Б.

¹⁰⁴ В русской «Повести» о начале работ сказано: «Первым делом в начале индикта, в сентябре, в первый день 7090 года, начали копать большие траншеи от своих станов по Большой Смоленской дороге к Великим воротам и к церкви Алексея, человека Божия, а также от неё к городу — к Великим, Свиным и Покровским воротам. И выкопали за три дня пять больших длинных траншей да семь поперечных траншей» (Воинские повести древней Руси. Л., 1985. С. 364).

¹⁰⁵ Борнемисса, венгерский военачальник. См. о нём комментарии к дневнику Я. Зборовского, с. 166.

¹⁰⁶ Лучше жаловаться, чем слепо следовать судьбе.

¹⁰⁷ Р. Гейденштейн также сообщает, что Ян Замоиский был против штурма, говоря, что сначала нужно произвести разведку: «Замоис-

кий... полагал, что было бы гораздо лучше в отношении безопасности и более верной надежды на успех отложить штурм крепости, пока не будет открыт проход через стену со стороны польских шанцев» (Гейденштейн Р. Указ. Соч. С. 207).

¹⁰⁸ Местом для штурма был избран южный угол Окольной стены, между Покровской и Свиной (Свинозской) башнями. Русская «Повесть» о результатах обстрела крепости 7 сентября сообщает: «...и Покровскую башню всю до земли сбили, и у Угловой башни разрушили весь охаб — до земли, и половину Свиной башни сбили до земли, и стены городские разбили местами на шестьдесят девять сажень» (Воинские повести древней Руси. Л., 1985. С. 366).

¹⁰⁹ Мнишек Ежи (Юрий), собственного герба (ок. 1548—18.05.1613), воевода Сандомирский, отец знаменитой авантюристки Марины М. Был вторым сыном Миколая М. и Барбары Каменецкой. В 1560, вместе с братом Яиом, уехал для учёбы за границу. В 1560 поступил в Кёнигсбергский университет, но в 1563 перешёл в Лейпцигский университет. После возвращения на родину получил звание королевского кухмистра и пользовался особым доверием Сигизмунда II Августа, который давал ему разные деликатные поручения (в том числе устройство свиданий с любовницами).

После смерти короля некоторые придворные обвиняли М. в том, что он, потворствуя королю в его увлечениях магией, ускорил смерть монарха. Однако М. смог оправдаться и даже сохранил полученное от Сигизмунда староство Саноцкое. В 1574 получил звание кравчего. После бегства Карла поддерживал в качестве кандидата на престол Стефана Батория. В 1581, во время осады Пскова, командовал ротой из 200 кавалеристов и проявил личную смелость. В 1582 стал каштеляном радомским, в 1588 — старостой самборским и озиминским, в 1589 — воеводой сандомирским. Выступал после смерти Батория за кандидата из Габсбургов, но затем признал избрание на престол Сигизмунда Васы.

В результате крайне пышного образа жизни М. растратил практически все свои средства. Он стремился быть «первым магнатом» королевства, в результате чего запутался в долгах настолько, что был вынужден просить денег у собственных детей, не платил налогов со староства Самборского. Крайне неразборчивый в средствах, М. же-

нил своего сына Яна на престарелой вдове венгерского магната Другетича Хоммонаи и затем постоянно брал у неё деньги в долг. Ради корысти он активно поддержал Лжедмитрия I, когда тот появился в Польше. Дав согласие на брак самозванца со своей дочерью Мариной, М. помогал ему получить аудиенцию у короля. В 1604 принял участие в походе самозванца на Москву, но вскоре из-за болезни вернулся в Польшу. В мае 1606 приехал в Москву на свадьбу дочери. После убийства Дмитрия был сослан в Ярославль.

В 1608 встал на сторону Лжедмитрия II, в котором якобы узнал погибшего зятя. В 1609 на сейме в Варшаве активно убеждал короля начать поход на Русь. В 1611 был обвинён в неудачах поляков в России, оправдываясь, всячески подтасовывал факты, демонстративно клялся «своей честью» и даже пытался выхватить саблю, чтобы зарубить Адама Стадницкого, каштеляна калишского. Сейм 1611 стал последним крупным событием, в котором он участвовал. Состоял в браке с Ядвигой Тарло, имел пять сыновей и четыре дочери. Многие современники считали М. коварным и беспринципным, а Станислав Жолкевский даже называл его «подлым».

¹¹⁰ В русской «Повести» говорится: «Того же месяца сентября, в праздник Рождества Пречистой Богородицы, в пятом часу дня (был тогда день недели — пятница), литовские воеводы и ротмистры, и все градоимцы и гайдуки проворно, радостно и уверенно пошли ко граду Пскову на приступ» (Воинские повести древней Русн. Л., 1985. С. 367).

¹¹¹ Р. Гейденштейн утверждает, что первую башню захватили поляки во главе с Выбраиовским и Сирным, а немцы и венгры взяли вторую башню (Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 209). В «Повести» говорится: «...Многие ротмистры и гайдуки со своими знамёнами заняли Покровскую и Свиную башни и из-за щитков своих и из бойниц в город по христианскому воинству беспрестанно стреляли» (Воинские повести древней Русн. Л., 1985. С. 368–369).

¹¹² Р. Гейденштейн полагал, что это был ров, специально сооружённый защитниками крепости. О рве говорится также в письме участника осады Кшиштофа Дзержка от 22.09.1581. См.: Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 210.

¹¹³ В «Повести» говорится: «С Похвальского раската (на Романо-

вой Горке. — А. М.) из огромной пиццали «Барс» ударили по Свиной башне и не промахнулись, и множество воинов литовских в башне погибло» (Воинские повести древней Руси. Л., 1985. С. 372).

¹¹⁴ «Повесть» с мрачным торжеством сообщает о подрыве Свиноузской башни: «...государевы бояре и воеводы повелели заложить под Свиноую башню много пороха и взорвать её... Литовские воины смешались с псковской каменной стеной Свиной башни и из своих тел под Псковом другую башню сложили» (Воинские повести древней Руси. Л., 1985. С. 372).

¹¹⁵ Стойкость и упорство воинов, занявших Покровскую башню, отмечает и русская «Повесть». По её свидетельству, враги были выбиты оттуда усилиями не только гарнизона, но и горожан, даже женщин (Воинские повести древней Руси. Л., 1985. С. 375—376).

¹¹⁶ По мнению современного историка В. А. Волкова, опиравшегося на средневековые русские источники, штурмующие потеряли убитыми около 5 тыс. чел. Потери защитников Пскова составили 863 человек убитыми и более тысячи ранеными (Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 216).

¹¹⁷ Гейденштейн обвинял в неудаче немцев, утверждая, что они нарушили диспозицию и двинулись не туда, куда было нужно (Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 209).

¹¹⁸ Фактически в проломе была сооружена новая стена с бойницами. Описание вновь созданных укреплений содержится в «Повести о прихождении...». Среди прочего в ней говорится, что «по всему пролому был размещён «острый дубовый чеснок», так что «человеку невозможно было никаким образом пробраться через него» (Воинские повести древней Руси. Л., 1985. С. 379).

¹¹⁹ Белявский Стефан, герба «Ястржембец» (ум. в 1596), ротмистр королевский, брат Мацея Б. В молодости поступил ко двору Сигизмунда II Августа в качестве секретаря. Умирая, король поручил ему охрану сокровищ в Тыкочинском замке, и Б. проявил большую принципиальность: не допустив в сокровищницу коронных делегатов, он отдал ключи только Ание Ягеллонке (сестре короля). В 1570 получил староство Киышинское, которое в 1574 у него отнял Ян Замойский. Возмущённый Б. собрал в Тыкочине войско и начал против Замойского настоящую войну. В одной из стычек был даже убит сторон-

ник ЗамоЙского, шляхтич Пётр Кучинский. Вернуть староство, однако, не удалось. В 1577 Б. принимал участие в войне с Гданьском и получил староство Крушевицкое. В 1581 участвовал в осаде Пскова. В 1582 получил староство кокенгаузенское в оккупированной поляками Ливонии. В 1585 был направлен королём во Вроцлав, где встречался с послами императора и убедил их не заключать союза с Русью. Похоронен в Вильно, где два его родственника, Марцин и Ежи Куже-нецкие, преподавали в университете.

¹²⁰ Имеется в виду Кшиштоф Радзивилл — каштелян трокский.

¹²¹ Старица — город в верхнем течении Волги, до 1566 была столицей удельного княжества Владимира Старицкого. После принудительного его обмена Иваном Грозным на Дмитров стал одной из постоянных царских резиденций. В ней находились крепость и большой дворец. Даже в начале XVII в. часто упоминалась с эпитетами «высокий» и «стольный» город.

¹²² Шведские войска под командованием Понтуса Делагарди взяли Нарву 4 сентября 1581 г. Во время штурма погибло более 2300 русских воинов и множество горожан.

¹²³ По данным Гейдештейна, тоже было три подкопа, но два натолкнулись на скалу, а один был взорван русскими (Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 213).

¹²⁴ Радзивилл Станислав (1559—1599), маршалок литовский.

¹²⁵ Шведы взяли Ивангород 17 сентября 1581 г.

¹²⁶ В «Повести» говорится: «В 23 день, Божьей милостью, наши русские слуховые ходы сошлись с литовскими подкопами между Покровских и Свиных ворот, и злодейский их умысел с помощью Христовой расстроился. Так же и другой подкоп, под Покровскую башню, перехватили, а остальные литовские подкопы за городом сами обрушились». В тексте также сказано, что о направлении подкопов защитникам крепости сообщил перебежчик полоцкий стрелец Игнаш. (Воинские повести Древней Руси. М., 1985. С. 382—383).

¹²⁷ А. Поссевино выехал из Старицы под Псков 14 сентября 1581. См.: Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 110. Интересно, что его миссия вызывала большое недоверие, как у поляков, так и у русских. Автор «Повести о прихождении...» даже сравнивает П. с Ихнилатом, героем переводной

повести «Стефанит и Ихнилат», лукавым, льстивым и лживым царедворцем.

¹²⁸ Имеется в виду Фюрстенберг, родственник бывшего магистра ливонского ордена Вильгельма Ф. (ум. в 1568).

¹²⁹ О пленении Хвостова писал Ивану Грозному А. Поссевино: «Твой замечательный воевода Никита Хвостов взят в плен (я видел его собственными глазами и просил, что бы его вместе с его слугой держали более свободно и в более почётном месте» (Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 96).

¹³⁰ Приватно.

¹³¹ Игра слов. «Самівогах» по-латыни буквально «пожирющий мясо», но также и «хищник».

¹³² По данным Р. Гейденштейна, Мясоедову удалось пробиться в город (Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 216).

¹³³ Насильно.

¹³⁴ О невозможности справиться с псковскими стенами писал также А.Поссевино: «Осаждающие сбивали только зубцы, а стену, выступающую от пола до самого основания, не могли повредить ни молотками, ни кирками, настолько, чтобы её разрушить» (Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 45).

¹³⁵ Ян Тарновский был одним из первых постоянных гетманов. См. вводную статью.

¹³⁶ Ни дня без строчки.

¹³⁷ Имеется в виду участие названных офицеров в набеге на русские земли по Волге.

¹³⁸ Мальборг (Мальборк) — резиденция магистра Тевтонского ордена. В 1410 польско-литовское войско, разгромив рыцарей под Грюнвальдом, в течение двух месяцев осаждало М., но, так и не взяв его, ушло в пределы Польского королевства.

¹³⁹ Сегодня — мне, а завтра — тебе.

¹⁴⁰ Конец венчает дело.

¹⁴¹ Староста Пршемьсльский — Ян Томаш Дроговский.

¹⁴² В «Повести» об этом говорится: «Государевы же бояре и воеводы, увидев такой над городом умысел, против замыслов литвы для обороны города со своей стороны повелевают зажжённое смоляное тряпье на литву и на щиты метать, чтобы от огня щиты их загорелись, а сами они от душливого дыма из-под стены выбегали или же там

сгорали. Литовские же воины, понуждаемые силой, всё это терпели и стояли упорно, настойчиво подсекая стену» (Воинские повести Древней Руси. М., 1985. С. 383).

¹⁴³ По русским данным, наоборот, защитники крепости подцепляли венгров крючьями, поднимали в воздух и расстреливали (Воинские повести Древней Руси. М., 1985. С. 384).

¹⁴⁴ Слух оказался ложным.

¹⁴⁵ Будущему организатору рокоша 1606—1607 гг.

¹⁴⁶ Белявский Мацей, герба «Ястржембец», брат Стефана Б. Под стенами Пскова неоднократно проявлял большое мужество. Однако из-за требовательности Б. именно в его отрядах особенно сильным было дезертирство. В июне 1582 был направлен в Подолию и нёс пограничную службу. Кроме военных заданий никаких поручений не выполнял, ибо, по собственному признанию, даже не умел писать.

¹⁴⁷ Генеральный штурм Печорского монастыря состоялся 28 октября 1581. В его ходе осаждавшие понесли большие потери, и, между прочим, попал в русский плен Вильгельм Кетлер, племянник бывшего магистра Ливонского ордена.

¹⁴⁸ Отец Сигизмунда II Августа, король Сигизмунд I, правивший Польшей с 1506 по 1548.

¹⁴⁹ Пенионжек участвовал ещё в походе 1580 года.

¹⁵⁰ Кретковский Гжегош, герба «Доленга» (ум. в 1590). Был третьим сыном Миколая К., воеводы брестского. В 1571 стал каштеляном крушовицким, в 1576 — каштеляном брестским. Во время первого бескоролья выступал за избрание на польский престол Генриха Валуа, во второе бескоролье — за Стефана Батория. Неоднократно был делегатом разных сеймов и сеймиков. Состоял в браке с Катаржиной Красинской.

¹⁵¹ Юрьев-Захарьин Никита Романович (ум. 23.04.1586), боярин (с 1562), воевода. Сын Романа Юрьевича Захарьина, брат первой жены царя Анастасии Романовой (ум. в 1560). Был наместником новгородским, выполнял многие важные поручения Ивана Грозного. (А. Поссевино называет его «очень влиятельным человеком». См.: Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 199.) В 1547—1548 г., во время Казанского похода, состоял при царе рындой. В 1552 активно участвовал в осаде Казани, с 1559 командовал различными войсками в Ливонской войне. В 1565, после

введения опричнины, остался в составе Земского правительства. В 1566 назначен наместником Тверским, в 1571 руководил строительством крепости на озере Нишарды, в 1575 руководил захватом Пернова. После смерти Ивана Грозного, до 1584, возглавлял опекунский совет при царе Фёдоре. Состоял в браке дважды: с Варварой Ивановой Ховриной (ум. в 1552) и с княгиней Евдокией Александровной Горбатовой-Шуйской.

¹⁵² Имеется в виду татарский царевич Симеон Бекбулатович.

¹⁵³ Елецкий Дмитрий Петрович, воевода кашинский. Представлял Россию на переговорах в Яме Запольском. См.: Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в., М. 1983. С. 11, 12, 118, 151, 174, 180, 187, 242, 244, 248, 251.

¹⁵⁴ Имеется в виду дьяк Верещагин Никита Басенок Никифорович, но он был третьим, а не вторым членом посольства. Вторым и гораздо более знатным являлся Роман Васильевич Олферьев, воевода козельский.

¹⁵⁵ В составе посольства был ещё подьячий Захарий Свиязев.

¹⁵⁶ Сам А. Поссевино писал об этом Баторио: «Когда мы проезжали мимо Порхова, жители встретили нас сильным обстрелом железных ядер с башен» (Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в., М. 1983. С. 109).

¹⁵⁷ Имеется в виду герцог Штирии Карл II, сын императора Фердинанда I.

¹⁵⁸ Имеется в виду Поитус Деллагарди (1520—1585), являвшийся выходцем из Франции. Был сыном барона Жака Д'Экупри и его супруги Катарины Д'Сен-Колон, родился близ Каркасона (Южная Франция). Обучался в Болонье, затем поступил на французскую военную службу. Служил также в войсках Марии Гиз, в Шотландии. В 1560 перешёл в датскую армию, участвовал в войне со Швецией, попал в плен, после чего поступил на шведскую службу. В 1566 был послан во Францию для набора наёмников. В 1568 сблизился с герцогом финляндским Юханом и активно участвовал в свержении Эрика XIV. Руководил военными действиями против русских в Прибалтике. Интересно, что сын Понтуса Д. Якоб (1583—1652) сыграл видную роль в событиях Смутного времени.

Глоссарий

Боярин — на Руси XVI–VII вв. высший чин Государева двора.

Воевода. 1. На Руси — командующий крупным войсковым соединением, военачальник, а также, с конца XVI в., правитель города, назначаемый царем. **2.** В Польше и позже в Речи Посполитой — королевский наместник, который возглавлял гражданскую администрацию и собирал ополчение («посполитое ружье») в административной единице — воеводстве.

Гайдук (от венгерского «хади» — военный). В польской и венгерской армиях легковооруженный пехотинец. В Польше первые отряды гайдуков создал Сигизмунд II Август. Г. не носили доспехов, их вооружение состояло из мушкета, сабли и топорика, который носили за поясом.

Гаковница — тяжелое крепостное ружье, на стволе которого имелся крюк («гак») для упора о стену.

Гетман (возможно, от немецкого «Hauptmann» — полковник) — так в Польше и Литве именовался начальник войска. Сначала Г. назначался только во время войны, но в правление Сигизмунда I (1506–1546) сложилась практика назначения постоянных гетманов.

Голова — на Руси обобщенное наименование администраторов среднего звена, в т. ч. стрелецкий голова — командир стрельцов в каком-либо городе, командир стрелецкого соединения.

Дети боярские — обобщенное наименование низших разрядов служилого дворянства на Руси.

Картаун — тяжелое и короткоствольное артиллерийское орудие.

Каштелян (кастелян, от латинского «kastellum» — замок). В Польше XI–XIII вв. так именовались должностные лица, управлявшие отдельными городами или замками и обладавшие военной, административной и судебной властью. Со временем полномочия К. сузились. В XVI в. звание К. было скорее титулом, дававшим право на участие в заседании королевского совета.

Магнаты — в Польше и Литве знатные, родовитые аристократы.

Наряд — так в русских документах XVI—XVII вв. именовалась артиллерия.

Недоросли служилые — дети служилых людей, не достигшие возраста, с которого начиналась обязательная служба.

Нетчики — лица, уклонявшиеся от обязательной, в том числе военной, службы.

Окольничий — на Руси XVI—XVII вв. второй, после боярина, чин, носитель которого мог занимать высокую государственную должность, например, городского воеводу.

Пицаль — на Руси термин, обозначавший огнестрельное оружие: от пушки до ружья (ручная пицаль).

Подкоморий (*succamegarius*) — в средневековой Польше судья по межевым вопросам, который назначался королем из кандидатов, избираемых дворянством определенного повета или воеводства.

Подскарбий — в Польше и Литве должностное лицо, ведавшее финансами. Различались великий подскарбий, который заведовал всей государственной казной, коронный подскарбий, отвечавший за королевские сокровища и чеканку монеты, надворный подскарбий, являвшийся заместителем коронного.

Посошная служба — на Руси мобилизация населения на нестроевую службу.

Профос — в европейской армии лицо, отвечающее за порядок и ведавшее наказаниями военных.

Рейтары (от немецкого *Reiter* — всадник) — наемная кавалерия в армиях государств Западной Европы и России в XVI—XVII вв.

Сейм — высший законодательный орган в польско-литовском государстве. Состоял из двух палат: Сената и Посольской избы.

Староство — в Польше и Литве надел, выделявшийся королем в пожизненное владение. В XVI в. аристократ, получивший С., староста, пользовался с него всеми доходами и мог владеть несколькими С. в разных районах страны.

Стрелецкое войско, стрельцы — войско, созданное Иваном Грозным и имевшее черты регулярного устройства.

Историк и переводчик ОРЕСТ МИЛЕВСКИЙ

Польские дневники походов Стефана Батория на Россию являются важным источником для изучения российской истории XVI века. Особый интерес они представляют для псковичей. Оборона Пскова от войск Батория — одна из самых героической страниц в средневековой истории нашего города. Переиздание дневников позволит широким кругам читателей лучше понять события того далёкого прошлого.

Приятно сознавать, что эти дневники стали доступными для русских исследователей благодаря переводам нашего земляка, уроженца Пскова, учителя истории Ореста Николаевича Милевского. Знакомство с его биографией следует начинать с предков, так как его отец Николай Федотович был первым псковским краеведом и, безусловно, оказал влияние на выбор сыном профессии и помог углублённому изучению им российской и псковской истории.

Николай Федотович Милевский

Будущему священнику и краеведу Николаю Милевскому досталось трудное сиротское детство. Его отец Федот Харитонович с трудом выбился из нужды и прожил недолго. В 1801 году, когда у него в Пскове родился старший сын Николай, Федоту Милевскому, не окончившему полного курса местной духовной семинарии, предоставили работу подканцеляриста в Псковской духовной консистории. Через два года, с рождением второго сына, его рукоположили в дьяконы и отправили служить при Успенской церкви отдалённого уездного Торопца. Там в июне 1809 года его возвели в сан священника Покрово-Николаевского храма, а также разрешили преподавать в Торопецком духовном училище.

Однако в начале 1812 года 33-летний Фёдор Милевский внезапно скончался. Вдова Екатерина Семёновна с двумя сыновьями была вынуждена жить на 50-рублёвое годовое пособие от нового священника. Только в 1816 году ей разрешили переехать в родной Псков, приписали к заштатному клиру кладбищенской Дмитриевской церкви, назначили вдовью пенсию, а сыновей перевели из Торопецкого уездного училища в Псковское духовное и определили Николая на полное казённое содержание и Фёдора — на половинное.

В 1819 году Николая Милевского приняли в Псковскую духовную семинарию. За шесть лет он прошёл полный курс преподаваемых наук *«при способностях весьма изрядных и прилежании не слабом»*. Хотя окончание семинарии со званием студента 1-го разряда давало ему право на переход в духовную академию, но материальное положение семьи не позволило продолжить учёбу. Холостого выпускника не могли назначить священником, и два года он учительствовал в Порховском приходском училище, а с октября 1827 года — в Псковском духовном училище.

После женитьбы Николая Милевского на 19-летней Александре Тимофеевне архиепископ Мефодий (Нишнячевский) 3 мая 1829 года рукоположил его в священники псковогородской церкви Покрова от Торга, а 28 ноября 1832 года перевёл в Ново-Вознесенский храм. К нему были приписаны Анастасиевская и Сергиевская церкви. Настоятелем этих храмов Милевский состоял непрерывно 33 года, до самой смерти. К тому же 22 года он преподавал Закон Божий: в 1832—1840 годах в Полубатальоне военных кантонистов и с 1 марта 1833 по 13 октября 1854 года — в Губернской мужской гимназии.

Николай Милевский быстро приобрёл значительный авторитет. 6 декабря 1836 года архиепископ Нафанаил (Павловский) назначил его депутатом от духовенства в высшие губернские присутственные места, 6 марта 1837 года поручил ему осуществлять цензуру проповедей, читаемых в городских церквях, 30 ноября 1837 года назначил непременно членом Губернского статисти-

ческого комитета от епархии. В работе этого комитета участвовали лица, интересующиеся жизнью и историей губернии. А 10 марта 1842 года включил его в состав Псковской духовной консистории. Членами этого главного религиозного органа епархии были пять-семь наиболее уважаемых священников города, коллегиально рассматривавших все текущие дела и бумаги, поступавшие к архиерею. Уже 23 марта 1844 года «в уважение его примерного усердия и честности, с которым он проходил как многотрудную должность присутствующего в Консистории, так и другие послушания» тот же владыка произвёл Николая Милевского в протоиереи (старшие священники).

Первая местная газета — «Псковские губернские ведомости» — начала выходить 5 (17) января 1838 года. Если в Пскове и были краеведы, любители старины, то свои статьи, заметки по истории города до этого им публиковать было негде. Впрочем, готовых для публикации исследований псковичи тогда явно не имели. Не случайно за первые два с половиной года в газете они не появлялись, в то время как исторические очерки о Великих Луках, Острове, Опочке, Холме, Торопце, Печорах в ней иногда печатались.

В январе 1840 года псковским губернатором стал генерал-майор Фёдор Фёдорович Бартоломей. Через два месяца, 20 марта, посоветовав, что в газете «*весьма немного статей, исторических и статистических обзоров*», он призвал «*всех благомыслящих и истинных ревнителей просвещения*» присылать их. Первым из псковичей на обращение откликнулся священник Николай Милевский. В его послужных списках, включённых в ежегодные клировые ведомости Ново-Вознесенской церкви, отмечалось, что дважды, 28 июня и 23 сентября 1840 года, он получал благословение епархиального начальства на «*рассмотрение и исследование древних хартий в архивах Губернского правления и всех присутственных мест в г. Пскове*».

Впрочем, материал для своей первой публикации Милевский извлёк не из этих архивов, а нашёл в ризнице псковского Иоан-

но-Предтеченского монастыря: 28 августа и 4 сентября того же года в двух номерах газета напечатала снятую им копию жалованной грамоты допетровских времён на владения этой обители, с комментариями краеведа. Затем он начал публиковать документы из архива Псковской казённой палаты, а иногда и длинные списки царских указов XVII века, посылаемых в Псков.

Одновременно Милевский стал работать над статьёй о памятниках псковской старины. Под названием «Археографическое описание древностей города Пскова, сохранившихся по настоящее время» газета публиковала её в 1841 году 8, 15 и 22 января, 16 и 23 апреля. После четырёхлетнего перерыва её небольшое продолжение было напечатано 2 мая 1845 года. Эта первая краеведческая статья о Пскове, появившаяся в местной периодической печати, переиздана и проанализирована нами в №№ 19 и 20 журнала «Псков» за 2003—2004 годы.

Отметим, что только 8 января 1841 года под заглавием статьи газета пометила: «Сообщено Свящ. Ник. Милевским», а в дальнейшем автор не указывался (даже после перерыва в 4 года!). Как и при печатании многих выписок из древних актов и их списков, опубликованных в 1840-х годах и безусловно подготовленных им к печати. Сомневаться в этом не приходится, так как других псковских историков и краеведов, печатавшихся в те годы, не было. По этой причине Милевского можно считать автором и статьи «Древности Псковской губернии» в №№ 12—14 «Псковских губернских ведомостей» за 1844 год, содержащей описание действовавших монастырей и псковского Троицкого собора, а также малоформатной брошюры в 45 страниц «Краткое указание на псковские древности», изданной типографией Псковского губернского правления в 1849 году. В них автор тоже не упоминается. (Ксерокопия брошюры имеется в фонде М. М. Медникова древлехранилища Псковского музея-заповедника. В ней очень сжато изложена история Псковской земли от изборских кривичей до войны с Карлом XII.)

Священник Николай Милевский воспользовался газетой и

для привлечения внимания к бедственному положению приписной Анастасиевской церкви. В большой статье «О храме святой великомученицы Анастасии», напечатанной 8 апреля 1842 года, он рассказал историю этой древней церкви, пострадавшей от общегородского пожара в июле 1786 года и с тех пор медленно разрушавшейся. Статья помогла, благотворители нашлись, и 5 июля 1844 года появилась новая заметка — «Об освящении храма св. великомученицы Анастасии в Пскове».

1840-е годы стали временем наибольшей краеведческой активности Николая Милевского. Но и позднее он оставался неприменным и активным членом Губернского статистического комитета. В связи с утверждением нового Положения о Комитете духовная консистория указом от 3 марта 1861 года подтвердила его полномочия. 22 марта следующего года Милевского включили в отдел по собиранию обязательных для Комитета сведений. А 16 мая, отметив, что *«протоиерей Милевский занимается археологическими изысканиями по древностям города Пскова»*, Комитет признал его своим действительным членом, то есть участвующим в занятиях Комитета не по назначению консистории, а своими конкретными и нужными делами.

На заседании 10 ноября 1862 года Милевский представил Комитету План генерального межевания губернского Пскова 1782 года и свои пояснения к нему. Тогда же его включили в комиссию для рассмотрения статей, предназначенных к напечатанию в неофициальной части «Псковских губернских ведомостей», и, *«как знакомого с летописями и архивами»*, просили *«извлечь из них данные о промышленности и благосостоянии местных жителей в прежние времена»*. Такие сведения были напечатаны газетой 17 апреля 1864 года в статье «Некоторые намёки на экономические условия, при которых жили здесь 200 лет назад». Она основывалась на расходной книге 1659 года, хранившейся в архиве Казённой палаты. Через неделю в заметке «Ошибка г. Костомарова» автор на основании той же расходной книги не согласился с авторитетным историком, утверждавшим в новой

Могила Николая Федотовича Милевского
на Дмитриевском кладбище в Пскове

(1863 года издания) книге «Северно-русские народоправства», что пригороды Вышегород и Кобылье исчезли до 1510 года.

К сожалению, в «Псковских губернских ведомостях» не было ни некролога, ни краткого сообщения о смерти их активного автора. Дореволюционный краевед К. Г. Евлентьев в «Указателе вещественных памятников древности и старины церковной и гражданской в губернском городе Пскове» 1873 года назвал Н. Ф. Милевского среди людей, достойных памяти и составления биографии, покоящихся на Дмитриевском кладбище. Недавно там левее храма удалось найти лежащий на земле белый мраморный, чуть треснувший надгробный камень с надписью.

«Протоиерей Николай Федотович Милевский.

Сконч. 24 августа 1865 г.».

Так стала известна дата его кончины. Конечно, надгробный памятник надо поставить на место и могилу благоустроить.

Орест Николаевич Милевский

В клировых ведомостях Ново-Вознесенской церкви отмечено, что у Николая Федотовича и Александры Тимофеевны сначала, с интервалом в два года, родились дочери Надежда и Елена. Затем через три года, в 1836 году, появился на свет единственный сын, получивший довольно редкое православное имя Орест (в переводе с греческого — горный). В отличие от деда и отца его определили не в духовную семинарию, а в губернскую мужскую гимназию. Поскольку Николай Милевский преподавал там, он освобождался от платы за обучение сына.

Тогда гимназисты занимались в двухэтажном полукаменном здании, стоящем и сейчас над берегом Великой и крепостной стеной (Георгиевская ул., 4). Гимназию Орест благополучно окончил в 1853 году, когда ее новое трехэтажное здание только начинали строить. На историческом отделении столичного Главного педагогического института он тоже учился «на казенном иждивении», за что был обязан преподавать в министерских учебных

заведениях не менее восьми лет. В 1857 году со званием старшего учителя его направили в Олонецкую губернскую мужскую гимназию, выдав подѣмные в размере годового жалованья и двойные прогоны до Петрозаводска, где находилась гимназия. Но поручили преподавать не историю, а русскую словесность.

Через год на него возложили и работу библиотекаря гимназии. С января 1860 года он два года был также цензором неофициальной части «Олонецких губернских ведомостей», за что получал по сто рублей в год. У себя в гимназии временно замещал болевших учителей латинского языка и истории. Кроме того, год преподавал всеобщую историю в Петрозаводском Мариинском женском училище. Высочайшая покровительница таких училищ императрица Мария Александровна в марте 1862 года выразила ему благодарность за усердные труды.

После пяти лет работы в Петрозаводске 6 октября 1862 года его перевели в Псковскую мужскую гимназию учителем истории. Почти сразу, 1 ноября, Милевского избрали секретарём Педсовета гимназии и учителем истории Мариинского женского училища (будущей гимназии). С ноября 1864 года он помогал начальнице училища вести денежные приходо-расходные книги, в феврале 1867 года вместе с классными дамами проверял «библиотеку училища, чтобы очистить её от вредных и бесполезных книг», в августе того же года был избран делопроизводителем Попечительного совета училища.

Неожиданно для коллег Орест Милевский, узнав о предстоящем открытии в Риге русской Александровской мужской гимназии, попросил о переводе туда. 15 января 1868 года попечитель Дерптского учебного округа назначил его старшим учителем истории и географии этой гимназии. Но перед отъездом из Пскова, 26 января, в Анастасиевской церкви он венчался с 17-летней Ольгой Поповой, дочерью секретаря Псковской духовной консистории, надворного советника Ивана Андреевича Попова. Его невеста за два месяца до свадьбы ушла из VI класса Мариинского училища, в котором преподавал её будущий муж.

И в Риге у Ореста Милевского было много дополнительных нагрузок. Уже 6 февраля 1868 года его выбрали библиотекарем гимназии, в июле следующего года определили одним из воспитателей гимназистов (с сентября 1871 года по новым штатам их называли классными наставниками), в ноябре 1872 года поручили преподавать и латинский язык в VI классе. С 1873 года попечитель Дерптского учебного округа назначил ему за долголетнюю службу высший оклад — 1250 рублей в год за 12 недельных уроков, с доплатой за уроки сверх этого минимума (через семь лет это жалование увеличили до 1500 рублей), в ноябре 1873 года включил в состав строительного комитета по сооружению нового здания гимназии, поручал исполнять обязанности отсутствовавшего инспектора гимназии (январь — апрель 1882 года) и два раза по несколько дней — директора гимназии, в мае 1882 года назначил членом испытательного комитета учебного округа.

Вскоре после приезда в Ригу, с 17 сентября 1868 года, Милевский начал преподавать те же предметы (историю и географию) и в Ломоносовской женской гимназии. Позднее, с апреля 1876 года, он согласился быть там и делопроизводителем Попечительного совета.

Событием в жизни Ореста Милевского стало празднование 25-летия его педагогической работы. Оно отмечалось преподавателями и учащимися обеих гимназий два дня, 21—22 августа 1882 года. Коллеги преподнесли юбиляру дорогой подарок — массивные золотые часы в черепаховом фермуаре. С этого дня, в дополнение к жалованию, ему назначили пенсию за выслугу лет — по 750 рублей в год, которую через пять лет службы увеличили на 150 рублей.

Все эти заработки и пенсия были совсем не лишними для его большой семьи. С августа 1870 года по апрель 1878 года у супругов Милевских родились четыре дочери (Александра — 25.08.70, Ольга — 14.11.73, Вера — 19.08.75 и Надежда — 26.04.78) и два сына (Николай — 25.07.72 и Владимир — 03.12.76). Их крестили в православном рижском Александро-Невском храме.

На крестины из Пскова приезжали родные и знакомые. К примеру, у первой дочери Александры крёстными были псковский предводитель дворянства, бывший директор губернской мужской гимназии, действительный статский советник Александр Николаевич Яхонтов и бабушка новорожденной, вдова Александра Тимофеевна Милевская; у второй дочери Ольги — незамужняя сестра матери, то есть тётя крестницы Александра Ивановна Попова...

Псковичи присутствовали и на юбилейных торжествах по поводу 25-летия службы Ореста Николаевича. Уже через шесть дней, 28 августа, «Псковский городской листок» напечатал подробный рассказ о прошедшем праздновании с изложением речи директора гимназии. К сожалению, ни в этой корреспонденции, ни в речах поздравителей не говорилось о внеслужебных исторических трудах юбиляра. Между тем сейчас именно они имеют для нас наибольший интерес.

Ещё в 1877 году «Рижский вестник» опубликовал его обширное «Обозрение царствования императора Александра I». Позднее, в 1886 году, там же печаталась статья «Подвиг русского отряда под Ригою 9 июля 1701 года», а в 1888 году появился обстоятельный «Обзор истории православия в Прибалтийском крае». Пособием для изучавших географию стали его «Репетиционные карты частей света и государств Европы в отдельности» (Рига, 1891 г.). Подробный юбилейный очерк «Двадцатипятилетие рижской Александровской гимназии» вышел отдельной книгой в 1893 году. В ней автор привёл очень краткие биографические справки на преподавателей гимназии, отведя себе только 9 строк, а также назвал свои основные исторические труды. Не исключено, что у него были и другие краеведческие работы по истории Прибалтики и Карелии.

Конечно, главной заслугой Ореста Милевского стали его переводы на русский язык дневников походов Батория на Россию. В Пскове к этой теме всегда относились с большим интересом. Но сперва некоторые псковичи познакомились с местным расска-

зом о событиях 1581 года по ходившим в городе древним рукописям. Лишь через два с половиной века, в 1847 году, профессор Московского университета Осип Максимович Бодянский по ранним рукописным спискам издал в 7-й книге «Чтений Московского общества истории и древностей» «Повесть о приходе Литовского короля Степана на великий и славный град Псков». Её автором был современник событий псковский иконописец Василий. В XVII веке псковские переписчики дополнили первоначальную «Повесть» фантастическим сказанием о «видении» Богородицы слепым кузнецом Дорофеем. Эту, более позднюю, редакцию подготовил к изданию известный краевед Иван Иванович Василёв. В 1876—1877 годах её напечатали «Псковские губернские ведомости».

В 1867 году профессор Петербургской духовной академии Михаил Иосифович Коялович по поручению Императорской Академии наук опубликовал сборник под названием «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению мира (1581—1582 гг.)». Он имел 836 страниц и начинался с писем секретаря королевской канцелярии ксендза Пиотровского к маршалу Андрею Опалинскому (они и считаются Дневником похода). Основную часть сборника (538 страниц) составили 309 документов на польском и латинском языках. В конце книги дано краткое изложение писем и документов на русском языке.

Через семь лет по просьбе секретаря Археологической комиссии при Псковском губернском статистическом комитете Константина Григорьевича Евлентьева адъютант Губернского воинского начальника Лев Михайлович Гуляев перевёл на русский язык выдержки из «Дневника», непосредственно относившиеся к военным действиям под Островом и Псковом. С 7 сентября 1874 года по 18 декабря 1876 года этот перевод небольшими отрывками был напечатан в 37 номерах «Псковских губернских ведомостей».

К 300-летию со дня начала осады Пскова войсками Батория Милевский подготовил и переслал в Псков перевод полного текста этого «Дневника». На торжественном заседании 8 сентября 1881 года Псковское археологическое общество (ПАО) решило издать его, после чего Орест Николаевич быстро подготовил предисловие к своему переводу. Оно датировано: «Рига, 15 декабря 1881 года». Переводчик так оценил значение этого памятника истории: «*Писанный очевидцем, дневник в живых сценах изображает весь ход осады, знакомит с характерными чертами польского военного быта и служит лучшим пояснением и вместе подтверждением верности фактов, сообщённых современными осаждаемым русским сказанием «Повести о приходе...»* Чтобы облегчить понимание Дневника, в предисловии рассказано о событиях, предшествовавших третьему походу Батория на Россию.

Через месяц, с 16 января 1882 года, «Псковские губернские ведомости» начали печатать перевод Милевского. Вскоре на годичном общем собрании 28 февраля ПАО избрало Милевского своим действительным членом. Публикация в 22 номерах газеты завершилась 19 июня. Затем с готового набора типография Губернского правления быстро выпустила его отдельной книгой, указав на обложке: «Издание Псковского археологического общества». 4 сентября в «Псковском городском листке» появилась одобрительная рецензия: «*Труд этот заслуживает полного внимания по тем трудностям, которые нужно было преодолеть при передаче старо-польской речи на современный нам русский язык. Многие слова и обороты речи вышли из употребления; много встречается известий, объяснимых только при хорошем знакомстве с описываемыми событиями... И нужно отдать справедливость переводчику: все трудности филологические и исторические им были обойдены. Дневник читается легко и понятно.*»

Милевский дополнил книгу двумя небольшими приложениями: переводом с немецкого «Рассказа о приступе 8 сентября»,

извлечённого из книги Рейнгольда Гейденштейна «Записки о московской войне (1578—1582)» и переводом с латинского «Распоряжений на случай приступа и краткого о нём отчета» из книги Кояловича.

Для лучшего понимания происходивших событий в книгу сделаны две вклейки на плотной бумаге: 1) «План местности Пскова», в левый нижний угол которого врезан «План псковской крепости», и 2) «Вид Пскова во время осады города Стефаном Баторием, снят со старинной иконы, хранящейся в часовне Владычного Креста (близ Пскова)». Милевский отметил в предисловии, что они *«изготовлены для этой книги известным знатоком псковской старины И. И. Василёвым, который вообще принимал в издании настоящего труда самое живое и деятельное участие»*. Под иллюстрациями мелким шрифтом помечено, что они подготовлены Василёвым и отпечатаны в Риге, разрешены там цензурой 26 февраля 1882 года (то есть после начала публикации текста в газете, когда ПАО уже решило издать и отдельную книгу). Любопытно, что эти иллюстрации Н. Ф. Окулич-Казарин в 1911 году приложил к «Спутнику по древнему Пскову», но не отметил, откуда они взяты и кто их готовил.

Менее известна массовому читателю другая переводная книга Милевского. В 1887 году польский историк Игнатий Полковский выпустил в Кракове сборник исторических актов, посвящённых царствованию Батория. Орест Милевский взялся за перевод с латынского языка вошедших в него дневников Яна Зборовского и Луки Дзялынського, участвовавших в баториевом походе 1580 года на Россию. Предисловие к завершённой в Риге переводу Милевский датировал августом 1896 года. В следующем году его небольшую книгу в 68 страниц Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете отпечатало в университетской типографии под названием «Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.)».

Чтобы название стало понятнее, напомним, что первым был поход 1579 года, во время которого Баторий штурмом взял По-

лоцк. За 1580 год его войска захватили крепости Велижа, Усвят, Великих Лук... И только третий поход 1581 года стал последним благодаря героической и умелой обороне Псковской крепости. Таким образом, для истории нашего края большой интерес представляет и перевод Милевским дневников того второго похода на Россию. Новую книгу сразу заметили и высоко оценили в Пскове. Уже 15 марта 1897 года «Псковские епархиальные ведомости» поместили о ней библиографическую заметку, подготовленную заместителем редактора журнала, преподавателем духовной семинарии Е. Е. Лебедевым.

Выпустив новую книгу, переводчик не забыл о псковичах. В журнале заседания ПАО от 29 октября 1899 года отмечено, что член-сотрудник Общества О. Н. Милевский преподнёс в дар сто экземпляров своего перевода материалов о втором походе короля Стефана Батория на Россию. Одновременно он попросил копию Сборного плана Пскова, составленного Ушаковым и находящегося в музее Общества. (Это свидетельствовало о продолжавшемся интересе Милевского к истории и древностям Пскова.) Поскольку план Ушакова был не печатным, а рисованным, ПАО решило заказать для Милевского копию плана за счёт Общества.

Преподавание в учебных заведениях МНП давало педагогам не только приличный заработок. На них распространялись положения о награждении чиновников орденами и Табель о рангах. По диплому о высшем образовании ещё в Петрозаводске он получил чин титулярного советника. Следующие чины шли за выслугу лет, так что к 1876 году в Риге Орест Николаевич стал статским советником, что давало право на личное дворянство. Но для себя лично он не стал подавать соответствующее прошение. Столь же регулярно вручались очередные ордена. Пожалованный 1 января 1886 года «в воздаяние отлично усердной и ревностной службы» орден святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени позволял всему семейству записаться в потомственные дворяне. Это было важно для подраставших детей. Прощение от 12 марта 1890 года Милевский предпочёл подать не в Риге, а в

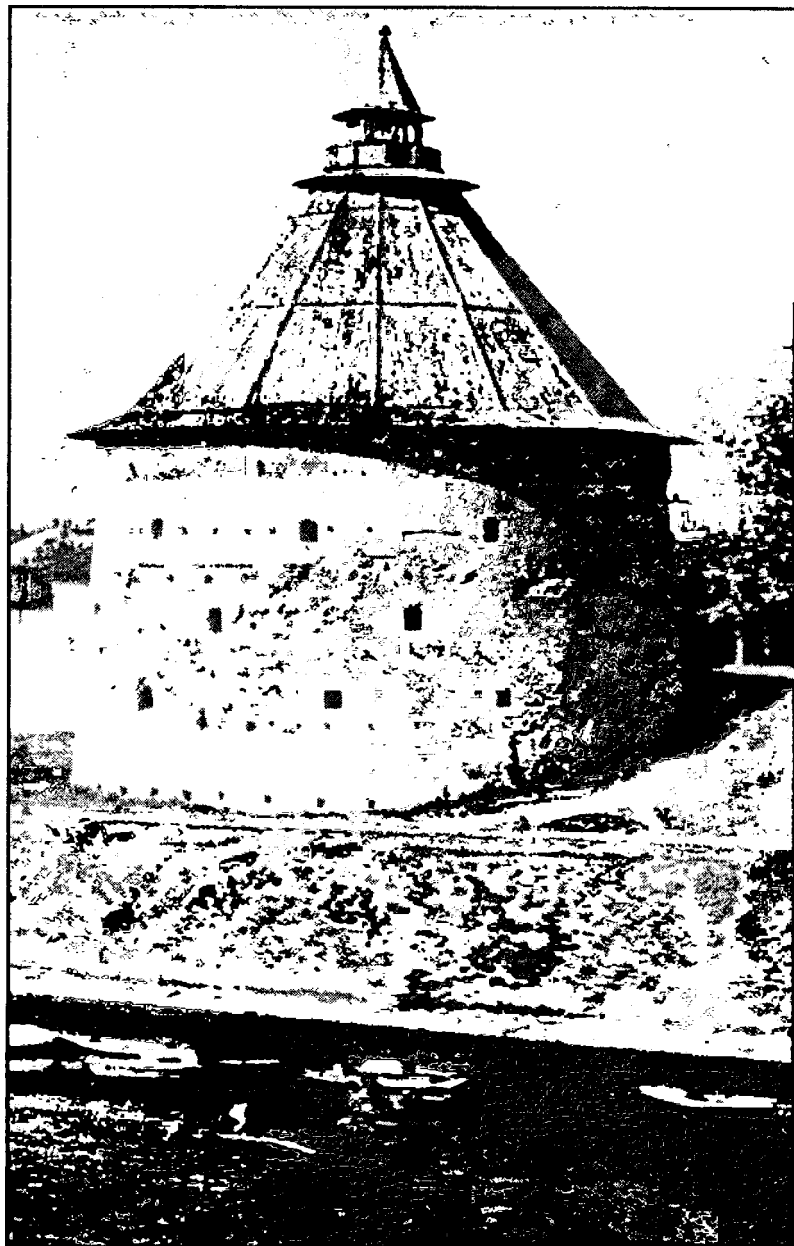

Памятник в честь 300-летия победы псковичей
над войсками Стефана Батория.

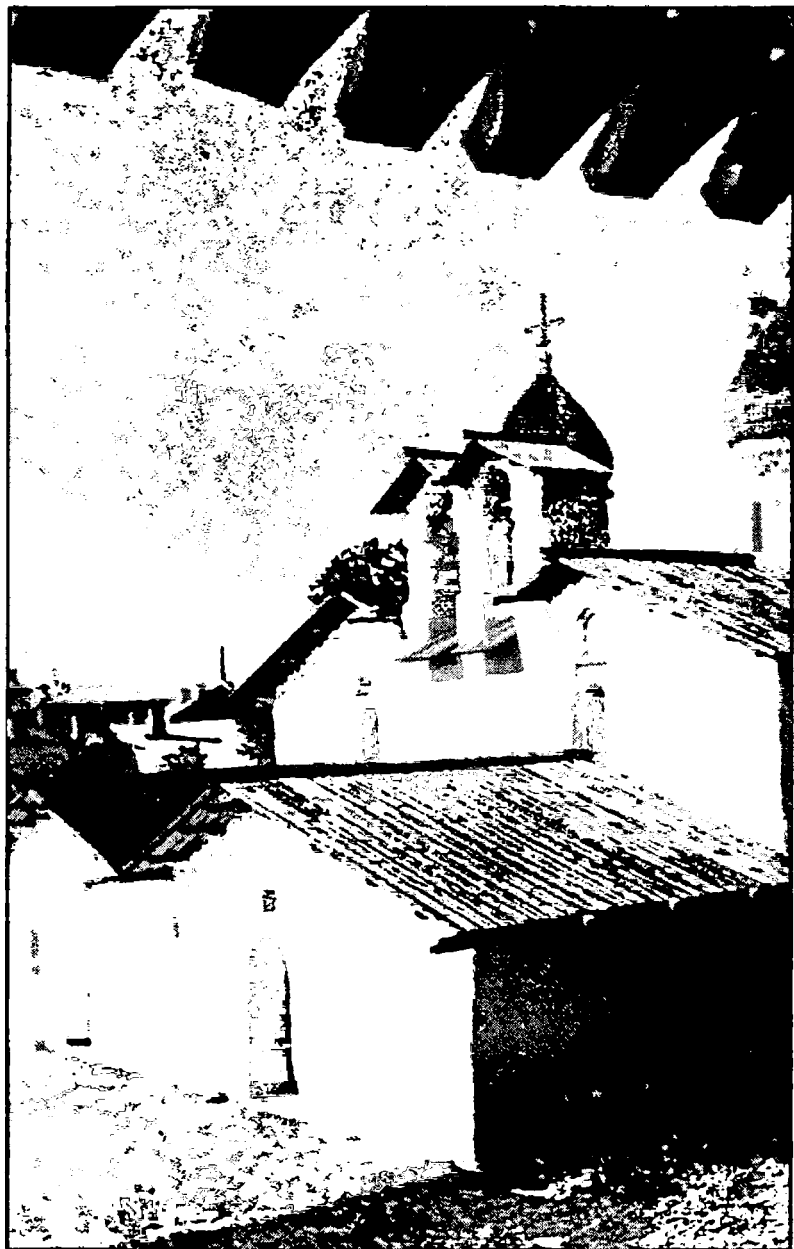
Псковское дворянское депутатское собрание. Решение о внесении в третью часть родословной книги дворян Псковской губернии было принято 25 мая и утверждено указом Правительствующего Сената от 17 октября 1890 года. Так Милевские стали псковскими дворянами. Документы о дворянстве Милевских хранятся в Государственном архиве Псковской области.

Кроме чинов и орденов Оресту Николаевичу пожаловали почётное звание заслуженного преподавателя. После назначения пенсии за выслугу лет ему несколько раз давали разрешение на продолжение педагогической работы. Последнее упоминание о нём как о преподавателе Александровской гимназии содержится в «Памятной книжке Лифляндской губернии на 1899 год».

Н. Ф. ЛЕВИН,
псковский краевед

Покровская башня после реставрации.

Церковь Покрова и Рождества от Пролома после реставрации.

Содержание

<i>А. А. Михайлов. Русь, Литва и Польша: история взаимоотношений и военного дела</i>	5
<i>Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.)</i>	131
<i>Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук в письмах Яна Зборовского, кастеляна Гнезненского, к Петру Зборовскому, Воеводе Краковскому</i>	134
<i>Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1 августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким</i>	171
<i>Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (Осада Пскова)</i>	243
<i>Глоссарий</i>	483
<i>Н.Ф. Левин. Историк и переводчик Орест Милевский</i>	485

**ОСАДА ПСКОВА
ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ**

**Дневники походов Батория
на Россию (1580–1581 гг.)**

В переводе с польского О.Н. Милевского

Вступительная статья и комментарии
доктора исторических наук
профессора А.А. Михайлова

Биографический очерк Н.Ф. Левина

Технический редактор Л. В. Пошечева
Суперобложка, обложка и титул И.С. Голубев
Верстка Н.И. Иванова
Корректор Т. П. Николаева

Издательская лицензия ИД № 02036 от 13 июня 2000 г.

Подписано в печать 20.01 2005
Формат 60x88 1/16 Бумага офсетная. Печать офсетная
Объем 31,5 физ. п л
+ 2 физ п л цв. вклейки + вкладка 2 карты ф. А3
Заказ № 2248 Тираж 3000 экз.

ГП «Псковская областная типография»
180007, г Псков, Рижский пр , 17
www.obltip pskov ru
e-mail print@obltip pskov ru